

Свой вариант

Альманах

Межрегионального союза писателей
и Конгресса литераторов Украины

№ 16

*При поддержке Городского головы Луганска
Сергея Кравченко,
депутата Луганского областного совета
Ростислава Руля*

и

*Генерального директора Частного акционерного
общества
«Научно-производственный центр «ТРАНСМАШ»
Сергея Мокроусова*



Луганск, 2011

«СВОЙ ВАРИАНТ» ЛУГАНСКА И ВСЕЙ УКРАИНЫ

*Возвращаются забытые слова, проявляются надежды и улыбки,
Осень – словно новая глава, где краснеют розы, как ошибки.
Хочется найти, поднять, сберечь, избежать сомнений ненеправильных,
И не искривить прямую речь, и Луганск нарисовать как праздник.*

Луганск и всю Украину рисуют в своих произведениях литераторы, художники, музыканты, все, кому дано от Бога вдохновение рассказать о том, что волнует душу, делясь с окружающими мыслями и чувствами. Литературный альманах «Свой вариант» в очередной раз собрал под своей обложкой талантливых писателей не только Луганска, но и многих областей Украины и России, которые рассказывают о жизни и о себе.

Мне, как Городскому голове Луганска, приятно осознавать, что наш город славится не только локомотивами и другой продукцией машиностроения, научными открытиями и спортивными достижениями. Это город известных деятелей культуры. Это центр Межрегионального писательского союза, органом которого является альманах «Свой вариант». Он объединяет восток и запад, север и юг нашей страны, предоставляя возможность писателям Украины делиться своими произведениями с читателями, а читателям – знакомиться с новинками современной отечественной литературы.

Ведь по уровню литературы так же, как по уровню жизни, судят о степени развития общества, региона, города. Нужно признать, что пока литература обгоняет жизнь, задавая, тем самым, определённый ориентир для всех. Альманах «Свой вариант», на мой взгляд, является подтверждением сказанному, выделяясь из обилия литературных изданий хорошим вкусом и серьёзностью произведений.

Любовь к Родине и людям, ощущение ответственности друг за друга и за всю страну – это примета литературы, без которой трудно представить время, эпоху, судьбу поколения. Об этом писали в своих произведениях наши земляки Михаил Матусовский, Татьяна Снежина, Владислав Титов, Тарас Рыбас... Об этом пишут и нынешние литераторы, творчество которых представлено в альманахе.

Надеюсь, что и впредь сможем оказывать поддержку Межрегиональному союзу писателей и Конгрессу литераторов Украины в издании этого альманаха. Ведь каждый его номер – это вклад в развитие культуры, улучшение морального климата региона и страны. Это – свой вариант видения того, как нам всем вместе делать жизнь более нравственной, комфортной и благополучной.

Желаю писателям новых творческих побед, талантливых произведений, а читателям – удовольствия при знакомстве с творчеством наших земляков и современников.

*С уважением,
Городской голова Луганска*

Сергей Кравченко

НЕТ ОБЪЯСНЕНИЯ У ЧУДА...

Мне очень нравятся строки стихов, ставших песней:

*Бывают крылья у художников, портных и железнодорожников.
Но лишь художники открыли, как прорастают эти крылья.
А прорастают они так – из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда. И я на это не мастак.*

Вообще, вся наша жизнь, как сказал поэт – ожидание чуда. И одно из них – талантливая поэзия и проза. Именно такая чудесная литература представлена в альманахе под названием «Свой вариант», выход которого – всегда событие в культурной жизни не только самого восточного региона Украины, но и всей страны. Думаю, объяснение этого чуда – в таланте авторов и редколлегии альманаха. Это подтверждают и читатели, для которых важно не только содержание, но и жанровое разнообразие, мастерство рассказа, художественное совершенство. «Клио в гостях у Пегаса», «Классика современной украинской литературы», «Поэтическое братство», «Пегас-фантаст», «Экспериментальная мастерская» - это только малая часть разделов альманаха, которые привлекают внимание поклонников литературы с самыми разнообразными вкусами и пристрастиями.

Для меня, как депутата Луганского областного совета, как руководителя предприятия, совершенно очевидно, что оказывать поддержку талантливому альманаху, долг власти и всех, от кого эта поддержка зависит. Ибо это – поддержка генофонда региона и страны, развития её культуры.

Общими усилиями (знаю, что альманах поддерживает НПЦ «Трансмаш» во главе с учёным и поэтом С.Д. Мокроусовым и Луганский городской совет) мы будем способствовать появлению следующих очередных выпусков «Своего варианта», который представляет интерес не только для современников, но и для будущих ценителей литературы.

А литература – это и есть одно из чудес, которые возникают и не требуют объяснений. И в этом чуде отражается время и наша жизнь, которую все мы стремимся сделать хоть чуточку лучше и благополучнее.

*Депутат Луганского
областного совета*

Ростислав Руль

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

ВАРИАНТ № 16

Нам было интересно и трудно готовить очередной (уже шестнадцатый!) выпуск литературного альманаха «Свой вариант». Трудно – потому что много интересных материалов присылают авторы и из Украины, и из России. И не только. Нас это радует. Значит, несмотря на провинциальный адрес издания, альманах приобрёл настоящий международный статус. В новом выпуске – и общепризнанные мэтры – Василь Дробот, Юрий Лебедь, Александр Корж, Иван Переверзин, Владимир Бояринов, Валерий Басыров, Микола Малахута, Юрий Кириченко, Ирина Силецкая, Сергей Георгиев, Марианна Гончарова, и совсем молодые авторы, такие как Максим Чумак и Олеся Василюк. Здесь те, кто сегодня определяют общий уровень литературы юго-восточной и центральной Украины, а ещё – лауреаты литературных премий и победители фестивалей. Среди них – Владимир Корнилов из Братска и Михаил Бондарев из Калуги, Татьяна Янковская из Нью-Йорка, Юлия Бережко-Каминская из Киева и Людмила Некрасовская из Днепропетровска... И рядом – гости из Латвии, талантливые поэты Людмила и Пётр Межиньш. Список можно продолжать долго, поскольку авторов – около полутора сотен. Надеемся, встреча с ними будет интересной и не разочарует читателей. Исходя из невеликого тиража альманаха, он вновь со дня выхода в свет, становится изданием редким. Но нам, конечно, хочется, чтобы он был, в первую очередь, читабельным и популярным. Ведь в нём – искренние, честные произведения талантливых современников, которые с волнением дарят их Вам, уважаемый читатель. И не зря сказал классик

Я кончил книгу и поставил точку. И рукопись перечитать не мог.

Судьба моя сгорела между строк, пока душа меняла оболочку.

Душа, судьба... О них и обо всём, что тревожит душу, влияя на судьбу, – речь в произведениях авторов «Своего варианта». Ждём откликов на его новый выпуск и новых стихов и рассказов. И назначаем новое свидание на страницах альманаха «Свой вариант» №17.

*С уважением,
Владимир Спектор
Наталья Мавроди-Морозова*

ПРОЛОГ

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом.
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому, –

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

Давид Самойлов



ПЕГАС-КЛАССИК О ВОЙНЕ



Маргарита Алигер

* * *

Мне предназначено в веках,
из дома изгнанной войною,
пройти с ребенком на руках
чужой лесистой стороною,
узнать дорогу до конца,
хлебнуть мороза, зноя, пыли,
и плакать каплями свинца,
которыми тебя убили.

Ольга Берггольц

ИЗ БЛОКНОТА СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят..
Быть может, нас сейчас завалит,
Кругом о бомбах говорят..
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была.

Анна Ахматова

IN MEMORIAM

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым
рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.



Григорий Дикштейн

21 ИЮНЯ

Еще грызем на лавочках
Подсолнухов плоды,
На фортепьянных палочках
Чернильные следы,
И не кружится сажица,
И дышится легко,
А главное, что кажется:
До смерти далеко...

Еще не слышно грохота,
Живет спокойно Брест,
Еще дрожит от хохота
Кинотеатр «Прогресс»,
И небо не расколото,
И в мире тишина...
Лишь завтра скажет Молотов:
Война...

Еще не грязь осенняя
И жив мой старший брат,
Еще без затемнения
Москва и Ленинград,
И «зареве закатное» –
Красивые слова,
И девочка блокадная
Пока еще жива.

И в наших играх немцами
Не названы враги,
Еще в печах Освенцима
Лишь хлеб да пироги...
От Кушки и до Диксона
Такая тишина!
И песня не написана
«Священная война»...

Еще в умах не вяжется
Бессилие полков,
И кажется, всё кажется
До смерти далеко...
И зеленеют кронами
Каштаны у Днепра,
И почта похоронные
Еще не разнесла,



Еще бинты все белые,
Покою полон дом...
Но ничего не сделаешь
Чтоб не было ПОТОМ...

Юлия Друнина

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Римма Казакова

* * *

На фотографии в газете
нечетко изображены
бойцы, еще почти что дети,
герои мировой войны.
Они снимались перед боем –
в обнимку, четверо у рва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.
Никто не знает их фамилий,
о них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын и чей-то милый
и чей-то первый ученик.
Они легли на поле боя,-
жить начинавшие едва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.

Забуть тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли.
По всей России обелиски,
как души, рвутся из земли.
...Они прикрыли жизнь собою, –
жить начинавшие едва,
чтоб было небо голубое,
была зеленая трава.



Дмитрий Кедрин

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Следы войны неизгладимы!..
Пускай окончится она,
Нам не пройти спокойно мимо
Незатемненного окна!
Юнцы, выдавшие не много,
Начнут подтрунивать слегка,
Когда нам вспомнится тревога
При звуке мирного гудка.
Счастливы! Кто из них поверит,
Что рев сирен кидает в дрожь,
Что стук захлопнувшейся двери
На выстрел пушечный похож?
Вдолби-ка им – как трудно спичка
Порой давалась москвичам
И отчего у нас привычка
Не раздеваться по ночам?
Они, минувшего не поняв,
Запишут в скряги старика,
Что со стола ребром ладони
Сметает крошки табака.

Самуил Маршак

* * *

Я прохожу по улицам твоим.
Где каждый камень – памятник героям.
Вот на фасаде надпись:
«Отстоим!»
А сверху «р» добавлено:
«Отстроим!»

Булат Окуджава

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли –
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.



Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Константин Симонов ИЗ ДНЕВНИКА

Июнь. Интендантство.
Шинель с непривычки длинна.
Мать застыла в дверях. Что это значит?
Нет, она не заплачет. Что же делать – война!
«А во сколько твой поезд?»
И все же заплачет.
Синий свет на платформах. Белорусский вокзал.
Кто-то долго целует.
– Как ты сказал?
Милый, потише... –
И мельканье подножек.
И ответа уже не услышать.
Из объятий, из слез, из недоговоренных слов
Сразу в пекло, на землю.
В заиканье пулеметных стволов.
Только пыль на зубах.
И с убитого каска: бери!
И его же винтовка: бери!
И бомбежка – весь день,
И всю ночь, до рассвета.
Неподвижные, круглые, желтые, как фонари,
Над твоей головою – ракеты...



Да, война не такая, какой мы писали ее, –
Это горькая штука...

Арсений Тарковский

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заповивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

Илья Эренбург

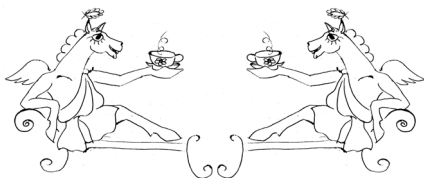
1941

Мяли танки теплые хлеба,
И горела, как свеча, изба.



Шли деревни. Не забыть вовек
Визга умирающих телег,
Как лежала девочка без ног,
Как не стало на земле дорог.
Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и дуга,
Разъярился даже горлицвет,
Дерево и то стреляло вслед,
Ночью партизанили кусты
И взлетали, как щепы, мосты,
Шли с погоста деды и отцы,
Пули подавали мертвецы,
И, косматые, как облака,
Врукопашную пошли века.
Шли солдаты бить и перебить,
Как ходили прежде молотить.
Смерть предстала им не в высоте,
А в крестьянской древней простоте,
Та, что пригорюнилась, как мать,
Та, которой нам не миновать.
Затвердело сердце у земли,
А солдаты шли, и шли, и шли,
Шла Урала темная руда,
Шли, гремя, железные стада,
Шел Смоленщины дремучий бор,
Шел глухой, зазубренный топор,
Шли пустые, тусклые поля,
Шла большая русская земля.

ГОСТИ НА ПАРНАСЕ



Владимир Бояринов Москва

РОВЕСНИКИ

Не помню блистательной даты,
Забытых псалмов не пою,
И мысли мои, как солдаты,
В невысказанном гибнут бою.

Без слез поминальных, без водки,
Без клятвы отмщенья врагу
Встречают меня одногодки
В небесном и тесном кругу.

Ровесники собственной смерти,
Похожие так на отцов,
Что даже прожжённые черти
Нас путают, как близнецов.

Сюда голубиную книжку
Вселенский сквозняк не занёс.
Здесь франт не стреляет в мальчишку,
Любимого миром до слёз.

Здесь гений себя забывает:
В объятьях глухой немоты
Молчит и таит, и скрывает
Желанья свои и мечты.

Охотник за вещими снами
Скитания проклял во мгле.
О доблестях, подвигах, славе
Забыл он ещё на земле.

Стихи заревые от века
Умов не будили окрест.
Здесь чёрного нет человека,
Немыслим изломанный жест.



Бродяга, худой, как острожник,
Холмами отчизны бредёт,
Срывая в пути подорожник,
На смертные раны кладёт.

Поэт остаётся скитальцем,
Простор осветляя челом,
Он тычет прокуренным пальцем:
«Край света – за первым углом!»

Но пусто во времени голом!
Но слову заказано течь!
И хочется смертным глаголом
Небесные своды прожечь!

Пусть хлынет из райского сада
На землю пронзительный свет.
Возрадуйтесь, мать и чадо!
Возрадуйтесь, внучек и дед!

СТРАНИЦА ГОЛУБИНОЙ КНИГИ

Конница мёрзлой дорогой процокала
Между берёз, запорошенных с ночи.
Главный сокольниковый выпустил сокола
Выклевать Божьи пресветлые очи.

Выпустил... И до сих пор не дочитаны
Ни заревые, ни чёрные свитки.
Голуби, птицы мои беззащитные,
Не допустите языческой пытки!

Взвейтесь над полымем, взвейтесь над бедами
И заслоните воскрыльями небо!
Вы ли не вскормлены, голуби белые,
Сирыми крохами Божьего хлеба?

Совы ли прятались, лисы ли бегали,
Волки ли серые взвыли без памяти?
Кровью умылись вы, голуби белые,
Крылья свои распластали на паперти.

Вспомню ли нынче легенду любимую,
Вздрогну ли ночью от ноющей боли, –



В книгу хочу заглянуть Голубиную,
Вызвать хоть слово о жертвенной доле.

Вновь на ладони мои огрубелые
Падает снег, словно перья небесные;
Вы их роняете, голуби белые,
Вы возвращаетесь, сердцу любезные...

Владимир Василенко Красноярский край, Россия

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАМЫ

Моя жизнь раскололась на части,
Когда новый я встретил рассвет.
Вдруг, как грома раскат в одночасье, –
Сообщили, что Мамочки нет.
Да не может такого случиться:
Я хочу, чтобы Мама жила;
Может быть, ей пришлось отлучиться?
Я не верю, что Мама ушла.
... Не ушла Ты – осталась со мною
На цветущем речном берегу.
Образ Твой я любовью земною
В своем сердце навек сберегу.
... Жизни нить наши внуки продолжат,
Даже, если не станет меня.
Всё, что сделано, – пусть подытожат,
В сердце память святую храня.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Настала осень поздняя,
Унылая пора.
Как ночь холодно-звёздная,
Багряная заря...
Заметно дни уменьшились,
Во тьме луна блеснит.
Всё чаще дождь, пленяя высь,
Холодный моросит.
Листва давно осыпалась,
Кора берёз бледна.
Вокруг, как дым, рассыпалась
Тумана седина...
Давно в края далёкие



Пернатые ушли, –
Лишь галки одинокие
Маячат у земли.
Воробушки комочками
Пушистыми шуршат.
Последними листочками
Деревья порошок.

* * *

Отшумели снега,
на посту отстояли морозы.
И белёсый туман
уж развеял свой пепел седой.
Оживилась тайга,
и наряднее стали берёзы,
Отряхнувшие снег
в ожиданье листвы молодой...
Ароматен, как чай,
на хвое настоявшийся воздух,
Опьянил он меня –
ничего мне в прошедшем не жаль.
Закружила мне голову жизнь.
Нет не нужен мне отдых...
И чиста, как слеза,
голубая небесная даль...
Будет доброй весна,
будет долгим нам данное счастье.
Будет вечной любовь,
наше солнце нам будет светить.
Еще долгие годы
страшить нас не будет ненастье, –
Если наши сердца
не разучатся нежно любить.

Василь Дробот Киев

«ОХОТА»

У гобелена

Музе

Назло предвкушениям всем роковым:
Осечку – ружью! Да опустится плеть!
Дай, Боже, оленю остаться живым,
И птице – в гнездо своё прилететь!



Дай, Боже, ногам не дорогу, а шёлк
И сотни счастливых по ходу примет!
Дай, Боже, вернуться тому, кто ушёл,
И снова родиться тому, кого нет!

Единственна жизнь, и другой не дано,
И значит, кончина единственна в ней.
Но сети беды прохудились давно –
Не думай о них до скончания дней!

Останься на свете, чтоб ведать и знать,
Что есть ты, что дышишь, что можно тебе
С утра позвонить, и спросить, и понять.
И думать при этом: «Спасибо судьбе!»

* * *

Куда девалось поколение,
Заполнявшее двory?
Давно разбросаны камни,
Собрать – не выпало поры,
Побывшей светлою когда-то,
Утратившей за мигом – миг...
Их разбросавшие ребята
Уже лежат в гробах своих.
Такая радужная сила,
Вдруг зашпешив, ушла во тьму!
Им воли к жизни не хватило
И чуть везения к тому.
Лежат, не жалуются даже,
Уже исполнив, что смогли...
И новый век стоит на страже
Кружащей в омуте Земли.

ИЗ СЕКРЕТОВ

Не хватает техники для слова,
В каждом слове жить должна душа,
Не творя ни доброго, ни злого,
Но извечной правдою дыша.

И должно быть мира отраженье:
Личное, понятное себе
Крови бесконечное брожение
И неподчинение судьбе.



И вершина в каждом, и подножье,
И дыханье чувства своего...
А ещё должна быть искра Божья,
Без неё не выйдет ничего.

АНДРЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

*Над синим и сонным Подолом...
Риталий Заславский*

Она летит над целым миром,
А над Подолом – только миг,
Но кажется святым и милым
Свидетель стольких бед и лих:

Брусчатка по путям трамвайным,
Трава – до ранга – меж камней,
Громада крана: Вира! Майна!
И флаг, трепещущий над ней...

На самом краешке обрыва,
У предпоследнего столба,
Где встали склоны косо, криво,
Она, прямая, как судьба,

Других путей не выбирая,
Над кручей в небо поплыла...
И кажутся приветом рая
Её живые купола.

Максим Замшев Москва

* * *

Не убегу и не уеду.
Я перевозмог свою беду.
Я буду праздновать победу
В каком неведомо году.

Без слез, без друга, без любимой,
Без флагов, порванных в тряпье.
Непоправимо, нелюдимо
Я буду праздновать ее.

Пускай сегодня быю посуду,
На счастье, зло и звонко быю.



И все же праздновать я буду
Победу горькую свою.

Тоска пускается по следу,
Хоть не хотел, а наследил.
Я буду праздновать победу,
Победу из последних сил.

Никто победу не отнимет,
Никто не вспомнит Страшный Суд.
Но только имя, только имя
Другое не произнесут.

* * *

Убежало дерево из парка,
Загрустило в городской пыли,
Пестрое, как платье у испанки,
Тяжкое, как судно на мели.

Ничего кругом не узнавая,
Бросил стрелы русский Робин Гуд.
Чем же ты больна, страна лесная,
Что деревья от тебя бегут?

* * *

Жене Ольге

Попробуй губами, попробуй
Коснуться любви молодой,
А после легонько потрогай
Ладони, что грезят тобой.
По ним ты узнаешь желанья,
О них говорить нам нельзя.
Увидишь, как пешек собранье
Легко окружает ферзя.
Услышишь, как ночь-чернобурка
Сгорает от каждого дня,
Поймёшь, как ветра Петербурга,
Как зайца травили меня,
И кто-то раскручивал глобус,
Движенье по кругу любя.
Попробуй коснуться, попробуй
Я это берёг для тебя.



* * *

Почти не стало телефонных будок,
И воздух на куски не разможжить.
Когда пойму, что ничего не будет,
Начну спокойно и угрюмо жить.

Начну деньки считать до выходного
И праздников не слышать суету.
Как в зеркало, смотреться бестолково
В деревьев молодую наготу.

Давно не тешит перемена места,
И как-то по-дурацки повезло.
Когда пойму, что шутки неуместны,
Начну шутить отъявленно и зло.

Мой хрупкий мозг по-прежнему простужен.
Еще бы! Все в пути да на ветрах.
Когда пойму, что никому нужен,
По всей душе зашевелится страх.

А город свищет на фальшивых дудках,
И помнит, хоть и спал тогда хмельной,
Как сладко было в телефонных будках
Дозваниваться вечером домой.

Вера Зубарева США

* * *

Ночь в безмолвном предместье, как кома.
Чуть ворочает лес языком.
В мертвой части запавшего дома,
Будто это не я за окном.
Бродит в кране сознание, решая
Бытия надоевший вопрос.
Три недели, как после лишая
У луны не осталось волос.
Кто-то хочет пробиться снаружи,
Из Вселенной – в утопленность клумб.
Но дома, точно старые ружья,
В звезды целются дулами труб.
Кто стремился быть в роли посланца –
Покружил между звезд и – иссяк.



Никому в эту жизнь не пробраться
Ни по небу, ни мыслью, никак.

В ЕВРОПЕ

Блестки солнца сыплются с листвы.
День красив, как старая картина.
Стрелки от черты и до черты
Циферблат обследуют рутинно.
Ты школяр в библиотеке лет,
В антикварных заводях традиций,
Скрупулезный изучатель лент
В предка оттопыренной петлице.
Здесь родиться можно просто так,
Фаворитом прошлых достояний,
Не меняя ни девиз, ни флаг,
Ни архитектуру в отчет плане.
Наступает полдень, как триумф.
Гимн всепобеждающему кругу –
Бой часов – как тот фамильный дух,
Что передан по наследству внуку.
Прикипает солнце к голове,
И без тени чувствуешь острее,
Каково не состоять в родстве
Хоть у камня в этой галерее.

ИЮЛЬ

Настежь окна. В комнате прохлада.
По ту сторону большого дома –
Пекло, раскаленный блок фасада
И травы горелая солома.
За окном блуждает сад по стенам
Крохотного дачного квадрата,
По зеленым золотистым венам
Льется магма солнечного яда.
Слепо разбегаясь, с долгим соло
Хлещет муха по оконной раме.
Будто дети, разыгрались пчелы
Возле чашки и горшков с цветами.
Полумрак в зашторенной гостиной,
Чуть скрипят разошедшие стулья,
И на полке Бог с лозою винной
Пролил кубок на венок июля.



Владимир Корнилов Братск
ДАВАЙТЕ, ЛЮДИ, ПОМНИТЬ О ДУШЕ

Давайте, люди, помнить о душе!
В душе у нас порой душа забыта:
Родство людское заслонилось бытом –
Чужими мы живём на этаже...
Там пылесосим солнце на коврах,
На праздных полках классики пылятся.
И мы всё реже стали удивляться,
Как мир прекрасен на семи ветрах!
...Но жизнь для счастья каждому дана.
Вновь рыжий август колосится хлебом.
И славен труд, и солнцем пахнет небо,
И радость всю не вычерпать до дна.

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Владимиру Петровичу Василенко

Из ковша Большой Медведицы
Звёздной славы я не пил:
В дни «российской гололедицы» –
Всяк в ней душу остудил.
... Не бывает в жизни худшего,
Чем разбитые мечты.
Оглянись, душа, заблудшая!
Отряхнись от суеты!
Коли суть твоя утеряна, –
Лишь Творец ее спасет:
Вдосталь каждому отмеряно
От Его святых щедрот.
... Но, пройдя сквозь мрак и тернии,
Обретём мы вновь с тобой
Благодать в часы вечерние
И согласие меж собой.
... Свой восторг отдам я зелени,
Светлым солнечным лесам.
... А тебе стремиться велено
К чистым горним небесам.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня



Мать, обнявши седую осину,
Родила на деляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, –
Всё вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас тёплым тулупом,
Вожжи в руки – и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль –
На деляну родить понесло?!»
... Недороды да бедность по сёлам.
Даже песни не пелись без слёз.
Дед же въехал в деревню весёлым:
«Мужики! Пополнение привёз!»

РОЖДЕНИЕ УТРА

Еще витают сны,
И люди спят покуда,
Рассветные часы
Рождают миру чудо...
Запели петухи
Свой гимн на всю округу.
Проснулись пастухи –
И жизнь пошла по кругу...
Во мгле еще заря,
Но мрак ночной редет.
...И свет земной творя,
Господь о нас радеет.
Он шлёт свой первый луч
Сквозь дымную завесу,
Смахнул остатки туч,
Рассыпал трель по лесу...
Набрав лучей в горсти,
Посеребрил озёра.



Смотрю – не отвести
Восторженного взора...
На сердце благодать
От музыки и света.
...И я готов страдать,
Чтоб вновь увидеть это.

Иннокентий Медведев Братск

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Звёзды, солнце, небо, камни –
Всех живых переживут,
Мы растаем облаками,
Ляжем росами в траву.

А деревья, дождик, лужи,
Ветер, пахнувший теплом,
Лёд и пламя, жар и стужа –
После смерти станут сном.

Пусть земля нам будет пухом
Там, где истина – покой,
Где простится тело с духом...
А сейчас – живи и пой.

Оглянись вокруг – ты видишь
Жизнь прекрасна, надо жить.
Солнце светит, небо дышит,
Листья ветер ворожит.

Берегите Землю люди
И дарите ей любовь.
Жизнь всегда была. И будет
Повторяться вновь и вновь.

ЦВЕТЫ

Как мы цветы нещадно рвём,
Так безоглядно и живём...
Букет завял? Нарвём опять,
Чтоб долю радости урвать.

А радость та живёт лишь миг
И нет цветка – уже поник.



Стоит головку наклона
И нас в бездушии вина.

И я не в силах здесь помочь –
Цветок стоит, бывает, ночь,
А утром выбросят его –
Кусочек сердца моего.

Снова танцуют цыгане –
Скрипка, гитара, вино.
Мне в этом вольном дурмане
Счастье найти суждено.

Танцем цыганка шальная
Душу встревожит до дна.
Выпью бокал с ней вина я,
Карты раскинет она.

Ей протяну свою руку,
Душу открою свою...
Вновь и любовь, и разлуку
Я от нее узнаю.

СНЕЖИНКА

На ладонь снежинка мне упала,
В тот же миг растаяла она.
Не в сугроб – в тепло руки попала,
Видно, ей почудилась весна.

Огляделась капелькой с ладошки –
С нею я смотрел по сторонам...
Где же у моей ольхи серёжки?
Но зимой их не увидеть нам.

Всё вокруг в снегу холодном тонет...
И снежинка капелькой росы
Соскользнула с ласковой ладони,
Чтоб дожидаться истинной весны.

Вот лежит хрусталик под ногами
Радужно сверкая на снегу
И своими яркими лучами,
Говорит, что я любить могу.



... Как всегда пойду своей дорогой
Пусть снежинки кружат надо мной.
Раз зима, то пусть их будет много,
Если тают, только лишь весной.

Людмила Межиньш Рига, Латвия

* * *

О, запредельных звуков взлёт!..
Цветные сны – слышны.
Затихнешь, – музыка прольёт
Незримость тишины.

Как обнаружить тот мотив?
Незрелый плод, скажи,
Как не сорвать, вину пролив
Под корни древа «жизнь»?

В созвучие двух точек «я»
Нас космос повенчал,
Не там, не здесь, –
Внутри себя – начало всех начал.

Во всём живом во всех мирах
Услышит глубину
Душа, отринув серый мрак,
Предчувствуя вину.

СЕСТРЕ МАРГАРИТЕ

Зарос пустырником пустырь
За крепостной стеной.
Спас-Бородинский монастырь,
Поговори со мной.

Студёной угости водой,
Колодец во дворе.
Я здесь бы, на земле родной.
Хотела умереть.

Святые древние слова
Ты прошепчи мне, Русь.
О, души пращуров-славян,
Я всё же к вам вернусь.



Душой на землю насмотрюсь
С небес Бородина,
Откуда мне видна и Русь,
И Латвия видна.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ РЭМА ТРОФИМОВА

А помнишь, мы были птицами?
Над морем носились бешено,
С прекрасными клюво-лицами
И крыльями тонко – нежными.

Над морем носились бешено,
Врезались с размаху в радугу...
Берёзовой стайкой вешнею
Вдруг вскинулись крылья радостно.

С прекрасными клюво-лицами
Расстались... И жили заново!
Корнями срослись с криницами,
А кроной задели зарево.

И крыльями тонко-нежными,
Иль веточками, - младенчески
Обнявшись с ветрами свежими,-
Смеялись по-человечески.

Петр Межиньш Рига, Латвия

* * *

Вечерних колосьев ржаная жара
вплыла и накрыла истомой.
И звёзд опрокинутых в реку гора
встаёт синевой из потёмок,
встаёт под луной
дурманной травой,
кустами в ползущем туманце,
водой ключевой
из-под камня живой,
кружащейся в искровом танце.
Я, тишь рассекая,
взметну лунный плеск,
нырну в полноводные звёзды.
И эхо укатится в облачный лес
и в брызги рассыплется хлётко.



* * *

Серебряный восторг
за край сиренью плещет,
по стенкам хрустала
соломинкой шуршит.
Игривый мотылёк
на лучике трепещет...
И звуками пестрит
тетрадка сквозь графит.
И золотая пыль
парит над сонной рамой,
и золотая тень
витает на стекле...
И кажется, вдали
за самой крайней гранью
необходимый миг
родился на Земле.
И зелени размах
пылает нужным словом,
и на полу пыльца,
как отзвук вечных крыл.
И видится, что там,
за тем солёным склоном,
слепящий пташий луч
волшебник оперил.

* * *

Ночь не спит, во мне не спит,
и взволнованные звёзды
по крови плывут небесной;
передумывают думы,
раздувая в сердце пламя,
чтобы утром солнцем брызнуть,
растворившись в синей сказке...
Ночь, ворочаясь, вздыхает,
каждый миг перебирает:
от сознательного слова,
от истока до потока...
В лунных волосах погоня
за бегущим ветром листьев,
проносящим по аортам
запахи цветенья утра.
В росной свежести сирени
переливы самоцветов.



Этот сад внутри потока,
в сотах ночи вызревает,
и в ключе бурлит, не дремлет,
ночь со дна на звезды смотрит,
каждый камешек считает...
Как же мне не волноваться,
если ночь во мне не спит.

Иван Переверзин Москва

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

ГРЕЦИЯ

Как будто я приехал на свиданье
к той женщине, которая давно
другому предназначена заране,
но и тебя приветит все равно.
И я люблю печально, безответно
и синь волны, и неба бирюзу,
и долгие закаты и рассветы,
и невзначай пришедшую грозу.
Мне Одиссей поведает о Трое —
о бесконечных странствиях своих,
но я взамен отрады и покоя
вдруг захочу отличий боевых.
Но, Господи, когда настанут сроки, —
мне возвратиться ниспошли домой
не через годы и не сквозь тревоги, —
чтоб я не проклял этот мир земной.

ПОЕДИНОК

Два дня стихии не смирялись,
слова тонули в реве их,
и мы друг с другом объяснялись
на языке — глухонемых...
Кто победил в борьбе суровой,
мы знать, наверно, не должны...
Но вдруг проснулись не от рева,
а от безмерной тишины.
Был ветер послушен, как ребенок,
не слышен был морской прибой...
И лишь обломки старых лодок
напоминали нам про бой.



* * *

Моим молениям море вяло,
к утру – устало бушевать,
и на волнах меня качало,
как в зыбке дорогая мать.
И с высоты небес высоких,
как колыбельная, звучал
напев рассветный, одинокий,
и я — невольно засыпал.
Моя тревога отступила,
сны были легкие, как бриз,
как будто воля высшей силы
их для меня послала вниз.

* * *

Пойду ли к морю веселиться,
поеду ль в град Ираклион, –
повсюду радостные лица
встречаю на пути своем.
На сто вопросов – сто ответов,
и каждый – полный, с теплотой.
Как будто горести и беды
прошли далеко стороной...
Но я-то знаю, что едва ли
отыщется другой народ,
который так бы мордовали
из века в век, из рода в род.
Но здесь под небом чуждедальным,
хранимый светом русских звезд,
я за народ многострадальный
произнесу высокий тост.
Душа надеждою искрится,
что и когда домой вернусь,
я каждому, кто обратится,
и – помогу, и – улыбнусь.

Юрий Петраков Москва
ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

* * *

Разве к нам судьба не милосердна
И не благосклонна столько лет?
Ты жила мечтой о сокровенном,
Ей дарила свой духовный свет.



Цельностью свою мечту крепила,
Уживалась с болью и тоской.
Может быть кого-то и любила
Близостью обыденной, людской.
Если нынче большее случилось,
К радости, а может быть, к беде,
Пусть живет любовь, что воротилась,
Юностью напомнив о себе.

* * *

Со мною жизнь изрядно пошутила,
За все воздав вдвойне или втройне.
И лишь твоя звезда всегда светила,
Дорогу к счастью озаряя мне.

В часы невзгод, за далью расстоянья,
Когда я слыл последним из повес,
Я ощущал вблизи ее мерцанье
Искал ее во глубине небес.

И оживал, и возвращался снова
К своим основам, к точке бытия.
И обретал владенье силой слова,
И возвращался в жизнь из забытья.

* * *

Между нами лежат километры.
Между нами живут города.
Только резвые, хлесткие ветры
Добегают к тебе иногда.

Ты грустишь, обо мне вспоминая,
Там, где певчие птицы поют,
На далекой околице Рая.
Твой досуг – тишина и уют.

Мой удел – суета и боренье
Я на этом стоял и стою.
Но однако как прежде, поверь мне,
Я тебя, как когда-то молю -

Оживи меня сказками детства,
Опои сладким искусом грез,
Дай в глаза мне твои наглядеться,
Насмотреться до боли, до слез.



Положи свои руки на плечи.
Пусть созвездья вздыхают в тиши,
Потянувшись к любви человеческой
Добрый светом вселенских вершин.

* * *

Люби вздох! —
Люби до дрожи!
До крика, страсти не тая.
Пусть так любить никто не сможет,
Лишь мы с тобой, лишь ты да я.

Живи, как символ мироздания
Назло ушедшим временам,
В награду или в наказание,
Любовь отпущенная нам!

Эвелина Ракитская Москва

* * *

Это было в далекие годы.
Жил на свете один человек.
Он рассказывал в лекциях что-то
про запретный Серебряный век.

Был он даже доцент, не профессор,
но девицы сходили с ума!
Прибавляла к нему интереса
эмигрантская тема сама.

Ходасевич, в чердачной трущобе
свой последний увидевший час...
Романтично... трагично... еще бы!
(но пока не касается нас.)

Или Бунин с одним чемоданом,
или мало ли кто там потом...
Адамович... Георгий Иванов...
тишина под парижским мостом.

Говори же, Смирнов, говори же!
(все его называли В.П.) —
мы, конечно, умрем не в Париже,
это все не о нашей судьбе!



Нам под Ваши высокие бредни
о России трагических дней
сладко спится за партой последней –
в самом сердце державы своей.

... Мы умрем и в Париже, и в Ницце,
в Тель-Авиве, в Нью-Йорке, везде...
это прочное слово “граница” –
не прочней, чем круги на воде.

Это цепкое слово – «держава» –
разлетится салютом во прах.
Это слово летучее – «слава» –
приземлится синицей в руках.

Сладко спится под говор Смирнова,
под его вдохновенную речь!
(Но высокое русское слово
никого не сумеет сберечь.

Но высокая русская проза
и поэзии белая кость
обернутся безумною позой,
превратятся в чернильную злость...)

... Говори же, В.П., говори же,
говори нам о самом святом.
В тель-авивской коморке под крышей
я тебя через годы услышу.
И неважно, что будет потом.

* * *

Был Пушкин весельчак и легок на помине
и не держал в руках он собственной судьбы.
А Тютчев был педант, подверженный гордыне,
и он вставлял везде сравнения – «как бы»...

Не «как бы», а «как БЫ». Подобных откровений
не стерпит интернет, но это не беда.
(Кто слышит, тот поймет, – а ставить ударений
сама в своих стихах не буду никогда).

Сравнение «как БЫ» прошло потом сквозь годы –
его употреблял почти любой поэт.



И был у них талант, но не было свободы,
и не постиг никто немислимый секрет.

Талант дарует черт, а Бог дарует гений –
прозрачный, как вода, бессмысленный, как смех,
не ставящий в стихах значочков ударений,
не ценящий ни слов, ни рифм и ни сравнений,
не ясный никому, но на устах у всех...

Он так и входит в мир – как человек случайный,
нечаянно не ту калитку приоткрыв.
Был на устах у всех, но оставался тайной,
и умер, и умолк (а Тютчев вечно жив)...

(Когда была бы я лите-рату-роведом,
я б написала труд про гений и талант.
И мой огромный труд, и мой научный метод
по праву б оценил какой-нибудь педант.)

Но умерли они – кто знал, что это важно
(не удержав в руках груз собственной судьбы) –
про гений, про талант, про то, что жить не страшно,
и про большую роль сравнения «как бЫ»...

Ирина Силецкая Москва

Мой в мире путь – по лезвию,
По лезвию ножа.
Иду над черной бездною,
И мне упасть нельзя.
Душа болит и корчится,
Кружится голова.
Как древнее пророчество,
Звучат судьбы слова:

«Справа от тебя – рай,
Слева от тебя – ад.
И ты сама решай,
Попасть ли в райский сад?
Гореть ли тебе в аду
Страшным вечным огнем?
Тебе ли его любить?
Или забыть о нем?»



Держу в руке я правой
Все добрые дела.
Как я успела мало!
Как мало я дала
Тепла и счастья близким!
Успехов и побед
Как мало я достигла!
Звучит судьбы совет:

Рука сжимает левая
Грехи мои и зло,
И все обиды старые,
Как мне не повезло.
Чья ноша перевесит?
Куда я попаду?
Судьба мне снова скажет
Слова, которых жду.

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

Во дворе слышен детский смех.
Яблони все в цвету.
Не страшась никаких помех,
Я по лестнице быстро взбегу.
Я вечность ждала с нетерпеньем,
Как запрос в интернет.
Иду по скрипучим ступеням
В доме, которого нет.

Дом нашего детства
И сквер по соседству.
Как это было давно...
Доверюсь надежде.
Стучится, как прежде,
Ветка сирени в окно.

А сердца стук всё сильнее,
Дрожь в руках не унять.
Вот и знакомая дверь,
Коснусь я её опять.
Со скрипом её отворю,
Не слыша рассудка запрет.
И то, что искала, найду
В доме, которого нет.



Мозг ничего не забыл.
Щекой я прижмусь к стене.
Те, кто здесь раньше жил,
Помнят пускай обо мне.
Мелькают знакомые тени.
Кажется мне или нет?
Я слышу шаги по ступеням
В доме, которого нет.

Подойди чуть ближе, поцелуй чуть слаще...
Не такой уж, право, я совсем пропащий,
Не такой уж злой я, не такой неверный...
Да не обещал я, что ты будешь первой.
Что последней будешь, не сказал я тоже.
Думаешь, все это на любовь похоже?
Не печаль бровей ты, давай вместе скажем,
Что приход любви мы поняли не сразу.

Почти любовь, очень похоже...
И с каждым днем ты мне дороже!
Почти судьба. Очень хотелось,
Чтоб нам, двоим, мечталось и пелось!

Ты ведь не хотела привязаться крепче,
Так ведь жить спокойней, расставаться легче.
Кто же знал, что сердце ранишь не на шутку,
Что в душе надолго, а не на минутку.
Как тебя, другую не хотел ни разу,
Для меня что значишь, понял я не сразу.
Знать бы, что надолго мы соединились,
Не во сне волшебном это нам приснилось.

Поцелуй не в губы и сомкни объятья.
Ты – моя награда! Теперь буду знать я,
Как средь миллионов выпадает случай
Взгляд найти влюбленный и себя не мучить.
Все закроем двери, окна занавесим,
И от ласк друг друга мир нам станет тесен.
Может, усложняем, в жизни все иначе?
Только тот, кто любит, только тот и плачет.



Валентин Сорокин Москва

ТЫ ИДЁШЬ

Ночь идёт, и замолкают птицы,
Ночь идёт – уснули облака,
Ночь идёт, и тихо серебрится
Средь полей усталая река.

Ночь идёт, и не луна, а лебедь
По затону звёздному плывёт,
Ночь идёт, и на земле и в небе
Голос твой опять меня зовёт.

Слышу губы, слышу руки, руки.
Вздохи сердца память обожгли, –
Не нашли забвенья мы в разлуке,
А в любви покоя не нашли.

Ночь идёт – и прячется поспешней
Всё, к чему прикосновенья нет:
Свет идёт, высокий и нездешний,
Свет Христа и утоленья свет.

Ты идёшь, и озаряет дали
Свет твоих неповторимых глаз,
Только жаль, что на моём Урале
Отчий дом уже не встретит нас.

ЛИК СУДЬБЫ

Я не думал выздороветь скоро
От обид и от бандитских ран.
Но летят ветра мои в просторы,
Опадает горе и туман.

И опять в распахнутый и новый Мир
я с удивлением вхожу.
Лик судьбы – огненный лист кленовый
На ладони бережно держу.

Как его дожди и ветры били,
Грозы рвали, но, суров и смел,
Страхивал он холод смертной пыли,
Выдюжил и лишь забагрянел.



Красный, красный, кажется, опасный,
Тронь его, и вспыхнет, зазвенит.
Как слеза, как вздох народа ясный, –
Этим бережён и знаменит!..

Звёздный свет просеялся на склоны.
Растворила вечер тишина.
Невозможно изломать законы
Доброты, которая нужна.

За доверье, за ошибки платим.
От цветов бросаемся к мечу.
Разве мы со злобою поладим, –
Лист держу в ладони и молчу.

ПОНЯЛ

Беру коня судьбы я под уздцы
Без суеты и лишнего испуга,
Поскольку понял: в мире подлецы,
Как близнецы, похожи друг на друга.

Скачи, мой конь, через неровный быт,
Неси меня от кровного порога,
Пускай гудит под бронзою копыт
Тяжёлая российская дорога.

Я выживу и выдюжу позор,
Превозмогу обиды роковые,
В туманных далях различает взор
Звезду удач, пожалуй, не впервые.

Скачи, мой конь, непросто из седла
Нас вышибить,
мы цепки до предела,
Вон снова иноземная стрела
Почти под сердцем у меня пропела.

Но промахнулась – ожидай своих,
Они чужой не легче, не добрее.
Там, в сумерках, сторожко лес притих,
И ни левой объехать, ни правее.

Скачи, мой конь, отважным путь открыт,
А я посланник матери и Бога.



И пусть гудит под бронзою копыт
И эта – не последняя дорога!..

Сергей Сутулов-Катеринич Ставрополь

GOOD BUY, РОССИЯ!

Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

Булат Окуджава

Стихи ручной работы
Судьба топорной вёрстки
На краешке субботы
Сижу, срывая звёзды...
Вчера гостил на синей,
Мечтая о зелёной...
Сгоревший кипятильник
Обдаст волной палёной.

Стихи резной работы.
Судьба банальной вёрстки.
Депеша из Дакоты:
«Remember! Happy birthday ...!»
Коверкаю английский –
Заплаты на цитатах.
Шотландский чёрный виски
Двойник глотает в Штатах.

Стихи земной работы.
Судьба небесной вёрстки...
Историй повороты.
Событий перекрёстки.
Я рифмами накаркал
Звезду чужого круга:
Страна судьбе – товарка,
Соперница, подруга?!

Стихи святой работы.
Судьба бездарной вёрстки...
По лезвию заботы
Иду, считая вёсны.
Я прозой отчеканил
Звезду родного круга:
Good buy, Россия! Амен...
Судьба стране – прислуга.



КОРОЛЕВА РАЗБИТЫХ ЗЕРКАЛ

Я латаю латынь и латунь,
Ты рисуешь лазурь и узоры...
За окном – соловьиный июнь,
Или плачет январь беспризорный?

Иллюзорна любовь. А война
Настоящая – только в окопе...
Упоительны те времена,
О которых не сложат утопий.

Я шифрую шафран и шифон,
Ты свирель мастерил из сирени...
Твои письма на Западный фронт,
Вероятней всего, отсырели.

Мы рубили судьбу на рубли
И робели на белом причале...
Оттрубили твои журавли,
И бакланы мои откричали.

Я рифмую купель и капель,
Ты ревнуешь: то – Лиза, то – Лена...
Белопенный рояль закипел,
Ошалев от коллизий Шопена.

Нас Гомер обыграл в поддавки –
На осколки распались эпохи...
И сонату в четыре руки
Исполняют в ночах скоморохи.

На Гражданской тебя разыскал –
Затерялась в жеманной Гаване,
Королева разбитых зеркал,
Амазонка запретных желаний.

ПЕГАС-ПРОЗАИК О ВОЙНЕ



Владимир Исаев Алчевск

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗЫ С ЛАДОШКУ»

БУКЕТ ДЛЯ ОТЦА

Весной сорок пятого, когда наши войска, наступая, вели бои в предместьях Берлина, мне было четыре года. Из разговора взрослых я знал, что скоро кончится война и солдаты вернутся домой. Я с нетерпением ждал этого дня. По утрам, едва открыв глаза, я с надеждой спрашивал у матери:

– Победа уже пришла?

– Нет, еще не пришла – отвечала мать. – Но она совсем близко. Все-все ждали этот день. И все же весть о победе пришла неожиданно.

Мать вскрикнула, глаза ее влажно заблестели, она, будто обессилев, опустилась на стул, безвольно положив на колени руки.

По радио гремели марши. Я побежал сообщить новость соседке бабушке Клаве. Обычно старушка скептически реагировала на любые новости, но в это день ее было не узнать. С растрепанными волосами, улыбающаяся, она крепко обняла меня и расцеловала, оросив мои губы солоноватыми слезами. Потом медленно перекрестилась и просветленно вздохнула:

– Дождалась все-таки...

А я не знал, как выразить свою радость. Возбужденно бегал по двору и что-то кричал. Детское сердце мое ликovalo: победа пришла и солдаты вернутся домой. Значит, придет с войны и отец. Это может случиться скоро, возможно даже сейчас.

Бабушка Клава ждала возвращения сына. Она сказала, что приготовит к его приезду самый большой и самый красивый букет цветов. Я тут же решил, что подходящим букетом для отца будет букет одуванчиков, которые в изобилии росли в нашем призапущенном за годы войны дворе. Мне очень нравились эти простенькие непритотливые цветочки. Ярко-золотые на зеленой траве, они казались мне маленькими солнышками.



Я собрал букет одуванчиков и вышел со двора на улицу.

Людей там было много. У всех были радостные лица, все смеялись и плакали почему-то. Я всматривался в лица прохожих, но никто меня словно не замечал.

Сколько времени прошло, я не знал. Золотые шляпки одуванчиков съежились и поникли. А я все ждал возвращения отца с фронта. Даже не заметил, как подошла мать.

– Ты почему тут стоишь? Что случилось?

Я уткнулся в ее теплые ладони и расплакался. Узнав, в чем дело, мать обняла меня и тихо сказала:

– С войны, сынок, не возвращаются так скоро.

Прошло время. Одуванчики во дворе превратились в пушистые серые шарики, а ожидание мое не сбылось. И не сбылось оно и до сих пор, потому что уже тогда отца не было в живых.

Минуло много лет, но и теперь, когда я вижу на весенней лужайке или на пыльной обочине дороги солнечные пятна одуванчиков, я вспоминаю ту весну далекого сорок пятого года.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Я получил бандероль. Она пришла из моих родных мест от бывшей соседки Клавдии Михайловны. В ней были туго перевязанные тесьмой старые письма, адресованные моей матери. С большим волнением я развязал их и в памяти сразу же ожили те далекие дни.

Тогда я, малец, с огромным нетерпением ждал эти письма. Дни, когда мать приносила заветные треугольники, были настоящим праздником. И хотя я был еще совсем маленьким, понимал, что письма эти очень нужны были и мне, и матери. Поэтому в день получения весточки с фронта я ни на шаг не отставал от нее. Хвостиком бегал за ней из комнаты в кухню и обратно, весь в светлом ожидании, что вот сейчас мать остановится, со вздохом потрогает поясницу, сядет к кухонному столу и... Лицо у нее делается строгим, губы начнут подрагивать, усталые пальцы долго будут тереть треугольник прежде чем она развернет его. А я примощуюсь у ее ног и, затаив дыхание, стану ждать, когда перестанет шелестеть бумага и полетится ровный мамин говорок, такой напевный, словно отцовское письмо было хорошей песней. В эти минуты отец в моих глазах из близкого, родного, превращался в былинного богатыря, похожего на красноармейца с плаката.

О чем были эти письма? О многом. Я не помнил их дословно, но чувствовал, что из тех треугольником сложенных листков пришло ко мне самое главное в человеке – характер. И осталось в памяти чувство щемящего восторга, счастливого ожидания отцовских писем.

Уже нет на свете матери, а письма вот пришли и взбудоражили память. Почти всю войну мать носила их с почты и читала мне, хотя отца уже не было в живых. Вот так бывает в жизни: давно нет человека на свете, а письма от него все идут и идут. Мать приносит их в дом и читает. Да так читает, будто знает наизусть.

Теперь эти письма я держу в своих руках. Разворачиваю первый треугольник и узнаю... почерк матери.



Мирослава Радецкая Луганск А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ

Шел пятый месяц войны. Она приближалась к донецкому райцентру, поэтически именуемому Стеклоградом, с его десятками заводов союзного значения и сотысячным населением. Здесь, на Автостекло, варился состав для кремлевских рубиновых звезд – стекло с добавкой золота, – триплекс для лобовых лобовых лобовых небьющихся стекол автомашин. На Бутылочном выдувалась каждая вторая бутылка в Союзе. Заводы со штатами и оборудованием были эвакуированы на Урал. Над городом исчезли «лисьи хвосты» серного и «волчьи хвосты» азотного дыма. Немцы бомбили задержавшиеся с эвакуацией заводы. Но город продолжал жить.

Ни массовой организованной эвакуации, ни полной достоверной информации о зверствах оккупантов не было. Месяц работала школа, шли спектакли в театре: «Собака на сене», «Поручик Лермонтов», «Галилей Галилео», «Хижина дяди Тома», спектакль-концерт по лирике Симонова. С «Овода» юноши из ПТУ коллективно отправились в военкомат – записаться добровольцами на фронт. В июне мне исполнилось одиннадцать, и, как вполне самостоятельной, бабушка дал мелочь на сеанс в цирке-шапито, мороженое с вафелькой и газировку из сауратора с двойным сиропом.

Помнятся острые приметы уже первых месяцев войны. Увозили в Сибирь в товарных вагонах жителей-немцев. Ко мне забежала проститься тихая девочка-одноклассница Оля Кофлер. Уехала шумная и дружная семья соседей – Кригеров. В Стеклоград после войны они не вернулись. Но мне рассказывали, что домовитые переселенцы неплохо прижились на новых местах. Опустели магазины, из которых сразу исчезли соль и спички, появились очереди за хлебом. Но рынок, базар функционировал, на барахолке отъезжающие недорого продавали хорошие вещи. Жизнь продолжалась.

Приметой войны стали накрест заклеенные окна, чтобы стекла не вылетели во время бомбежки. Затемнения были нужны во время налетов авиации, о которых предупреждали тревожные гудки. Ходила шуточка о диалоге бомбардировщиков и зенитных батарей:

- Вез-зу, вез-зу...
- Кому, кому? Кому, кому?
- Вам, вам.
- Давай-давай, давай-давай!
- На, на!

Фронт приближался и с ним чувство растерянности, нехватка конструктивной информации. Многие не знали или не верили в зверства оккупантов: помнили других немцев, периода Первой мировой. Достаточно сказать, что не эвакуировались многие коммунисты и еврейские семьи. Не хотели или не могли? С первых дней войны моя 32-летняя мама, врач-терапевт, была назначена главврачом горбольницы. Чтобы она не покинула свой пост, у неё и у заведующего горздравотделом отобрали паспорта и военные билеты.

А жизнь продолжалась. В помещении больницы был дислоцирован военно-полевой госпиталь, с начальником которого у мамы были прекрасные деловые



и личные контакты. За пару дней до оккупации города контингент больных и раненых, а так же сотрудников госпиталя машинами вывезли в соседний городок Артемовск, где формировался санитарный поезд, идущий куда-то в далекий тыл. Маме вернули документы. Она сложила небольшой курортный чемоданчик с вещами, необходимыми на пару зимних месяцев. Настолько была сильна вера в скорое победное, как с Финляндией, окончание войны, что она не сняла деньги со сберкнижки, не уложила в чемоданчик семейные драгоценности. Всю оставшуюся жизнь мама жалела, что не сунула туда семейный фотоальбом.

Дальше события развивались стремительно, как сжатая пружина. Грузовичком за начальником госпиталя заехал представитель организации, контролирующей эвакуацию госпиталя. Он прихватил заведующего горздравом, они заехали за мною, игравшей во дворе со щенком.

Наскоро побросав мои носильные вещички в незапирающийся чемоданчик, простившись с бабушкой, мама схватила за руку меня, стоявшую в стареньком, к счастью, зимнем пальтишке и платьишке из пестренькой бумазеи. Мужчины втащили меня в кузов грузовика. Мы покинули город, через который накануне вечером отступили советские войска. Немцы вошли в него через сутки после нашего отъезда.

Через час мы были на артемовском вокзале. С ходу мама была зачислена в штат поезда врачом, я – санитаркой, мы получили отдельное купе, а трое мужчин, которых мы разыскали через много лет, отправились на линию фронта.

Началась многодневная поездка на восток без определенной станции конечного назначения. Ехали к Волге через Сальские степи, мимо поблескивающих солью озер Эльтон и Баскунчак. И тут над нами закружилось звено фашистских бомбардировщиков. Мы оказались голые среди волков. Была дана команда тащить раненых под вагоны.

И по сей день не знаю, почему нас, поезд с вражескими солдатами, не разбомбили. Если уже где-то отбомбились, могли на бреющем полете покончить с нами пулеметными очередями. Не стреляли. Что нас спасло? Женевские соглашения, элементарная человеческая жалость или желание пощекотать нервы картиной человеческой беспомощности? И пока я волокла бойцов под вагоны, я вспомнила гадкую историю своего недавнего прошлого. Предоставленная сама себе, я посещала во Дворце культуры химиков детский хор под руководством вечно пьяненького Шкрета, хотя не имела ни слуха, ни голоса.

Как-то ко мне напросились в гости две девочки из хора. Мама была на курсах в Харькове, разрешения бабушки я не спросила. Девчонок я принимала в гостиной, открытые окна которой выходили на улицу. И вдруг одна гостья спохватилась, что ей надо срочно уходить. Я проводила её до калитки. Началась война, хор распался, девочек я больше не видела. Вернувшаяся с курсов мама не могла найти дамский портфельчик, где лежал кошелек с деньгами, ключи, служебное удостоверение, косметика, шелковый шарфик и какая-то милая мелочевка. Лежа под вагоном, в ожидании самого страшного, я вдруг поняла: воровка выкинула портфельчик подружке в открытое окно. . .

Санитарный поезд не приняли Куйбышев, Саратов, Сталинград: приближался фронт. В Астрахани мама оставила меня на вокзале с вещами и отправилась сдавать раненых в эвакогоспиталь № 1592. Вернулась она ко мне, полуживой от голода и страха, вечером. Она уже была зачислена начальником



медицинской части госпиталя. Переночевали мы у начальницы его, известного в городе врача-гинеколога.

Госпиталь давал нас сотрудникам дрова. Квартиру поэтому мы нашли легко. Прикрепили нас к столовой для эвакуированных, где раз в день давали болтушку без жира и овощей, с галушками, заправленную томатом, выдали хлебные карточки. Но чтобы выстоять очередь за хлебом, надо было подняться чуть свет, выстоять на улице полдня на холоде.

К Новому году нас раскредитовали по магазинам по месту жительства. Хлеб можно было купить по списку в течение дня. Я, пропустив почти две учебные четверти, вернулась на занятия в IV класс. Здесь, на большой перемене, ученикам выдавали кусочек хлеба с колбасой. Поэтому они старались занятия не пропускать.

По приказу начальницы мама-начмед снимала на госпитальной кухне пробу. Кое-что из неё перепало мне. Но чувство голода было постоянным. Я и сегодня со стыдом вспоминаю, что маме на работе кто-то подарил баночку топленого масла. И я его по чайной ложечке сожрала в течение дня – требовал изголодавшийся растущий организм. Мама все поняла.

Но были и другие воспоминания о большом городе. Был театр юного зрителя, где я смотрела «Недоросль» Фонвизина и «Маскарад» Лермонтова. Был прекрасный оперный театр с «Риголетто» и «Царской невестой» в репертуаре. Был в центре красивый кинотеатр «Модерн», где долго шел фильм «Свинарка и пастух» с Лядыниной и Зельдиным. А мальчишки на коньках гоняли по льду, напевая: «И в какой стороне я не буду...» Может быть, отсюда мои дальнейшие филологические пристрастия.

Как-то в городе меня окликнули по имени. Я оглянулась – и кинулась на шею моей стеклоградской учительнице музыки Розалии Григорьевне. Жила она поблизости от нас со стариками родителями в подвальчике, хозяйка которого, уходя на работу, оставляла под их присмотром малыша. В тот же вечер, прихватив что-то к столу, мы были у них в гостях. Благообразные почтенные родители приняли нас, как родных. Бабушка спросила, чем расстроена моя мама. Оказалось, из госпиталя самовольно ушел больной, а это было уже дело о дезертирстве с последующим расследованием.

Бабушка сунула руку в карман халата и достала колоду карт. Она не касалась их три года, когда нагадала зятям-инженерам, мужьям Розалии и её сестры арест и смерть. Шел 1938 год – предсказание карт сбылось... Бабушка разложила карты и сказала, что беглец в ближайшие дни найдется. И впрямь нашелся: без спроса ушел к землякам-родне.

Мы зачастили в гости в подвальчик. Как-то мама попросила погадать на душушку. Бабушка разложила карты, сказала, что он жив и здоров, но в чужом городе. Он переживет большую опасность, но его спасет офицер. Тут она замялась и сказала: «Враг». Он вернется в родной город и родной дом. И это исполнилось – спас его от неминуемой смерти немецкий майор Фридрих. Гадала она и о маминном брате – жив, не в армии, переехал в другой город.

Где-то перед первомайскими праздниками, гадая на маму, бабушка сказала, что в ближайшие дни ждет ее перемена жизни, места, повышение по службе в военном доме. И впрямь, маму вызвали в военкомат, присвоили воинское звание и отправили в селение Бахтемир под Астраханью – срочно формировать



эвакогоспиталь №4939 для отправки под Сталинград.

Я далека от всякой мистики, но феномен этого гадания – для меня вещь непостижимая. Семью моей музыкантши я больше не встречала, в Стеклоград она не вернулась. Госпиталь мама организовала, я осталась в нем маленькой санитарочкой. По пути к Сталинграду было у нас два «привала» в селах Гофенталь близ города Энгельс и в Криушах. Госпиталь принимал, подлечивал, отправлял в глубокий тыл больных и раненых. Кончалось мое детство. А жизнь продолжалась.

Евгений Рудов Красный Луч

ФЕКЛА

Из былей, рассказанных моей тетушкой Тамарой Павловной Рудовой

Село Ивановка осенью сорок второго жило в тревожном ожидании. Где-то на востоке шли ожесточенные бои, и через узловую железнодорожную станцию Штеровка, отстоящую менее, чем в часе ходьбы от села, один за другим в ту сторону шли немецкие составы с пушками, танками, крытыми вагонами-теплушками, переполненными солдатами. Немцы рвались к Волге, оставался последний рубеж, последняя черта, за которой одни становились победителями, другие – побежденными.

И вдруг сначала неуверенный, тихий, но вскоре все более крепнущий, нарастающий слухок, набирая силу, покатился от хаты к хате. Селяне только радовались ему.

– Надавали гадам под Сталинградом «по зубам»!

– Окружили армию Паулюса.

– Отлиходейничали. Теперь им скоро наступит капут.

А третьего января уже нового сорок третьего года в селе увидели первых битых завоевателей. Это были румыны. Разгромленные на Волге их воинские части, оставив фронт, разрозненными группками уходили на запад, на свою землю. Им и итальянцам немцы после падения Сталинграда обещали конец войны и возвращение домой. И вот обещанное сбылось, но совсем не так, как это ожидалось.

Фекла, красивая, статная женщина выше среднего роста, крепкая в плечах баба, рано овдовевшая – муж-инвалид, весь израненный в боях, рубленый не раз шашкой в Гражданскую, воевавший в армии Буденного, успел нарожать с нею троих детей и помер незадолго до войны, и ей одной пришлось тянуть на себе лямку своего крестьянского хозяйства, – увидела румын через проталину в заиндевевшем окне. Она придвинула к окну губы и стала чаще дышать. Вскоре проталина расширилась, очистилась ото льда и можно было хорошо разглядеть улицу. По припорошенной редким снежком дороге двигались подводы. Фекла насчитала их семь. В каждую из них было впряжено по паре гнедой масти лошадей, а в добротнo скроенных, ладных, выкрашенных в зеленый цвет телегах с насаженными на деревянные со спицами колеса железными ободьями сидели или лежали на подстилальной соломе в темно-серых шинелях солдаты. Те, что лежали, догадалась Фекла, были раненые. У одного из таких лежачих



из-под шапки выглядывали бинты. За последней телегой, привязанная веревкой, понуро плелась корова.

– Отобрали у кого-то, оставили помирать с голоду, – выругалась зло Фекла.

Колонна остановилась. Телега с коровой оказалась напротив Феклиного и на противоположной стороне улицы двора Клавдии, соседки. Их хаты смотрели друг на друга через дорогу окнами.

Из повозок стали выпрыгивать румыны. Они топали сапогами, хлопали себя по бокам ладонями согнутых в локтях рук, прыгали, пытаясь согреться после долгой езды по морозу, потом стали расходиться по хатам.

Ко двору Феклы тоже направлялся румын. У нее в это время теснились ребятишки, полная хата — так тесно, что негде было упасть яблоку. Трое своих, да с десяток чужих, с улицы. В чугунной сковородке жарилась вылущенная из кочанов кукуруза. Так жарить кукурузу, знали ребятишки, как делала это тетя Фекла, не мог в селе никто. Она, как ворожка, водила деревянной ложкой по раскаленному дну, встряхивала сковороду, ухватив ее тряпкой, — не давала залеживаться зернам, отчего они равномерно обжаривались со всех сторон и, как по установленной среди них очереди, вдруг раздавались громкие шелчки — зерна подпрыгивали, раскалывались, увеличиваясь в объеме, выказывая свою внутреннюю белую, как снег, сущность, становились воздушными. Это были «барашки». Вкуснее их ничего не было.

Ребятишки с выпрошенными дома початками бежали к тете Фекле, но та не впускала к себе всех желающих сразу, не ввещала хата, и оставшиеся на улице завидовали счастливым.

Румын толкнул калитку и шел уже по двору. Фекла отскочила от окна и зашикала на детей.

– А ну молчком! Негадеть, позатыкайте рты. Кыш по местам. Усаживайтесь на лавки. И тишина чтобы мне!

В сенях послышалось топанье тяжелой обуви и вместе с морозным воздухом, хлынувшим в открытую дверь, в избу ввалился румынский солдат. Он обвел внутренность глазами, уставился на чинно рассевшихся ребятишек и удивленно, коверкая русскую речь, спросил:

– Матка, матка, твой киндер?

– Мои, мои. Все мои, — расставила Фекла руки, пытаясь заслонить ими детей, как насадка, укрывавшая крыльями выводок при виде опасности.

Румын весело осклабился, демонстрируя полный рот крепких белых зубов. Ехидной улыбкой он показывал, что ни на грош не верит Фекле, но, если той так хочется, пусть считает, что он ей поверил. Почувствовав запах жареной кукурузы, он потянул носом и повернулся к печи. Отставленная с жару сковородка стояла на краю кирпичной кладки. Румын протянул руку, взял с нее несколько «барашков» и сунул в рот. Раздался знакомый ребятишкам хруст, и они завистливыми глазами уставились на жующего солдата. Кукуруза тому пришлось по вкусу, и он стал хапать ее жменями и рассовывать по карманам. Зерна падали на пол, закатывались под стол, лавки, койку.

Когда за румыном закрылась дверь, дети, не сговариваясь, бросились подбирать оброненные зерна.

– А теперь по домам, — приказала Фекла. — Пока румыны не уберутся из села, никакой кукурузы. Ишь, гад, всю сковороду выгреб.



Когда дети разошлись, Фекла цыкнула на своих, чтобы сидели тихо, вновь припнула к окну.

Остановившиеся напротив румыны отворили обе половины широких ворот Кладиного подворья, завели в него телегу, выпрягли лошадей. Отвязанную корову подвели к вырытому, уходящему в землю наклонному подвалу. Такие подвалы были в каждом дворе. В них зимой хранился собранный урожай, заготовленные соленья, а летом, в жару, стоял для питья квас, прятали крынки с молоком, сметану.

На высокую каменную кладку выглядывающей из земли верхней части подвала с плотной деревянной дверью опиралась толстая жердина и тянулась к хате, где другим концом цеплялась за торчащий из стены железный крюк. На этой жердине Клавдия летом вывешивала для просушки одежду, спальные матрацы, плела на ней из соломы маты.

Корову приткнули головой к кладке подвала и крепко притянули за рога веревкой к выступающему массивному камню. Обреченное животное покорно ожидало своей участи.

Фекла видела, как один из румын, словно чего-то выискивая, пошарил рукой в короткой шерсти плоского коровьего лба и вдруг, откинувшись назад, резко и сильно воткнул в него, как показалось ей, штык винтовки. Корова тут же осела на ноги и завалилась на бок. Ей перерезали горло и в хозяйский медный таз слили горячую, темную до черноты кровь.

Фекла не отрывалась от окна. Улица была неширокая, соседский забор невысок, и она видела все, что происходило во дворе Клавдии. Тот же румын, который заколол корову, надрезал ей ниже колен шкуру задних ног, проткнул их между сухожилий заостренной с одного конца палкой, схватил ее посредине крепким узлом веревки и перекинул через жердину. Одни румыны приподнимали с земли тушу, другие тянули перекинутую веревку.

Корова висела вниз головой, неестественно растопырив в стороны передние копыта, почти касаясь еще теплыми, толстыми губами окропленного под ней брызгами крови, затоптанного ногами солдат, грязного снега.

Через час все было кончено. К отрезанной коровьей голове добавилась снятая, посыпанная солью шкура.

Из хаты румыны вынесли сдернутое с койки шерстяное одеяло, расстелили на земле и опустили на него красную с белыми прожилками жира, освежеванную тушу. Разрезали брюхо, вывалили внутренности. Коровье сердце, печень, почки, легкие – вырезали, промыли желудок и кишки, разрубили тушу на бедра и подбедерки, отделили костец, оковалок, грудинку, лопатки, шею, рульки, голяшки и все мясо вместе с ливером, кишками, ободранной и обработанной головой уложили в ящик, сбитый из сухих и тонких досок, который всем скопом тяжело подняли и установили поперек телеги, на то место, где сидит возничий, вместо облучка, и накрыли крышкой. Фекла была удивлена – румыны не взяли себе и кусочка свеженины на ужин. Последнее, что она видела, румыны вошли в хату, прихватив с собою тазик с кровью. «Будут жарить», – догадалась она.

Зимние дни коротки. День, казалось, только начался, а на дворе уже темно. Низкое свинцовое небо к вечеру разразилось мокрой крупой. Она била в стекла, шелестела в окнах Феклиной хаты, оставляя на них талые слезы, укрывала землю.



Фекла сварила детям кукурузной каши, поела сама (эх, добавить бы сюда топленого коровьего жира, да по кусочку мяса!) и уложила их в койки. Долго и бесцельно ходила по хате. Умаявшись, не раздеваясь, прилегла. Закрyla глаза. Лежала. Но сна не было. Раньше, бывало, наработавшись за день в поле, управившись с наступлением темноты по хозяйству, едва добиралась до койки и тут же падала в нее, засыпала. Теперь же сон не шел, она ощущала в себе потребность чем-то заняться, что-то делать, выполнить какую-то работу. Но какую? В чем она заключалась? И голодный желудок подсказал ей.

Поднявшись с постели, Фекла выглянула в окно. Сплошная темень, ничего не видно. Как будто на глаза ей надели шторы. Заглянула в койки, в них, посапывая, спали дети. Часы-кукушка пробили два раза – третий час ночи. Шел уже четвертый день нового года.

Фекла вышла в прихожую, сунула ноги в валенки, обмотала снизу старыми косынками, крепко завязала концы. Оделась в теплую кацавейку, на голову накинута пуховый платок. Тихо прикрыла за собой дверь. Луны не было, но ночь вывездила, и сразу дал знать о себе январский морозец – холодный воздух остудил изнутри легкие, острыми иголочками закололо нос и уши. Крупы уже не было, а нападавшая вечером начисто смерзлась и превратилась в сплошной ледок.

Фекла подошла к калитке и оглядела улицу. Нигде не было и огонька. Село спало. Окна Клавдиевой хаты смотрели на нее темными квадратами стекол. Она постояла, помедлила, вышла на середину улицы, вновь оглянулась влево, вправо – ни души, и решительно направилась к хате соседки. Из темноты ночи вынырнула чужая калитка, и Фекла вошла во двор Клавдии. Привязанные кони повернули к ней головы, поедая из подвешенных к мордам холщовых сумок насыпанный им на ночь овес. Рядом с лошадьми, с опущенным на землю дышлом, стояла выпряженная телега, и на ней – у Феклы тревожно затрепыхалось сердце, она скорее ощутила, чем увидела – стоял тот самый заветный ящик.

– Ну, как часовой увидит! – ужаснулась она.

Но Фекла не знала и не могла знать, что часовой каких-то полчаса назад, околевав на морозе, зашел в хату погреться, приткнулся на лавке спиной к остывающей печи и, разморенный ее теплом, под храп спящих солдат, не выпуская из рук винтовки, приставив ее прикладом на пол и обхватив обеими руками, склонил голову и спал. Ему снился дивный сон – родной дом, жена, дети и цветущие золотом в огороде подсолнухи.

Фекла подступила к ящику и осторожно, бесшумно сдвинула с него крышку. Протянула руку – ящик был полон мяса. Румыны приготовили его в дорогу, ехать было далеко.

Фекла попробовала вытащить один-два, сколько получится, кусков мяса, но теплое, парное, оно с вечера схватилось на морозе в один сплошной ком, и она не могла оторвать от него ни кусочка, не хватало сил. Бить по мясу, колотить по нему чем-либо было опасно, наделает шуму – проснутся румыны, но и уходить с пустыми руками, несолоно хлебавши, ничего не прихватив с собой, было выше ее сил. Она соображала. Недолго. Надо было торопиться, и Фекла побежала домой.

В сарае нашла веревку, ею она выводила на лужок бычка на выпас, вбиwала в землю кол, привязывала скотину. Бычок давно вырос, его уже не было в



живых, а веревка осталась. Фекла отхватила от нее два куска метра по три и так же быстренько вернулась назад. Действия ее были просты и скоры. Обмотала кусками, как кольцами, оба края ящика, стянула веревочные концы крепкими узлами, повернулась к ящику спиной, просунула в образовавшиеся петли, как в ляжки рюкзака, руки, согнулась, потянула ящик на себя и взвалила на плечи...

– О-ох! – у Феклы потемнело в глазах.

Уложенная в деревянный короб зарезанная корова была невероятно тяжелой, давила так, что, казалось, Феклины ноги сейчас продавят под собой почву и увязнут в земле. Вербки резали плечи, трещали собственные кости. Фекле не хватало сил, и она уже было решила оставить все, как есть, бросить эту опасную затею и повернуть домой, но невесть откуда появившееся в ней сопротивление заставило ее сделать первый шаг.

Оторвав спину от передка телеги, Фекла покачнулась, но устояла. За первым и самым трудным шагом последовал второй, третий, и вот уже, согнувшись в три погибели, подталкиваемая тяжелой ношей, Фекла очутилась за Клавдиевой хатой в самом конце огорода и по тропке, по тропке, короткими скрюченными шажками семенила дальше по межам соседей позади хат.

Фекла не останавливалась, боялась, если остановится – не удержит ящик, уронит, а с земли ей его уже не поднять, и она шла, шла, сцепив зубы, претерпевая в себе невероятное напряжение и боль в мускулах.

Улица окончилась, за ней началась другая. Фекла двигалась по задворкам. Она знала здесь каждый куст, каждое дерево, пустырь, все было знакомо издавна, с детства, и ей не было никакой нужды присматриваться к местности, она и в темноте верно определяла нужное ей направление, могла идти с закрытыми глазами. Иногда нога попадала в мелкое углубление – лунку от выкопанной картошки, но и тогда, опасно покачнувшись, она удерживала ношу, быстро перераспределяла тяжесть на плечах и успевала выставить ногу.

Кончились задворки и этой улицы, за ней – короткий переулочек. Повсюду темно, тихо, ни огонька, ни звука – ночь. Осталось немного, чуток, спуститься в узкую и неглубокую балочку, подняться по ее склону вверх, а там уже и дом матери, конец Феклиного пути. Но этот чуток был самым трудным. У Феклы подкашивались ноги, задеревенела спина, нарезанные веревками плечи отзывались жгучей, невыносимой болью.

Фекла опустила в балочку, ноша сама затолкала ее на дно низины, но подняться, выбраться наверх, чувствовала, у нее уже не хватит сил. Кое-как подобралась к знакомому колодцу, из которого вся здешняя половина села черпала воду, повернулась к срубам спиной и ослабила мучавшее ее телесное напряжение. Тяжеленный ящик, как будто этого и ожидал, тут же стукнулся днищем о закрытую ляду колодца, потянул за собой и Феклу, и она, совсем обессиленная, повисла плечами на его веревках. И смех, и грех. Ноги её отъехали от сруба, вытянулись на заснеженной, заледенелой земле, спина прижалась к бревнам, а сама она, удерживаемая веревками, оказалась подвешенной в воздухе. Фекла пыталась высвободить руки из лямок, но это долго не удавалось, надо было сначала подтянуть ноги, приподняться на них, но валенки скользили по образовавшемуся за ночь ледку, и она беспомощно барахталась, а когда все же ей это удалось – шлепнулась задницей на землю и вдруг, сама не зная чему, рассмеялась.

Она не поднималась, лежала. Приходила в себя. Тело охватила приятная



легкость. Онемевшие, перетруженные за дорогу мускулы теперь оживали в ней, наполнялись новой силой, распирала изнутри. Ей казалось, что она растет, увеличивается в объеме, и, наверное, этим и был вызван ее беспричинный облегчающий и душу, и тело смех. Она оставила ящик и поднялась из балочки на гору. До нужной ей хаты было рукой подать.

На стук в дверь отозвался сонный, испуганный голос.

– Кто там?

– Це я, мамо. Открывайте, – нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Фекла. Она торопилась, ночь подходила к концу, а в селе поднимались рано.

Щелкнули запоры, откинулись крючки.

– Що за лыхо? – спросила, тревожась, мать. С коек повскакивали Феклины сестры, младшие.

Керосиновую лампу не зажигали. Сидели в темноте, как заговорщицы.

Тащить ящик вчетвером – мать, Фекла и две её сестры – было легко, не то, что одной. Подхватив веревку у своего угла, Фекла торопила всех.

– Ну ж бо, ну ж бо.

На горку из балочки не вышли, а вылетели. Неведомая ранее сила страха (ну, как увидят!) толкала в спину.

Вот и калитка. Ношу затащили в сарай. Разбили обухом топора смерзшееся мясо, сложили в дальний угол, завалили дровами и всяким хламом. Ящик порубили, занесли в хату и сожгли в печке.

Серое, низкое, мглистое январское небо посветлело. Хотя и поздно, но рассветло. Из труб изб выпорхнули первые грязно-белые клубы дыма.

Фекла тоже растопила печь, а сама нет-нет да и выглянет в заиндевшее оконце – что там, напротив ее дома, на Клавдиевом подворье. Но там ничего особенного не происходило, и снедаемая жадным любопытством Фекла не вытерпела, побежала к соседке.

По двору металась озабоченные румыны. Они никак не могли понять, куда подевалась зарезанная корова. Тяжеленный ящик с мясом будто унесло ветром, и никаких следов. После дневной слякоти ночной мороз сковал землю, не оставив вокруг телеги даже слабых отпечатков чьих-либо подошв. На пороге избы, накинув на плечи длинный пуховый платок, стояла Клавдия. Фекла подошла к ней.

– Що цэ воны шукають, – кивнула она на румын. – Загубылы шось, чи йи-хаты збыраються?

– Ага, йихаты, – саркастически ответила соседка. – Мясо у них уперли. Подчистую, всю корову. В дорогу приготовили. Только и того, что жареной кровью поужинали.

– Бачь, яке дило! – деланно вскинула брови Фекла, – и хто ж цэ зробыв?

Соседка подозрительно посмотрела в ее сторону.

– А не ты ли это сделала?

– Що ты, шо ты! – и вправду испугавшись, замахала руками Фекла. – Та бог з тобою, куды мэни одной, як ты кажешь, упэрти цилу корову.

– Чай с колхозных полей не один мешок добра утащила. Думаешь, не знаю! Пан, а пан, – позвала Клавдия румына. – Это она уперла мясо, ей бо она, больше некому.

Вокруг женщин собрались румыны. Один из них, старший, спросил Феклу:



– А муж у тебя есть?
– Нету у нее мужика, – ответила за Феклу Клавдия. – Давно помер, еще до войны.

И тогда румыны стали громко смеяться. Они не верили хозяйке дома. Куда этой, хоть и рослой, но худой, с обвислыми руками бабе, оглядывали они Феклу, утащить на себе корову. Они сами в несколько рук с потугами поднимали на телегу ящик с мясом.

Выскребая со сковородки крохи оставшейся с вечера жареной крови, румыны позавтракали ею, а затем запрягли лошадей и двинулись из села.

Через несколько дней в канун Рождества Христова Фекла снова увидела румын. По улице через село вновь двигались такие же зеленые, добротные, запряженные лошадьми повозки. В них сидели или лежали отступающие солдаты. Вид их был совсем не воинственный, а усталый и безразличный.

Фекла насчитала десяток телег. К одной из них был пристегнут ржавой масти маштак, низкорослая, необъезженная молодая лошадка. С тонкими, грациозно ступающими по мерзлой земле ногами она выгляделастройной и красивой. Темная короткая грива топорщилась на вытянутой шее, а крупные с выдававшимися белками глаза косили по сторонам.

Румыны остановились недалеко от Феклиного двора. Они заставили повозками правую сторону улицы, а выпряженных лошадей привязали к коновязи – длинному бревну, лежащему на двух невысоких, вкопанных в землю столбиках. Коновязь служила когда-то сельским коням. В доме напротив до войны располагалось колхозное правление. Сейчас оно пустовало.

В самый глухой час ночи Фекла поднялась с койки. Оделась. В голове еще с вечера вырел план. Прихватив нож, плетть и кусок веревки, тихо, чтобы не разбудить детей, притворила за собой дверь.

Мороз пощипывал нос и уши. Небо проглядывало звездами, освещая холодную землю, но ночь от этого казалась еще темнее. Село будто растворилось в густом тумане, поглотившем избы, пристройки, сараи, оставив только напоминания о них – неясные, расплывчатые тут и там контуры.

Фекла подобралась к коновязи, пообрезала обротки, пугнула привязанных было лошадей, награждая каждую плетью. Кони разбежались, а она, накинув веревку на шею маштака – у него не было еще недоуздка, повела за собой. Поторавливалась, оборачивалась назад, оглядывалась, чутко прислушиваясь к ночным звукам. Особого страха не было. Свои, если и видели, не посмеют донести, все одно станет известно – как им потом жить в селе, а румын она не очень боялась, бросит маштака и свернет в любой двор, а через него на задворки и в перелесок. Ищи-свищи ветра в поле.

В конце улицы, у края заросшей балочки, толкнула калитку своего родича дядя Степана. Маштак покорно вошел с ней во двор. Тихо постучала в окно. Ждала. В хате, видно, не торопились, но вот, наконец, там зажгли керосиновую лампу, и тусклый свет слабой желтизной окрасил маленькое квадратное оконце.

– Кто? – услышала Фекла глухой голос. Приникла к заиндевавшему окну и быстро-быстро заговорила.

– Дядю Степан, дядю Степан, цэ я, Фекла.



Скрипнула дверь, и из хаты вышел одетый по-зимнему дядя Степан.

– Нихто нэ бачив? – спросил обеспокоенный он после того, как Фекла рассказала ему о краже.

– Ни, нихто.

Маштака завели в сарай. Там было пусто, но из ясель пахло остатками сена, а с полу несло застарелым коровьим навозом.

– Що ж будэмо з нею робыты? – кивнул он на молодую лошадь. – Якшо залышыты, то чим годувати?

Жена Степана побежала за его братом. Тот пришел со своей жинкой. Стали совещаться.

– У мэнь тэж сина нема. А в кого воно е? Скотыну поризалы, або нимци повидибралы. Так навищо було косыты?

Маштаку веревкой стянули копыта, свалили на пол, уселись сверху, и Степан перерезал лошадке горло. Она сучила ногами, брыкалась, задираля голову с выпученными глазами, но встать не могла.

Женщины нагрели в хате воды, притащили в сарай тазы, ведра, корыта и стали промывать еще не остывшие, выпотрошенные конские кишки. Потом принялись набивать их кусочками нарезанного мяса. Перевязанные толстыми нитками длинные колбаски скручивали в спиральки и откладывали в сторону...

Утром ошеломленные румыны ловили по всему селу разбежавшихся лошадей. Напуганные ночью кони шарахались от своих хозяев, не давались в руки. Двоих-таки, кроме маштака, румыны не досчитались. Солдаты ходили по дворам, высматривали, расспрашивали.

– Wer hat diese tun?*

– Это партизаны, – отвечали им.

– Partisanen?*

– Партизаны, – кивали селяне. – Точно партизаны. Кто же еще мог это сделать? Кроме партизан, некому.

Одного этого слова было достаточно, чтобы румыны прекратили поиски пропавших лошадей. Они быстренько собрались и убрались из села.

Как напомирование о ретировавшихся завоевателях на Феклиной улице осталась одна брошенная телега. Ей не хватило тягловой силы. После войны телегу зачислили в колхозный инвентарь, и она долго служила колхозу.

Елена Хейфец Днепропетровск

ПОДСОЛНУШЕК

Накануне войны в селе Лунёво устоявшаяся жизнь шла как обычно. Поговаривали что-то про Гитлера, но к своей родной земле такую напасть не относили. Ну не может такого случиться и всё! Партия не допустит! Народ жил своими личными радостями и печальями, свадьбами, похоронами, праздниками, трудоднями, сенокосами и посевной. Когда война-таки случилась, как-то оцепенело Лунёво, люди пытались осознать, что же теперь со всеми будет и как жить

* *Wer hat diese tun?* (нем.) – Кто это сделал?

** *Partisanen?* (нем.) – Партизаны?



дальше. А особенно долго размышлять над этим и не дали. Нечисть немецкая за три первые недели продвинулась далеко вглубь страны. Это было неожиданно и странно. Опять не верилось. Ведь всё время твердили, какая советская держава сильная и непобедимая! Кто же знал, что враг имел преимущество в численности войск и боевой техники. Испытав первые горькие неудачи в войне, оставшийся в тылу народ не призванный ещё в армию, добровольцами бросился истреблять врага. В слезах, вослед креста своих мужиков, провожали их бабы, выли от горя, предвидя, что далеко не все смогут вернуться к порогам родных хат.

После обязательного призыва и добровольцев в октябре на войну стали добирать оставшихся. После этого одни старики в сёлах немощные остались, бабы и детвора малая. Богдана забрали второй волной.

Богдан жил с матерью и был, с точки зрения селян, странноватым. Нелюдимый какой-то, тридцать шесть лет уже, а ни жены нет, ни подруги какой, водку не пил, поэтому и собутыльников не имел. В селе не всяк поймет, почему мужик зелье не уважает. Больной, что ли?

Мать Прасковья всю свою жизнь растила сына одна, мужа ещё в молодости страсть к зеленому змию сгубила. Правда, тот успел вдоволь над супругой позидеваться за тот короткий период, что осчастливил её своим присутствием. Через день гонялся, душегуб, по огородам с топором за своей избранницей. Еле в таких условиях сына выносила. Честно говоря, смерть истязателя после всего пережитого и горем-то не показалась. Хлопца растила и до обмороков боялась спиртного. Для неё сын Богдан стал радостью несказанной и опорой, надеждой и светом в окне. Сыном делиться она не хотела ни с кем, может, поэтому и жениться ему не дала. Стеной стояла. Было время, собирался жену в дом привести, всё отговаривала, мол, все девки плохи, все недостойные. Вдалбливала сыну, что жениться рано пока, и непременно у предполагаемой невесты находила какой-нибудь изъян.

Маруська Силина неряха, Надька Коваленко овца плешивая, да ещё строгостью к мужскому полу не отличается, Валька с соседней улицы хоть и красива, да какой же дурак на красивых-то женится? Гулящая будет! Так старалась она опорочить всех, кем интересовался её сын. Зачастую обидная это была напраслина. Прасковью местные не очень-то уважали, была она человеком закрытым от всех и всего, ничего ей не надо было, только, чтобы сын-кровинушка рядом был. От тяжелого труда старалась уберечь хлопчика. Всё сама, да сама...То как бы не подорвался, то ещё чего выдумает...Кое-что по хозяйству он делал, но не очень-то упирался, привыкнув, что всё на себе мать везла. Выучился Богдан на тракториста, деньги домой приносил и в кубышку складывал. На всякий случай! А жили на то, что домашнее хозяйство давало. Мать такое рачительное отношение к деньгам приветствовала. Мало ли что...Так и существовали, пока война не сломала для всех привычный жизненный уклад.

Прасковья, как сын повестку получил, посерела, съёжилась вся в одночасье, хозяйство забросила, только слезы углом платка подбирала. Три дня дали на сборы. Три дня сидит мать за столом, не спит, не ест, смотрит в одну точку и воет. А в это время скотина некормленная на дворе кричит. Не хотела принять и понять, за что сына у неё отбирают.

Оказалось, что Прасковья не просто так сидела, а думу думала и план выстраивала.



– Сынок, убьют тебя там, чуёт сердце!! Чуёт! Не могу я тебя отдать. Пусть другие уходят, у кого по десять человек детей. А ты у меня один.

– Р-о-д-н-е-н-ь-к-и-й!!! Б-о-г-д-а-ш-а! Что же делать теперь? Что? – Прасковья раскачивалась из стороны в сторону, глядя в пространство перед собой безумными глазами. Лицо почернело, руки натруженные маслястые сцепила на-мертво...

– Мать, чего выть зря? Кто же на войну хочет? – рассуждал Богдан. Все не хотят. И чего ты решила, что обязательно убьют? И морозом от этих слов стягивало живот... Может, и вернусь ещё. Не вой! Самому тошно!

– Богдаша! Придумала я что делать – перешла на шепот Прасковья, – смотрит безумными глазами, – Ты побудь там на этой войне немножечко и беги домой, я тебя тут, в подполе схороню. А война закончится, ты и выйдешь, большим вроде как был, после ранения – ничего не помню где был и как лечили... Ну кто будет проверять, где ты находился? По больницам лежал, а где не помню. Нету документов никаких, и делу конец. Когда немца выгоним, кому будет интерес в этом копаться? Никто не дознается. Соглашайся, сынок! Пропадут ведь без тебя. Один ты у меня радость и свет! Какая без тебя жизнь?

– Ты, что, мать, как это? Дизертировать, что ли, ты мне предлагаешь? Да меня в тюрьму за это, в штрафбат и на передовую, – хмурился Богдан. Стоял огромной стеной. Красивый мужик! Сыночек родной! Любо дорого посмотреть.

– Обещай, сынок! Пожалей меня! Внуков хочу поднять, на тебя порадоваться. Война не долгая будет, но убить – то и в первый день могут. Чуть потерпишь в подполе, но живым останешься. Ох, горе-то какое! Не имеют права у матери единственного сына забирать! Не имеют!

– Не хорошо ты говоришь, маманя! Любому помирать неохота. Вот и тётка Стася Ваньку своего, последнего сына, младшего отдаёт. Думаешь ей легче твоего?

Будто услышав разговор, на пороге образовалась Прасковья соседка Стася.

Губы в черную полоску сжатые, передник теребит. Стоит на пороге, слово вымолвить не может. У неё разом троих сыновей забрали, а теперь вот младшего Ванечку семнадцати лет. Завтра всех оставшихся в грузовик и на призывной пункт в райцентр...

– Чего пришла, Стася?

– Да спросить пришла, что в дорогу даешь? – села на край скамьи, голову руками сжала. Ты слышала, последнего со двора гонют! Как же это? Где ж правда? Генеральские-то сынки, наверное, по домам прячутся! А?

Прасковья вздрогнула. – Не собирала я ещё. Иди, Стася, ещё наплачемся вместе. И без тебя тяжко. Дай с сыном последний день побыть.

– Не сердчай, Прасковья. Не знаю куда идти и что делать. Не сердчай! – соседка хлопнула дверью.

Прасковья умоляюще взглянула на Богдана. Красивый какой, высокий, глаза, что небо, волосы соломенные – в бабу, мужнину мать, она его ещё подсолнушком называла. Эх, подсолнушек родной! Женичь пора, внуков нянчить охота. И чего мешала жену в дом привести? А когда ж теперь?

– Ну что, сынок, решай, Христа ради. Я всё хорошо придумала. Устрою тебе всё так, что и тепло и хорошо будет. В подполе жить будешь, а на ночь на



печке спать, на своём месте. Перетерпишь маленько, глядь, а война-то и кончится... Уж лучше так, чем помирать! Всё можно перетерпеть, лишь бы жить...

– Нехорошо ты, мать, говоришь. Нехорошо! Нечего попусту языком-то молоть,- буркнул Богдан, но мысль избежать фронта и дома отсидеться стала с той секунды костром гореть и засела в голове намертво, а потом всё время преследовала его, спать не давала, вызывая к себе дикую какую-то бесконечную жалость.

В самом деле – никто не имеет права моей жизнью распоряжаться!

И впрямь неизвестно ещё где генеральские-то сынки околачиваются. Уж не на передовой – это точно...

Утром на грузовике отправили ребят в райцентр. Всего двадцать человек. Самого молодняка набрали. Богдан из них был старше всех. Матери с невестами цеплялись за борт машины, что-то кричали вдогонку, последние наставления давали, отправляя кровинушек своих на погибель. С начала войны пять похоронок уже в село пришло... Прасковья стояла с каменным лицом, крестила сына, шептала что-то старушечьим ртом. Слезы выбирали себе путь и катились по серой изломанной коже бесконечной дорожкой.

Как не стало сына в доме, потеряла с тех пор Прасковья сон, интерес к жизни, равнодушна стала к хозяйству. Сидит целый день, в угол смотрит. Тоска смертная поедом ела. Спасу никакого. Корову, бывало, подоить забывала.

Стася в окно стучит:

– Ты чего над скотиной изголяешься? Корова недоеная мается. На всё село голосит. Куры по моему огороду шастают, ты им зерна-то когда сыпала последний раз? Сдурела ты, Прасковья! Мне не лучше твоего. Ты в работе спасайся, а то в уме совсем повредишься.

Первое письмо от Богдана Прасковья читала-перечитывала, целовала-перечеловывала. В кармане юбки своей единственной носила. Сердце ныло, голова не хотела понимать жизнь такую – без сына. Ничего ей теперь не надо. Всё время в страхе жила. Такой набожной вдруг стала, какой и не была сроду. Из сундука достала материну икону, завёрнутую в белый ситцевый платок, в угол повесила и молилась, когда из оцепенения своего приходила в себя. Всё теперь казалось не нужным. Недалёким своим умом понимала Прасковья, что ничего теперь сделать нельзя. Только где-то далеко, крохотным огоньком грела слабая надежда, что Богдан послушается её и сбежит с фронта. Так умоляла его, так заклинала!

– Твоя родина там, где мать живёт, – убеждала Прасковья сына. Свою мать надо защищать, село своё, а не ехать невесть куда под пули себя подставлять! Каждый должен своё защищать – свой дом, свою родню, землю. Если немец сюда б явился, вот тогда ты и ты шёл с супостатом драться. Мать здесь, а ты чью мать будешь защищать, пока я тут без тебя пропадать буду?

Таковую теорию придумала Прасковья. То ли лукавила, чтобы сына убедить, то ли не хотела понимать, как оно на самом деле должно быть, по-правильному...

В конце января ударил сильный мороз, на окнах наледи, печка съедала дров больше чем обычно, хата выстывала быстро. Тоскливо, пусто в доме. Не нужно теперь ничего. Даже кошка со двора ушла. Легла Прасковья на печку, лежит, плачет – одна на один со своей тоской.

Вдруг в окно вроде как постучал кто легонько.



– Показалось? Примерещилось? Кто это среди ночи может быть? Замерла, дышать боится.

Опять стук. Слетела с печи мигом, не спрашивая, крюк железный на двери подняла, в сенцы выскочила, как есть. Некому к ней по ночам стучаться! Только ОН, сын это может быть. Так ждала, так надеялась, что от возможной своей мгновенной фантазии, в голову будто что-то ударило. Второй крюк, что в сенцах к петле примерз, сразу не открыть было. Казалось, что час прошёл, пока справилась. Даже не спросила кто за дверью. Дикой потаённой надеждой взорвался в мозгу ночной стук. Перемешалось всё разом. Открывает – Богдан на пороге. Замерзший, в телогрейке, солдатских галифе и кирзовых сапогах. На лице щетина. Лицо вроде не его вовсе, а чужое. Обняла и упала на колени, сил нету подняться.

– Мамаля, я три ночи в село добирался. Лесом шел. Еле нашёл дорогу. Вот пришёл, как ты просила, теперь хорониться мне надо хорошо, иначе смерть. Дезертир я теперь. Дай поесть что-нибудь, не ел я ничего всё это время.

Всплошилась Прасковья, бросилась окна простынями занавешивать. Кинула картошку жарить. Нарезала сала, яиц сырых достала. Пей, сынок! Смотрит и не верит, что вот он тут рядом сидит. Подсолнушек её. Самогона хочешь, согреешься маленько, – сказала и себе удивилась. Сроду самогон дома не держала, а уж сыну и подавно не предлагала мерзкого зелья. У Вальки мельничихи на днях взяла, ноги растирать, уж больно ломать начало. У неё он хитрый какой-то, на зверобое, да чабреце.

– А что – выпью, мамаля! – И не понятно было рад ли он встрече или это от усталости. Другой совсем.

– Ну, как на фронте-то? – спросила Прасковья, глядя руку сына.

– Страшно, мамаля на фронте! Очень там страшно! Очень!

Смерть всё время на пятки наступает. Видишь, не выдержал я. Всё твои слова вспоминал, что если надо будет, то я село свое, дом свой защищать буду. Теперь я трус и дезертир.

От выпитого с непривычки и с мороза лицо стало красным, глаза прозрачными и чужими.

– Ложись сегодня на печь, отогрейся, я утром поднимусь рано, всё устрою тебе в подполе.

– Мать, помни, если найдут меня, это всё равно, что смерть меня найдёт! А теперь выйди и снег на дворе и перед окнами позаметай, там ведь следы мои остались. Не жди до утра, сходи.

– Никто не найдёт тебя теперь! Никто! Мы будем осторожны. Не бойся сынок, не живи в страхе. Снимай одежду свою солдатскую, я всё это в печке сожгу. А ты ложись пока. Уж до утра то недолго!

Прасковья глаз не сомкнула. Стояла у печи, вглядывалась в лицо сына.

– Господи! Счастье какое! Ну, чего там, на фронте неужто без него не обойдутся? По-честному всё должно быть! Он ведь у неё один – глушила в себе Прасковья сомнения. Плевать на всё! Плевать! Главное, что Богдан рядом.

Будить утром не решалась, пусть поспит ещё. Ведь, если придёт кто, можно не открывать вовсе, нету вроде бы дома.

Как назло, заявила Стася. То неделями не видать, а то в самый ненужный момент... В дверь так барабанила, будто случилось что.

– Чего лишнее по хатам ходить? У каждого свои дела. Не открыла ей, но



сердце так страшно в груди сжало, что потом еле отпустило.

Богдан подхвятился и в подпол. Рисовал себе жизнь в этих условиях как-то иначе, комфортнее, будто забыл как тут в подполе-то... Тепер это его блиндаж. На какое время? Ничего хорошего тут нет. Сыро, картошкой пахнет, стены кое-где плесенью взялись. Хорошо, что свет провёл, на стене сбоку слабо желтеет лампочка. В углу кадушки с квашеной капустой, огурцами и грибами. В ящиках свёкла с морковью. Всё знакомое, он сам сюда всё это сносил. В сенях, в погребё в холодную зиму промерзает всё, а здесь в самый раз. Прасковья вытащила всё кроме картошки в сенцы, чёрт с ней, пусть замерзает. Оживилась мать. Сияет вся. Тепер у неё есть забота самая главная, страшная тайна есть и радость огромная. Сына она защитит от смерти лютой, от тягот, от всего!

Сбегала поперву к Стасе, прикинулась, что не знает, будто та приходила. Тепер каждый чужой вопрос будет подвохом казаться.

– А я утром прибегала. Что-то так тоска заела. Писем нет от Вани. Да спросить хотела тебя, может, есть, что от Богдана? Бывает ведь такое, что люди на фронте встречаются. Может он моих видел? С Иваном-то вместе уходили, вдруг они там где-то рядом, – с надеждой спросила соседка.

– Нет ничего. Жду сама. Надо надеяться. Самогона у тебя, случаем, нет? Помогает он мне хорошо. От ног. Крутят так, спасу нет – перевела разговор Прасковья.

Стася налила трёхлитровую банку белой мути.

– На, тебе на год хватит! А ты чо простынями окна – то позакрывала?

– Шибко дует, вот и закрыла – поторопилась с ответом Прасковья.

– Из-за занавески выглянула дочка Танька пятнадцати лет, румяная, славная такая. Ишь выросла как, налилась вся!

Вот Богдан Таньку-то замуж и возьмет, подумала Прасковья, и так на душе стало легко. Все хорошо складывается. Только войне бы скорее конец! Её сыну ничего уже не грозит, никакая пуля и никакая мина, а Танька вот тут рядом подрастает.

Всё уже хорошо и не страшно совсем...

В подпол натаскала Прасковья сена, оно влагу в себя вбирает, и вроде как суше стало внизу. Перестановку в комнате сделала так, чтобы стол как раз стоял на дверце, ведущей в подпол, половиком полосатым накрыла и стережёт свой Подсолнушек.

Сутками лежит Богдан на ложе из сена, привык к тяжелому духу и сырости, думает о жизни и смерти, страх свой перебарывает. На войне пули боялся, тепер людей. Дни долгие, тяжёлые, бесконечные. Не понятно ему, когда начинаются, когда заканчиваются. То в сон впадает, то опять лежит, мается без дела, без разговора, без солнечного света. Просит мать радио громко включать, чтобы знать, как там наши врага бьют. А радио сообщало разное, то наступал немец, то наши войска отбивали врага. Смертей несчеть, полегло парней молодых неведомо сколько. Лежит Богдан и в голове молотки стучат: «Трус ты, Богдан. Трус и подлец! Почему за тебя кто-то гибнуть должен? Чем ты лучше? Или у тех ребят, что в земле сырой лежат матерей нет???».

Нет, он согласен в трусах числиться, лишь бы жить!

На ночь поднимался из подпола, перекладывался на печь. Спать не хотелось. Сколько ж можно спать? Уж полгода прошло. Все бока отлежал. Время



идет медленно, тянется, дни сбиваются в один большой ком. Одно утешало: «Живой»!

Заняться нечем. На дворе май. Забыл, как земля пахнет, как солнце греет. Посадить бы хоть что-то. Ведь все поели, муки осталось совсем мало. Мысли в голове вязкие, тяжелые. Год войне. Когда же она кончится? Сколько же ему в норе прятаться? Как выйду, когда она закончится? Что людям буду говорить? Страшно и стыдно. Но на войне страшнее! Надо перетерпеть. Как-нибудь само все разрешится.

Мать борщи варит, кур режет, откармливает дезертира, неожиданных гостей пуще смерти боится. Это ещё пора была не голодная, доедал народ, что успел наготовить впрок, во всех домах ещё нормально питались. А потом всё на нет сошло. Сначала корову забрали, потихоньку кур всех истребила.

Дни слагались в недели, недели в месяцы. Богдан вечером из подпола вылезал по хате походить, размяться. А потом стало страшно, перестал совсем двигаться. Морозы кончились, и простыни на окнах были совсем ни к чему. Зачем к этому факту внимание привлекать? Всего теперь боялись они, от люблого шороха вздрагивали. Приходил как-то из милиции Василий Иванович, инвалид, его из-за хромой ноги на фронт не взяли. В дом зашёл, на лавку сел.

– Что от сына слышно, Прасковья? Давно ли письмо получала?

Богдану все в подполе слышно. Замер Богдан. Не дышит.

– За всё время одно и было, – хмуро отвечала Прасковья. А чего это ты спрашиваешь? Может, знаешь чего про сына, так не томи, говори.

– Нечего мне тебе сказать. Пропал твой Богдан, никто не знает где он.

– Может, убили сына-то родного душегубы проклятые! Ироды! Прасковья представила себе, что такое вполне могло бы быть, и завывала громко и натурально.

Василий Иванович встал в дверях, громыхая костылём, и произнёс:

– Ты, Прасковья, если будет письмо, принеси мне. Обязательно! Надо точно знать, куда человек делся. Время военное. В части среди павших не числится, значит, возможно, что живой где-то. На войне всякое бывает, ты зря-то не убивайся!

Богдан весь этот тревожный разговор в подполе слышал. Ночью, когда вылез из подземелья, стали думать, как быть. Письмо-то написать можно, но что писать? И где штемпелю на треугольнике фронтовом взяться? Подумали и решили с письмом погодить. Богдан бледный стал, бесцветный какой-то, лицом как проросшие картофельные ростки. Рыхлый, угрюмый, с матерью не говорит. А о чем с ней говорить-то? Это она его на подлость сподвинула. Самогонку стал у матери просить. Она уже не могла на селе покупать и стала гнать ненавистное зелье дома. Хоть как-то ублажить сына хотела. «Ничего, раз до своего возраста не привык дрянь потреблять, не приучится», – успокаивала себя Прасковья.

– Эх, маманя, сколько ж мне здесь как крысе в норе торчать?

Ходить скоро разучусь! Солнца не вижу, забыл, как земля пахнет, – говорил Богдан, хлопнув кружку вонючей жидкости.

– Ничего, зато ты живой, а другие вот в этой земле почивают. Нанюхаешься ещё и земли той и на солнце налюбуйешься. Надо потерпеть, сынок.

Прасковья смотрела на сына преданно и ласково, не раскаиваясь ни в чем, а лишь радуясь, что он рядом.



Вот и лето пролетело, вот и зима прошла. Полтора года уже в подполе. Без самогонки не спится, а как хлопнет стакан, забывается большим тяжелым сном. Стася успела похоронку на старшего сына получить. Голосила на все село. От остальных сыновей письма редко, но получала. Только от Вани ничего. Наведывалась к Прасковье, но та была нелюбезна и все разговоры сводила к тому, что «Бог даст – живы останутся!»

Душно, мерзко, плохо в подполе. Пахнет кислятиной, сырыми стенами, прелой соломой, человеческими испарениями, мышинными экскрементами. По ночам серые разбойники бесчинствуют. Откуда они в подполе знают, когда ночь наступает? Могут и по лицу пробежать. Наглые. Даже они Богдана за человека не считают. Страшно ему. Ой, как страшно! Страшно сводки военные слышать, страшно вылезать из своего заточения на свет божий, страшно ответ перед людьми держать. Всё страшно. Приезжали из районной комендатуры. Важный такой усатый дядька, с папкой под мышкой на «бобике» с брезентовым верхом. Так Прасковья, чтобы вопросы все прервать ещё вначале и чтобы всё понатуральней было, закричала на него что есть мочи:

– Загубили сына единственного, а теперь даже не знают, где голову сложил! Могилы у моей кровинушки и той нет. Зачем ещё ходить, мучить мать? Кабы узнали, что с ним, да матери поведали, а то приходят душу терзать. Села и плакать начала.

А дядьке усатому плевать на её слезы. И не такое видывал! У него своё на уме.

– Какие у тебя, Прасковья, подсобные помещения имеются, сеновал, к примеру, погреб, чулан, подпол? Желая всё посмотреть.

– Как у людей, так и у меня!

Прасковье стало вдруг дурно. Почернела лицом, круги перед глазами поплыли. А тут ещё рубашка на гвозде висит. Чистая. Мужская. Как могла не убрать? Дура старая!

– Какие вам ещё помещения? Зачем? Чего время мое отнимаете? Или заночевать собрались? Так я и на печке могу постелить. Зачем же сеновал? Проверяющий со скамьи встал, толкнул дверь в чулан. Хорошо сапоги солдатские сожгла недавно совсем. Долгое время жалко было, очень добрые были сапоги. Думала в соседнем селе продать. В тряпицу замотала и в чулане хранила. Богдан, когда увидел сапоги, от ужаса отнемел. Так кричал потом на мать, ну чисто отец!

– Самогон, гонишь, Прасковья? Для кого, если не секрет?

– Самой надо. Ноги шибко болят. Для растирки содержу.

– Не много ли самой-то?

– Бывает, вымениваю на еду какую. А жить-то как? Одна я. Сами сына забрали, кормильца!

Прасковья взвыла во всю мочь. И тут произошло совсем непредвиденное. У неё будто лопнуло что-то в голове. Двоится все, сердце из груди наружу рвется. Крепкая с виду сельская баба плашмя падает наземь. Глаза закатили и не дышит.

Гость военный папочку на стол бросил, начал виски Прасковье тереть, да водой брызгать. Потом позвал соседку. Вместе со Стасей уложили её на кровать, сам уехал, а Стася при ней осталась.



Богдан пока весь этот разговор наверху был, в подземелье своем всё слышал, а что с матерью случилось, не понял. Прасковья лежит, молчит, вроде речь отнялась. Стася по дому ходит, хозяйничает. Как теперь наружу выйти? Как поесть, да нужду справить?

Совсем занедужила Прасковья, лежит, да все Богдана зовёт.

– Ишь ты, как тоскует по сыну, бедняга! Убивается, – сокрушалась Стася.

Только через неделю отпустила болезнь. Пришла в себя Прасковья, начала по дому ходить. Повезло.

Богдан лежал в подполе, боясь шелохнуться, кашлянуть, лишнее движение сделать, чтобы себя не выдать. Когда Стася домой уходила все равно боялся, дверь-то не на запоре. В любой момент можно зайти и его, дезертира поганого увидеть.

Опять страх к самому горлу подкатил. Душит, не отпускает. До тошноты страшно. Сжимается все внутри от страха и собственной мерзости. Вот по радио слышал – наши врага успешно бьют, город за городом освобождают. Сталин говорит о коренном переломе в войне. Радостно должно быть, может недолго уже ждать. А что потом-то для него будет, для Богдана? Никто ему не поверит, что был контужен и память потерял. Раскроется всё, а там трибунал и наказание, может даже расстрел... Ищут его, ищут, а он тут, как земляной червяк живет, жизнь свою драгоценную сохраняет. Разве он человек? Три года в подземелье. Лицо землистое, отекает, бородой зарос, неопрятный, вонючий. По ночам иногда купался в корыте. Матери тяжело стало воду носить, а он за порог ни ногой.

Мать говорила плохо, бормотала что-то. Стася её отпаивала травами. Богдан практически неделю не ел ничего. Баклажка пятилитровая с водой на всякий случай была с ним в подполе. Один раз ночью вылез, бутылку самогонки себе налил, да немного хлеба горохового взял с холодной вареной картошкой. Боялся, что Стася заметит, что продуктов стало меньше.

Со временем мать стала выходить во двор, хлопотать по хозяйству.

Заголодал народ. Обнищали, обносились. Все на бабьих плечах. Тяжко жилось односельчанам.

У Богдана вроде бы все чувства притупились. Все, кроме страха. Отупел совсем. Сам себе мерзок. Что делать? Какой вариант не выбери – все ему смерть выходит.

А война продолжалась. Лунево эта гадина не коснулась, но совсем недалеко бои шли, были слышны разрывы, над головами пролетали военные самолеты. Даже бомбу однажды скинули, в чей-то огород попала. Все по очереди ходили воронку смотреть. Пугались, как бы до Лунева немец не добрался! Ведь рядом совсем.

После визита человека из военной комендатуры Богдан решил срочно подпол расширить, сделать ещё помещение, чтобы в случае чьего-либо прихода прятаться в этот «карман». Начал рыть. Ночью в огород землю сносил. Рыл, рыл, земляная стена взяла, да и обрушилась, а полы у матери в хате просели. От времени бревна подгнили, менять пора бы, да некому. Забросил он задуманное. Пусть будет, как будет. Надоело бояться, надоело ждать неведомо чего. Что ему от того, что война кончится? Куда ему деваться? Так и жить в вонючем подвале, пока не сдохнет?

Прасковья слабая стала совсем. Бывает, заговаривается, слова путает, осто-



рожность потеряла, крючок на дверь забывала накинуть. Как же это? А вдруг гость какой неожиданный?

Так и случилось вдруг! На ночь метнулся Богдан на печь. От сырости стал его кашель донимать, на печи, известное дело, все хвори человека оставляют.

А в дверь без стука человек. Вжался Богдан в овчины, залег за тряпками, за печной трубой, мать про себя костерит. Слышит только возглас Прасковьи:

– Ванька, ты что ли?! Стася, счастье-то тебе какое, сын живым вернулся! Ничего, что без ноги, главное живой! Живой! Так рада была Прасковья за Ваню, что и забыла напрочь, что сын на печи лежит, дышать боится. Богдан слышал стук костылей, потом скрип лавки. Голос мужской, вроде не Ванин совсем. Ребенком уходил, а пришел мужик. В дверях Стася стоит, плачет от радости.

– Что про Богдана слышно? Мать писала, что пропал он. Надо надеяться. На войне всякое бывает. Может в плену, может раненый. Найдется его след. Вы только не переживайте. Не может быть, чтобы его убило. Не верю я в это! Будем искать. Я в часть его напишу.

Столько доброты, столько искренности было в Ваниных словах, столько неподдельного сочувствия, что Богдан слушал и только кулак грыз, себя сдерживал, чтобы не выйти, не повиниться.

– Вы Прасковья Ивановна, не стесняйтесь, зовите, если что надо, дрова там напилить или хату подправить. Я гляжу, полы-то у вас ходуном ходят. Я дома осмотрюсь, матери помогу, а потом и вам.

Стася, сидевшая рядом с сыном, не выдержав, выдохнула: «Герой он у меня! Герой советского Союза мой Ванюшка! Смотри – звездочка геройская. Ноги ему стоила. И грудь всю осколками изрешетили, нечисть фашистская!»

Сидит Стася, светится вся, сыном любитесь, всё руки ему гладит, всё щекой к щетине его прикасается.

– Представляешь, стирку затеяла на ночь глядя. Танька спать уж собралась, постель стелит. Вроде калитка стукнула. Некому приходится-то, да и мимо Вулкана никто не пройдет. А тут не залаяла собака. Тихо на дворе. Поворачиваюсь, а он тут на пороге стоит, голубчик, мальчик мой родной! Ноженька одна, ну, да и с одной люди живут. Правда ведь?

Стася промокнула глаза платком.

– Ну, мы пошли, а то ведь он только явился, я его еще и накормить не успела. Сразу захотел про Богдана узнать, да тебя, Прасковья, успокоить. Не переживай, ведь не было похоронки, значит где-то он есть. Жди. Всё бывает! Мы ещё с тобой породнимся, твой Богдан ещё Таньку мою замуж возьмет. Слышала – у Клавдии муж вернулся после похоронки. Вот где чудеса-то! Ты приходи, ежели что...

Богдан лежал на печи, желваками играл. Ванька героя получил, а он здесь, трусливая тварь, в норе живет.

– Стыд какой! Как жить дальше? Хоть руки на себя накладывай... Не могу так жить больше! Не могу!

Ночью оделся тихонько и, стараясь не разбудить мать, вышел из дома. Бледной тарелкой висела луна, от мороза деревенели руки и лицо.

Богдан в последний раз оглянулся на свою хату и шагнул в страшную тишину, где вчера ещё слышна была война...



Татьяна Янковская Нью-Йорк, США

НОЧЬ В РУМЫНИИ

Из цикла «Раскраски для взрослых.

Зарисовки и рассказы-недоростки»

В августе 44-го на карпатском направлении шли бои. Еще в апреле советское правительство заявило, что не собирается захватывать румынские территории, и призвало румынские войска прекратить военные действия против СССР и повернуть оружие против гитлеровцев. Успех Яссо-Кишиневской операции лучше всяких слов убедил румын в неизбежности нашей победы. 23-го августа пала военная диктатура Антонеску, и новое правительство объявило о прекращении военных действий против Советской Армии. Но немцы и не думали сдаваться. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов и прибывшие им на подмогу части с других фронтов с боями продвигались вглубь Румынии, все еще занятой фашистами. Используя горно-лесистую местность, противник оказывал упорное сопротивление.

К вечеру подразделения наших войск, переброшенных с севера, подошли к ущелью, на другой стороне которого закрепился неприятель. Усталые люди расположились на отдых. Мгновенно, как это бывает в горах, пала ночь. Но близость врага не давала людям утомиться, и время от времени в воздухе свистели пули, летящие в обе стороны. Младший лейтенант прилег на землю. Над ним было звездное южное небо, с которого, как ни в чем не бывало, подмигивали звезды. И все это так напоминало любившуюся всем за годы войны песню, что, сам не понимая, как это получилось, он зашел.

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...

В начале 43-го после окончания курсов младших лейтенантов его отпустили на побывку к невесте, которая была эвакуирована на Урал. В армию он вернулся командиром взвода и женатым человеком. Он был хорош собой, популярен, храбр. У него был сильный, красивый баритон – после поступления в университет он занимался в оперной студии, и невеста его тогда ревновала – и сейчас все замолкли, слушая этот голос.

В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

У него уже была дочь, жена прислала недавно фотографию младенца, лежащего на животе. Младший лейтенант помнил свою фотографию в таком возрасте в семейном альбоме – он был куда пухлее, чем дочка. Жена, конечно, получает за него аттестат, но хорошо бы послать ей что-нибудь, чтобы обменяла на продукты.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!

Он очень тосковал по жене. Ее маленькая фотография лежала в нагрудном кармане вместе с партбилетом – на фронте он вступил в партию. Его молодень-



кий ординарец, мечтавший после войны стать художником, сделал с фотографии увеличенный карандашный портрет, который младший лейтенант носил в планшете.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...

Он вдруг заметил, что вокруг стоит пронзительная тишина, выстрелы прекратились, и только песня разносится по ущелью – как будто и войны не было. Это было как массовый гипноз, наваждение, навешанное ночью, звездами, песней и мечтой о далеких близких. Но за ущельем – рукой подать – был враг, а рядом, скрытые темнотой, – свои, его боевые товарищи.

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи.
Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится!

Когда он допел, на стороне немцев раздались редкие аплодисменты. Потом стали хлопать все больше, все сильнее, доносились фразы по-немецки, можно было разобрать выкрики «браво!». Заплодировали и наши. И до утра уже никто в ту ночь не стрелял.

Перед рассветом, после артподготовки, они снова пошли в бой. «К концу сентября советские войска завершили прорыв стратегического фронта противника на протяжении 500 км и продвинулись на глубину 750 км. 12 сентября в Москве Советское правительство от имени союзников – СССР, Англии и США – подписало соглашение о перемирии с Румынией. В боях за освобождение Румынии от фашистского ига советские войска потеряли убитыми 69 тыс. человек».

А с младшим лейтенантом и правда ничего не случилось. Он закончил войну в Берлине лейтенантом и в 46-м вернулся домой к жене и дочке. Иногда, сидя у детской кроватки, он вместо колыбельной пел ей «Темную ночь» и, глядя на сонную щеку и светлые кудряшки, думал о том, как ему повезло.

Чудесный карандашный портрет жены лейтенант хранил всю жизнь как память о своем ординарце, которому так и не довелось стать художником, – он погиб в 45-ом, освобождая Польшу.

МЕТРОНОМ



Василий Дунин Луганск

ШЕКСПИРИАДА

Весь мир – театр.
В театре мира
недостает опять Шекспира –
произвести планеты опись
и акты сдать в театр «глобус».

Весь мир – театр.
А на театре
положены ведь и антракты,
но в актах –
раж интриг и дикций,
какой антракт –
не до традиций.

Весь мир – театр.
Не до косметик –
другие сроки,
другие сметы,
набобы,
дамы; тут же – ворик,
и что ни день,
то новый Йорик...

СУМЕТЬ БЫ...

Когда настанет час урочный
мне прожитое оценить,
с собой самим на встрече очной
суметь бы не пенять,
не ныть...



Последний шанс уже упущен,
не очень с ветром повезло,
но я держу ещё весло,
сопротивляясь волнам пуше.

И не затем, чтоб хвастать долькой
не мне принадлежащих благ,
а чтоб не выть забытым волком
на месяца унылый флаг.

ОПЫТ

Понимая,
 что вовсе –
 не витязь,
и не умник,
 хотя,
 между тем,
всего сущего был очевидец,
я в призывный рожок не дудел.
Говорил пустяки,
 огрызаясь,
остальное в себе навесу
и несу,
 в никуда погрязая,
зная,
 что в никуда погрязая,
зная,
 что в никуда унесу.
С черепашечный панцирь наш опыт
вырастает,
 но чтоб заодно
с телом нашим,
 как панцирей опыт,
кануть на неизвестности дно.

БОК О БОК

Извивается змеёй
жизнь –
 опасный слалом:
бредят женщины семьёй,
а мужчины –
 славой.

Предлагают вволю вин,
но вино не в сласть им:



жаждут женщины любви,
а мужчины –
власти.

Вся надежда на оплот –
на природы вымя:
дарят женщины приплод,
от мужчин –
лишь имя.

Александр Корж Киев

В мягком свете надвечернем
В городе огни и лица.
Успокаивает червень
Суетливый шум столицы.
От реки прохладой веет,
Облегают женщин платья,
От покоя пары млеют,
Подарив плечам объятья.
Запахи, куражась, кружат
В клумбах розы и левкоев,
Можно долго сидя слушать,
Как фонтаны время моют.
Зыбкий свет бежит по стенам
Неназойливой рекламой.
Кто художник этой сцены
С удивительною гаммой
Красок, шума, полукружий,
Полумрака, полусвета,
Где душа безумно тужит?
Юность, что судьбою спета...

Анатолию Пастернаку

Надеюсь, ты меня поймёшь.
Когда луч света гаснет, меркнет,
Льёт дождь, тупой, усталый дождь
И чаще думаешь о смерти...
Надеюсь, ты меня поймёшь,
Когда глоток и лучик света –
Есть правда белая, а ложь
В одежды серые одета.
И мы, как странники в пути,
Предсказанном Судьбой и Богом,



Тропу пытаемся найти
Тяжёлым и гортанным слогом.

Бредём в том поиске пустом,
Как в чаше среди глупых истин.
И лжи людской дрянной настой,
Как яд, глотаем зло и быстро.
У Времени густая вязь –
Опутывает нас, как сетью.
К душе да не пристанет грязь,
Пока на белом свете есть ты.

Дай, Бог, чтоб кончилось внезапно,
И не в больничной тишине,
А в доме, вечером, где запад.
Уже алеет и вчерне
Жизнь прожита и всё сначала
Нет сил начать, пропал азарт.
День светом догорит усталым,
Как будто сказку рассказал.
Дай, Бог, чтоб дети на работе
Ещё смеялись, а жена
Домашней, трудною заботой
Была в тот миг омрачена.
Уйти спокойно, тихо, славно,
Без хрипов, стонов и без сил.
И чтоб никто не видел слабым,
И состраданьем не бесил.

Среди времени и шума,
Света, снега, тихих сосен
Грустные роятся думы –
Ветер их в мой дом приносит.
Лёгким вихрем заметели
Лист теребит на балконе.
Знать, не все ещё успели
В путь сорваться свой законный.
Не у всех судьба такая –
Вовремя уйти и скрыться.
Что ж меня ты выбираешь,
Я ли не платил сторицей,
Кровью, потом и судьбою?
На сердце рубцы от счёта.
Иль виновен пред тобою?



Или вновь задел кого-то?
Темнотою накрывает
Чистый, снежный, древний город.
Ветер в щели завывает
И покой берёт за горло.

Юрий Лебедь Донецк

Когда-нибудь я повесть напишу...
Сейчас нужнее – эпилог романа,
Я домисел – соперника обмана –
Как цензор, на страницы не пущу.

Начну с неторопливого дождя.
Возможно, в декабре. Но лучше – в марте...
А буквы, как спортсмены перед стартом –
Одна смелей другой: «Начни с меня!»

«Начни с нуля... – мне шепчет тайный голос. –
Будь честен и не трусь. Начни с нуля...»
Я жизнь свою от вскрика бытия
Назад вращаю лихо, словно глобус.

Вот детства очень милая страна...
Ее бесцеремонно пропускаю.
Вот зрелость... Стоп! На ней перо ломаю, –
Недобрый знак. Беда или Вина?

И, как на грех, не вызрел эпилог
Последнего волшебного романа...
Я, видно, за перо схватился рьяно,
А сам роман прочувствовать не смог.

Он весь в прологе. И, как не крушись,
Предвижу я банальную развязку...
Пожалуй, лучше напишу я сказку...
А эпилог пускай напишет жизнь.

Тонкой сетью лег седой туман,
в алый шелк закутался закат...
Оказалась тяжкою сума,
показалась легкою строка
как подарок с барского плеча.
Не работать с ней, а так – форсить...



То ли сдуру, то ли сгоряча
приказал строке колючей быть.

Бьется рыбой хилая строка,
и как люди, учится хитрить...

Разорвать бы шелковый закат,
сети из тумана расплести,
бросить непутевую строку
в пепел, что остался от костра...

Но тогда я даже не смогу
сосчитать минуты до утра.

Завяжу узелок я на солнечном тонком луче
и тебе подарю, чтобы помнила, даже на ощупь...
Я – ничей. Понимаешь, на целую вечность ничей!
Ничего не бывает сложнее, трагичнее, проще.

Коль потеряно все, соглашайся скорей на ничью,
а иначе, как зверь, на луну одиноко завоешь...
Лучше солнечный луч через сердце свое пропущу.
Может быть, узелком он заденет в нем что-то живое.

Всегда мы умные потом –
на лестницах и в коридорах,
отмыв гнилые помидоры,
и клеветы налипший ком.

Всегда мы умные потом –
когда звезда давно потухла
и лишь прокуренная кухня
всю правду знает о былом.

Всегда мы умные потом,
когда бессмысленно молиться...
И прячем в старые пальто
перелицованные лица.

Микола Малахута Луганск

Що там було? Що там було із нами?
Коли від теплого, як спогад, Псла



Приходили тумани табунами
Навшпиньки на околицю села.

Звезли вже сіно. Пахла ніч, як м'ята,
Й любов'ю я від губ твоїх пропах.
Над сіновалом в гніздах ластів'ята
Раділи вголос у веселих снах.

Щасливе щось у їх дитинстві сталось,
І ти раділа – чисто, як дитя.
Казала: «Це ж бо так націлувались
З тобою ми, що вже за все життя!»

Настоялась на літі материнка,
До нас од ластів'ят ішло тепло.
О, Господи, це що ж, моя теплинко,
Із нами там, як місяць спав, було?

А чи на тебе схожа стала пісня,
Як невігойний український біль,
Коли любов, така висока й пізня,
Збира у літа вже останній хміль.

О, це таїння!.. О, це воскресіння!..
Два серця в'яже в муку гостра нить.
І чую: з мене світло йде осінне,
Щоб тихо твою душу освятить.

1990

*Постели постіль, моя кохана...
Андрій Малишко*

Постели постіль, моя кохана,
Чисту й незрадливу, як сльоза.
Ляже на шибки легким зітханням
Тиха фіолетова гроза.

Щось намріє ще прошепотіти.
Та не стане. Встане й піде прич.
І од вікон, за багряне віття,
Поведе до листопада ніч.

І брови її вогненна дужка
Проспіває ніжно, як струна.
І білітиме твоя подушка,
Мов пелюсточка, – на двох одна.



Сеї ночі в листі світ потоне.
І потоне листя в ночі теж.
Стерегтима нас любовна втома,
І приснитися вам одне і те ж.

Осінь за шибками, як зігнання.
Листя тулить лист-багрець до скла.
Ніч вернулась, А гроза остання
В листопад навшпиньки відійшла.

Вікна зімкнуть очі тихо й мирно.
Будемо щасливі ми і в сні.
Перса так двома зірками вірно
Щоку зігрівають мені.

1974

Лада Федоровская Херсон

Мой ласковий призрачний мир
Так хрупок в тисках безвременья.
Ни башен, ни стен, ни мортир –
В нем нет ничего для спасенья.

Прозрачны границы его
И пользы в них нет для защиты.
Но он ничего своего
Не отдал – мы с временем квиты.

Пред злом беззащитен и слаб,
Он вовсе не создан сражаться,
Но небом – за то, что не раб! –
Дано ему вновь возрождаться.

Мы – ласковый берег любви
В оставленном всеми затоне.
К нам жизнь простирает свои
Тоскующие ладони.

НЕПРИКАЯННОСТЬ

Не то, чтоб холодно, а просто неуютно,
Не ветрено – а вроде б сквозняки,
И на душе под стать погоде смутно,
И на уме всё больше пустяки.



Дела... Их много, но не интересны...
Успехи есть, но будто миражи...
Искать причины, право, бесполезно,
Диагноз – неприкаянность души.

Ослабшая на жизненном изломе,
Утративши приют в себе самой,
Она, как призрак в опустевшем доме,
Потеряннo томится пустотой.

Глуха к призывам и чужда надежде,
Не тянется устало ни к чему,
И яркий мир уж не влечет, как прежде,
Душа не соответствует ему.

Но всё же робкий лучик ожидания
Затеплится, как радости пролог,
Как знак – не станет ленточкой прощанья
Моя тропинка средь людских дорог.

МОДЕРНЫЕ ЗАМОРОЧКИ

Целый день говорю с механической телеигрушкой
И читаю ответы, а нужен мне кто-то живой.
«Абонент недоступен», «вне связи» – а нет, чтоб на ушко,
Пусть хоть с сотой попытки, ответил мне голос родной.

Мягко что-то пророчит луны благодушный светильник,
Будто дружеский знак – для звонка подходящий момент,
«Абонент недоступен» – исходит ехидством мобильник,
Создавая не в шутку – заведомо злой! – прецедент!

Что же это такое? - сказал бы хоть кто-то на милость.
«Недоступен» – и баста! Похоже, вопрос не простой.
Знать бы только одно – что худого с тобой не случилось,
А уж раз недоступен, то пусть для меня, для одной...

НЕ ПОЗДНО?

По судьбе без компаса блуждаю,
Я не там, не тут – всё как-то «между»,
Мне б хоть самый краешек надежды,
А на что – я и сама не знаю.

Грустная, томительная нежность,
Как любви истаявшей истома...



Нет причала, где была б я дома,
Где еще возможна безмятежность.

Где б душа, устав от потрясений,
Обрела устойчивость покоя,
Вдруг поверив в самое земное,
Ощувив, как чудо, день весенний.

...Тих, как тайна, вечер, в небе звездно,
Полутьмой теснымый, свет мерцает
И как будто мягко обещает,
Что ничто, ничто еще не поздно.

Иван Чалый Луганск

РУКАВИЦЫ

Вот и отцу пришла повестка.
Мать вся слезами извелась.
Рассыльный дверь закрыл не резко,
А звук, как бомба взорвалась.

Потом в наш дом пришли солдатки,
Мужья которых на войне,
И колесо жужжало прялки,
Пока луна взошла в окне.

За полночь поздно расходились,
Излив страдания свои.
А звезды в небе не светились.
Молчали даже соловьи.

А мать сидела до рассвета.
Мелькали тонких спиц лучи.
Отца дымилась сигарета
Всю ночь у сгорбленной печи.

Когда заря взошла пожаром,
Багряным отблеском войны...
Мать, слезы вытерев, сказала:
«Вот рукавицы я связала,
Возьми, в пути они нужны...»

Отец взял молча рукавицы,
Примерил молча, молча снял



И руку с тонкой светлой спицей
Смущенно ей поцеловал.

А утром – проводы и слезы.
На фронт дорога – без конца.
Вдали войны гремели грозы,
Разрывы бомб и свист свинца...

Вернулась мать домой послушно
К печали, горести своей...
И рукавицы под подушкой
Нашла в кровати сыновей.

Мне хочется быть Робинзоном,
Вдали от заводов и гари.
Дышать с наслаждением озоном
И жить без предчувствий аварий.

И в этом краю не обжитом
Без плуга, без зерен и спичек
Выращивать в пригоршнях жито,
Кормить им диковинных птичек.

Но бурно житейское море,
Коварны троянские кони...
Не я, так мой Пятница вскоре,
Корабль непременно построит...

Вам пора уйти.
Мне пора уехать.
Человеку просто затеряться вдруг.
Перестук колесный не повторит эхо.
Засмеется недруг.
Зарыдает друг.

От цветов весенних
ветки перегнутся.
Перекрестки света.
Версты без конца.
И пути-дорожки больше не сойдутся:
На одной орбите
Тесно двум сердцам.

ВОСПОМИНАНЬЯ В ДУШАХ НЕ СТАРЕЮТ



Прошло 70 лет с начала Великой Отечественной войны, но память вновь и вновь возвращает в те далекие трагические, героические годы.

В этой рубрике размещены воспоминания тех, кто детьми пережил ужасы и лишения военного лихолетья.

Авторы этих строк не литераторы, но их произведения в полной мере передают атмосферу того времени, позволяют ощутить настроение и душевное состояние участников описываемых событий, оценить бесстрашие и находчивость луганских подростков, благородство и мужество немецкого врача.

Виталий Хилько Луганск

Жизнь подчас преподносит неожиданные подарки. В прошлом году совершенно случайно в мои руки попали воспоминания о Великой Отечественной войне В.И. Хилько. Их передала дочь Виталия Ивановича, работник одного из отделов холдинговой компании «Лугансктепловоз», Елена Забелина.

На двадцати семи листах бумаги вместились история жизни обычного одиннадцатилетнего мальчика в оккупированном Ворошиловграде.

Автору удалось воссоздать обстановку тех лет такой, какой увидел ее и пережил подросток именно тогда. Детское восприятие происходивших событий, бытовые подробности жизни оккупированного города, трагические и смешные эпизоды, вошедшие в воспоминания Виталия Хилько, дополняют общеизвестные факты свидетельством непосредственного участника описываемых событий.

Получив в руки такой бесценный материал, отмеченный несомненными литературными достоинствами, отдаю его на суд взыскательного читателя альманаха «Свой вариант».

Игорь Масюченко, редактор многотиражной газеты компании «Лугансктепловоз», член МСПУ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Война меня, одиннадцатилетнего мальчика, застала в пионерлагере в городе Мариуполь, куда меня родители определили в первый, и как оказалось, последний раз за все время учебы.

Утром, 22 июня 1941 года, на линейке нам сообщили, что началась война с Германией. Немцы бомбили наши города, в том числе, Киев. Скоро нас отправят досрочно домой. Все мы стали серьезными, дисциплинированными. Вскоре мы ехали на поезде домой, где нас ожидали взволнованные родители. Началось во-



енное время. Запомнилось, что в вагонах ночью окна были плотно зашторены: соблюдалась светомаскировка.

Осенью 1941 года я пошел в четвертый класс средней школы №15, который успешно закончил в 1942 году. Кроме основных предметов, мы усиленно изучали военное дело: винтовку, автомат ППШ, гранаты. Занимались строевой подготовкой.

Фронт приближался. В июне 1942 года моего отца, работавшего тогда в облземотделе, направили в эвакуацию с сельхозтехникой и домашним скотом. Мы с мамой и бабушкой остались одни.

В июле наши войска оставили город. Перед этим были взорваны заводы, мосты, чтобы ничего не досталось врагу. После взрывов клубы черного дыма поднялись в небо.

Некоторые жители запасались оставшимися после взрывов на мясокомбинате и мель-комбинате продуктами. Моя мама сумела притащить мешок ржи.

Я с чердака нашего довольно высокого дома, находящегося в районе 11-й поликлиники, отодвинув черепицу на крыше, наблюдал за тем, что происходит в городе. Деревья в то время были еще маленькне, так что видно было далеко.

Однажды я наблюдал такую картину. В районе объездной дороги (ныне это квартал Щербакова) я увидел летящий на малой высоте самолет.

Это был У-2. Внезапно над ним появился немецкий истребитель, спикировал на него и, очевидно, дал пулеметную очередь. «Кукурузник» тут же сел. Истребитель, развернувшись, опять спикировал на севший У-2, и улетел. Я думал, что летчик погиб, а самолет разбит.

Каково же было мои удивление и радость, когда я увидел, что самолет поднялся и улетел.

17 июля я со своего наблюдательного пункта увидел в районе этой объездной дороги клубы пыли и колонны машин. Я понял, что это немцы. Они вошли в город без боя. На улицах – ни души, стоит зной и зловещая тишина.

Примерно в четыре часа дня, наблюдая через щели в заборе, я увидел первых двух немцев, которые шли по Институтской улице (ныне – улица имени Сосюры).

В руках с засученными рукавами – автоматы, на поясе – гранаты с длинными деревянными ручками, за спиной – рюкзаки-ранцы.

Было тихо и страшно от неизвестности: что же будет дальше?

ОККУПАЦИЯ **«Яйко-млеко»**

На другой день вся Институтская улица, начиная от улицы Ленина, была заполнена машинами, пушками, полевыми кухнями. Немецкие солдаты ходили по домам и требовали:

– Яйко-млеко!

Входя в дом с автоматами в руках, они говорили:

– Матка! Яйко-млеко!

И забирали все, что было в столах.

У нашего соседа застрелили собаку, которая не впускала их во двор. Приходили они и к нам. Бабушка обычно давала пару яиц и немец уходил. Один раз



немцу показалось, что двух яиц мало и он знаками потребовал еще. Бабушка развела руками и показывает ему, что больше нет. Тогда немец стволом автомата открыл дверку стола, а там, на тарелке – горка яиц.

Немец рассвирепел и, направив автомат на бабушку, что-то закричал.

В ответ бабушка, жестикулируя руками, на украинском языке ему говорит:

– А якщо ще пан прийде, що я йому дам?

Немец повернулся и ушел. Я же, наблюдавший за этой сценой из соседней комнаты, облегченно вздохнул.

Так состоялось наше первое знакомство с оккупантами.

ПРИСПОСАБЛИВАЕМСЯ

Первое время мы и жители близлежащих улиц, особенно взрослые, опасались выходить на улицу. Вид немцев, особенно жандармов с большими бляхами на груди, вызывал чувство страха. Иногда немцы заходили в дом и проверяли, нет ли у нас взрослых мужчин. Но почему-то на постой никто не останавливался, хотя у некоторых соседей они жили. Их воинская часть занимала двухэтажное здание детдома, что недалеко от школы №15. Там у них впоследствии был госпиталь, во дворе которого они хоронили своих погибших солдат.

Но выходить из дома надо было, хотя бы для того, чтобы приносить воду, которую мы брали внизу в переулке возле улицы Ленина. Там, у одного из жителей во дворе был колодец, и хозяин колодца за какую-то плату давал нам воду. Носить ее было довольно далеко, примерно с километр.

Постепенно мы, пацаны, осмелели и начали выходить гулять. Начали у немцев кое-что забирать, что плохо лежало. Попросту говоря, воровать. Брали консервы, которые немцы хранили в ящиках под кузовом машины, галеты и конфеты, которые у них были в кабинах машин, в «бардачках».

Когда мы добывали консервы, мы собирались у Коли Лысенко (к сожалению, его уже нет с нами), и его мама нам их разогревала на сковородке. Мы их уплетали с удовольствием, жалея, что не было хлеба.

Кроме того, мы воровали бензин из баков их машин. Бензобаки имели внизу краники, чем мы и пользовались.

Эти операции проводились поздно вечером, когда было уже темно. Мы с кофейниками подлазили под машину и сливали в них горючее. При этом другие ребята стояли на страже, и при приближении немцев подавали сигнал.

Однажды поздно вечером наш товарищ Жора Щербаков (здравствующий и ныне) залез под машину и начал сливать горючее. Мы с еще одним другом стояли на страже. Внезапно из дома вышел немец и пошел прямо к этой машине. Мы не успели подать сигнал, как он открыл дверку кабины, что-то взял, обошел вокруг машины, постучал сапогами по колесам и вернулся в дом.

К счастью, Жора не стал выбегать из-под машины, а притаился там и сидел тихо, пока немец не ушел.

Потом Жора долил свой кофейник, и мы разошлись по домам. Бензин нам нужен был, чтобы использовать его в лампах. Электричества тогда ведь не было.

Через некоторое время в городе появилась газета «Нове життя». Печаталась она на небольшом листке. Каким-то образом она попадала и к нам. В ней были в основном различные устрашающие приказы, заканчивающиеся, как правило,



словами: «За невыполнение – расстрел!» Был и приказ о том, чтобы все евреи носили на рукаве повязки с шестиконечной звездой. Я видел этих людей. Это были в основном старики и дети. Потом был приказ, чтобы они все явились на стадион имени Ворошилова (ныне стадион «Авангард»). Со стадиона их на машинах вывозили за Острую Могилу, где расстреливали из пулеметов и закапывали трупы в противотанковом рву. Сейчас на этом месте мемориальное кладбище.

На постаменте – советский солдат, держащий на руках убитую девочку, и надпись: «Не забудем, не простим».

ИТАЛЬЯНЦЫ

Немцы у нас простояли примерно с месяц. А затем их место заняли итальянцы. Это были совсем другие люди. У нас, пацанов, с ними установились дружественные отношения. Мы им подносили воду в канистрах, а они нас угощали галетами, конфетами, сигаретами.

Частую, проезжая на машинах, они пели «Катюшу», правда, по-своему, по-итальянски, но мелодия была наша.

Мы, ребята, целыми днями были на улице, искали, что можно найти съедобное, подражались грузить или разгружать машины в надежде заработать что-либо.

Иногда зарабатывали, иногда нас прогоняли. Один раз итальянец рассердился на мою настойчивость и в сердцах крикнул: «Вия, тикай, сто кильбометров!» Это я хорошо помню до сих пор.

Один раз мы с Жорой Щербаковым (пора уже сказать, что теперь он – Георгий Викторович) разгружали какие-то коробки из оцинкованной жести в гараже, примыкавшем к улице ОСО.

Когда работа была закончена, мы одну коробку украли и смылись. Отойдя подальше, мы сели в траву и начали эту коробку вскрывать. Мы думали, что в ней сливочное масло. А когда вскрыли, то увидели в ней советские винтовочные патроны, аккуратно по пять штук завернутые в бумагу. Мы были разочарованы.

Но тут мы заметили, что по улице от того места, где мы разгружали машину, идет солдат и внимательно осматривает обочины. Мы поняли, что он ищет нас. Бросив коробку, мы побежали в разные стороны. Итальянец погнался за мной, но я успел скрыться в ярку улицы Летной в бурьянах.

Итальянец подошел к ярку и долго всматривался в бурьяны, но я сидел тихо, и он ушел.

Один раз в нашем доме поселился итальянский офицер. Он был каким-то бароном, изнеженный, всегда был в перчатках. При нем были денщики. В чемодане у него всегда были конфеты, которыми я частенько пользовался.

Вспомнил я о нем вот по какому поводу. У нас в зале, где расположился этот офицер, на этажерке стояло несколько книг, в том числе и книга, которая называлась «ВСХВ», то есть «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», богато иллюстрированная.

Эту книгу мама получила в награду, как участница выставки в 1939 году.

Она работала на швейной фабрике, и была ударницей.

Так этот офицер, уходя от нас, эту книгу забрал.

Как-то летом мы с ребятами оказались в саду имени 1 Мая. Там была дере-



вянная постройка, в которой работал цирк. Мы попали на представление вместе с итальянскими солдатами.

На сцене была борьба, где появлялась «Черная маска» и всех побеждала. И был клоун – «рыжий». Он просил у пчелы меду и говорил:

– Пчела, пчела, дай мне меду.

А она (чучело на веревочке) его кусала.

Клоун плакал и слезы из его глаз брызгали на первые ряды. Все дико смеялись.

Многие итальянцы, сидевшие на задних рядах, сидели на спинках кресел, а ноги ставили на сиденья. И я тогда подумал: «Какие некультурные!»

Говоря об итальянцах, не могу не рассказать еще об одном случае, свидетельницей которого стала моя мама.

Три молодых итальянских солдата забрались через нашу усадьбу в соседский сарай и стали ловить там кур.

Маша, восемнадцатилетняя дочка хозяйки дома услышала шум и выбежала налегке одетая и босиком во двор.

А была уже осень, и земля заиндевела от мороза.

Маша начала ругать солдат и уже у ворот дома пригрозила, что сейчас оденется и поведет их к коменданту. Как только она зашла в дом, итальянцы оглядевшись по сторонам, убежали прочь.

ПАДРЕ ТЕОДОРЕ

Жизнь у нас проходила замкнуто, напряженно и голодно. Днем – хлопоты по хозяйству, по вечерам – сидение у керосиновой лампы или коптилки.

Когда спички кончились, стали пользоваться кресалом. Из-за отсутствия воды, купались мы редко. Как следствие, завелись у нас вши. Вот по вечерам мы и занимались тем, что вычесывали их из головы.

Питание было скудным, ели то, что было припасено перед оккупацией. У нас на чердаке стоял сундук, наполненный сухарями, которые бабушка засушила еще до войны, «на черный день». Со временем их, правда, побила шашель, но ничего, все пошло в пищу.

В подвале в бочках было какое-то соленье: капуста, помидоры, огурцы. В огороде в банках были закопаны сахар, мука, крупа. Было немного подсолнечно-го масла, жмыха, кукурузы, свеклы...

За семь месяцев оккупации все это было съедено. Потом мама делала лепешки из жмыха со скорлупой. Свеклу резали кругляшками и запекали на плите. Получались вкусные конфеты.

От скудной пищи и постоянного недоедания у нас начали пухнуть руки и ноги. Помню, на улице мы, ребята, хвастались друг перед другом, у кого опухоль больше.

Если бы нас не освободили в феврале 1943 года, мы бы уже начали помирать от голода.

В конце осени мы с Жорой оказались в районе облбольницы, которая была в центре города. На углу ограды больницы, примерно напротив пединститута (тогда он назывался ДИНО), мы обнаружили благоустроенное кладбище. Оно



было обнесено красивой кирпичной оградой. У входа стоял итальянский солдат – часовой.

Мы беспрепятственно вошли на территорию кладбище. Размеры его были примерно 40 на 60 метров. Оно было разделено на две части: с одной стороны похоронены немцы, с другой – итальянцы. Это мы определили по двум стенам в конце кладбища, на которых были изображены орлы: с одной стороны – итальянский с плавными очертаниями крыльев, с другой – немецкий с более резкими очертаниями.

Могилки были расположены стройными рядами с земляными холмиками. Возле каждой могилки установлен деревянный крест, на стойке которого укреплены табличка и внизу две минометные мины.

А в наше время на этом месте построен какой-то супермаркет. При его строительстве были обнаружены человеческие кости. Это были останки немецких и итальянских солдат, пришедших к нам, чтобы нас завоевать.

В феврале 1943 года чувствовалось приближение фронта. Иногда была слышна отдаленная канонада. На улицах появились немцы. Они были какие-то злые.

Видно они несли большие потери. Как-то пришлось видеть, как в сторону вокзала подводами вывозили горы трупов, прикрытых брезентом.

На нашей маленькой улице было полно машин с пушками. К середине февраля гул канонады усиливался, ночью со стороны Острой Могилы сверкали зарницы. На ночь мы прятались в подвале.

В ночь на 14 февраля немцы на улице вели себя беспокойно, слышны были крики ко-манд. Со стороны Острой Могилы слышался непрерывный сильный гул, и сверкали всполохи зарниц. Очевидно, там шел ожесточенный бой. После полуночи крики на улице стихли, послышался гул отъезжающих машин, и наступила тишина.

А утром меня разбудил крик мамы:

– Наши пришли!

По улице шли отряды наших автоматчиков в белых одеждах. Люди высыпали на улицу и радостно встречали наших бойцов. Сразу же солдат разобрали по домам на постой. Разместились бойцы и в нашем доме. Солдаты делились с нами своими харчами.

Находясь в оккупации, в условиях постоянного страха перед фашистами, в условиях голода и холода, мы верили, что наши придут. Мы верили, что победа будет за нами!

Неля Шлямкович-Павлова Луганск ИЗ «ТРИЛОГИИ О ВОЙНЕ»

Эпиграф

*Я Америки не открою –
Велика цена правды, истины:
Не все наши были героями,
Не все немцы были фашистами.*



Часть третья

БАЛЛАДА-БЫЛЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Увы! Я имени его не знаю,
Но где бы ни был этот человек,
Колени перед ним я преклоняю,
И благодарна буду весь свой век.

Город в оккупации остался,
Брошен был правительством народ,
Каждый в меру сил своих спасался,
Жили все, кому как повезёт.
Магазины, лавки все закрыли,
Ни одной аптеки не найти,
Про лекарства и врачей забыли,
Должен каждый боль свою нести.
Госпиталь немецкий разместили
В школе. Появились койки вместо парт.
Там врачи немецкие лечили
Раненых в боях своих солдат.
Ну, а как же клятва Гиппократа?
Каждый из врачей её давал.
В дни войны – они не виноваты –
Жёстко всё решает трибунал.
Что ж врачам немецким оставалось?
Делать выбор: жить или не жить.
Им под страхом смерти запрещалось
Населенье местное лечить.
Но, однажды, полуднем воскресным,
Свет не видя, в горестных слезах
Прибежала женщина из местных
С маленьким ребёнком на руках.
По лицу катились слёзы градом,
И едва живой ребёнок был.
Часовой немецкий автоматом
Матери дорогу преградил.
В госпитале есть лекарства. Значит,
Там могли малышку бы спасти.
Только грубо крикнул автоматчик:
«Вэк, вэк, матка! Быстро уходи!».
Вот и всё. И не случилось чуда.
Бейся в крике, сколько хочешь плачь
Дверь вдруг отворилась. И оттуда
Вышел пожилой немецкий врач.
«Адрес, адрес говори скорее.
Дома я малыш твой посмотрю.



Так. Мой понял. Уходи быстрее,
Уходи быстрее, я говорю!».
И ушёл. А мать стоит, не зная,
Что ей делать? Как ей поступить?
Лишь одно отлично понимая –
Здесь ей больше нечего ловить.
Вот пришла домой. Душа рыдает –
Это всё проклятая война!
На руках ребёнок умирает,
И не в силах помешать она...
Где-то мысль легонько шелохнулась –
Может, всё же этот врач придёт?
И сама печально усмехнулась –
Ночь уже. И вряд ли он найдёт.
И когда надежда испарилась,
Поздний час давно уже прошёл.
Лёгкий стук. И дверь вдруг отворилась,
Быстро врач к ребёнку подошёл.
Осмотрел. Внимательно послушал
И таблетку красную достал: –
«Это надо, чтоб малышка скушал», –
На четыре части разломал.
И ушёл. Все даже не успели
Ни сказать спасибо, ни спросить
Как им дальше быть, на самом деле?
Чем ещё малышку полечить?
Разве можно лишь одной таблеткой
Тяжело больную излечить?
И водою с уксусом, салфеткой,
Стали вновь малышке лоб мочить.
И таблетку по частям давали,
И просили Бога пожалеть.
На вторые сутки увидали –
Перестала девочка болеть!?
Господи! Спасибо тебе, Боже!
Ты к молитвам нашим снизошёл!
И врачу земной поклон наш тоже.
Жизнью рисковал он, но пришёл.
Так что, не спешите с обобщеньем.
Разный люд в народе каждом есть.
Будем относиться с уважением
К тем, кто ценит мужество и честь.
И хочу я, чтоб в степях Донецких
Память о былом храня в веках,
Был изваян этот врач немецкий
С девочкой еврейской на руках.

СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД



Юрий Каплан (28.05.1937-13.07.2009)

Каплан Юрий Григорьевич родился 28 мая в 1937 г. в г. Коростень Житомирской области. Закончил Киевский политехнический институт. Заслуженный работник культуры Украины. После первого сборника «Обжигающий ветер» (1969) не печатался почти двадцать лет. Потом отдельными изданиями выходили «Общая тетрадь», «Беглый звук», «Неровный стык тысячелетий», «Апрельский снегопад» (Киев-Регенсбург) «Поля тяготения», «Вирус любви», книги для детей «Анкины игрушки», «Как Анка в детский сад ходила», «Котенок Шульц», «Тельняшечка» и другие.

Автор десяти поэтических книг и четырёх сборников стихов для детей. Составитель, редактор и издатель поэтических антологий и альманаха поэзии «Юрьев День», шеф-редактор газеты «Литература и жизнь». Организатор фестивалей русской поэзии Украины, руководитель литературной студии «Третьи Ворота», возглавлял Конгресс литераторов Украины. Лауреат Международных премий «Ветка Золотого каштана», «Дружба» имени Т. Шевченко, имени В. Даля, Б. Гринченко, В. Винниченко, обладатель медали имени К. Симонова, диплома Международного Сообщества писательских союзов, многих других отличий. Стихи Юрия Каплана переводились на идиш, немецкий и украинский языки.

Не надо суетливых жестов,
Пустых сентиментальных фраз,
Пусть будет сдержан и торжествен
Последнего прощанья час.
Ведь за снегами, за дождями,
Сквозь стук колёс и скрип осей,
Такими же, как в час прощанья,
Мы живы в памяти друзей.

Замшелы каменные истуканы,
Но жив седой и расторопный леший.
Какая проза: говорить стихами
О самом наболевшем.



Какая проза: изощряться в рифмах,
Вгонять в размер тоску своих лишений,
Какая проза: пользоваться грифом
«Секретно, но несовершенно».

Всё чаще ломка. И всё круче доза.
И муза с каждым годом всё капризней.
Всю жизнь писать стихи: какая проза.
Но это проза жизни.

Так чуда ждут. Так ждут дождя.
Проснусь – всё будет по-другому.
Как пламя древнего дракона,
Наружу вырвется душа.
Жду. Затаённо. Не дыша.
Во сне.

В троллейбусе.

В столовой.

Так ждёт затаканное слово
Неслыханного падежа.

Судьба сложилась, а не вычлась,
Всё суетное – в пух и прах.
Нет в мире прав превыше птичьих –
Вот и живу на их правах.

МОЛИТВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЗЕМНОГО ШАРА

Верую
ветру, воде и огню,
глине и дереву –
Верую!
Звездным зрачком,
сухожилиями троп,
руслами-венами –
Верую!
Ритмом аорты
и ритмом волны,
безднами, сферами –
Верую!



Слогом, стопою,
босою стопой,
фибрами, нервами –
Верую!
Бог нам
за каждое слово воздаст
полною мерою –
Верую!

Престижем служб не дорожа,
Наскучив в собственном доме,
Уйти в ночные сторожа.
Я сторож брату моему.

Поближе к лесу выбрать пост,
Смотреть, смотреть в ночную тьму
И повторять при свете звезд:
Я сторож брату моему.

Вольготно, что не говори,
Как будто в отпуске в Крыму,
Код: сутки – трое (день за три).
Я сторож брату моему.

От славных дел, от сладких пут
Вдруг добровольно влезть в хомут,
И что мне пряник, что мне кнут,
Я сторож брату моему.

Друзья покрутят у виска,
Мол, горе горькое уму.
Мне ваша проповедь близка,
Я сторож брату моему.

И молча все мои враги
Пройдут сквозь тьму по одному.
Прости им, Господи, грехи.
Я сторож брату моему.

Я устал от утрат и забот,
Лживых фраз и торжественных жестов,
Никаких не хочу происшествий,
Слышишь, доченька, липа цветёт.



Созревает ли в завязи плод,
Извергает ли пламя порода,
Суеты не выносит природа,
Слышишь, доченька, липа цветёт.

Отчего ж что ни день, что ни год,
Код природы в себе изменяем,
Безоглядно себе изменяем,
Слушай, доченька, липа цветёт.

Может быть и тебя обоймёт
Гул пчелиный и запах медовый.
Молчаливо – испортишь и словом –
Слушай, доченька, липа цветёт.

Погружайся в блаженный полёт,
Счастье – выплывем, счастье – утонем.
Прислонившись щекою к ладони,
Слушай, доченька, липа цветёт.

Свободой душу не трави,
Пусть ветер пляшет в чистом поле.
Вольноотпущенник любви
Своей не радуется воле.

Сам принесу свой крест – распни,
И не решусь спросить: доколе?
Позволь быть вечным крепостным,
Не отпускай меня на волю.

Не жду чудес. Не вижу снов.
Душа, как лодка на приколе.
Что глубже и банальней слов:
Не отпускай меня на волю.

Юрий Кукин (17.07.1932-07.07.2011)

Кукин Юрий Алексеевич родился в Ленинградской области, пос. Сясьстрой. Окончил с отличием Ленинградский институт физкультуры им. П. Ф. Лесгафта в 1954 году. Работал тренером по фигурному катанию в детских спортивных школах Петродворца, Ломоносова, Ленинграда. Песни начал писать с 1948 года сначала для джаза, где играл на барабанах, потом – для институтских капустников. С 1963 года появились песни, написанные в геологических экспедициях в Горную Шорию, на Камчатку, Дальний Восток, Памир.



В июне 1964 года в Ленинграде с успехом прошел фестиваль «Белые ночи». После этого возникла идея организовать конкурс самодельной песни в рамках планируемого на 1965 год пятого ленинградского фестиваля молодежи, на котором прозвучали две песни в исполнении Юрия Кукина, «За туманом» и «Париж».

Лауреат конкурса туристской песни II Всесоюзного похода молодежи в Москве в 1966 году. С 1968 года выступал от Ленконцерта, работал в ЦКБ «Меридиан» инструктором физкультуры, с 1971 года работал в Ленинградской областной филармонии, с 1979 года – в Ленконцерте, с 1988 года – в ленинградском театре-студии «Бенефис». Вышли два диска-гиганта на фирме «Мелодия» (1988, 1990), аудиокассеты, компакт-диск и две книги песен.

Особую популярность Юрию Кукину принесли песни «Город» («Горы далекие, горы туманные...»), «А все-таки жаль, что кончилось лето», «Гостиница», «Сказочник» («Я старый сказочник, я знаю много сказок...»), «Париж», «Маленький гном», «Поезд», «Волшебник» и многие другие.

ГОРОД

Горы далекие, горы туманные, горы,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете – где-то есть город, город,
Если вы помните – он не для всех, не для всех.

Странные люди заполнили весь этот город:
Мысли у них поперёк и слова поперёк,
И в разговорах они признают только споры,
И никому не выходит оттуда дорог.

Вместо домов у людей в этом городе небо,
Руки любимых у них вместо квартир.
Я никогда в этом городе не был, не был,
Я все ищу и никак мне его не найти.

Если им больно – не плачут они, а смеются,
Если им весело – вина хорошие пьют.
Женские волосы, женские волосы выются,
И неустроенность им заменяет уют.

Я иногда проходил через этот город –
Мне бы увидеть, а я его не замечал.
И за молчанием или за разговором
Шел я по городу, выйдя и не повстречав.

Поездом – нет! Поездом мне не доехать.
И самолетом, тем более, не долететь.
Он задрожит миражом, он откликнется эхом.
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть.



ЗА ТУМАНОМ

Понимаешь это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чудак.
Я гоняюсь за туманом, за туманом
И с собою мне не справиться никак
Люди посланы делами, люди едут за деньгами
Убегая от обид и от тоски,
А я еду, а я еду за мечтами, |
За туманом и за запахом тайги | 2 р.

Понимаешь это просто, очень просто,
Для того, кто хоть однажды уходил.
Ты представь, что это остро, очень остро
Горы, солнце, пихты, песни и дожди.
Пусть полным-полно набиты мне в дорогу чемоданы:
Память, грусть, невозвращенные долги. |
А я еду, а я еду за туманом, | 2 р.
За мечтами и за запахом тайги.

ПЕСЕНКА КЛОУНА

Я лицо мукою мелкой побелю,
Я его покрашу яркой краской свежей,
Я себя совсем, совсем переменю...
– Здравствуйте, я снова на манеже!

Я поставлю чувства на голову с ног:
От печалей – смех, а радость – от мучений.
Буду я смешней и неожиданнее снов,
Буду интересней приключений.

Шарик, что казался сверху голубой,
Поднесу, а он – зеленый, желтый, красный...
И сомненье, радость, горе и любовь
Сделаю, как я, простым и ясным.

Если же внезапно истинную грусть
Как-нибудь случайным жестом обнаружу,
Я подпрыгну вверх, и я перевернусь,
И тогда опять вам буду нужен.

А когда домой вернетесь поздно вы,
Спор обычный, как всегда, сменив на нежность,



Кто-нибудь заметит: «А ведь клоуны правы...»
– Здравствуйте, я снова на манеже!

А ВСЕ-ТАКИ ЖАЛЬ

И холодно, и ветер, и сумерки в глазах.
Разорванным конвертом закончился азарт.
И новые заботы, и трудно, и легко –
От дома до работы совсем не далеко...

А все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето!
Время летит – не удержать, дело не в этом.
Среди взволнованных людей
И в блеске мокрых площадей
Все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето.

Проснулся я от радости – ложился спать с печалью,
Сто восемьдесят градусов, помноженных ночами.
Вчера так хмуро было – сегодня день каков!
И снег – всемирной гибелью всех белых мотыльков...

А все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето!
И – не хотят – листья летят, сорваны ветром.
Среди осенней кутерьмы
И жизнерадостной зимы
Все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето.

Однажды было лето – оно внезапно началось.
Однажды было лето – оно так много значило.
Однажды было лето, что в памяти меняется,
Однажды было лето, оно не повторится.

А все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето...
Время летит – не удержать, дело не в этом.
Когда в душе осенний дождь
И ничего уже не ждешь –
Все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето.

ГОВОРИШЬ ЧТОБ ОСТАЛСЯ Я

Говоришь, чтоб остался я, чтоб вовек не скитался я,
Чтоб восходы с закатами наблюдал из окна.
А мне б дороги далекие, да маршруты нелегкие,
Да и песня в дороге той, словно воздух нужна.

Чтобы жить километрами, а не квадратными метрами,
Холод, дождь, мошкара, жара – не такой уж пустяк!



И чтоб устать от усталости, а не от собственной старости
И грустить об оставшихся, о себе не грустя.

Пусть лесною венерою пихта лапой по нервам бьет,
Не на выставках – на небе наблюдать колера.
И чтоб таежные запахи, а не комнаты затхлые,
И не пыль в кабаках, рукав прожигать у костра.

Говоришь, чтоб остался я, чтоб вовек не скитался я,
Чтоб восходы с закатами наблюдал из окна.
А мне б дороги далекие, да маршруты нелегкие,
Да и песня в дороге той, словно воздух нужна.

Я УМРУ НА БЕГУ

Я умру на бегу, торопясь, опоздав,
И уже не смогу доказать, что я прав,
Что я очень спешил, не хотел подвести,
Я бы все разрешил, но уже не спасти.

Самолет улетит без меня, без меня,
И составы одни зазвенят, зазвенят,
Ну а тех, кто дождется до этого дня,
Я заранее прошу – извините меня.

Извините за то, что стареть не решил,
Извините за то, что несправедно жил,
И что дальше и дальше я день ото дня,
И что это сказал, извините меня.

Борис Локотош (03.08.1930-29.06.2011)

Родился в 1930 году в Луганске в семье служащих. Окончил Луганский машиностроительный институт. Доктор технических наук, профессор. Преподавал в Восточно-Украинском университете им. В. Даля.

Автор книг: Очерки истории Луганска. (1994); Записки штабс-капитана. (1996); Стихи разных лет. (1996).

Член Межрегионального союза писателей Украины (1997), Международного сообщества писательских союзов (1997). Почетный гражданин Луганска (1995). Лауреат Международной литературной премии имени Григория Сковороды (2010).

Похоронен в Луганске на кладбище Острая Могила.

**ПИСЬМО ШТАБС-КАПИТАНА МИХАИЛА ЛОКОТОШ ИЗ
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. АПРЕЛЬ 1916 Г.**

Дорогая сестра!
Я лежу в Черновицах.



Небольшое раненье
Навылет в плечо.
Надо мною виденьем
Ваши светлые лица,
Впереди – вновь Галиция
В пекло влечет.

От мадьярских улан
Я казацкою пикой
С батареей своей
Чуть ни чудом спасен.
Ты в Айдар передай
Всем поклон наш великий,
Пусть молитвой твоей
Будет он освящен!

Мы достигли Карпат
Сквозь австрийские цепи.
За Станислав твой брат
Был крестом награжден.
Очень скоро опять
Мне стоять у прицела,
Как Христос, я к лафету
Навек пригвожден!

Пусть не бредят войною
Твои гимназистки.
Милосердия в ней
Не сыскать и на грош!
Пусть припомнят меня
И субретки-артистки,
Как плясал на балах
Михаил Локатош!

Ты не дай захлестнуть себя осени,
Загасить под дождями свечу!
Пусть года между нами с проседью,
Я об этом сейчас промолчу!
Лишь скажу тебе в темный вечер,
Когда в тучах не видно зари, –
Обними меня ты за плечи
И гори в моем сердце, гори!



* * *

Невольно нас всегда влекут к себе места,
Где счастливы бывали мы когда-то.
В них память по складам читает, как с листа,
Листая дни назад, до прошлой милой даты.
Знакомых мест черты нам говорят без слов
На языке оставленной приметы:
Здесь край родней всех уголков планеты,
Здесь легче сдуть мечтам забвенья пыльный слой,
Здесь родина прекрасного мгновенья,
Замри и вспомни миг его рожденья!

АФГАНСКИЕ МОТИВЫ

1

Когда в пустынной стороне,
Куда и за год не дойдёшь,
Грустил я, скорчившись в седле,
Я знал, что ты придёшь!

Когда в глазах моих плыли
На солнце скалы и пески,
Твои глаза цвели вдали
В тени у голубой реки!

Когда в безводном том краю
Сухой песок я грыз зубами,
Я знал, что жажду утолю,
Твоими добрыми устами!..

Когда скалистый Копет-Даг
На горизонте мне маячил,
За ним не укрывался враг...
Тогда всё было там иначе!

1966 г. – 1986 г.

2

Мы сидели в каком-то баре.
Счет вели там на кроны и тугрики
И, как в жарком и винном угаре, –
Интерьер вокруг – цвета сурика.

А мы были до боли трезвые, –
Время стало на грань разлуки,



И бежали минуты резвые,
А мы молча сцепили руки.

В джазе выли по-иностранному,
Сигаретный дым - коромыслом,
А мы были такими странными,
И долбили виски наши мысли.

Цены были такие высокие.
Столики – вот такие низкие,
Окружающие – все далекие,
А мы были такие близкие!

3

ПИСЬМО В КАБУЛ

Где древний Мазари-Шериф,
Где свежие пули душманов,
Там образ твой милый, cherie,
Окутан восточным дурманом!

Закрыв от тебя Гиндукуш
Широкое Чёрное море,
И кто-то срывает свой куш
И нянчит пуштунское горе!

И мутно бурлит Герируд,
И жутко клянутся Пророком! –
А мне бы, когда все уснут,
К тебе заглянуть ненароком!

Надеть бы мне синий берет,
Да грудь разлиней в полоску,
И чёрт пусть меня не берет,
Аллах расшибется пусть в доску!

Пусть белые плечи твои
Мне светят, ты только не смейся!..
Простит пусть меня Навои, –
Прикрыл бы на миг Полумесяц!

Иль, может, проникнуть к тебе
Под пышной чалмою имама? –
Позволит вкусить твой щербет
Мне льготный обычай Ислама!..



Где древний Мазари-Шериф,
Где свежие пули душманов,
Я вижу твой образ, cherie,
В тумане восточных дурманов!

1986

МОЙ УДЕЛ

Мой удел – до седых волос
Бесшабашным мальчишкой быть.
Сумасшедшинку довелось
Обрести да не избыть.

По-мальчишески в жизнь влюблен.
Утром, солнца согрет приветом,
Предстоящим днем оживлен,
На свиданье спешу с рассветом.

Верю девушке на слова,
Верю в верность на расстояньи,
Верю – светлая голова
Человеку дана при созданыи.

Верю в первый гром по весне,
Верю в присказки певчих птиц...
Вечно в небе далеком мне
Журавлей ловить и синиц!

Анатолий Скрипов (09.02.1940-21.03.2006)

Скрипов Анатолий Петрович родился на Урале, в Магнитогорске. Окончил горно-металлургический институт, работал на Челябинском электро-металлургическом комбинате. В 1965 году переехал в Луганск. Занимался научной деятельностью в институте «УКРНИИУглеобогащение» и Луганском филиале Института экономико-правовых исследований НАН Украины, заведовал кафедрой в Институте повышения квалификации руководящих работников угольной промышленности, возглавлял отдел научно-технического развития обладминистрации. Кандидат технических наук, доцент.

Стихи писал со студенческих лет. Автор несколько поэтических сборников: «Мои миры» (2000), «Тропа раздумий» (2003), «Грани» (2004), «От А до Я» (2005). Сборник «Мои последние страницы» был издан в 2006 году его женой посмертно.

Член Межрегионального союза писателей Украины с 1999 года.

Стихи – друзья в моей судьбе –
Растут и укрепляют корни,



Содержат таинство в себе,
Влекут, волнуют, но не кормят!
В автобусе, во сне, в тиши,
С трудом слагаемы иль сразу,
Они – лекарство для души
С эффектом быстрым, безотказным.

И снова март. Неясные мелодии
В душе моей почти заледенелой
Уже звучат и просятся несмело
Опять на свет из снежного бесплодия.
Весна меня окатывает нежностью.
Выглядывает солнце из-за тучи.
Инстинкт любви великий и могучий
Не уничтожить холодом и снежностью.

МУЗЫКА СЛОВ И ЧУВСТВ

Верю, скучаю, люблю –
Полные смысла слова,
Верю, скучаю, люблю –
В жизни большая глава.
Верю, скучаю, люблю –
Музыка нежная слов.
Верю, скучаю, люблю –
Я повторять их готов.
Верю, скучаю, люблю –
Чувства, как горный обвал.
Верю, скучаю, люблю –
Я и во сне их шептал.
Верю, скучаю, люблю –
Греют сильнее огня.
Верю, скучаю, люблю –
Слышишь, надеюсь, меня.
Верю, скучаю, люблю –
Ты в них и верность моя.

КАЗАЦКОЕ ПРОШЛОЕ

Казачье прошлое спать не дает.
Казачья слава трубою зовет.
Живая, как в старь, Запорожская Сечь
Стремиться меня за собою увлечь.
Могучие кони тревожно храпят.
Рога боевые призывно трубят.
Наточены сабли и пики остры.
Повсюду горят боевые костры.



.....
А что ж нам, потомкам, осталось от них.
Быть может, бывшее – легенды одни,
Осталась ли удаль былая, размах,
Не гложет ли души предательский страх?
А как с тем понятием: враг – значит враг,
А друг, так уж друг – не меняют на так.
Что черное белым нельзя заменить,
А смелость за деньги нигде не купить.
Так что? Неужели все это ушло?
Бельем вековым навсегда поросло?
Казачье прошлое спать не дает.
Казачье племя трубою зовет.
Сегодня в делах не рубают с плеча
Ведь можно и дров наломать сгоряча:
В потомках казачьих горячая кровь
И та же в них ненависть, та же любовь.
Но только иные теперь времена,
И нет больше сабли, и нет скакуна.
Казачью саблю сменило перо,
А мягкое кресло – совсем не седло,
Но удаль осталась в научных делах,
И стал ошутимее мысли размах.

.....
Однако же смелость решений для дела
Остаться от предков в нас все же сумела.

ЧЕРЕЗ КИЛОМЕТРЫ

Ты смотришь через километры
И видишь, может быть, меня,
Тебе навстречу мчатся ветры,
В устах мой поцелуй храня.
Пусть телепатия – химера,
Пусть это мистика и ложь.
Но я живу сегодня верой,
Что ты меня всегда поймешь,
Поймешь с любого расстоянья
И мысли все мои прочтешь,
Как велико мое желанье
Тебя увидеть – ты поймешь.
Поймешь, что я мечтою нежной
Заполнен – рядом быть с тобой,
Делить сомненья и надежды,
Как предназначено судьбой.

1964



БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ, РОДНАЯ

Дорогой жене Кате

Меж телефонных слов, улыбок,
Между бесед и полусна,
Болезни отодвинув глыбу,
Царишь лишь ты – моя жена.

Мои болячки за основу
Приняв, забыла про свои
И для меня на все готова.
Готова и дышать, и жить.

Искать все новые рецепты,
Чтоб на ноги меня поднять:
«Ус золотой» – он даст окрепнуть, –
Так не сидела даже мать.

Самоотверженность такая,
Что слез из глаз не удержать.
Как на Богиню, я взираю,
Молясь лишь Богу иногда.

Как хорошо, что есть родная
На болью сломанном пути.
Иначе б диалог с Всевышним
Я должен был уже вести.

2006

ТОСКА

Грусть за какую-то чертой
Уже не называют грустью,
Она становится тоской
С отчаяньем или удушьем.

Иду, мечтаю, сплю – она,
Как сторож нудный, без талантов,
Совсем для жизни – не нужна,
Но я терплю – нет вариантов.

ПРОЩАНИЕ

Я жизнь завершил. Приготовьте надгробье,
Несите венки, говорите слова,



Я их не услышу уже, слава Богу,
Не буду отныне страдать или врать.

Вы слышите? – Капает, капает горе
С краев переполненной чаши души.
Все – я растворяюсь. Не плачьте, не спорьте,
Во мне нет ни горя, ни скорби, ни лжи.

В конце концов, не важно то,
Кто сколько лет прожил,
А важно, как через себя
Ты годы пропустил.
Коль удивляться не отвык
Вещам, на вид простым,
То ты себя не растерял –
Остался молодым.

ПАЛИНДРОМЫ

А. П. Скрипов разработал свою методику создания палиндромов (слова и фразы, читающиеся в обоих направлениях), которая вошла в книгу «Мои последние страницы» (Киев, «Шлях», 2006). Свою работу он назвал «Светлой памяти известного и неизвестного Велимира Хлебникова посвящаю. ТВОРЧЕСКИЕ ЧУДАЧИНКИ, МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ПАЛИНДРОМОВ И СЛОВАРЬ СЛОВ И ФРАЗ-ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ (ОКОЛО 700 ФРАЗ И БОЛЕЕ 1300 СЛОВ)».

Вот некоторые из палиндромов, составленных А.П. Скриповым:

А барин? Гни раба!
А муку мелем у кума.
А нос репой. О, персона!
Бел хлеб и городу дорог.
Дед лавр оборвал.
Иди моряк яром.
Коростели лет сорок.
Лапоть топал молодо долом.
Ненец: мороз узором ценен.
Рикша-башкир летел искать такси.
Хил он, но лих.
Я и фамилия, я или мафия.

НОСТАЛЬГИЯ



Татьяна ОКУНЕВА Запорожье

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Маленькая Девочка в коротком ситцевом сарафане с оборочками внимательно следила за желтой бабочкой, собирающей нектар с таких же желтых одуванчиков, густо растущих у забора детского сада. Стоило Девочке приблизиться к бабочке, как воздушная красавица тут же взлетала и переселялась на другой цветок, подальше. От частых неудач у Девочки гулко-гулко стучало сердечко. Малышка недавно перенесла скарлатину, долго лежала в больнице, из которой вышла остриженной наголо.

Атласный бантик едва держался на коротеньких черных завитках. Этот бантик, казалось, тоже волновался и даже съехал чуть набок от волнения. Бабочка, похоже, чувствовала то же самое, ее крылышки мелко дрожали, то распахиваясь веером, то складываясь крошечным ярким парусом. Но Девочка оказалась терпеливой, а бабочка потеряла бдительность, и вот она уже поймана, сначала за одно крыло, а затем и оба трепещущих шелковистых лепестка оказались в маленьких пальчиках. Бедная пленница перебирала лапками, пытаясь вырваться. На воле, порхая среди цветов, она была намного красивее, чем в руке, и Девочка, подумав, выпустила ее – пусть летит. Однако бабочка, упав на землю, била крылышками, но взлететь не могла. Девочка подняла ее, подбросила вверх, но бабочка упала снова. Повторив свою попытку несколько раз и убедившись, что серый замученный комочек больше не может летать, Девочка заплакала.

После ужина Девочка снова подошла к забору, но знакомой бабочки уже не нашла. Одуванчики отвернулись, склонив привядшие и уже не такие пушистые шапочки. Зато под камнем на влажном стебле спорыша сидела улитка. Девочка осторожно взяла ее за раковину и стала ожидать, пока та выставит свои рожки. Улитка догадалась, чего от нее хотят, высунула головку, на которой виднелись два розовых бугорка. Бугорки шевелились и медленно росли.

– А ты не знаешь, где желтая бабочка? – шепотом спросила Девочка.

Улитка ничего не ответила, свернула рожки и спряталась в свой домик. Она не знала.

Девочка, стараясь не касаться липкого тельца, положила ее обратно, под камень. Испуганно захлопала ресницами, увидев, что улитка лежит на земле неподвижно. На прошло совсем немного времени, ракушка зашевелилась и не спеша поползла по травинке, оставляя едва заметный влажный след.

– Умничка, умничка, – приговаривала обрадованная Девочка, совсем как мама, которую с замиранием сердца она ожидала весь вечер. Но мама всё не приходила. Детей в детском саду осталось совсем мало, и никто уже не веселился. Все



тайком, с тревогой и надеждой поглядывали на калитку.

Подъехал автобус, по асфальту застучали каблучки. Разлапистая старая шелковица закрывала обзор. Мальчики побросали машинки, девочки оставили свои пасочки, все побежали навстречу этому чудесному родному стучу каблучков... Во двор вошли дежурная воспитательница и ночная няня. С трудом сдерживая слезы, дети облепили их со всех сторон. Женщины, понимая состояние малышей, ласково гладили потные взъерошенные головки, стараясь, однако, освободиться от пылких и нервных объятий круглосуточной группы.

К этому времени солнце, красная полоска которого виднелась в конце улицы, спряталось совсем. Птицы замолчали, даже воробьи куда-то исчезли. На улице потемнело, и детей стали уводить в помещение. Девочка слышала, как все хором звали ее по имени, но, стоя незамеченной у забора, продолжала ждать маму. Уже много раз бывало так, что мама приезжала за ней затемно, и Девочка боялась пропустить это счастливое мгновение. Наконец, всё стихло, и она осталась одна. Совсем рядом, низко над кустами, прошуршала крыльями летучая мышь, и, хотя Девочка знала, что она не кусается, стало страшно. Томительное ожидание измучило ребенка. От остановки отъехал последний рейсовый автобус.

Воспитательница и няня очень рассердились на Девочку, когда она вбежала в группу. Все дети под присмотром воспитательницы уже стелили свои постели, и няне пришлось заново наливать воду в тазик, чтобы Девочка помыла ножки перед сном. Затем перед ней поставили стакан холодного чая и два печенья. Есть не хотелось. Сидя за низким столиком, Девочка держалась одной рукой за стакан, в другой руке было надкусанное печенье. Надо быть послушной и изображать аппетит, чтобы мама, которая в любую минуту может войти, похвалила ее. Няня не терпелось скорей помыть посуду и лечь спать, и она не выдержала: забрав надкусанное печенье и выплеснув в помойное ведро «вечерний чай», отправила малышку в спальню. На диване рядом со спальней дремала воспитательница.

– На правый бок, ложись на правый бок, – строго приказала она, вдруг проснувшись, когда Девочка проходила мимо. Расстелив постель, Девочка безропотно легла на правый бок. Няня потушила свет.

В коридоре, как всегда, продолжало работать невыключенное на ночь радио. Мужские и женские голоса что-то говорили то вместе, то по очереди. Потом они запели, песни были веселые и красивые. Ожидание Девочки переросло в отчаянную тревогу. Подушка, из которой в разных местах торчали куриные перья, стала горячей и кололась. Прислушавшись и уловив мирное похрапывание воспитательницы, Девочка решила повернуться на левый бок. Вот-вот должно было произойти то, чего Девочка боялась больше всего. Это случилось каждую ночь, даже если закрыть уши ладошками и с головой спрятаться под одеяло. Знакомый голос диктора пожелал стране спокойной ночи. После короткой паузы, во время которой сердце ребенка болезненно сжалось, ночную тишину буквально взорвали торжественные аккорды. Соленые ручейки слез лились по смуглым щечкам, затекали в уголки губ, и Девочка глотала их молча и обреченно. Она знала, что после того, как по радио прозвучит гимн, мама за ней не приходила никогда.

Прошло очень много лет. Я выросла, вышла замуж, и у меня появились собственные дети. Но каждый раз, когда, захлопотавшись допоздна на кухне, мне случалось услышать мелодию гимна Советского Союза, у меня перехватывало дыхание, и на глаза наворачивались слезы.

А потом и вовсе не стало страны, гимна которой я так боялась. Почему же я не радуюсь этому? Может быть, потому что в той стране осталась маленькая Девочка и ее любимая молодая мама.

ЛУГАНСКИЕ ПОЭТЫ



Ирина Гирлянова

Дождь на карнизах отбивает дробь
и по покатым крышам бьёт чечётку.
Размазанное в линиях нечётких,
стекает небо в ржавое ведро...
Асфальт темнеет, будто бы – новьё,
скрывая глуби «марианских впадин»...
Ах, боже мой, какого чёрта ради
который день из этой прорвы льёт?!
Плывут авто, разбрызгивая грязь,
прообразами сказочных созданий...
Поток потёк, потом – потоп у зданий,
к Лугани, вниз, несётся взбеленясь!
Вода, в низины прорываясь, прёт
и, местною взбесившись Ниагарой,
собою умывает город старый,
и ноги моет, притопив Камброд.
Бродить по камням не впервые людям.
Промокли насквозь плечи и зонты...
Дождь смоем всё. И ничего не будет.
Всё заново и снова... Я и ты.

Багряно, пурпурно, червлёно,
вот, лето красное – пришло;
под свод и воздух раскалённый
подставило своё чело.
Весна, зима и осень – бабы,
а лето сдуру – средний род!
Не женщина уже хотя бы,
и не мужик, наоборот.



Хоть кормит год, постели греет
и заготавливает хлеб,
растит, и поит, и лелеет...
Благословенно на земле.
Лишь лето в Африке – полгода.
У нас – мелькнуло и прошло.
Ждёт терпеливая природа
великое его тепло.
Мы вечно ждём чего-то. Вечно
жалеем то, что не храним.
Ах, лето! Как костёр, зажечь бы
тепло лишь именем твоим!
Лета проходят? Значит, лето
ещё одно ушло в края,
где ни ответа, ни привета,
ни соловья... (Ждала и я...)
Ты не для засухи-присухи,
для яркости, избытка сил...
«Любил бы я тебя... Да, мухи!» –
когда-то классик подкусил.

Ежегодное море – лишь в памяти плещется
и бросает на мели мне камешки дней...
Закругляется лето. И осень-насмешница
приближается с напоминаньем ко мне.
Даже если всё бархатом гордым застелено,
не спасётесь от жухлости и от трухи.
Загорелые женщины сцены постельные
любят больше, чем музыку или стихи.
И красавицы южные, жизнью обучены,
и обмануты ею же, чем ни верти,
ждут и верят в случайность счастливого случая,
в остановку, и в новую встречу в пути.
У курортных романов – концовка обычная...
Впрочем, всё это – море, юга и жара.
Ничего наносного. Тем более личного.
Закругляется лето. Как видно, пора.
Это осень всё чаще туманами стелется
среди чащоб и прощанья тишайших аллей.
Перемелются зёрна – и всё перемелется.
Оттого мы отчаяннее и смелей.
Эти дамочки в шляпах и ярких купальниках,
это солнце и всплеск (напоследок!) монет...



В тридесятое царство за землями дальними
бьётся синее море, которого нет.
И поёт – в перламутрах диковинных раковин
эти дикие песни коварных глубин...
Ежегодное море везде одинаково.
И попробуй, однако, его не люби!

Людмила Гречаник

Я потерялась. Где-то между строк,
Бегущих вниз проворным камнепадом,
Постичь пытаюсь истинный урок,
Не разбирая слов. А может, и не надо.

Я потерялась где-то между нот
Моих мотивов незамысловатых.
Судьба считает такты – чёт – нечёт,
Не по гармонии законам, а по датам.

Я потерялась – Бог мне не судья,
Что не прошла тропинками земными,
Что лопочу косяязычно я,
Не в силах вымолвить одно простое имя.

Я потерялась. Там я или тут –
Решать не мне. Да и нужны ль ответы?
Найдут когда-нибудь, куда-нибудь вернут,
Забыв, какими были в мире этом.

НЕСТИНАРКА*

В воздухе дымно и жарко,
Забава, как песня, стара:
Подол подоткнув, нестинарка
Танцует на углях костра.
С отчаяньем протуберанца
Сгорает она вновь и вновь,
Как будто вся жизнь ее – в танце,
А в жилах огонь, а не кровь.
Ужель в преисподнюю дверцу
Сумела она отворить?

**Нестины – танцующие на углях.*



По углям горячего сердца
Там сызмальства учат ходить.
Вот так и живет – потаенно,
И боль забывая, и страх,
С душою своей раскаленной
И с дьявольской искрой в глазах.

АРХЕТИП

А лето степное – и в городе лето.
Табун ошалевших горячих ветров
Сметает тарелки антенн без запрета,
Как головы злых, узкоглазых врагов.

А где-то ковыль уцепился фатально
В макушку кургана – седой сумасброд!
И ветер жует на пиру триумфальном
Присыпанный солью степной бутерброд.

ЕЛАБУГА

М.Цветаевой

Где тонко – там и рвется.
В провалах пустоты
Из всех углов смеется
Личина нищеты.
Но стоит ли, поверьте,
Рыдать и голосить –
Не лучше ль легкой смерти
У Бога попросить?

Спала б и улыбалась
Тому, кому мила,
Чтоб людям показалось,
Что счастлива была.
Но все ж одна картина,
Как марево стоит:
В Елабуге Марина
Посудою гремит.

А на столе – лучина:
Луч – отблеск – оклик – зов...
В Елабуге Марина
Взлетает от стихов!



Ах, ты судьба-судбина!
Завешено окно.
В Елабуге Марина....
А на земле темно.

Борис Гуцало

КРИМСЬКІ ЕТЮДИ

I

Ай-Петрі над Місхором, гірське плато, степ...
Тут три вершини гордо вознеслись до сонця,
І з боку моря, мов таврійський герб
Вінчають палац графа-царедворця.

Тут простір, вітер, буйства грізний слід,
Міфічні велетні, як скам'яніла варта.
Ведмідь-гора, де берег, й дивовижний Кіт*,
Сторожать порт й ажурні пляжі Ялти.

Сади і парки, відзвук супер-трас...
Даль чорноморська, повна тайн, ледь зрима
Манить у подорож, до мрії завлікає нас.

Ай-Петрі – центр краси і велич Півдня Крима,
Тут «Ластівки гніздо» на скелі... суть прикрас,
Творіння генія... ні, Божа іскра незгасима.

II

*Присвячується радянським воїнам –
учасникам 250-денної битви за м. Севастополь,
які загинули на мисі Фіолент та на його схилах,
в прибрежних водах Чорного моря
3-14 липня 1942 року.*

Де Фіолент і Севастополь, аж до Саки,
Скрізь, де лягла колись їх героїчна путь,
Зростають щовесні густі червоні маки,
По-кримськи щедро буйствують, цвітуть.

Радіє дівчинка, збирає тремкі квіти,
Вінок сплітає, на чоло кладе.

* Легендарна скеля «Кішка» в Симеїзі



Пашіе обрій, берег жаром світить,
Між хвиль сміється в бризках море золоте.

В долинах виноград в'є кришталеві грона.
Тяжіють персики і віти айв здаля.
Це – край краси, тут пісня щастям повна.
Однак, у смутку я: болить душа моя.

Бо знаю, тут, де Мис, вода гірко-солоня
Від материнських сліз, ридає тут земля.
І храм Георгія від горя плаче дзвоном.

ЛІРИЧНІ МОТИВИ

Весна вже, станув сніг. З доріг, крізь глину й гравій,
В поля, у степ помчав, запінившись потік.
І зазвучало скрізь палке, ледь-ледь лукаве:
«Коханий», «мила», ще й – «твоя», «люблю навік».

Зелено-синій гай зійшов з-під небокраю
У солов'їні сни, в невичерпну росу.
Не знаю звичних клятв, та вірте – Вас кохаю,
Сприймаю ніжність уст, натхненність і красу.

Бує сонцем вись. Бузками небо квітне.
В очах Ваших блакить, тремка, висока синь.
Серед красунь-зірок, хай дивних і тендітних,
Не бачив, знаю, світ таких земних богинь.

Минуть, авжеж, минуть весна і щедра літо.
Прийдуть осінні дні і сивина зими.
Та буйна ця пора, з блакиті, сонця й квітів
Навік еднає нас, торкнулись щастя ми...

Олені К.

Як знаменно, що Ви є така,
Яснолика, нестримна, в польоті.
Найяскравіша зірка тремка,
Промінь сонця, весна в позолоті.

Ви заблудлих ведете з імлі.
Ви в діян'ях щодня і щомиті.



Ви царицею скифів були?
У минулому ви – Нефертіті?

Ви із щастя, що без берегів.
Ви вгамовуєте лиховертя
І примирюєте ворогів,
Навіть тих, що ранять до смерті.

Хто розлучений, для життя
Враз воз'єднуєте добротою.
З Ваших ласк і безрідне дитя
Не зросте у світах сиротою.

В День Елени – скрізь дзвони, вогні,
Гомін, сяйво святкової зали.
Це возносять Вам квіти й пісні
Ті, кому Ви любов'ю воздали...

Людмила Деева

Я ШЛА ПО ВАШЕЙ УЛИЦЕ

Я шла по вашей улице пустынной,
Где редкие светили фонари.
Вдали звучал, звучал мотив старинный
Про то, как хризантемы отцвели.

Но чудилось: открыли вы калитку,
Из темноты шагнули вдруг ко мне,
А на губах – подобие молитвы –
«Я встретил вас» звенело в тишине.

И мы друг другу протянули руки,
Чтоб не разнять их больше никогда.
А ветер пел нам вопреки разлуке
Романс «Гори, гори, моя звезда!»

Как тосковал сегодня зимний вечер,
А сердце отвечало в унисон,
Что «только раз бывает в жизни встреча»
И превращает в явь желанный сон!

Я шла по вашей улице пустынной,
Где в старых клёнах прятались дома...



В душе звучал, звучал мотив старинный,
Что всё-таки любовь жива.

Жива!!!

СТРАНА ЛЮБВИ

Я подданной в стране Любви была.
Служила ей так искренне и страстно,
Что розою на пустоше цвела!
То шла по краю пропасти ужасной,

Я музыкой была в кругу глухих,
Над сутолокой лебедем взлетала,
То выводила из глуши слепых
И доброю надеждой награждала.

Я мудрости училась у Любви.
Терпению и жертвенности – тоже.
(Пускай зачтутся жертвы все мои,
Когда перед тобой предстану, Боже!)

Я подданной была в стране Любви
И за нее сражалась я бесстрашно.
О, сколько ран мне принесли бои!
Но кровь моя струилась не напрасно.

Я падала... но чаще – как звезда.
А гибла всякий раз, как героиня...
Восходят к небу нервы-провода,
Любимого провозглашая имя!

Я научилась всей душой жалеть,
Любить, лелеять и прощать, конечно.
И в непогоду научилась петь
И никого не обвинять поспешно.

Я королевой научилась слыть,
Одаривая щедро, без оглядки.
Я научилась и рабыней быть,
Не замечая никакой накладки.

Я вырастала сердцем до богинь:
В своем же сердце космос открывала...
Как высока над головою синь!
Нет, жить в стране Любви я не устала.



Мне все известны радости, Любовь,
Все, за которые пришлось сражаться.
И боль в избытке ведома... но вновь
Прошу тебя: позволь мне задержаться!

КРАСКИ ОСЕНИ

Краски осени! Краски осени –
Изумрудность озимых полей,
Глубина, чистота неба просини,
Разноцветных лесов акварель!

Запах осени! Запах осени –
Пряный запах опавшей листвы
И грибов ароматные россыпи,
И пропахшие дымом костры!

Звуки осени! Звуки осени –
Гомон птиц, улетающих вдаль,
Да и грозы, неожиданные, поздние,
И садов шелестящая шаль!

Чудо осени! Чудо осени
В удивительно разной красе.
Бабье лето её в сердце носим мы,
Как мы носим мечты по весне!

Мудрость осени! Мудрость осени –
Одарить по возможности всех,
Завершая последние росписи.
Истомить, умиряя наш бег.

Виктор Еретин

Уже не ночь. Хоть и еще не день.
В кленовых лапах вновь свою шарманку,
Заводит ветер. Разрывая тень,
Впрягает месяц в облачные санки.

Еще не день. Хоть и уже не ночь.
Восток слегка лишь розовым отмечен.
Горланит кочет, разгоняя прочь
Остатки снов звенящую картечью.



Как прежде, вновь, волнуясь перед встречей,
Из дымки серой, выползая, лес,
Спешит к реке, набросив шаль на плечи,
Еще сырых и облачных небес.

С холма, среди росистых повилик,
Бежит тропинка в озеро лесное,
Где юный клен, умывший сонный лик,
Свиданья ждет с очередной весною.

МРАКА УЗНИК

Тиканье часов настенных
Колет очи «мрак»...
В окна запахи растений,
Хриплый лай собак.

Скрип оконного карниза
Жуткий смех совы
(Лета странные капризы)
Где – то волк завыл

Ни фигур ни очертаний...
Только гул в стене...
Слова ком застрял в гортани
Как в перстах тенет

Золотая рыбка моря.
Всё-ж крепчает Дух –
Конь крылатый прячет горе...
В «складки лунных дуг»

Вперил мрака вечный узник
Вдаль слепой свой взор,
Где, рассвет, в небесной «кузне»,
Крылья распростёр...

Без передышки трудится душа.
Поэзия – есть музыка её.
Неслышимый прочертит антраша...
И волны чувств в тетрадный лист прольёт

Уйдет ли, в мир, творение моё,
Рожденное на грани тьмы и света?



Среди страстей Поэт не ждёт ответа,
Когда душа, не думая, поёт.

Идут дожди со снегом вперемежку,
Хоть на дворе стоит уже апрель,
Зима с отходом чуточку замешкав,
То слёзы льет, а то рычит как зверь.

Весна по праву, всё ж, берёт своё.
Последний снег растаял в балке лисьей
И, в каждый дом, свой тёплый нос суёт
Бродяга ветер, подметает листья,

Повсюду, мертвые. То кружит в вышине,
Гоняя облака под птичий гомон.
Я ж, не надев армейскую шинель,
Бегу к реке, послушать песни грома.

Опять Весна! – Банальные слова...
И всё о ней как будто перепето,
Но я не лезу в песенный словарь
Давно толпою признанных поэтов.

Есть схожесть в переключке голосов.
Хотя, сейчас, другое Время выюжит:
Богач богаче «допотопных псов»,
Бедняк – беднее (с болью обнаружит)

И всё ж Весна! Все обостряя чувства,
Роняет в мысли нервные звонки,
Чтоб с мастерством поладило искусство
А над водою, как зеленый кит, –
Горбатый остров водит плавниками.
Издалека, кусты, как мощный хвост.
Над ними облака висят, как камни,
Вот-вот сорвутся, и раздавят мост.

Вдруг, по мосту, скользнули чьи-то тени.
И как, из русской сказки чародей,
Я растворяюсь в музыке растений,
Под лебединый танец на воде...



Сергей Зарвовский

Тормоза повсеместно визжат,
Возбуждая остатки сознания,
На себя обращая внимание
Как всегда, почему-то не в лад.

Звук, как сердцу неведомый зов,
Словно раненый старенький ящер.
Хорошо, что не ведал мой пращур
Ни ручных, ни ножных тормозов.

На работе, в постели с женой,
Иногда, даже где-то с подругой,
Эти звуки невидимой вьюгой
Леденили меня даже в зной.

Засыпаю под скрип тормозов
И под этот же звук просыпаюсь.
Я сегодня публично покаюсь –
Это скрип тормозящих мозгов.

Я стал какой-то не такой,
Себе я удивляюсь.
Все чаще прихожу домой,
Чем вовсе не являюсь.

И если ждут меня друзья,
То не дождутся встречи –
Домой лечу на крыльях я
С женой побыть весь вечер.

Не стал по свету колесить,
Чуть что – ташу цветочки.
Недавно вовсе бросил пить,
Хоть доходил до точки.

Я видно стал уже не тот,
Весь в неге и покое...
Будильник взвыл. Холодный пот.
Приснится же такое!



Мы праздновать привыкли издавна,
А поводов уже не счесть,
И выпивать готовы истово
За все, что в белом свете есть.

За рождество, за день милиции
И за китайский Новый год.
За свой, чтобы не мелочиться,
Народ два раза даже пьет.

Но я готов внести поправочку,
Самим Аллахом повод дан:
Отметим полновесной чарочкой
Курбан-байрам и рамазан.

Северный ветер дует на юг
В даль торопя перелетных птиц.
Их голоса приумолкли вдруг
И тихо в стаю они собрались.

Молча, вожак их завел на круг –
Каждый прощался с родным гнездом,
Но север есть север, а им на юг,
Но, где же у них – настоящий дом?

Северный ветер дует на юг,
Через полгода обратно к нам.
Он воротится, как лучший друг,
С ним наши птицы к родным лугам.

Где же их дом – нам не все ль равно?
То ли он там, ну а может тут?
Вряд ли узнать это нам дано,
Главное – птицы весну несут!

Михаил Квасов

СЕСТРИЦА

Баба Паша на фронте была медсестрой,
Звали ласково Пашу – сестрица.
Не желает старуха идти на покой,
До сих пор пашет Паша в больнице.



Две контузии, пуля навyleт в плечо
И осколком пробита ключица.
До сих пор, как на фронте, еще горячо
В этой проклятой Богом больнице.

В ней лежат те, кто выжил и спасся тогда,
Но остались душевные раны,
Те, кого та война забрала навсегда,
В ней лежат старики – ветераны.

Кто-то в танке горит, кто в атаку идет,
Кто в бреду просит просто напиться,
И для каждого доброе слово найдет
Паша, ангел-хранитель, сестрица.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

В моем родном селе, что по-над балкою
Колодец умер, покосился сруб.
Его увидел и до боли стало жалко мне,
Как будто умер самый лучший друг.

Ведь он не раз, бывало, в жаркий полдень
Поил меня студеною водой,
Я эту воду на всю жизнь запомнил,
Другой на свете не было такой.

А сколько раз, поднявшись с петухами,
Пока еще совсем не рассвело,
С пустыми ведрами, неспешными шагами
Сюда стремилось чуть не все село.

Набрав воды, а что б не расплескалась,
На воду клали сверху лопухи.
Назад с пригорка медленно спускались,
Где зорьку власть будили петухи.

И ведра на упругих коромыслах,
Вися колоколами тишины,
Казались брэнной жизни мудрым смыслом,
Живительною влагою полны.

И вот теперь в селе за сизой балкою
Колодец умер, подкосив коленей сруб.



Мы прощаем себе суету бестолковых затей,
Тратим сердце на мелкие злые обиды,
И не можем понять наших собственных умных детей,
Обвиняя за сленги и их возрастные «прикиды».
Мы скучаем в объятьях заботливых преданных жен,
За любовь, принимая интриги случайных объятий.
Мы в азарте всё прошлое ставим на кон,
Проиграв, не скупимся на стрелы бездумных проклятий.
Ищем истину. Истина, правда, ль в вине?
Только киснет вино в кутерьме ненасытных пороков.
Не находим признанья в родимой своей стороне,
Ведь в отечестве собственном быть невозможно пророком.
Остается молиться на слово, ведь первое слово есть Бог.
Бог – Любовь всего сущего свет и основа.
И взывает к сочувствию нотой высокою боль,
И рифмуются строки, и светятся снова и снова.

Твой Ангел появился над моим столом,
смешал мне рифмы, разбросал ромашки,
твой фотоснимок в клетчатой рубашке
и, поиграв чуть-чуть с моим котом
вдруг улетел, сказав: «адью, пока,
увидимся и, вероятно, скоро».
Осталась дымка с тающим узором
и струнный звук, волнующий слегка.
И я одна у вороха бумаг. Ромашки с рифмами
слезами поливаю. Зачем тут Ангел был?
Пока не понимаю, что этот знак – важнейшее из благ.

Я твой транзитный пассажир
В случайном прицепном вагоне,
Кумир. Высочество. Mon sig.
Ну что ж так скрипка горько стонет?
Что ж ты не слышишь слов моих,
Запутавшись в своих страданиях?
Ведь если жизнь всего лишь миг,
Что есть любовь в воспоминаньях?
Осколки сердца своего
Не раздавай смешной монетой.
Ты – гений, только и всего,
Что мнит себя простым поэтом.



Юрий Князев

ПРИМИ, ОТЕЧЕСТВО!

Еще звучит и дивно кружит вальс
На выпускном их белою метелью,
Сияет утро, а фашистский ас
Уже снижает бомбовоз над целью.

Война! Сминая первый аттестат,
Рванутся под грохочущие вспышки
Всем классом осаждают военкомат
Мгновенно повзрослевшие мальчишки.

Еще вчера звались они детьми,
Сегодня, оставляя все земное,
В бой! На алтарь, Отечество, прими
Любовь, еще не познанную мною.

Павел Буре

Снаряд рванул совсем неподалеку.
Ничком упал сраженный комиссар,
Но, счастье, брегет в кармашке сбоку
Ослабил убивающий удар.

Явившись вдруг, застрял в брюшинном сале
Латунный рой оживших, тонких ос,
А в лазарете извлекать устали
Осколки зубьев, осек и колес.

Жив капитан! Мы с ним на день Победы
В прохладном баре вспомнили войну
И согласились, не напрасно деды
Носить брегет любили в старину.

Считай, что он, отцовский, спас сынишку.
Массивный, в позолоте-серебре.
Мы тост подняли за тройную крышку
Испытанных часов Павла Буре.

Крепки монастырские стены.
На кладке надежен раствор.



Видали они перемены,
Стоят, уцелев до сих пор,

Как памятник вечный творенью,
Сквозь войны пройдя и века,
Стоят, хоть предать разоренью
Успела их власть вожака.

Покорно безмолвствуют боги,
Кошунством лишенные слов.
Прошедшими школу в остроге
В стране поналомано дров.

Фемиды призыв запоздалый:
«Штрих зодчества надо спасти!»
А кто-то над прахом вандала
Прошепчет: «Владыко, прости...»

Донника белое море
На перекрестке дорог.
В путь приглашая, цикорий
Синие звезды зажег.

В поисках тени, гляди-ка
В рожь забрели васильки.
Прячет в траве земляника
Спелых плодов угольки.

В трав аромате, как пьяный,
Лягу на склоне ложка.
В небе – букет первозданный –
Ваты белей облака.

Быстрым стрижом бы подняться
К этому кружеву вод,
Хоть бы за краешек взяться –
Воображенье зовет.

Милая сердцу природа,
Чистой душе эликсир,
Ты исцеляешь невзгоды,
Обогащаешь наш мир.

Мысли теряются где-то
В волнах-бегах ковыля.



Благословенным будь, лето!
Благословенной – земля!

Алевтина Легещич

Довгоочікуваний і гучний дзвінок,
Що потривожить тишу нерухому,
Нестерпно напрямляє плин думок
До батьківського саду і до двору,
Де мов у казці злагода і мир,
Де найніжніші ранки смарагдові...
Як щиро у дитинстві я любив
Хатину білу! І мені любові
Було достатньо, щоб дістати до зірок,
Як птах над Україною літати...
Довгоочікуваний і гучний дзвінок:
«Привіт, мої кохані мамо й тато!»

Безлюдне кафе... І рука у руці...
І поряд любов в сто процентів.
То радість, то сум розквітав на лиці
замріяних, вільний студентів.
У чашці остигнув вже чай з молоком,
проте закипає розмова:
– Так, люба... Сьогодні лечу літаком.
Прошу, не сумуй. Будь здорова!
Любов у очах і рука у руці...
Дід глянув із-під капелюха
на пару, промовивши: «Ну й молодці!» -
То дощ, то різка завірюха
у них на душі... І холодний вже чай.
Мов річка хвилини промчали.
Як тяжко буває сказати: «Прощай!»
І губи застигли в печалі...
Безлюдне кафе. Зупиняється час...
Самотньо. Так темно, так важко.
І стукає дощ у вікно раз у раз.
Дівоча сльоза впала в чашку...

Коли освідчувались у листах,
Не до вподоби, хоч і синій птах



Приносив їй жагуче послання
На крилах світлих на початку дня.

По телефону низку із зірок
Подарувати? – Лиш пустий дзвінок...
Забувся номер. Зник знайомий слід.
А нещодавно дарував весь світ...

І обіцянки... Й сонце у руках...
У клітці залишився синій птах.
Лиш холод. Не потиснули й руки.
Із нитки розлетілися зірки...

Наталія Мавроди

Еврейский мальчик Иисус из Назарета,
Великий сын всеильного Отца –
Известная законченность сюжета,
Но продолженью не видать конца.

Вновь рвутся струны скрипки Паганини
И жанны д’арк пылают на кострах,
«И все же вертится», – доносится поныне,
Открытый новых предваря крах.

Нет, не прощают люди непохожесть.
И будь ты Бог и пядей сто во лбу,
Но жало инквизиторское ножниц
Без сожаленья – под гребенку. Под одну.

Мы растворяемся друг в друге
И, все препятствия призрев,
В нечеловеческой нагрузке
Хотим заполнить каждый нерв.

В сосудов ровное течение
Привносим боль закрытых тем,
И грезим, грезим излеченьем...
Души соседней... А зачем?

Зачем напрасные потуги
По-своему все изменить?



Порядка ложные услуги –
В чужой узор – за нитью нить.

Обречены на всевндренье –
Энергий, мыслей, чувств – толпой.
И очень редкое везенье:
Хоть иногда побыть собой.

ПОКА МОЖНО ИЗМЕНИТЬ

Ложатся дни строкАми в книгу,
Слагая жизненный сюжет,
Судьба неожиданностей интригу
Вплетает в разноцветье лет.

Сомненья, споры, упованья,
Слова любви и детский страх
В библиотеке Мироздания
Хранятся в Вечностных шкафах.

И лишь однажды, на излете,
Когда замрет последний вздох,
Роман свой жизненный прочтете,
Сжав до мгновенья даль дорог.

И все предстанет так, как дОлжно,
Без ухищрений и прикрас,
Что было хитростно, подложно
Проступит лакмусом тотчас.

И будет горько и обидно,
Когда в дань моде и молве,
Себя не раз предав постыдно,
Вновь дрейфовали на волне.

Все не свершенные геройства
Остались в радужных мечтах,
Собой ли, кем-то недовольства
Осели грузом на плечах.

Но это – позже, ныне в книгу
Ложится четких строчек нить,
И мы сюжетную интригу
Пока что можем изменить...



Марк Некрасовский

Истомился как от жажды.
Так тоскуют лишь поэты
Ты такая, что однажды
Я нарушу все запреты.

Я приду к тебе не званный
Одолов препятствий горы
Женщины все доны Анны,
А мужья их командоры.

В жизнь твою ворвусь пожаром
Боль сожгу всю без остатка.
Стану я твоим кошмаром,
Но любить меня так сладко.

Ты такая, что однажды
Я запреты все нарушу.
Утолю любовью жажду
И отдам за счастье душу.

Быть не любимым полбеда
Беда тобою быть любимым.
Ты мир, в котором нет воды.
С тобой я жаждою томимый.

Твоя любовь огонь, пожар.
Сгораю я дотла, без дыма.
Твоя любовь троянский дар.
Но как ты мне необходима.

МОИСЕЙ

С прошлым полная ясность.
Всё узнал, что желал.
Ощутил сопричастность
К тем, кого презирал.
Нужен век, а не годы,
Чтоб отсеять, кто слаб.
Раб лишь жаждет свободы,
А душою он раб.
Приклоняет колени,
Любит тяжесть оков,



И предаст без сомнений,
И создаст сам богов.
Как исправить такого,
Если сердцем он глух?
Нужен меч, а не слово,
Стаду нужен пастух.
Но пастух в рабстве том же
С тем же чувством груди.
Обещал землю боже,
Но в неё не войти.

Поэту-романтику Г.Сусуеву

А мы в душе с тобою капитаны.
Хоть седина нам серебрит виски.
Нам часто снятся рифы и туманы
И пляжей золотистые пески.
Нам часто снятся юные мулатки,
Портовый город и ямайский ром.
Мы не мечтаем умереть в достатке
И жизнь не оставляем на потом.
А мир погряз в рутине как в трясине.
Романтика для мира не нужна.
Вокруг жара, а мы на тонкой льдине
И головой не рушится стена.
Не рушится, а мы стену разрушим,
И выплывем рассудку вопреки.
Романтика спасает наши души,
Как в рукопашной острые штыки.
Ведь в нашей жизни творчество не хобби –
Отдушина, где так легко дышать.
Где нет и места зависти и злобе.
Где можно над обыденным летать.
Пока нас манят новизною страны
И мы берём принцесс на бордаж,
То мы с тобой конечно капитаны
И романтизм души не антураж.

Любовь Парамоненко

Бархатный листок коснулся кожи,
Разогретой, пыльной и в поту.



Как же наши ласки не похожи
 На простую эту доброту.
 Ту, что отдаёт, не осуждая,
 Ничего не требуя взамен,
 Не ища в ответ наград иль рая...
 Наше ожиданье – тот же плен.
 Гляну вслед летящей птахе –
 Да, в её природе так парить,
 Не боясь изгнания или плахи,
 В небе наслажденье находить.
 Вот и мне бы жить – вины не зная,
 Каждый миг купаться в синеве,
 В сердце открывая двери рая,
 Припадая к речке и к траве.

У ПАМЯТНИКА ТАТЬЯНЫ СНЕЖИНОЙ

Триптих

1

Всего лишь двадцать три –
 И в небо с любимым до срока.
 Слезы, Сибирь, утри:
 Уже не вернёшь пророка.
 Слезы смахни, Москва,
 Радость верни глазам –
 Ведь лишь отцова тоска
 Равна материнским слезам.
 И только Луганск каждый день
 Дышит в твой микрофон,
 Видя крылатую тень
 Сквозь сладкий утренний сон.

2

..Зачем трагические ноты
 Губили радость и покой?
 Зачем любовные заботы
 Не закружили с головой?
 Зачем ты слушала наветы,
 Не отменяя, словно пыль?
 Тебе венки плетут поэты,
 И ты здесь память, нежность, быть.
 К твоим крылам с двумя звездами
 Придут, быть может, и с мольбой.



Как херувим любви, часами
Ты слушаешь людской прибой.
И лишь с весеннею капелью
Оттает снег с твоих ресниц,
И ты – таинственную тенью –
Скользнёшь в огонь иных зарниц.

3

Стихи читали поэты,
Голуби взметнулись ввысь.
Осенним лучом согреты,
Шептали губы: «Вернись!»
.....
Поэту вернуться проще –
В песнях, стихах, словах.
Притихла галдящая площадь:
Горние выси запели в крылах.

Елена Приходько**ОСЕНЬ СОРОК ТРЕТЬЕГО**

Осень сорок третьего
В городе – октябрь.
Позолотой ветреной
Скрыты грязь и гарь.

День освобождения,
Будто бы вчера.
Танго-наваждение
Слушай до утра.

Отрешенье от беды,
И октябрь помог
Медью забросать следы
От чужих сапог.

Обещанья кружатся
В стылых небесах.
Школьный хор простуженный...
Крепнут голоса.

Всё ясней пророчества,
Восемь нотных строк.
В повзрослевшем почерке
Пройденный урок.



Сквозь бинты и простыни
Что там за окном?
Школа, тут же госпиталь
В здании одном.
Там над черной просекой
Ворожит листвой
Клён, хранитель осени,
Грустный вестовой.

Дирижер, мечтающий
Воссоздать оркестр,
Всё не замечающий
Опустевших мест.

Музыканты на фронтах,
Привилегий нет.
Пальцы тонкие в бинтах
Заживут к весне.

Старые мелодии,
Новые слова.
Пепел малой родины.
Веток кружева

вещими изломами –
«Может не погиб?»
В тишине знакомыми
кажутся шаги...

И мольбой возносится
Всё, чего ты ждёшь.
Сквозь разноголосицу
Пахнет пеплом дождь.
Вещими изломами
Кружева теней.
В воздухе шифоновом
Вальс далёких дней.

Всё равно быть праздникам,
Ночи напролёт
Ждёшь, вдруг, кто с оказией
Весточку пришлёт.

Вспыхнет над портретами
Предзакатный свет.
Осень сорок третьего.
Вечер. Писем нет.



ПЕРЕКРЕСТОК

Кто встретится тебе,
Несчастьем гоним,—
-Не уходи в себя,
Побудь на равных с ним.
И ты услышишь вдруг
Таинственную песнь,
Историю судьбы
Раскрывшуюся здесь.
Судьба одних порой,
Другим укажет путь.
Напомнит о себе
В тебе когда-нибудь.
И перекрёсток тот,
Где ветер зябким был,
От взгляда твоего,
Кого-то не укрыл.
И перекрёстку ты,
Стал благодарен вдруг.
Наверное, за то,
Что там был найден друг.

О письма в классическом стиле! —
Изящный и терпкий дурман,
Они — свыше данные крылья,
несут через жизнь ваш роман.
И слёзы, бесцветные кляксы
Оставят чуть видимый след,
Слова — это только каркасы
того, чему имени нет.
Вы пишете, к звёздам взлетая,
читая на них свой обман.
А писем поблекшая стая
Хранит позабытый роман.
Но пусть это всё между нами,
Мечты беззащитная тень...
«Сударыня, встречу с вами
«Будь благословенен тот день!»

Наталья Романова

МАЛЕНЬКИЙ КРЫМ

Горы и горки,
море и камни,



дымка и дым,
Кто поместил вас
в это название –
“Маленький Крым”?
В тесном ущелье –
скромная келья.
Вот и приют.
Ангелы Света
Богу из лета
песню поют.
Пламенным утром
вижу как будто
Дом кораблей –
Царского роста
крошечный остров
жизни моей.

ТВЁРДЫЕ ТОЧКИ

И лист. И подпись. Почерк мой.
Я в небо вылила однажды
Чернила. Твёрдых точек рой
Влетел в судьбу мою отважно.

Во-первых (тёплый ветер вслух
Читал осенний лист бумажный),
Мой выбор – слитный образ двух.
А раньше я писала «каждый».

Читал он дальше: во-вторых,
Когда венец подарят брачный,
Я в тёмных комнатах своих
Свечу поставлю – стих удачный,
Листая время, напишу.
В душе слова его ношу.

И дальше в облаке листа:
Я в угол наш куплю лампаду.
И Та, что истинно Чиста,
Поднимет в небо наши взгляды.

В-четвёртых (лист уже болит),
Рассею в вечности молитвы.
Теперь мы вместе. Поле битвы
Намного крепче нас роднит.



МОЙ БРАТ – ШАХТЁР

Ромке

Братишка мой, а ты из той породы,
Что строит всё: сарай, планету, дом...
Сегодня мир не ручкой, а углём
С трудом по строчке жизнь твою
ВЫВОДИТ.

Тепло печи и всё, что было к хлебу,
Делил со мной, как самый добрый брат.
В твоей судьбе никто не виноват,
А голод... Легче он ведёт нас
К НЕБУ.

С утра в забой штурвал от корабля
Несёшь в надежде что-то изменить.
В руке, как уголь, – чёрный твой магнит,
В глазах – искрится золотом
ЗЕМЛЯ.

СОРОК ДНЕЙ

Памяти р.Б.Татьяны

Эти дни не асфальтной корочкой,
А землёю в слезах покрыты.
Маму ждут. И на небе, Колечка,
Книга жизни теперь открыта.

И идёт, и идёт по лестнице,
В небеса постучав молитвою.
А такая малютка! Вместится
И в ладошку твою раскрытую;
А одета – совсем уж простенько.
И идёт. Но пути расходятся.
Если вдруг нападут у мостика,
Пусть заступится Богородица.

Геннадий Сусуев

ЯБЛОКИ

Над домом дым
Над ним – Луна



Как ни глядим –
Нам не видна.

Колодца сруб.
За срубом – сад
Но, сторож груб.
Лют самосад

Забор-плетень.
– Давай, пригнись!
Мелькает тень.
– Прошел, кажись.

Вновь яблоч стук.
Шуршат ежи.
– Залазь на сук.
– Как? Подскажи.

Могучий дуб –
Сто лет и зим.
– Тот, кто не глуп –
Айда за ним.

– Чуть помоги –
Не дотянусь.
Не укради.
Но, хрусть и хрусть.

– Давай лови.
– Уже ловлю.
Адам и Ева.
Ай лайв ю.

Интегрируя слов криогенный цинизм,
Алгоритмы тестируя снова,
Созерцая стола гиперминимализм.
Восхищаюсь дискретностью плова.

Хоть не каждому ясен мой метаязык,
Я, покуда, вербален,
А сосед деструктивен, уснул и поник.
Потому как бездарен.



В апогей экспонентно идет перегар,
Хотя окна открыты.
Априори признав поэтический дар,
Розовеют ланиты.

Миллиметры всего до манящих телес.
Эта дура хохочет.
Черепашу давно бы догнал Ахиллес,
Почему то не хочет

Л. Гонtareвой

Вечер цвета индиго.
Свет в моем витраже.
Ты, монгольское иго
Позабыла уже?

Мои очи раскосы,
И другими не будут.
Твои русы же косы.
Во что веруешь? В Будду?

Или же в будулян?
МОя ночью посуду,
Будду спутал я с Вуду,
И с шаломом – салям.

Извиняюсь за хамство
И сумбурный сюжет.
Я же подданный Хармса.
И немного поэт.

Не умею просить, унижаться и ждать.
Оббивать не умею пороги
И молиться, когда же поставят печать
Канцелярские боги.

Не люблю по утрам мрак потухших зеркал
В них своё отраженье,
Повседневной тоски добродушный оскал.
И по кругу движение,



Бесконечной возни пустоту-суету,
Что зовётся беседой.
Опасаясь собак. И за возглас – ату!
Ненавижу соседа.
Эту фразу – что ты попытался сказать?
И попытку ответа.
Презираю, когда мне не смотрит в глаза
Раздающий советы.
Ненавижу, когда мне читает устав,
Сам живущий вольготно...
И зверею, когда затыкают уста
Мне ладонями потными.

Светлана Тишкина

ИЩУЩИМ

Мы не видим друзей,
Уходя из привычного круга общенья.
Мы седлаем коней,
Уносясь в неизвестность её подмастерьем.
Окунаясь в снега
Дела, творчества, знания до фанатизма,
Мы вращаем века,
Избавляя от накипи консерватизма.
Никогда, ни за что
Не поймут люди нас, наших звёздных чудачеств.
Сами знаем о том,
Что жить нужно как все, без опасных лихачеств.
Осторожный, он прав,
Он подстелет соломки везде, где возможно,
Конь его не устав,
В стойле жиром заплыл в правоте непреложной.
Одиночества снег
Кружит в нас и ведёт в заповедные дали.
Продолжая забег,
Мы рискуем в сугробах увязнуть в запале.
Сколько нас? – не узнать,
Мы свершаем свой путь, чаще поодиночке.
Новый век крутит рать...
Только падают в снег истин тленные строчки...
Вдруг, хоть кто-то из тех,
Кто в труды бедолаг, в блики снега вчитался,
Наш оценит забег,
Для себя в них найдёт правду нового часа.



ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ

Холодный дождь в душевное тепло
Колочим током бьётся, вниз стекая
С промокшей ткани, ставшей мне стеклом,
И далее, струится неприкаян.

Успел ли он согреться по пути,
Войдя в контакт с душою нараспашку,
Никто не спросит, все спешат уйти,
Дав в пику ветру зонтиком отмашку.

Нелётная погода ноября...
Я в ней тот лист, дрожащий на берёзе.
Мы не спешим: он – вниз, я – снять наряд,
Согреться дома чаем дикой розы.

Увы и ах! Я мокну под дождём,
Его минором наполняю душу.
Мы вместе с ним его печаль поём,
Невзгоды-непогоды слившись, рушим.

Последствия? Ну что же... Не впервой
Жалеть о необдуманном поступке...
Но кто ещё озябшею порой
Разделит с ним гуляние по скуке?

ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

С тебя сорвал бы чёрный плащ,
Освободил от глянца ткани,
Зажав в тиски иных желаний,
Смыл агрессивный макияж.

Как есть – в телесном естестве,
Без наслоений грубой моды,
В красе, дарованной природой,
Я написал бы твой портрет.

Себя узнаешь в нём едва ль...
Любовью многих поколений,
Ценой потерь, приобретений
Творец твой образ шлифовал!

Мой взгляд глубокий награждён –
Очищен лик от лицедейства.
С холста взирает... совершенство!
Да будет мир им восхищён!



Юрий Цыганков-Серебряков

КАК ХОЧЕТСЯ УВИДЕТЬ ПАРОВОЗ

Н.М. Найшу.

Как хочется увидеть паровоз,
Красу и гордость паровой машины!
Но в нашу жизнь ворвался тепловоз,
Как гость непрощенный на именины.
Пусть тепловозы лучше и мощней,
Им рельсы покоряются покорно,
А паровозы все-таки милей
Своей осанкой паровозной гордой.
Бывало, мчит «ФД» издалека,
Мгновение... и вот уже он рядом!
Посильна ноша, хоть и нелегка,
И сердце наше наполняет радость.
Дрожит земля, могуч машины бег,
Напряжены все мускулы стальные,
Вагон к вагону в беспокойный век
Вел паровоз составы грузовые.
И было впереди немало верст,
На всех парах он пронесился мимо...
Гудок прощальный, перестук колес
Да по земле вослед ему шлейф дыма.

На пьедестале два локомотива
В миниатюре оба хороши,
Два наших славных песенных мотива,
Два наших сердца, две души.
Такими их нам диктовало время,
Рожденные не сразу и не вдруг –
То две главы в эпической поэме
О силе разума, тепле рабочих рук.
Теперь бегут по рельсам тепловозы,
Собою удивляющие свет,
А в тупиках затихли паровозы,
Трудяги незабытых прошлых лет.
Совсем их отстранили от работы,
Зачислили морально в старики,
А мне все слышится, зовут, зовут кого-то
Ночные паровозные гудки.



И ТЫ

Г. Ладыженскому.

И ты, мой хороший знакомый,
Теперь уезжаешь туда,
Где нет тепла отчего дома,
Иначе гудят провода.

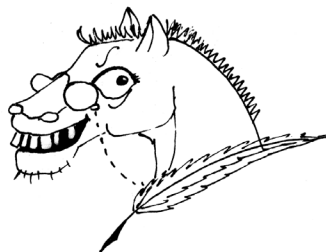
Где реки текут не такие,
И степь не такая, как здесь,
Где нет пограничья с Россией,
Но, впрочем, для жизни всё есть.

Там сыты все, там нет голодных,
Там нет беспризорных детей,
В квартирах там спят не холодных,
Живут там без наших идей.

И пусть до скончания жизни
Не будет проблем у тебя,
Но там не цветут наши вишни,
Но там будешь ты без меня.

На весну возвращается небо –
Крупно звездных созвездий планшет.
Никогда я до этого не был
На орбитах соседних планет.
А теперь то в космических даях,
То в иных – параллельных – мирах
Я ищу сероглазую Галю,
Что ко мне приходила вчера.
Появилась она ниоткуда
Не во сне, не в бреду – наяву!
И сразило меня это чудо,
В предвечерьи уйдя в синеву.
Закружилась земля под ногами,
Лучик солнца последний угас,
Обнимаю пространство руками,
Где раскинулся звездный Пегас.
Где холодным пылают пожаром,
Сыплют с неба серебряный жар
Орион, Андромеда, Стожары
И невидимый глазу Центавр.

ПЕГАС УЛЫБАЕТСЯ



Марианна Гончарова Черновцы

ЖМЕЛИК*

– Твой сын закончит в тюрьме, – строго сказала соседка Элла, когда я приехала из командировки – Вы совсем не занимаетесь ребенком. Твой ребенок растет, как репейник у дороги. Вчера твой ребенок жестоко избил мальчика Рикачевских и нагрубил тете Дине Самохvaleц. Сегодня во дворе все соседи это обсуждают. Твоему ребенку запретят играть с другими детьми. Твой ребенок ступит на несправедный путь, пойдет по наклонной и рано или поздно попадет в колонию для малолетних преступников. И вот тогда-а-а...

Я влетела в школу, где учился мой злоумышленник, постучала в дверь, где было написано «3-А класс» и попросила сына на секунду. И учительница, золотая Светлана Ивановна, которую мой изобретательный ребенок звал Сметана Сметановна за блондинистость, пышность и белокожесть, ласково сказала: «Данилка, а к тебе мама пришла».

Ага, Данилка, думала я, тот еще Данилка, позор семьи моей Данилка.

Ко мне вышел мальчик, меньше самой маленькой девочки в классе, ростом с корзину для бумаг, зеленую такую, у Сметаны под столом, и, выходя из класса, сообщил классу туда, себе за плечо, а ко мне мамочка пришла в школу, ура. А потом задрал на меня свою веселую и смышленную мордашу.

У меня хорошее воображение, но я не могла представить, как этот клоп напал на мальчика Рикачевских, выше его на три головы и старше на четыре года, набросился, хорошенько его отметил и по ходу еще и нагрубил тете Дине, именитой нашей соседке тете Дине.

Тетя Дина Самохvaleц – это вообще отдельный цирковой номер. Тетя Дина – это ненастье, это катастрофа. Тетя Дина Самохvaleц это горячий и взрывной гибриды асфальтового катка, который основательно укатывает всех и вся под свои колеса, и сирены гражданской обороны. Есть подозрение, что у нее где-то на животе приделана кнопка. И достаточно малейшего повода, чтобы тетя Дина Самохvaleц, порывшись в пуговицах своего необъятного халата, ткнула в нее железным своим указательным пальцем и завелась с пол-оборота. Когда она орет, собаки прячутся в щели и подвалы, коты прижимают уши, птицы падают с неба замертво, в домах звенят стекла и люстры, а электрики и сантехники нашего ЖКХа моментально писаются от страха.

* – Жмелик – придуманное моим сыном слово от украинского «джміль», что означает «шмель» (авт.).



И мой клоп нагрубил вот этому вот стихийному бедствию.

Я сказала ему, такому маленькому и такому объективно симпатичному, Даниил Аркадич, – когда я сержусь, я и сейчас так говорю, – Даниил Аркадич, сказала я своему потенциальному заключенному, будущему каторжнику, узнику и острожнику, – ой, сейчас зареву, так жалко его стало, – есть мужской разговор! Пройдем в сад.

Он весь уже издергался за эти три минуты, пока трусил за мной по коридору, потом по ступенькам в школьный двор, ужас. (Ну, я же идиотка тогда была, еще хуже, чем сейчас.) А внутри у него в животе дрожащий заячий хвостик. И на мордочке было все видно, как ему не по себе.

– Рассказывай давай, – усадила я его перед собой, – почему ты отлупасил Рикачевского и нагрубил тете Дине Самохвалец.

Данька виновато взмахнул на меня ресницами, вздохнул глубоко и начал:

– Я... нес... жмелика... на цветочке.

Сколько жить буду, всегда буду помнить, как он это сказал. Он сказал это так, что я поняла, что он нес на цветке, бережно и осторожно, аккуратно ступая, не сводя глаз со своей мохнатой рыжей ноши, он нес на цветке не просто шмеля, а величайшую для себя живую ценность.

– Я нес жмелика на цветочке. Я его нашел в траве, жмелика. Он там гудел. Я хотел его пересадить на куст повыше, чтоб на него не наступили. Нес-нес, нес-нес, и почти донес. А тут прибежал Рикачевский и сбил жмелика с цветка. На землю... И я наклонился, чтобы его подобрать. А Рикачевский засмеялся вот так: «Гы-гы-гы!» – и накрыл его ботинком своим. Ботинком, который у него на ноге. И топтал его, топтал. Топтал тысячу раз. Втапывал его. Жмелика. И жмелик это... И тогда я это... Как дал Рикачевскому в нос, чтоб он знал. И Рикачевский заревел.

А тетя Дина Самохвалец на лавке во дворе раскричалась, что это делается, га?! Этот ребенок Даня этих со второго этажу, он же хулиган какой, га?! Он же бандит, он же убийца какой, га?! Ах, негодяй, какой же, га?!

А я сказал, тетя Дина Самохвалец, вы сами хулиган, тетя Дина Самохвалец, бандит, убийца и негодяй. И потом я пошел домой. И был дома тихий-тихий. А бабушка сказала, что, Даня, кушать. А мне хотелось лежать в темноте.

Мы с ним помолчали немного, а потом обнялись. Если кто не знает, человека, особенно маленького, надо обнимать минимум семь раз в день. Минимум. А то и больше. Это очень полезно. И поэтому я обняла его, а он обнял меня. А потом я задала совсем какой-то неправильный с точки зрения воспитания и педагогики вопрос.

– Даня, этот Рикачевский, он ведь такой высокий, длинный такой, как же ты достал до его носа?

И немного картавя от волнения, Данька повозился в моих руках, поднял ко мне лицо и ответил, немного удивляясь моей непонятливости:

– Как-как. Подп'ыгнул.

Я прижала его к себе всего, целиком, маленького в форменном синем пиджачке со школьной эмблемой на рукаве, всего – пальцы со следами фломастера, макушка, стриженная, пахнущая орешками, мягкие ушки – прижала его к себе, и немного помедлив, спросила:

– Ты... ты потом плакал?



Данька всхлипнул мне в кофту и буркнул:
– Еще чего!

Сергей Зарвовский Луганск

«ДЕЗЕРТИРСТВО» С ТРУДОВОГО ФРОНТА

Карпаты, они и в Африке Карпаты. Только черные. Но, это только так говорится ради красного словца, а на самом деле их там нет. Справедливости ради надо сказать, что в тех краях тоже немало диковинок, например гора Килиманджаро, водопад Виктория или река Лимпопо, воспетая Чуковским в бессмертном «Айболите». Но Карпаты есть только у нас. Невысокие, в сравнении с Кавказом или, тем более Памиром явно проигрывают. Но их сравнивать так же бессмысленно, как голливудскую кинозвезду с соседкой по подъезду. Некорректное будет сравнение. Заокеанская звезда яркая, нос ровный, губки пухлые, фигурка выточена по современным стандартам – сразу бросается в глаза. А курносенькая соседка просто обаятельна, несмотря на невысокий росточек. Да и своя она, домашняя, всегда рядом и почти каждый день с ней видишься. Но что-то меня занесло, я ведь хотел о Карпатах.

Впервые я туда попал еще в советские времена, когда даже гуцулы, никогда не покидавшие родные горы, ругали нехороших поляков за то, что те выступают против советской власти. Совсем рядом – рукой подать – простой электрик Лех Валенса организует грандиозные забастовки, прокладывая себе путь к будущему президентству, а здесь тишина, размеренная жизнь и рассуждения под местный самогон о том, зачем ему это надо. Ведь жизнь вдали от суеты так прекрасна и удивительна. Но сейчас я хотел совсем не о политике. Просто вспомнился эпизод из одной очередной поездки в Карпаты на всеукраинские соревнования по туризму.

Нет, я не собирался участвовать в этом деле. Хотя и заядлый турист, но во всевозможных узлах я до сих пор как не разобрался, так и не разбираюсь. Единственное, что могу сделать, это замуровать карабин, когда на меня наденут обвязку с кучей репшнуров. Моя задача было другой – обеспечить выступление в конкурсе туристской самодеятельности, для чего был составлен и почти отрепетирован сценарий, дошлифовать его собирались по ходу дела на месте. На этот конкурс разрешалось выставлять не спортсменов, а людей более-менее знакомых со сценой. Поэтому туристическое начальство и решило взять несколько человек из бардовского клуба.

Всех участников поселили на одной из баз в Яремче, знакомой мне по зимнему походу, когда пройдя на лыжах недельный маршрут, мы финишировали именно здесь. Живописно расположенный городок во все времена года производил впечатление, да иначе и быть не могло, ведь признанный туристический центр и должен быть именно таким, чтобы побывав здесь один раз, захотелось вернуться. Причем в разное время года он был разным. Зимой черно-белым, исчерканным лыжными параллелями, весной пестрым от проталин, летом переливался разными оттенками зелени – от изумрудных лужаек до чернозеленых елей. А сейчас стояла (не побоюсь этого штампа) золотая осень. Да и как иначе назвать это буйство желтизны, когда все деревья одеты в золото, причем у каждого своей пробы?



База располагалась на противоположном от города берегу Прута, через обрывистые берега которого перекинут небольшой мостик, нависающий над рекой на высоте около десяти метров. Кстати, нам, прибывшим из густонаселенного Донбасса, поначалу было смешно слышать, что населенный пункт, в котором проживает восемь тысяч человек, называется городом. У нас это был бы, в крайнем случае, поселок городского типа. Только потом мы поняли, что в Карпатах, в которых гуцульские поселения встречаются не так уж часто, такое количество людей, живущих в одном месте, вполне имеют право называться горожанами.

Так вот, возвращаюсь к цели нашего приезда. Я имею в виду приезда не всей команды, а только выступающих на сцене. Еще в дороге нас застигло известие о том, что никакого выступления не будет – киевское начальство его отменило, побоявшись, как бы туристы не спели ничего крамольного. Сегодня это выглядит смешно, а в то время... Но, возвращать нас обратно было поздно, в общем, всех артистов обозвали «группой поддержки» и зачислили в, так называемый, трудовой десант. Дело в том, что кроме самих соревнований в программу входило наведение порядка на территории базы и окрестностях. Команде каждой области, еще до прибытия, было выслано задание, и каждый руководитель был в курсе: кому дорожки местным камнем вымачивать, кому на хоздворе порядок наводить, кому покосившуюся беседку выровнять и т.п. Естественно, зная заранее, что предстоит делать, прихватывали с собой соответствующие инструменты и приспособления. Ну, а нескольким командам было поручено особо важное дело – стереть «наскальные» надписи, типа «Ося и Киса были здесь», которые норовит оставить после себя чуть ли не каждый второй отдыхающий. Понятно, что серьезный турист таким заниматься не будет, но приезжают кучи «чайников», которым хочется увековечить свое пребывание в этих местах, а кроме как намалевать свое имя особо-то отличиться и нечем. Тем более, что по обоим берегам Прута россыпь крупных камней, а со стороны базы в воду уходит отвесная скала высотой несколько метров. И это все испещрено именами, названиями городов и датами. В общем, берег был расписан, как торс рецидивиста. Только вместо классического: «Не забуду мать родную», там фигурировали «Васи», «Клавы», «Бердичевы» и прочие «Жмеринки». Но больше всего поражает то, что ими исписаны бетонные опоры, на которых держался мост. Русло в этом месте идет как бы в ущелье, берега высокие, соответственно, и опоры метров по десять-двенадцать, причем абсолютно ровные. Забегая вперед, скажу, что наши ребята, профессиональные скалолазы со всем необходимым снаряжением, для того, чтобы все это соскрести, подвешивали веревки, делали так называемые «беседки», сидя в которых опускались вдоль опор, а как умудрялись оставить свои автографы на отвесных поверхностях чайники – ума не приложу...

Но нам повезло – поручили очистить огромный камень, лежащий на берегу, я бы даже сказал кусок скалы размером с хороший сарай, в незапамятные времена свалившийся откуда-то сверху. На следующий день надо было приступать, но тут вмешались, как говорится, непредвиденные (правда, весьма субъективные) обстоятельства. Оказалось, что на утро была запланирована для всех приехавших и свободных от соревнований и работ экскурсия на Говерлу. Ну как можно было упустить шанс посмотреть на Гуцульщину (кстати, и не только на нее...) с высшей точки Украины? Мы с другом решили, что сегодня чай не военное время, за дезертирство не расстреляют, а когда еще такая возможность



представится... Короче говоря, утром, вместо того, чтобы идти скрести окрестные скалы, мы втихаря пробрались в автобус и благополучно поехали, благо физиономии наши уже примелькались, а списки никто не составлял. Разгул демократии, одним словом.

Описывать красоты горной дороги смысла нет, да и способностей не хватит. А отдельные достопримечательности – скалу Довбуша, Яблонеый перевал, лыжный трамплин в Ворохте – и сегодня любой желающий может увидеть. В общем, привезли нас к лесничеству, расположенному у подножья, дальше все отправились пешком. Не знаю как там сейчас, когда третий президент превратил Говерлу в экскурсионный объект для своей администрации, а тогда поднимались по узкой тропинке, вьющейся между камней. Восхождение, как это торжественно называлось, для подготовленных людей пустяковое, скоро уже были на вершине. Посмотрели на Карпаты, на румынскую границу, на торчащий неподалеку Петрос – вторую по высоте вершину Украины, и начали спускаться. Тем более, что из головы все-таки не выходило, что мы же сбегали, а работу сделать бы надо. Ладно, начальство клизму вставит – заслужили, на ведь пока мы прохлаждаемся, там за нас кто-то пашет... Нехорошо. В общем, когда мы удовлетворили свою географическую любознательность, совесть потихоньку начала пробуждаться.

Вернулись почти под вечер, а в октябре вечера начинаются, сами знаете, когда. Потихоньку вынырнули из автобуса, подошли к своему «объекту» и что мы видим? Стоит целехонький, никем не тронутый, а рядом наши друзья затылки чешут. Оказывается, они-то и сами не так давно сюда пожаловали, а чем занимались раньше – не признались. Но нам и своих грехов хватает, зачем еще в чужие вникать? Понятно, что от начальства получили то, чего и ожидали – действительно, не расстреляли, но выслушать кое-что пришлось.

А вокруг – работа кипит. На скале и мостовых опорах альпинисты висят, пытаются привести их в первозданный вид. Рядом с нами ребята из Днепропетровска под предводительством известного, даже уже тогда, барда (ныне одного из ведущих радиожурналистов Израиля) с плоских прибрежных камней всякие слова счищают. Он тоже должен был участвовать в отмененном конкурсе, вот и отправили его на «трудовое перевоспитание». Только он, видимо, то ли более совестливым оказался, то ли менее сообразительным, но на Говерлу не полез и честно весь день отбывал срок. Да только пользы от этого никакой (и не только от его личных трудов или всей днепропетровской бригады) – мы как уезжали, все скалы были в росписи, так и вернулись – команды пашут, а результат – ноль. Начали присматриваться, в чем дело.

Как я уже говорил, задания были расписаны заранее, и каждая команда везла с собой кто лопаты, кто молотки с гвоздями. Ну а что могли притащить те, кому начальством было предписано стирать «следы цивилизации»? Естественно, всевозможные растворители и паяльные лампы. Да вот толку от них, как оказалось, никакого не было. Растворитель, конечно, делал свое дело – растворял буквы, да вот только они в жидком виде еще глубже впитывались в камень. А паяльные лампы, выжигая краску, оставляли сажу, которая тоже потом ничем не снималась. Единственный эффект – под их воздействием цветные надписи превращались в черные. Так что «наскальные росписи» малость потускнели, размылись, но продолжали крепко держаться на своих местах. Глядя на



«подшефную», еще нетронутую скалу, мы поняли, что на своих ошибках учатся дураки, а умные – на чужих. Но почувствовать себя умнее других, дало возможность наше отсутствие в тот момент, когда остальные команды занимались «мартышкиным трудом». Самоволка на Говерлу начальством быстро была забыта, поскольку стало ясно, что мы, даже трудясь целый день, все равно пришли бы к такому же итогу.

Но к утру все надо сделать как положено – надписей не должно быть! Иначе командам грозили штрафные очки, которые могли отодвинуть потенциальных призеров на задворки турнирной таблицы. Я уже не помню, на каком месте были мы, да это и не важно, работу-то все равно надо сдать... Видимо от безнадежности положения, руководитель нашей делегации, наблюдая вместе с нами всю бесполезную суету, предложил сбить надписи зубилом. На что я ему резонно ответил, что если он хочет все слова, написанные краской (в том числе и не совсем цензурные), высечь на камне и увековечить навсегда, то мы готовы. Рацпредложение было не принято, и начальник удалился по своим командирским делам, оставив нас наедине с проблемой. А решать ее надо было кардинально другими методами, но мыслей никаких не появлялось, зато времени на раздумья оставалось все меньше по причине наступавшей темноты.

Мы сидели на берегу Прута, в воздухе витало нечто, на украинском языке называемое «мряка» (перевести на русский это невозможно, зато все представляют, что это некая сырая гадость). Да и температура в октябре в тех местах далека от крымского бархатного сезона. Короче говоря, стучим зубами, а тут еще один острослов этак мечтательно заявляет:

– Да, сейчас бы кружку холодного пивка, искупаться и в трусах на мотоцикле...

В общем, живым он остался каким-то чудом, поскольку поймать его не удалось... Но хоть чуть согрелись. И тут в отчаянии кто-то зачерпывает из лужи, образовавшейся возле нашей скалы, горсть песка смешанного с грязью и пытается одну из надписей стереть им как наждаком. Из этой затеи, естественно, ничего не получается, зато часть песка прилипла к камню. И тут вот она – долгожданная идея! Я вспоминаю, что на хоздворе базы видел бочку с остатками цемента и рванул туда, ничего не понявшие друзья даже слова сказать не успели. По дороге где-то раздобыл обрывок газеты, свернул кулек, быстро набрал цемента и бегом обратно. Объяснять долго ничего не пришлось, тут же, прямо на краю лужи, сделали замес и быстренько разделали скалу «под шубу»! Естественный цвет нашего «раствора» настолько вписался в природный колорит и фактуру скалы, что заметить разницу между «шубой» и камнем можно было только на ощупь, а мы рассчитывали, что к утру наше изобретение затвердеет.

Наши соседи, ушлые днепропетровцы, обратив внимание, с какой скоростью мы неожиданно управились с работой, пришли перенимать опыт. Покуривая с чувством исполненного долга, мы объяснили, где лежит цемент. Но оказалось, что на всем берегу, лужа с грязью есть только у нас! Наш обломок скалы во время подъема воды, который случался после каждого дождя, перерогаживал поток, образуя небольшую заводь, в которой и оседала вся муть. На всем остальном протяжении горная река, несаясь с большой скоростью, по берегам оставляла только камни, и то достаточно крупные. Так что для наших соседей раздобыть цемент оказалось только полдела. Побегав по берегу в поис-



как подходящего материала для раствора и ничего не обнаружив, они решили, что единственный выход – делегировать к нам самую симпатичную девушку. Представляете картину – этакое полунебесное создание подходит с просьбой:

– Мальчики, а нельзя ли у вас немного грязи набрать?

Мы тогда еще не догадывались, какую выгоду можно извлечь из положения абсолютного монополиста, поэтому без долгих размышлений прикинулись джентльменами и любезно отгрузили даме необходимое количество испрашиваемого сырья.

А на следующее утро я, изменив своим совиным привычкам, поднялся, что называется, ни свет, ни заря, и отправился наблюдать за приемом наших объектов. Засев в кустах на противоположном берегу, с удовольствием взирал, как под морозящим дождичком члены комиссии, морща носы, осматривали навечно впечатанные в опоры надписи. Точно так же они кривились и на работу по очистке скалы за мостом. Зато я получил огромное удовольствие, когда они приблизились вначале к территории днепрпетровцев, затем и к нашей глыбе, стоявшей на отшибе. Вначале они застыли, потом завертели головами, ища надписи, зная, что еще вчера берег был расписан под «хохлому». Но те непостижимым образом исчезли... Причем совершенно без следа, как будто бы накануне здесь работали не люди, а пришельцы, владеющие неизвестной земной науке технологией по выведению пятен с лона природы. В результате только наши две команды заработали высшие оценки за «трудовые успехи»... Ну, а впечатления от восхождения на Говерлу не выветрились и до сих пор.

Алексей Карелин Брянск Россия

ДРУГОЕ ДЕЛО

Стучит клавиатура. словно подковали тараканов и устроили бега. замолкнет а минуту, и снова отбивает четекту. Ну, точно оркестр. Что ни клавиша, то звук.

Жанна стиснула виски. Попробовала сосредоточиться на бумагах. К понедельнику надо составить меню, рассчитать порции и прочее поварское бумагомарательство. Школа, в которой работает Жанна, маленькая – повару приходится брать на себя тяготы посудомойщицы, уборщицы, грузчика, бухгалтера. Свихнуться недолго.

Жанна вполне могла сидеть дома, муж зарабатывает вполне прилично, но захотелось быть независимой. Теперь расплачивайся за амбиции. Нет, это последний учебный год. Дальше или другая работа, или домохозяйство.

Жанна посмотрела на меневки – работа стоит. Щелканье клавиш из кабинета мужа настойчиво призывает мигрень. Надо прогуляться.

Жанна встала, подошла к зеркалу. Маленький вздернутый носик, маленькие миндалевидные глазки, маленький ротик с пухлыми губкам, аккуратный овал лица с маленьким подбородком и пышная шапка рыжих кудрявых волос. Не органично. Подстричься, что ли? Коротко – жалко, волосы испортишь. Ходить лохматой, точно сенбернар, тоже не порядок. Решено – лохматость понизить, но не впадать в крайность.

Жанна накрашила губы, подвела глаза, наложила тени, улыбнулась отражению и тихо прокралась в кабинет мужа.



Все еще за компьютером. Серьезный. Пальцы бегают по клавиатуре. От монитора глаз не оторвет.

Жанна подошла ближе, наклонилась, шепнула на ухо:

– Мистер Гейтс, можно вас побеспокоить?

Не прерывая работу, муж бросил голосом робота:

– Да.

– Я в парикмахерскую. Приеду где-то через час. Есть захочешь – суп в холодильнике.

Молчание. Только клавиатура: шелк-шелк.

– Ты слышишь?

– Ыгм.

Жанна вздохнула. Она уже забыла, когда муж любовался ее морщинками, что появлялись у глаз при смехе. Когда последний раз общался по-человечески, называл «милой», «киской». Все в работе, в работе... Выкинуть бы компьютер к чертовой матери!

– Между прочим, парикмахер денег стоит. Аванс я еще не получила, – произнесла Жанна с обидой.

Клавиатура замолкла. Муж задумался.

Жанна покачала головой. Что тут думать?

– Точно, – шепнул муж и продолжил набирать абру-кадабру.

Жанна в сердцах плюнула.

– Я думала, достучалась наконец! Ты можешь хоть минуту уделить своей жене!

Муж закатил глаза. Вздохнул:

– Сколько?

– Две тысячи, – бросила Жанна мстительно.

– Возьми в бумажнике, во внутреннем кармане безрукавки.

Клавиатура снова застучала.

Брови Жанны взметнулись. Даже не поинтересовался, зачем ей столько! Ладно, дают – бери. Печатай, каторжник.

Антон потер глаза. Горят. Новые бы вставить. Вот почему нельзя менять глаза? Были бы для работы, для игр, для обыденной жизни.

Антон усмехнулся собственной выдумке. Пальцы вновь заскользили по клавишам.

Несколько дней вычеркнуто из жизни. Точнее, съедено. Компьютером.

Надо закончить базу данных до следующих выходных и, возможно, Анто-на повысят. Возможно... Он, наверное, псих: так париться, полагаясь на «авось». Вовик, Сашок, да все, кто с ним работает, растянули бы это «удовольствие» на два месяца.

Уже мутит от этих бегин-эндгов!

Антон откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и закрыл глаза.

С кухни тянет жареным луком. Один из вкуснейших ароматов.

Антон улыбнулся, расслабился.

Несколько дней назад Жанна подходила. Зачем? Обиделась вроде. Потом вернулась, увидела, что он еще работает, и напустилась: ты не забыл обо мне, попутал компьютер с женой, ласковое слово не скажешь...



Антон скривился. Скандалы не любит никто.

– Антон, ты спишь? – раздался позади голос жены.

Антон выпрямился, обернулся. Заметил, как изменилось лицо Жанны: гнев нахально спихнула милость. Неужели он так плохо выглядит?

– А-а... нет, отдыхаю. Что ты хотела?

Расфуфырилась – опять куда-то собралась.

– Я отъеду на часок. Обед на плите.

Жана хотела выйти из комнаты, но Антон задержал:

– Стой!

Вскочил со стула и метнулся к жене. Встретил удивленный и полный надежды взгляд.

– Подожди.

Антон побежал в прихожую, достал бумажник и вернулся к жене.

– Деньги надо?

Искорки в глазах Жанны потухли, кивнула.

– Видишь, а ты говоришь, внимания на тебя не обращаю. Я ж вижу, голова не прибрана.

Жанна открыла было рот, но Антон спросил:

– Сколько там твой парикмахер? А, помню-помню, две тысячи. На вот, бери.

Жанна скромно взяла деньги.

Антон чмокнул в щеку и примагнитился к компьютеру.

Спустя некоторое время хлопнула входная дверь, шелкнул замок. «Не доверяет, – подумал Антон. – Неужели считает и грабителей не замечу?»

Антон погрузился в мир выборов и операндов, но ненадолго. За последние дни в теле накопилось такое напряжение, что работа не шла. Требовалась разрядка.

Антон нахмурился, пораскинул мозгами.

Что ж, пока жены нет, можно позволить себе впасть в детство.

Включаем колонки. Здравствуй, WOW!

Зазвенели ключи – Жанна вернулась.

Ох, и заигрался!

Антон поспешно вышел из игры и вернулся к белому окошку кода и серым формам Делфи.

На душе стало легко, тело так же успело расслабиться. Правда, глаза... В сон клонит. Все, на сегодня хватит хавать излучение.

Антон выключил компьютер и пошел встречать жену.

Какая же она у него красавица! Прямо цветет. Что же заставило ее улыбаться? Вон и морщинки его любимые.

– Что случилось, тайный поклонник объявился? – с улыбкой спросил. – Ты прям светишься от счастья.

– Да так, день хороший, – уклонилась от ответа Жанна.

Посмотрела на него и прыснула со смеха. Опять, наверное, с подружками о нем болтала, все косточки перемывала. Ну, и на здоровье!

– Ну-ка, иди сюда, на свет.

Антон увлек жену к дверям кухни, оглядел внимательно.



– Не бойся, травку я не курю, – улыбнулась Жанна.
– Да за другое. Гляжу, как оно – поход к парикмахеру.
– И?.. – еле сдерживая смех, спросила Жанна.
Антон почувствовал подвох, смущенно ответил:
– Ну, совсем другое дело. Классная прическа!
И показал все тридцать два зуба. Что-то не так. Но что?
– Антон, к парикмахеру я ходила два дня назад, а сейчас ездила делать маникюр.

Владимир Михайлов Кременчуг

САМОСУД

В прихожей что-то с шумом упало на пол.
Тёща вздрогнула, крепко сжав ручку сковородки, и замерла в ожидании.
– Зятёк припёрся, – догадалась она.
– Где дневальный? – прохрипел пьяный голос зятя, – почему нет порядка в казарме?
– Это Мирослав? – взволнованно спросила Оксана.
– Да, твой Буйнослава явился, – съязвила тёща и добавила, – готовься к бою.
– Не слышу доклада, – взвинчивая себя, кричал Мирослав.
Разглядывая своё отражение в зеркале, он представлял себя ротным командиром. Затем, покачиваясь, сделал несколько шагов от зеркала, заглянул в комнату.
– Рядовой Ксюха! – позвал он жену, – как встречаете старшего по званию?
– Я здесь, Славик, – дрожащим голосом произнесла молодая женщина, выходя из кухни, – торопилась приготовить ужин к твоему приходу.
– Это хорошо! – одобрил Мирослав, продолжая играть роль ротного командира, – но...
Он бросил тяжёлый взгляд на свежее пятно на халате жены и сразу же спросил:
– Когда последний раз сдавали в стирку форму? Я спрашиваю! Отвечайте же рядовой Оксана!
Не дожидаясь ответов, он беспрерывно задавал вопросы, наслаждаясь своей игрой.
Иногда заигрываясь, он мысленно жалел, что не стал офицером. Падал в кресло, закрывал глаза и в полусонном состоянии продолжал отдавать пьяные команды.
Может быть в училище и сделали б из него боевого командира, но учинённая им на первом курсе драка, навсегда сожгла его мечту, а уж потом пришлось проходить службу в армии рядовым.
– Слава! – пыталась что-то сказать мужу Оксана, – Славунчик!..
– Где сержант? – перебил жену Мирослав и пустился склонять тёщу, – до каких пор, – продолжал он, – здесь будет царить дедовщина?
Размахивая руками, Мирослав заметно повышал голос.
– Да я, – возмущался он, – эту красавицу прошлого столетия!.. Под трибунал!..



- Как ты можешь так о моей мамочке?..
- Подумаешь, страусиная грудь, танк в юбке, бедро бегемота!..
- А ты? – не выдержала жена, – орёл-свиные перья.
- Это у меня свиные перья?..

Он грубо толкнул жену в плечо и тут же, неожиданно, рухнул у её ног, сражённый уверенной рукой властной тётчи, которая после удара с торжествующим видом положила сковородку на грудь поверженного зятя.

- Дочка, не теряй времени, – сказала она, – звони сейчас же участковому.

Оксана дрожащей рукой набрала номер.

– Николай Николаевич, – жалобным голосом обратилась она к милиционеру, – приезжайте, пожалуйста... Мирослав снова...

Не прошло и десяти минут, как страж порядка забрал дебошира.

– Ну, что ж, Мокренко, – обратился к Мирославу участковый, – на просьбы и уговоры ты не реагируешь, придётся за содеянное расплачиваться...

Пятнадцать суток были тяжёлым испытанием для несостоявшегося офицера. Ему хотелось услышать ласковые слова Оксаны, откусать любимых вареников, которые получались у жены значительно вкуснее, чем у тётчи. Да и другие блюда всегда приводили в восторг неблагодарного гурмана.

Мирослав мысленно раскаивался, обещал себе не пить, найти какое-нибудь занятие, которое б отвлекало его от глупостей, но, вспоминая тяжёлую руку тётчи, вздыхал и пересчитывал горькие дни заключения. За полмесяца он достаточно истощал. Обида занозой сидела в нём и не давала покоя. Он решительно был готов простить Оксане, но тётча...

– Как быть с этой бабой? – спрашивал он себя, – Наполеоном меня называют, маньяком с замашками садиста.

Тётча действительно не питала добрых чувств к зятю.

– Я этому Бонапарту, – говорила она, – быстро найду остров Святой Елены.

Подогретое обидами сердце, пылало мстью, которая всё-таки зрела и ждала реализации.

– Ну, что ж, граждане женщины, – после полумесячной разлуки вместо приветствия при встрече вырвалось из уст Мирослава, – за содеянное вам придётся отсидеть пятнадцать суток.

И, грубо подхватив под руки жену и тётшу, насильно затолкал их в погреб.

– Не помрут, – подумал он, – освещение и еда там есть.

Но униженное достоинство женщин, особенно тётчи, не позволяло смириться с происходящим. Первые сутки узницы молчали, не находя нужным разговаривать с обидчиком. Но Мирослав и не думал менять сценария. Он открывал погреб и настойчиво требовал называть фамилии. Потом притворно сочувствуя, спрашивал за что сидят. Не дождавшись ответа, парень закрывал погреб, а через некоторое время, вновь повторял процедуру.

– Тебе что, я сковородкой память отшибла? – спросила тётча на вторые сутки после заключения, – уже и фамилии не помнишь?

Не обращая внимания на язвительную реплику, он продолжал чинить «правосудие». На третьи сутки заговорила жена.

– Фамилия? – сухо очередной раз спросил Мирослав.

– Мокренко, – робко ответила Оксана.

– Мокренко! – с пафосом повторил «судья», – сочувствую, но посетителей



к вам не было, не было и передач.

И вновь, то закрывался, то открывался погреб, напоминая злоумышленнику процедуры в КПЗ.

Обеспокоенные отсутствием женщин, соседи поинтересовались у Мирослава, почему давно не видно ни жены, ни тещи?

Они уехали на курорт, – отвечал односельчанам парень, – слышали о таком санатории – «Матери и ребёнка»?

Привыкшие к чудачествам парня, соседи учуяли беду и заявили участковому. Николай Николаевич не заставил себя долго ждать. Уже через полчаса узники были освобождены, а обидчик, взят под стражу.

На глазах у всех жителей села милиционер вёл новоиспечённого Линча.

– Ты что же это, Мирослав, натворил? – заговорил с ним участковый, – кто тебе позволил чинить самосуд? И сколько же ты собирался их там держать?..

– Отсидели семь, – неохотно выдал из себя парень, – а должны были – пятнадцать...

– То, что не досидели, не огорчайся, – успокоил его по-своему страж порядка, – восемь суток досидишь за них ты, я гарантирую.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Обитатели села Грязево с приподнятым настроением предвкушали приход праздника газификации.

– Скоро и у нас будет газ, – радовались селяне, – как в городе!

Радовались предстоящему событию и монтажники, но только по-своему. Ещё бы, досрочно сварены и уложены в траншеи последние метры труб, а это – премия.

Но, чтобы завершить большую работу, остаётся малость – закачать в трубы воздух и проверить систему на герметичность. Тем не менее, предвкушая минуты триумфа, слово премия всё чаще повторялось на устах тружеников. Бригадир, Юрий Иванович, во время обеда рассказывал о внуках-близнецах, которым дал честное дедовское слово купить импортные велосипеды. Всякий раз, когда он затевал этот разговор, то казалось, что он сам нуждается в покупке больше, чем его внуки.

Максим слушал бригадира и старших товарищей, но свою мечту вынашивал молча. Ему хотелось обрадовать свою беременную жену красивой детской коляской.

К концу рабочего дня закачали в трубопроводы воздух. Оставалась процедура проверки и сдачи объекта. Но новый день принёс рабочим неожиданное огорчение. Давление в системе труб упало, свидетельствуя о браке в работе монтажников.

– Вот тебе и раньше срока... – расстроился бригадир.

Растерялись и сварщики, ведь они были уверены, что к делу отнеслись добросовестно.

– Иванович, – загудели рабочие, апеллируя к бригадиру, – здесь, что-то не так.

– Да что там не так, – с досадой сказал ветеран, – улетучится наша премия, как этот воздух из труб.



Но ребят не покидала надежда. Напряжённый день, хоть и не дал ожидаемых результатов, повторно закачали воздух, рассчитывая на успех.

Второй, третий и четвёртый дни были похожи на первый.

Кропотливая работа изнуряла монтажников, но давление в трубах неумолимо падало. Падало и настроение ребят.

– Петрович, – обратился к старому сварщику Максим, – я меньше всех разбираюсь в тонкостях этой работы, но чувствую, что нашей вины здесь нет.

– Похоже, ты прав, парень, – согласился сварщик, – не мешало бы навестить деда Трофима, что на краю села...

– Конечно, – вмешался в разговор товарищей бригадир, – там, у старика, видимость, как на ладони...

Вскоре группа монтажников отправилась к деду Трофиму.

Седой, с рыжими от махорки усами, закрыв глаза от лучей солнца, пробивающих сквозь листву, сидел под деревом дремлющий старик. Большая муха грелась на его картофелеподобном носу и совсем не раздражала, лишь, перелезая на губу, заставляла слегка вздрагивать.

– Здравствуй, дед Трофим! – желая своим голосом спугнуть надоедливую муху, громко поздоровался бригадир, – не видел ли ты в эти дни подозрительных типов, шатающихся здесь?

– А что стряслось, ребятки? – открыв глаза и приподняв лохматые брови, спросил старик.

– Да вот, – продолжал бригадир, – вопреки нашим стараниям в трубах падает давление.

– Не может быть! – ухмыльнулся дед, – давление в трубах отменное!

Он медленно встал, приблизился к Ивановичу и попросил сигарету. Подкурив, затянулся, а потом с уверенностью знатока повторил:

– Не может быть! Сам проверял! Каждое утро, раненько, открываю кран, а из него такой свист, такой свист...

ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ



Валерий Басыров Крым

– Как быстро ты вырос, –
Мне мать говорит.
Когда её в чём-то сейчас поучаю.
Я вижу,
Как радость слезою дрожит,
И скрытую гордость в глазах замечаю.

Но если я взрослый,
Тогда почему
На чёрствость
По-прежнему искренность трачу?
Зачем,
Когда горе придёт, –
Не пойму, –
В ладони твои
я лицо своё прячу?

ХЛЕБ

Холодное солнце и низкое небо
Осели на стылые ветви берёз...
Я помню: буханку промёрзшего хлеба
Однажды солдат незнакомый принёс.
Кивнул на прощание мне головою,
Он дверь за собою поспешно прикрыл.
Был Север. Маячил мороз за стеною,
И ветер голодный за окнами выл.
На Севере хлеба тогда не хватало.
Казался мне праздником мамин паёк.
Но только тех праздников было
так мало.
В коротком и северном
детстве моём!



Ольга Беда Харьков

ОТЦУ

Мы учились читать по отцовским медалям,
И названия столиц изучали по ним.
Не на карте Европы – на чеканке вставали
Будапешт и Белград, Кенигсберг и Берлин...

Нас никогда не одолеть невзгодам,
Покуда не прервалась связь времен,
Пока шагает в памяти сквозь годы
На лётном поле папин батальон.
Я покажу теперь своим внучатам
Медали за Берлин и Бухарест.
До моего рожденья, в сорок пятом,
Своею кровью добыл их отец.
И подивятся правнуки полётам:
Десантник-прадед! Как сражался он!..
Нас никогда не одолеть невзгодам,
Покуда не прервалась связь времен.

* * *

Любовь выпрашивать не стану,
С собою справиться смогу,
И навсегда стоять останусь
На дальнем-дальнем берегу.
И унесёт мои печали
Неторопливая волна.
Слова, что музыкой звучали,
Забыть скорее я должна.
Ой, как сердце к сердцу тянется
Сквозь невнятную печаль...
Для планеты – расстояньице,
Для меня – такая даль!

* * *

А если разлука вдруг станет привычной,
И сердце уже не зайдет от боли –
Взлечу по законам неписаным птичьим
И рухну, покончив с предавшей любовью.
Меня приласкает вечерняя вечность.
Пред нею – ничто наказание любое.
Боюсь, и она от любви не излечит –
Вселенная дышит все той же любовью!



Павел Бессонов Мариуполь

КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО

Кончилось детство. Его уже нет.
Город окошек глазами слеп.

Черные птицы в пустых небесах
Где-то под ложечкой спрятался страх.

Черные капли летящие вниз
Дымные вихри и режущий визг.

В пыльную траву – лицом не дыша.
Божья коровка ползет не спеша.

Пчелкой металла пронзает стопу
Камень в воронке разбитый в труху.

Смолкла сирена. Зенитки молчат.
Очередь длинная в военкомат

Кончилось детство, но строг военком:
– Время, когда подойдет – позовем!

НЕ ДОЖИВ

В школе вечер. Пушкина портрет
Я рисую. Ровно век дуэли.
...Пушкин поднимает пистолет.
Замерли на Черной речке ели
И развязка смертная близка
Секунданты шубы расстегнули
Не дожив еще до сорока
Он умрет от равнодушной пули.
Но пока мгновенье он стоит
И Дантеса пистолет дымится.
Мир молчит дыханье затаив.
Словно ожидая – не случится!
Я рисую... В классе говорок.
Повторяют пушкинские строки.
«Осень», из «Онегина», « Пророк»...
Девочки стрекочут, как сороки.
Мир молчит... Испания в огне



И уже победный марш намечен
Танкам рейха в крупновской броне.
В нашей школе-семилетке вечер.
В коридорах шумно, не пройти
Кто из них наследники поэта?
Многим умереть до двадцати,
Не дожив, чтобы узнать про это.

САДЫ

Зимою сады под корень
Рубили – согреть мальцов...
...Стонала деревня в горе –
Война обложила кольцом.
Сутулились бабы – жалко!
Рубили, как попада, вкось.
И было по избам жарко!
И крепко голодным спалось.
Совсем не по-женски сурово,
Молчанье часами храня,
Смотрели солдатки и вдовы
Без слез на сверканье огня.
В ночи за окошком морозным
Зари пробивался росток.
Чадили поленья, как слёзы
Роняя оттаявший сок.

В окопчике за нашим садом
Попал в бомбежку в первый раз
И бомба, что упала рядом,
Случилась так – не взорвалась.
Ошеломила свистом резким,
Но нет ни грома, ни огня
Стабилизатора железо
Торчало в шаге от меня.
В тупой и темной вражьей злости
Мне несшей гибель с высоты
Тяжелая от тола гостья
Ушла в глубинные пласты.

Артиллерийский ближний рокот.
Зари задымленный рассвет.
Всего четырнадцать мне лет.
И до Победы так далЕко!



Михаил Бондарев Калуга

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Советским танкистам посвящается

Решающей битвы настала пора.
В холодном поту – гимнастёрки.
За Родину, братцы, в атаку! Ура! –
В бой ринулись «тридцатьчетвёрки».

И небо чернеет над Курской дугой.
Армада идёт на армаду.
Механик-водитель, нажми, дорогой!
Ответим германскому гаду!

Дым, копоть и грохот, и море огня.
«Пантеры» оскалились, «тигры».
Сраженье покажет, чья крепче броня,
Чьи крепче бойцы, командиры.

Летят во врага за снарядом снаряд.
Жара. Под бронёй – душегубка.
Кресты полыхают и звёзды горят.
На Курской дуге – мясорубка.

На выступе Курском орудует смерть.
Дерутся как черти фашисты.
Броня нам поможет и русская твердь, –
Уверены наши танкисты.

Уродует землю за взрывом разрыв,
Глуша крики раненых, стоны.
Советские танки пошли на прорыв,
На запад идут батальоны.

Врагу не сломать Красной армии клин, –
Пусть в Лондоне знают, в Нью-Йорке.
Весной в сорок пятом ворвутся в Берлин
Советские «тридцатьчетвёрки».

ПРАГМАТИКИ ПРОТИВ ПОЭТОВ

Наступают армады прагматика
На разбитое войско поэта.
Электроника и автоматика –
Против лирики, сердца и света.



Наступают вперед, меркантильные,
Устроители нового мира.
Их движенья, шаги семимильные –
По команде крутого кумира.
И кричат глобалисты: «Приказывай!
Мы гроза океана и суши.
Мы направим удар нефтегазовый
На бумажные тонкие души».
А поэт строит строки сердечные,
Собираются рифмы и строфы,
Ослабевшие истины вечные
От Потопа и прямо с Голгофы.
Движут с хохотом пьяные, сытые
Супертанки и суперракеты.
Разве выстоят против разбитые
В стародавних окопах поэты?!
Олигархи, банкиры, старатели.
В головах у них – евро и «баксы»:
«Мы сотрём вас, бумагомаратели,
И оставим одни только кляксы!»
Пусть пройдут оголтелые полчища,
Может легче в земле отсидеться
И в сырое забросить урочище
Воспалённые душу и сердце? –
Вдруг в уме что-то щёлкнет предательски,
И на миг ты поверишь приметам.
Не удержишь глобальные натиски –
Так не смей называться Поэтом.
Силу сердца и силы душевные
Выставляй по небесному знаку, –
И пойдут, справедливые, гневные,
Умирать в штыковую атаку.
Все века, не считаясь с потерями,
Прорываются к Солнцу поэты.
Высоко, высоко, в звёздном тереме,
Им навстречу идут Пересветы.

Олег Бондарь Харьков

Есть ли смысл у пауз? Вне сомненья,
Если ты его постичь готов.
Пауз молчаливое прозреньё
Осеняет – и не надо слов...
Тишина порою звонкогласна:



Суть скорей в молчании дойдёт.
Пониманья мостик очень часто
Радугой над паузой встаёт...
Горечь жжёт. От мысли не отвлечься –
Вдруг меж нами встанет навсегда
Пауза длиною в бесконечность,
Пауза – дорога в никуда?..

Полуулыбки лёгкий хрупкий блеск...
Манящий полусумрак полусвета...
Уход от наболевшего ответа...
Травинки под ногою льдистый треск...

Полуприкрытый бегающий взгляд,
Подёрнутые трепетом ресницы,
Рассыпанные по полу страницы...
В бокале растворяющийся яд...

Незрима нерушимая граница
Меж тем, что есть, и что не повторится –
Извечная проблема: ты и я ...

Поймать на краткий миг жар-птицу встречу
И расставанья грустью не обжечься!
...Спешу за вами, мысли затая...

Птицей рваться в облака?
Там крылами мерить небо?
Мистика! Краюхи хлеба
С полной кружкой молока
Мне достаточно пока...

Птицей? В небо? Не резон!
Ведь в охотничий сезон,
Только холодком подуло,
Тычет в небо оба дула
Всяк, охотой заражён...

Но в прозрачной пелене
Пропадает клин осенний.
Может, в даях заповедных,
В той, предбожьей синеве,
Птицы вскрикнут обо мне?..



Елена Бувеч Черновцы

ОТ и ДО

От одного – до десяти
я у родителей в горсти
жила, не ведая о том,
что осенён наш дом крестом.

От десяти – до двадцати
Господь хранил меня в пути.
Я научалась... Если бы!..
Явила жизнь свои гробы.

Ушли – и бабушка, и дед,
и поздно я рванулась вслед,
прознав паническую дрожь
глаголов «умерли», «умрёшь»...

От двадцати до тридцати...
Столетиям надобно пройти,
пока дойдёт до дурака:
жизнь – островок, а не река.

Ночь. У щеки – тепло сына,
да отчий взор издалека.
Вот всё, что держит. Здесь. Пока.
От тридцати – до сорока?

КОРАБЛИК

Снасти ветхи, мачты тонки,
борт – не низок, не высок.
Жизнь похожа на обломки,
но трепещет парусок.

Ветер свищет, тычет тучи,
рвёт, бросает и полощет...
Меньше малого получит
тот, кто многое восхощет.

– Продержись ещё, не сетуй,
будет и тебе – сторицей.
Не за то, и не за это,
а по милости велицей.



ФОТО В КОНЦЕ XX ВЕКА

Смычком измучив верную, концертную,
улав, как в поединке за бессмертную,
по мостовой – проворно, как с пригорочка,
студенточка идёт, консерваторочка.

У перехода ждет её возлюбленный,
такой же уцелевший, непогубленный.
На Чистых, заглянув на пять минуточек,
они покормят голенастых уток.

И что бы там безумцы не пророчили –
развал Союза, путч и штурм, и прочее –
они «Зенитом», как от хлеба постного,
отхватят день столетия кровеносного!

И этих лет – как дыма папиросного...

Лишь из окна, вполнеба вознесённого,
летят обрывки, страстные и смутные,
скрипичного концерта Мендельсонова.

А век уж исчисляется минутами...

ЦЕРКОВЬ В СТАРОМ ВАГОНЕ

Крест православный, берег,
пляжик блестит волной...
Скажешь – ведь не поверят:
поезд поставил Ной!
Это же символично –
поезд полон икон.
Просто идут молиться
в старый этот вагон.

В тамбуре, нет, в притворе,
медлят малец и мать.
В храме вовек не спорят
бедность и благодать.
Сколько не есть деньжонок –
меньше вдовиных лепт.
Вот принесли крыжовник,
в дар оставляют... хлеб.



Так далеки и странны
тут же, через забор –
яхты, катамараны,
музычки дерзкий ор.
Утрени и обедни
голос смирен и тих.
Этот вагон – последний,
в смысле времен таких...

К месту неся над бездной,
под перестук колес,
Господи, спутешествуй
всем, кому привелось...

Людмила Буратынская Донецк НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ...

Ленты, оборочки, туфельки из парусины,
Мелом натерты старательно до белизны,
Кепки, ковбоекки, турманы в утренней сини –
Девочки, мальчики... Несколько дней до войны.

В воздухе, сладком от кипенно-белых акаций,
Смех заразительней, звездные ярче огни,
И не отмыты еще на мальчишеских пальцах
Пятнышки от несмываемых школьных чернил.

И невдомёк им, что рядом, совсем уже рядом,
Чёрную тень распластало войны вороньё,
Что под разрывами воющих мин и снарядов
В пляске смертельной беснуется пламя её.

Несколько дней... А пока их, счастливых, бессонных,
Ночи июньские прячут, тревогу тая...
Смотрит восторженно в небо – с тяжелой косою
Русоволосая девочка, мама моя.

ВОРОВАННЫЕ ЯБЛОКИ ВКУСНЕЙ

Мы, ребятня, скворчиной сбившись стаей,
Пока в сторожке дремлет дед Корней,
На сад его, как птицы налетаем.
О землю гулко яблоки стучат,



Срываясь с тяжело обвислых веток.
Потрескивают сучья, невзначай
Ногой неосторожную задеты.

Когда оскомой терпко сводит рот,
В кровь обдираясь, – лаз плетневый узок –
Бежим, прижав душистое добро,
Набитое в сорочки, к голым пузам.

И только через годы дед Корней
Расскажет, как искал, куда бы деться,
Пока в саду мы – знал, что только в детстве
Ворованные яблоки вкусней!

ГЛЕЧИК

Мы уносились с утра в запредельные дали,
Арками радуг пытались войти в горизонт,
Нас от вихров до подошв отсыревших сандалий
Плотно охватывал запах травы и озон.
Это с годами ясней и понятнее станет,
Как неразрывно мы связаны с этой землей.
Первые наши уроки историй-ботаник –
Скифская баба в степи, василек полевой.
Это потом, в городской онемелой квартире
Станешь в бессоннице маяться ночь напролет,
Если на миг и неожиданно, и неотвратимо
В памяти запах горячей полыни всплывет.
Вдруг померещится дом со знакомым крылечком,
И, заслоняясь от солнца ладони щитком,
Мама протянет коричневый глиняный глечик
С неповторимым, как детство, парным молоком.

КУМПОРСИТО

Твой город, что наснился мне тогда
Прибежищем невежд и корифеев,
Где, что ни шаг – восточный дух кофеен
И – по-турецки, стылая вода
В каналах, окантованных гранитом,
Где каждый камень – ревностный хранитель,
Держатель вечный тайн, интриг и дат...
Там, ветром задуваемой свечой
Вставал маяк над предрассветной бухтой,
И припадало небо чутким ухом



К груди холодной глади. А еще
Из полумглы безлюдного причала
Там музыка призывная звучала,
Так огненно, так дерзко-горячо.
На полузатонувшем корабле,
Ослабившись, матросы, жадно, сыто,
Следили, как под звуки Кумпарсито
Ты увлекал меня в па-де...колен,
Движений, жестов, слившихся дыханий.
Смеялись скрипки. Сыпались стихами,
Срываясь, звезды, в память, сквозь года...
В твой город, что наснился мне тогда.

Тамара Дьяченко Севастополь

ТВОРЧЕСТВО

И опять до утра сочиняем стихи.
Сердце строки уже не вмещает.
А Господь нас за тяжкие наши грехи
Милосердно и мудро прощает.

Дерзкой кистью кидаем мазки на холсты,
Видом плоти толпу совращая,
А Господь с запредельной своей высоты
Видит всё и грехи нам прощает.

Этой мукой живя, эти ноты любя,
Вдохновенье в полет превращая,
Мы терзаем рояль, мы уходим в себя,
А Господь этот грех нам прощает.

Мы – шуты, лицедеи, мы ярко горим,
Словно факелы, тьму освещая.
Над ареной, над сценой, над миром парим.
А Господь терпеливо прощает.

Нам, возможно, придется уйти раньше всех,
Но бессмертье стоит за порогом.
Ибо творчество – это единственный грех,
Поощряемый Господом Богом.

Любовь (я поняла давно) –
Судьбой дарованная милость.



Но как, наверное, смешно,
Что я в девчонку превратилась.

И как могли во мне совпасть
И перейти потом в безбрежность
Всепобеждающая страсть,
Всепоглощающая нежность?

А жизнь – то слава, то молва,
То льстиво щурится, то косо.
И опухает голова
От риторических вопросов.

Не стану я гадалку звать,
Чтоб предсказания послушать.
Ведь так сплелись в объятьях души,
Что нас уже не разорвать.

Ты будешь упрямо всю жизнь от меня уходить:
Налево, направо, в моря, в небеса и на битвы.
А мне доведётся беду от тебя отводить,
Сухими губами шептать, как умею, молитвы.

Когда же устану на всё отвечать я добром,
И силы иссякнут, и сдамся разлуке на милость,
Тогда у тебя вдруг впервые заноеет ребро.
То самое...То,

из которого я появилась.

Мой южный город! Ветром, зноем, морем
Он с детства мои корни напитал.
Мне люб тот город – с синевой во взоре,
Где пахнет теплым суриком металл,

Где с солнцем соревнуется медяшка,
Играет шторм то «Яблочко», то блюз,
Где в юности носила я тельняшку,
Как самую нарядную из блуз,

Где от прибоя парапеты мокнут,
Когда ты по Приморскому идешь,
Где так – до синевы! – промыты окна,
Что веришь: море мыло их – не дождь,



Где бронзовый Тотлебен, чуть сутулясь,
На гордые взирает корабли,
Где самую красивую из улиц
Большой Морской любовно нарекли.

Сергей Евсеев Киев

ИСПОВЕДЬ

*Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружской*

*Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.*

Б. Пастернак

Пламень дня: миг – рассвет, два – закат!
Наших лет столь безудержны кони.
Хоть на миг возвратиться б назад.
Да пустое – там вьюга лишь стонет.

Среди буйства растроченных дней
Что найти ты собрался, бедняга?
Ни родных не сыскать, ни друзей.
И весь скарб твой – перо да бумага.

А еще – бесконечный твой путь,
Что меж гор да степей все несется
Стук колес... Блекло-сизая муть
Лишь за краем платформ остается.

Ничего, как в детстве, я не знаю.
Многое не в силах я понять.
Утро – к облакам я улетаю,
Звезды в небе – значит, надо спать.

Слышен голос мамы в отдаленье:
Ничего дороже в жизни нет.



Сквозь года звучит он, как спасенье.
И горит вдали родного дома свет.

Сколько-сколько ж верст мы намотали.
По земле нашей отчаянно большой?
Разве черта только не видали,
От чужих красот уставши всей душой.

А в итоге по тропинке узкой
Возвращаемся в родимые места.
Мир объяв душою волчьей – русской,
Вдруг пойдем, в чем смысл и красота.

Ах, какие же дивные дали
Нам сулила житейская твердь.
Только все на земле мы... проспали,
А теперь – хоть чуток бы успеть.
Ах, какие далекие дали,
Голубые в мечтах города.
Те, в которых во снах мы бывали.
Наяву – не бывать никогда.
Растревожено горестью сердце.
И все ноет, сосет в груди.
Никуда от судьбы нам не деться.
А как жизнь хороша, погляди!
Как звенят нам весенние воды,
Зуд мальчишеский в сердце будя.
Тут хотя б, что ль, глоток свободы –
Воспарить к небесам, жизнь любя.
А потом, что же – можно на землю
Опуститься – и в будничный воз...
Всем земным чудесам тихо внемлю
И не страшен мне близкий погост.

Далекое, рассветное, благое.
Плывет душа в замусоренный рай.
И если есть на свете что родное,
Так это край – родимый отчий край.

Там полыхают юности зарницы,
И далеко до горя и невзгод.
Там девочка, вся в белом, мне приснится,
Как в тот далекий и счастливый год.



Наверно, вспомню я и на последнем вздохе,
Скрипел как под ногами стылый снег,
Когда подвластные одной шальной заботе
Мгновенья вскачь бросали свой разбег

Как ввысь рвалось разбужненное сердце,
Как слезы счастья застили твой взгляд...
Ведь так легко от счастья разреветься,
Но ничего нельзя вернуть назад.

Вернуть нельзя, но можно вспомнить лица
И дали дорогие среди дорог.
В мильонный раз мне родина приснится.
Снега и стужа... да родной порог.

Я напишу письмо любимой из Парижа.
Как здешний воздух свеж и краски как мягки.
О том, что с нею мы отсюда еще ближе.
Тут осень от кутюр, шаги ее легки.

Уснул ночной фонарь, снуют ветра по крышам.
Но нет, мне не уснуть, струят в тетрадь стихи.
Я голос милый твой за тыщу верст услышу,
Парижский листопад! Жаль, ночи коротки.

Здесь осень, что весна. Ах, как тревожно сердцу!
Прозрачны небеса и так беспечны дни.
Но трудно как порой в сердцах не разреветься,
Над Сеною когда колыхутся огни...

Парижский листопад – как сладко в нем кружиться,
Забыв про бренность лет и будней суеты.
С беспечностью его навек бы мне сдружиться,
Уверовав, как в сон, в миг счастья и в мечту.

День прошел, на измятых страницах
Отразилась его немота.
Знаю, снова мне юность приснится,
Сумасшедших сердец нагота.

На измятых страницах следы
Прошлых драм, безнадежно столь старых.



Слышу губ твоих шепот усталый
Про весенний Париж, Нотр Дам...

А на сердце испуг и печаль:
Сколько ж нам до мечты нашей мчатся, –
Свято веря, не отступаться, –
Коль вокруг беспросветная даль?

На волшебных полях спят счастливые сны.
Возвратимся в страну светлых грез и улыбок!
Где плывут облака в синем небе весны,
И еще далеко до измен и ошибок.
Жизнь пока чистый лист! Под открытым дождем
Мы спешим к площадям, от счастья хмелея.
И еще все нам рады, пусть пока подождет
Час крутых испытаний, боль потерь, яд елея.
Все еще впереди, а пока только свет,
Только тихий восторг из заоблачных высей.
Мы вернемся сюда из прожитых лет.
И вернемся лишь с тем, чтоб навек поселиться.

Алевтина Евсюкова Севастополь

Я БОЛЬ СЕРДЕЧНУЮ СТАРАЮСЬ ОТТОРГАТЬ...

Я боль сердечную стараюсь отторгать,
В закатный час, проникнувшись лучами,
И ветерок, в ветвях сосны качаясь,
Мне шепчет ласково: «А хочешь полетать?
Я помогу тебе взлететь до облаков,
Где наслаждаясь миром всех мечтаний,
И, чувствуя сердечка трепетанье,
Сумеешь сбросить в мыслях тяжесть всех оков».

НО МАНЯТ ЗВЁЗДЫ СЕРДЦА ВЗГЛЯД

Печали вечная печать
Давно в скрижалях жизни брэнной
Нашла приют. – Ведь во Вселенной
Нам не дано родных узнать.
Но манят звёзды сердца взгляд,
И так сильно их притяжение,



Как будто в душах отраженьем
Сердца их просятся назад...
По чьей же воле россыпь звёзд,
Как россыпь душ во всей Вселенной
Мерцает так самозабвенно,
Ввергая нас в орбиту грёз?

ПОД СУДЬБОНОСНОЮ ЗВЕЗДОЙ

Всё предначертано судьбой:
Дни наших встреч и расставаний,
Мгновенья радости, страданий...
А мы-то боремся с собой,
Расставшись с чистою мечтой,
С испугом ждём вдруг наказания...
Но, от кого? И от незнанья
Под судьбоносною звездой –
Владычицы судьбы любой,
Дарящей нам предначертанье, –
Поверив в чьё-то назиданье,
Мы предаём свою любовь.
В плену у мыслей находясь,
В ловушке собственных сомнений,
Мы превращаем в холод страсть.
И, содрогаясь всей душой,
Осознаём – как мы несчастны,
И каемся, что понапрасну
Воздвигли крест любви большой.

О ДУШЕ

О, странница, мудрая, жизнь, мне ответь –
Где наша опора, где истины твердь?
Где посох волшебный – ты нам подскажи!
О таинствах вечных ты прежде скажи,
Чем суд нас настигнет... И как нам узнать,
Как вечных гонений и мук избежать?
И жизнь, улыбнувшись, сказала в ответ:
Препятствий к познанию истины нет.
Прислушайся к зову души – лишь она:
Твой спутник и посох, и светоч ума.



Инна Ковалева Днепропетровск

СЕРДЦЕ

Я знаю: дни, когда писать стихи,
Благое сердце явно не пропустит.
И дело не в препятствиях стихий,
И не в явлениях небывалой грусти.

Оно всех ближе к пламенной душе,
И слышит в ней, как рвётся к жизни слово
Иль музыка с пространственным туше
И семизвучьем сочетаний новых.

Как близко – квинта, терция, ... катрен.
И не случайно явное созвучье!
О, сколько раз нас забирали в плен
Слова и ноты! – Есть ли что-то лучше?!

И, зная, – в сердце с нами говорит
Тот, Кто не носит обувь и одежды,
Поёт душа по нотам Алфавит
Созвездий из космической надежды.

НА МОГИЛЕ СЫНА

Поэтессе Ирине Найдовской

Тонкая, как свечечка в ночи...
Крест – на шее. Крик – под образами.
– Говори, сердечко, не молчи.
Я пока ещё жива ... стихами.

А стихи... Что – строчка – афоризм.
И слова покорны, словно дети.
Как понять судьбу? Её трагизм,
Для чего осталась жить на свете?

Не придёт сынок поестъ борща
И обнять родную за уменье.
И кого впредь баловать, прощать?
Молодые праведны успеньем.

Сколько ею правлено стихов...
– Может, словом я людей лечила? –
Все грешны, как можно без грехов,
Неужели смерть их искупила?



Долго ль сердцу обрываться вновь?
Сына нет... Ну, а слова? Все живы!
...Поклонившись, книжечку стихов
На могилу сына положила.

ПАМЯТЬ

Снег то в наклонку, то прямо,
В гольфиках белых столбы.
Жизнь угасает упрямо,
Морща преклонные лбы.
Память диктует, что хочет,
Сбивчив порою рассказ.
Будто мы видим воочью,
Как нас вели в первый класс.
Все торопило: с прискоком –
В школу, из школы – домой.
Жизнь предстояла без срока,
Вечной, как в сказке иной.
Снег то «в косую», то «в клетку».
Не удручали тогда
Планы семи-, пятилетки.
Вновь бы нам эти года.
Что же за время такое?
Столько прошло уже лет...
Просто оно – молодое,
Было, теперь уже нет.
...Снег перестал. У ограды
В старых дворах мы одни.
Молодость – это награда
За предстоящие дни.

Александр Конопля Харьков

Доедает сугробы туман.
Старый город чернеет и плачет.
Небо спрятало звёзды в карман
И луну прихватило впридачу.
Мне чужая асфальта река.
И объятья домов меня душат.
Не смогла ты понять чудака
И испить родниковую душу.
Вслед чужие глядят фонари
И лоснятся чужие витрины.



Ты другому борща навари
И другого лечи от ангины.
Я упрусь в привокзальную тишь.
Спят фонтаны, спрятавшись в норы.
Что ж ты, память, польнью горчишь!
Где ж вы, милой деревни просторы!
Сяду в грязный, дрожащий вагон.
Распишусь на окне электрички:
Мне чужой этот серый перрон
И твоя нелюбовь безразлична!

А жизнь текла малиновым вареньем.
И плыли плюсы, лёжа на спине.
Я нёс авоську полную сомненья
И каждый видел недруга во мне.

Ослеп закат в отравленном сиянье.
Влюблённым парам – было сотни лет.
И сотни лет просила подаянье
Старуха, не имевшая примет.

Плелись ступеньки в город под землёю,
Где ветер обезумевший вопил.
И поезд, разукрашенной змеёю,
Мчал в полумраке, не жалея сил.

Я не буду – «словами – на ветер».
Повидалось и мне не «чуть-чуть».
И немало на сердце отметин,
И, нарочно, петляет мой путь.

Только вёсны мне стали дороже.
Только женщины в них всё милей.
Я влюбляюсь в случайных прохожих –
Чьих-то девушек и матерей.

Оттого, что я глуп и беспечен.
Оттого, что, как пёс, я ничей.
Оттого, что ладони их лечат
Лучше самых умелых врачей.

Оттого, что взрываются почки
И, пьянея, несутся ручьи,



Когда стройные ножки в чулочках
Пробуждают желанья мои.

Пахнет родина мятой травой.
Пахнет воздух дождём и грозюю.
Я расстанусь под утро с тобой,
Чтоб умыться пьянящей росюю.

Я расстанусь, чтоб снова в стогу
Полежать одинокой судьбою.
И смотреть, как восход на лугу
Обнимается с сонной рекою.

Я расстанусь без боли и зла.
Крепким сном ты укроешься тихо.
Не поэта ты в гости ждала –
Невзначай занесло меня вихрем.

Что тебе до моей глубины?
Что тебе моя боль и отрада?
И в словах моих много весны
Со звенящей капелью в награду.

Что тебе до моей простоты,
До прогулок с лесною прохладой?
Я впитаю рассвета холсты
И пойду с ветром сумрачным рядом.

Евгения Красноярова Одесса

Не тронь безбожья моего.
Мне милосердия не надо.
Туман на море – оттого,
Что перепрятаны все клады.
И бездна бездну призвала
На вечность боли и страданья.
Пусть сердце догорит дотла –
Не проклянущ своё призванье.
Нельзя забыть, что где-то там,
За горизонтами земными,
Идти мне – по его следам,



Его шептать – до спазмов – имя,
Его искать, молить – его,
К его ногам нести награды...
Не тронь безбожья моего,
Мне милосердия не надо.

Безумие плещется в наших стаканах,
Как море. Смешно... Нет, не смех – тишина.
Сегодня так модно не помнить о пьяных...
И мы засыпаем по правилам сна
На пухом лебяжьим набитой перине,
Не зная о том, сколько птиц полегло,
Чтоб нам, замерзающим присно и ныне,
Чтоб нам, обезумевшим, стало тепло.
Мы спим, не задумываясь о расплате
За запах сирени, за выжатый хмель.
Мы замерли стрелками на циферблате
Арены – секунды, минуты, недель...

Два бессонных окна,
Обречённые Роком на вечность.
Два бездонных окна,
Разделённые тысячью лет.
Перекладины их, растворяясь во мраке,
летят в бесконечность.
Наслажденье и боль, явь и сон,
ложь и быль, мрак и свет –
Два безумных окна.
Сна бы, сна, разноцветного детского сна...
Нет, не сердце – часы, как хронометр, мерно и тихо.
Нет, не слёзы – охрипший, простуженный кран.
Что забыло ты здесь, одноглазое жадное Лихо?
Крови нет. Только лимфа сочится из колотых ран.
И не нужно проклятья – одно придавило гранитом,
И не нужно ругательств – одно, что тавро – на щеке.
Два окна – два немых беззащитны софита –
Шепот ранней звезды и кровавый закат вдалеке.

Не больно. Не важно. Не важно. Не больно.
И хочется крикнуть – довольны? Довольно...
Но голоса нет – он прокурен и смят
И вместо креста над могилой распят.



Мессии к Голгофе идут добровольно.
Мессии к Голгофе идут добровольно,
А матери ждут их и варят борщи,
И пишут им письма, мечтая невольно,
Что Бог подойдет и шепнет: «Не ропщи.
Так надо, чтоб шли Иисусы стадами
В Сады Гефсиманские, веря, что я –
Отцовской любовью – прибью их гвоздями
К семи нерушимым столпам бытия...»

Елена Морозова Донецк

Из цикла стихотворений «Сад»

МАРТ

И снова снег штрихует белым март,
темнеет мушкой на щеке рассвета,
но во дворе, в оркестре птичьем – гвалт,
заливистое соло с парапета.

Уже весна листает календарь.
Снег невесом, едва заметен, тонок.
Белесый тополь, словно пономарь,
скрипит, бухтит под ветром монотонно...

ЭТО ЛЕТО

Это лето, и всё возможно...
Золотистой осиной дрожью
ореолится таз с вареньем,
вместе с осами виснет время...
Между грушей и солнцем воздух
переполнен неясным вздохом.
Полдень трижды три раза прожит –
летом всё для тебя возможно.
За бесценок зима, и очень
странно думать, что будет осень...
Как монетки минуты копим,
всё смеёмся да варим кофе.

Сухие звуки августа в природе.
Смородиновый куст уж так не ал.
На Спаса яблоки настояны на мёде
и даже те, которых ты не рвал.



Чуть-чуть охрипший, тембр сменивший ветер
лениво обдувает нежный сад,
где первый желтый лист с вишнёвой ветви
слетит, как шмель. Где зелен виноград
и чёрен жемчуг бузины у окон,
а издали покажется – грачи,
ты подбежишь взглянуть на них, но только
рассыплешь в руку с ягодок лучи...

А в саду, а в саду к зиме..
лист последний дрожит на ветке
да, подобно паучьей сетке,
тень ореха на белой стене.

А в саду, а в саду к зиме..
запах йода и яблок терпкий,
позабыт в деревянной беседке
детский красный совок на скамье.

А в саду, а в саду к зиме..
ни жужжанья, ни трели, ни свиста –
откружились горчичные листья
и спокойно лежат на земле.

Людмила Мосина Кременчуг

ПОД ЗОНТИКОМ МЕЧТЫ

Воздушный зонт мечты
Уносит к ярким звездам,
Небесные цветы –
Для взлета купол создан.

Гори, моя звезда,
Мечты святой надежда,
Свети с небес всегда
Ты в сонме звезд безбрежном.

Под зонтиком мечты
Любовь моя нежнее.
На пике высоты
Держусь еще с рожденья.

Там с радугою дождь
Отсыпал счастья в руки.



С мечтою ты живешь
Под радость и разлуки.

СТЕЗЯ СЮРПРИЗОВ

Я ошибалась много раз.
Но как опять споткнусь об камень,
То вспоминаю день и час,
Когда прошла еще экзамен.

У жизни их не перечесть –
На храбрость, мужество, защиту,
На стойкость, плавку, твердость, честь,
Когда отсеивает сито.

За непригодностью расчет
Вослед последует поспешно.
И снова колет и печет
Жизнь на ходу, а ты, как пешка.

Но коль дошел ты до «слона»
Средь шахмат на стезе Сюрпризов,
То не гордись – ведь жизнь полна
Коварства, боли и капризов.

Людмила Некрасовская Днепропетровск

БАВИЛОН

Почему не росла с возведением башни тревога?
Разве нам посулили в небесных мирах благодать?
Мы с надменной гордыней понять вознамерились Бога,
Но утратили счастье: людей на земле понимать.
Вавилон, Вавилон! Мало проку в уроке вчерашнем,
Потому-то и правят извечные алчность и страх.
Будто камни твоей до любви не достроенной башни,
Как наследство отцовское, мы сохраняем в сердцах.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Подытожив дела под настигший хмельной юбилей,
Достиженья сочтя и судьбу обзвав интересной,
Ты за щедрым столом собираешь давнишних друзей,
Хоть важнее враги, без которых жизнь кажется пресной.



Перед зеркалом совести душу раздев донага,
Оглянувшись назад, понимаешь с внезапным испугом,
Как из лучшего друга ты запросто делал врага,
Но ни разу не смог из врага сделать верного друга.
Чем же хвастаешь ты и на что ради дружбы готов?
Не случайно раздумья тропинку на лбу проложили.
Что удачи твои, если ты не прощаешь врагов?
Что успехи твои, если люди тебя не простили?

А ЗНАЕШЬ, Я ВНЕЗАПНО ПОНЯЛА

А знаешь, я внезапно поняла,
Что даже дня не выдержу в разлуке,
Что если ты на миг ослабишь руки,
Замерзну я, лишённая тепла
Твоих объятий, в льдинку превращусь,
Слезами исходящую в бокале,
Касаясь губ, которые ласкали,
Пока горячим был напиток чувств.
А знаешь, я внезапно поняла,
Что без тебя мне этот мир не нужен,
Что я хочу тебе готовить ужин,
С волнением ожидая у стола,
Прислушиваться, как сопит малыш,
Медведя обнимающий в кровати.
Взгляни, как наше счастье дышит сладко...
И ты похож на сына. Так же спишь,
Как будто видишь сказки наяву,
Их извлекая из-под одеяла.
А я еще вчера не понимала,
Что без тебя и дня не проживу.

НОЧЬ ОСТОРОЖНО ИЗВЛЕКАЕТ СНЫ

Ночь осторожно извлекает сны
Из дальних закоулков подсознания
И выбирает лучшие. Важны
Такие, где заветное желание
Вот-вот осуществится, где спеша
За ним, находим тропку, что не зрима
При свете дня. На ней одной душа
Соприкоснется с неосуществимым.
И зазвучат родные голоса,
И оживут ушедшие навечно.



Но промелькнут мгновеньем полчаса,
Поскольку ночь, как жизнь, увы, конечна.
А все же повстречаться удалось!..
И тщетные старанья до рассвета
Успеть задать мучительный вопрос,
В который раз не выслушав ответа.

Иван Нечипорук Горловка

В ПОНЕДЕЛЬНИК

В понедельник в соборе
 так мало людей,
В понедельник в соборе
 просторно молитве.
И душа, утомившись
 от суетной битвы,
Жаждет пару часов
 отдохнуть от страстей,
И под купол «взлететь»,
 позабыв о стихах,
Позабыв о шахтёрской
 суровости буден.
В понедельник путь к Богу
 в молитве не труден...
...Если сердце не вязнет
 в рутине греха.

Я забыл, как прекрасна весна
с высоты небосвода.
Отчего я давно не летал
над израненной степью?
За последние годы утрачено
чувство свободы,
Вот и крылья ослабли мои,
превратились в отрепья.

Я всё больше пешком,
пусть небыстро, но благонадёжней.
И поэтому в небо стараюсь
с тоской не смотреться.
Страх сковал, и теперь победить его
вряд ли возможно...



От того-то пылает стыдом
очерствевшее сердце.

*Свято-Казанскому приходу
Благовещенского благочиния
Горловской епархии*

Куполов осеннее сиянье
Золотит листву седых рябин...
Храм, как светлый образ созиданья,
Фениксом поднялся из руин.

Помню боль и слёзы новолетья,
Запах гари, крики воронья,
И утрат гнетущее наследье.
Но не гаснет правда бытия:

В скорби дух окрепший христианский
Закалится пламенем горнил...
Образ Божьей Матери Казанской
Снова эту землю озарил.

И колоколов душа живая
Рвётся в поднебесье октября,
Где кресты, искрясь, к Творцу взывая,
Золотыми птицами парят.

В сентябре, как всегда,
налипают беспечные мысли.
Светлый город пустеет,
и рано спадает листва.
Все желания разом скукожились,
сникли и скисли,
Лишь берёзы сияют
предвестниками торжества,
И в янтарных осенних лучах
я, теплом наслаждаясь,
Ароматы вдыхаю листвы,
отгоняю печаль.
Я дышу сентябрём,
позабыв про болезнь и усталость...
И трепещет под окнами тополь,
как в церкви свеча.



Светлана Остров Днепродзержинск

ОСТРОВ, Я, КОСТЕР И НОЧЬ

Раскочегарено небо, вечер
Свой костер зажег, любя, –
То над прибором старуха Вечность
Зелье варит для меня.

А для тебя мой огонь – желанный,
Яд цикуты звезд! И ковш
До верху полон. Я жду, мой странник,
Слышу всплеск, ко мне плывешь!

В церкви не венчаны были. Остров
Стал проклятием отца.
Сердце сгорает во тьме и просит,
Просит ночь за молодца:

«Не распечаль криком, воем вдовым,
Море!» Да уж не помочь...
Век коротать мне с моей любовью –
Остров, я, костер и ночь.

Стасу Бойко

Двери на затворы запри
Непусти хромую, непусти...
Слышишь, в ночь идут фонари,
Только наш один до зари
Пьет любовь губами из горсти.

Ты держал в объятьях меня,
Греясь в снежном фарте у зимы,
Слушали... взхлеб соловья,
Светоперепевы огня,
Постигая подфонарный смысл.

Мимо нас – слепые такси,
Я, уткнувшись в мех воротника,
Вновь хитро вздохну, вдруг спросив:
«Снова не твоё?», – тихо в синь
Отпуская сваху на пока.



Двери на затворы запри.
Не пропусти хромую, не пропусти...
Слышишь, в ночь идут фонари,
Только наш один до зари
Пьет любовь губами из горсти...

ГОЛОС ПАМЯТИ

Осенний день плывет по лужам сонно
Пожаром полыхающей листвы
И засыпает пропасти и рвы
У памяти, чей голос монотонный
Поёт за упокой моей любви:
«Да возгорится теплый взгляд отцовский,
В прощальный миг, скользнувший вниз к Днепру,
Споёт зарю, чтоб рано поутру
Подсолнухом склониться над колодцем.
Пускай калиною, под стать костру,
Он обагрит струны Орлянской вздохи,
У пирса нестареющий прибор!
И Детство безымянною звездой
Взойдет высоко, ласково и строго,
Тебя мне возвратит, моя любовь...»

МАЛЕНЬКОМУ ПРИНЦУ

На развес на полустанке у зари
Бубенцов спроси в предутреннюю рань.
В пойме ночи грозно бродят фонари,
Принц мой, торопись, давно пора!
Погляди, барашек рыжий с облучка
Горизонта с васильковой бородой
Пробудился и, тебе кивнув слегка,
Топают Вселенской мостовой
Вдаль, а знаешь отчего? В один присест
И сатрап, и с неба вечный Эскулап
На обед слонов создали, только съесть
Сами пожелали баобаб.
Бесприютны прирученные с тех пор,
Одичали родники, ты поспеши!
Мы сыграем жизнь в анданте соль-минор...
Стань моей симфонией души!



Вячеслав Пасенюк Донецк

Такой широкий подоконник,
что поместились без труда
и молочай, и подорожник,
сады и даже города.

Уходит жизнь, а нам не к спеху:
мы не запряжены в неё!
Даже у тех, кто смотрит сверху, –
одноэтажное житьё.

Мы ближе не к земле, а к пыли:
какая пыль – такая былль.
Все уплывавшие приплыли:
силён одноэтажный стиль.

О, эта сила растяженья! –
вдоль неба, вдоль кривых дорог –
до крайнего изнеможенья.
когда и взглядом изнемог.

Покуда жив и существуешь
меж облаком любви и той
лиственной земли, в мечтах и в шуме,
ещё не ставшей тишиной, –

держи себя руками хлеба,
руками всех, кто проходил
и ничего не взял от неба,
а силу в память обратил.

Семафоры, как идолы ночи,
ждут, когда подползёшь, дрожа.
Мы до многого были охочи,
да у многого есть сторожа.

Ум выходит гулять из ворот,
в прошлом веке ещё перекошенных,
в переулки, глядящие в рот,
как придуманные нарочно.

Погляди: это мы с тобой,
это наше запойное гульбище,
это наш непотребный покой,
взятый в чьё-то угрюмое клювище.



Загляну-ка я в око циклопа,
не сморгну, досмотрю до конца:
засыхают цветы нецелованные,
на убой провожают тельца.

Предсказали пожар и нашествие,
но ничем не превётся труса:
мы навечно записаны в местные
патриоты Кривого Торца.

как дано, прозябаем шуршаще,
в жалких фактах по самое горло –
в райской роще, в змеиной чаше,
где-то рядом с медузой-горгоной.

на столах разместились вещдоки,
никогда не изменит нам алиби.
Пусть глядит глаз циклопий, жестокий,
белой кровью по краешки налитый.

Добродушной массой лиственной
мягко-мягко застенки высланы.
То ли вера у нас единственна,
то ли мы у неё единственны.

...И в третий раз я закинул сети
в голую землю,
и в третий раз не вернулись сети –
проросли зеленью.

Лес разбился на тыщу стволов,
и не стало леса.
Текст разбился на тысячу слов,
и не стало текста.

Слово было в начале –
оно же будет в конце.
Воды своё домчали,
лицо отразилось в лице.

Когда темнота разденется,
обнажая белое тело дня,
жизнь до конца разделится –
на до меня и после меня.



Антонина Пермякова Севастополь

ПРОСТЫ МОИ СТИХИ

Просты мои стихи как белая ромашка,
Как василёк, синеющий во ржи –
В рубашке ситцевой, простой и нараспашку,
Без аллегорий и без лъстивой лжи.

Природой Забайкальской рождённые
И созданные в трепетной тиши
Из чувств, как из цветов, – в венки сплетённые...
А вдруг коснутся родственной души?

А вдруг они кому-то прошлое напомнят
И кто-то аромат лугов вдохнёт,
И край берёзовый, и птичий щебет вспомнив,
Предастся тихой грусти и вздохнёт?..

БАГУЛЬНИК

Багульник ночью мне приснился
Роскошным сказочным кустом.
Волшебный аромат разлился
В сибирском воздухе густом.
«Откуда этот цвет, откуда?» -
В недоуменье замер лес.
И от малинового чуда
Зарёй занялся край небес.
На фоне зелени листвянки
Горит багульника костёр...
И я, уставшая беглянка,
Родной приветствую простор...

ЗИМНИЙ ЛЕС

С хрустальным звоном зимний лес
Во сне явился откровеньем.
Среди бесчисленных чудес –
Дороже сказочных мгновений
Представить вряд ли что возможно...
Быть может, что-то и забылось
В перипетиях жизни сложной...
Но взору моему явились
Берёзки белые в снегу,



Калитка до колен в сугробах –
Налюбоваться не могу,
Остановившись у дороги.
Прижавшись, рядышком стоят
Сосна и стройные берёзы,
И, прелесть трепетно храня,
Ждут окончания морозов.

.....
С хрустальным звоном зимний лес
Во сне явился откровеньем...

Светлана Поливода Днепропетровск

ИНЬ–ЯН

Поровну нам от обоих досталось –
Белого в чёрном и чёрного в белом:
Жадность и щедрость, злодейство и жалость,
Зрелость телес и умений незрелость...
Нам бы от них и рассудка, хоть малость,
Чтобы людьми оставаться хотелось!!!

АДАМ И ЕВА

Был день шестой... Из праха встал Адам...
И ни души – ни справа и ни слева.
Бродя в тоске, Адам вскричал: «Отдам
Ребро за друга!». И Бог создал Еву.

Как просто было им в Эдеме жить –
Двум первенцам с наивными сердцами.
Но с Господом связующая нить
Оборвалась изгнанием и слезами.

На род людской лёг праотцовый грех,
Его не смыла времени лавина.
Но вновь и вновь среди многих сотен тех
Всё ищет эту женщину мужчина!

Да что – ребро! Он жизнь готов свою
Ей предложить, от счастья немея.
Но обретает, как и встарь в раю,
В комплекте с Евой – яблоко и змея...



КОКТЕЙЛЬ «ВДОХНОВЕНЬЕ»

Плесните колдовства
В хрустальный мрак бокала...
Лариса Рубальская «Напрасные слова»
Мелодию радости, нотку за ноткой,
Я бережно вылью в прозрачность бокала.
Искристого смеха добавлю шепотку,
А может быть, две, коль покажется мало.
В пропорциях равных надежды и веры,
Приправую терпкой – пять гранул сомнения;
По вкусу любви, это значит: без меры!
И щедрой рукою удач и везенья,
И счастья, ну пусть не сейчас, а в проекте,
И грустных раздумий горошину-льдинку;
Мечту, лишь с её исполнением в комплекте,
И только одну – но не больше! – слезинку.
Ещё бы хоть горсточку к ближним терпенья,
И ясности мысли, и свежести слова,
И дольку лимонную для украшения.
Пожалуй, и всё... Смесь к подаче готова!
В неё не плеснула тягучести скуки,
Ни капельки горя и лживой измены.
Нет в этом рецепте прощанья-разлуки
И нет раздраженья пузыристой пены.
Отнюдь не гордись кулинарным уменьем,
Я знаю, что точно отмерила дозы.
Так пейте же этот коктейль «Вдохновенье»,
Чтоб встретиться с Музой средь жизненной прозы!

Юрий Полисский Днепропетровск

ХОЛОКОСТ

Горит звезда над Иерусалимом –
Печальная еврейская звезда.
Над городом священным и любимым,
Прекрасным и загадочным всегда.
И у стены разрушенного Храма
В одеждах чёрных старый и больной
Еврей, рыдая, произносит «Мама»,
А мама уничтожена войной

Горит звезда, горит над Бабьим Яром
В печальной и тревожной тишине.



Стоит еврей, израненный и старый,
С медалью за Победу в той войне.
И в новом, народившемся рассвете
С руками распростёртыми старик
Кричит, рыдая, «Дети! Дети! Дети!».
Но остаётся безответным крик.

Вновь память на Днепропетровском небе
Зажгла печали скорбную звезду.
Стоит от горя поседевший ребе
У рва, что в Ботаническом саду.
И, от глухих рыданий содрогаясь,
Он стонет, не имея сил кричать.
В меноре свечи тихо догорают,
А в сердце невозможно боль унять.

Плачет скрипка на высокой ноте
Плачет, стонет каждая струна.
Это скорбь о тех, чья песнь в полёте
Чёрной злою силой прервана.
Стонет скрипка, плачет и тоскует.
Плачет скрипка каждый день и час.
Где молитву отыскать такую,
Чтоб вернула всех ушедших вас?
Плачет скрипка в бездне мирозданий,
Изливая боль из года в год.
Сколько бед, несчастий и страданий
Перенёс великий мой народ.

ПОБЕДНЫЙ ДЕНЬ В НАЧАЛЕ МАЯ

Победный день в начале Мая –
Он горек, радостен и свят.
Мы в этот праздник поминаем
Всех не вернувшихся солдат.

Мы в этот праздник поздравляем
Живых, пока еще живых.
Мы просим чуда, заклинаем,
Чтоб время пощадило их.

Победный день в начале Мая...
Но каждый дом моей страны
Своею датой помечает
День окончания войны.



Давно отпыхали грозы,
И внуки выросли давно.
Но в чем-то доме стынут розы
И ветер не стучит в окно.

Победный день в начале Мая –
Улыбки, слезы, ордена.
...Когда с войны вернулась мама,
Для нас окончилась война.

Светлана Скорик Запорожье

Клювы червонных птиц
сыплют мне мак строки.
Сон прогоню с ресниц.
Буду слагать стихи.

Буду влагать в них цвет –
Боже, не прекословь!
Это восторга след,
а не игры в любовь.

Просто я так пишу –
облаком и огнем,
и серебром чешуй,
галькой и янтарем.

Вот от чего легки
и полновесны дни!
Сыплется мак строки...
Боже, любовь храни...

Всю жизнь писать для всех понятным ямбом,
не испытывав слова на полутон,
на полузвук и полувывдох, дабы,
познав сей свет, не забывать о том.

Гордиться тем, что знаешь, как стареют
и привкус боли носят на губах.
Отбросить всё, что тонко, не жалея,
и пышной плотью обрастать впотьмах.



Отдать себя неведомому зверю –
обычаю. Сложиться пополам
и даже втрое. Блефовать неверьем,
поверив в материальный сей бедлам...

Не дай мне, Боже, этого блаженства!
Так можно не познать себя совсем
и в грубом воплощеньи мелких тем
увидеть – левым оком – совершенство.

*Любить – видеть человека таким, каким
его задумал Бог и не осуществили родители.*
М.Цветаева

Ты сам себя еще не знаешь,
В своих глубинах не раскрыт.
Так Пушкина прозрел Державин,
Ребенка величав – «Пиит».

Ты сам в себе пока что скован
И заключен в свою тоску.
Ночами мечешься по дому,
Как эльф – по рыжему песку.

Но вижу я в тебе иное:
Вершину, сказку, дух огня.
Вот – карее и золотое –
Два солнца смотрят на меня,

И это – чище, чем блаженство:
Со-пониманье, со-душа,
Такое древнее соседство,
Такие вихри камыша –

Твоих ресниц скольженье, шепот.
Тебя я чую – до того,
До совершенья – тайной грота.
Божественное естество.

Аскет. Младенец. Мастер. Воин.
Все есть в тебе, и ты во всем,
Еще себя не удостоен,
Еще к себе не вознесен.



Любовь Томская Днепрпетровск

Я не бываю одинокой
Но одиночество в душе
Вдруг всхлипнет тихим болестоком,
Придет тоскою в неглиже;

Уколет как приставка недо-
Порогом взятой высоты;
Заплачет чувством безответным,
Слепой фантомностью мечты.

Ты выбрал главное, а я –
Второстепенное начало
Влекущей сказки бытия,
Что лишь пробелы восполняла...

Ты вынес чувства на алтарь,
Сложил из звёзд и уничтожил ...
Как глуп был счастья звонарь,
Что амплитуду боли множил...

Стекают слезы, как смола,
И день под чёрным покрывалом...
Я не играла – я жила,
И всё же – жизни проиграла ...

Одни – уходят оставшись,
Другие – оставшись, уходят...
Но день, не ставший вчерашним,
Сегодня ещё не понят.

Осколки пустого неба...
Когда-то там были звёзды.
Прозревшие – в чём-то слепы.
Согретые – тоже мёрзнут.

...Брожу по холодным лужам.
А дождь был тёплый, звенящий...
Нет, ты мне сегодня нужен!
Сегодняшний – не вчерашний!



Поверить в себя и, зажмурив глаза,
Нырнуть, словно в прорубь,
в больное «нельзя»...
Там дождь из проклятий и липкая грязь,
Куда же я в белом? Зачем сорвалась?!
Не слышу прогнозов, не вижу грозы,
Зашкалили в сердце на чувствах весы.
Там нежность играет пронзительный вальс,
И кружит в объятиях серебряный князь...

Наталья Хорунжева Днепропетровск

НОЧЬ ОТДЫХАЕТ

Был ночи долог путь.
Она легла устало
На глянцевую ртуть
Остывшего пруда.
Желание уснуть
Так долго заземляло.
Ведь нужно отдыхать –
Хотя бы иногда.
Спокоен чудный пруд.
Случайные волненья
Едва ли пробегут
По замершей воде.
Сомнения возьмут –
А было ли движенье –
И лилия качает
Головкой на листе.
Почти застыл челнок,
Лениво виснут весла.
Уключины замок
Не сдерживает вздох.
А месяц на бочок
На огороде звёздном
Стручком улёгся жёлтым
В рассыпанный горох.
На ветках светлячки
Развесили гирлянды,
Расширены зрачки,
Неоновых коряг.
А комары бойки,
Пустые дуэлянты!



Всё спорят меж собою,
Не скрещивая шпаг.
Эол, игрив и юн,
Приник к ветле щекою –
Серебряный галун
Задел поверх листка,
Безудержный шалун,
Невольно успокоил
Потрепанные крылья
Седого ветряка.
Ночь перешла зенит.
Её же благодатью
Природы мир обвит,
Как пеленой малыш.
Пускай ещё поспит.
Ей служит пруд кроватю,
И навевает грёзы
Недремлющий камыш.

ВОЛЧИЦА

Странный сон

Слегка поскрипывал фонарь,
А на стекле в холодном глянце
Заворожено киноварь
Кружилась в бесконечном танце.
За крестовиной белых рам –
Комет пронзающие стрелы.
И к неизведанным мирам
Душа рвалась уже из тела.
Там профиль каменной скалы –
Лицо языческого бога.
Деревьев редкие стволы
Чернеют у подножья лога.
Ещё невызревший рассвет,
Подёрнут голубой вуалью,
И горсть серебряных монет
Рассыпана по зазеркалью:
Блестает искрами Стожар.
В кольце сияющего света
Висит огромный красный шар.
И ни души вокруг, ни следа.
Как полнокровная луна
К себе притягивала взгляды!



И наступали времена,
Когда в крови вскипают яды.
Звериными, под властью зла,
Людские становились лица.
Учить охотиться вела
Своих детенышей волчица.
Неоном брызгали глаза,
И серой пасть её дышала.
А взгляд мистический пронзал
Острее острого кинжала.
И сорок маленьких волчат
Шли друг за другом вереницей.
И отливала, как парча,
Шерсть у седеющей волчицы.
Она зашла за черный ствол,
Сыпнула искрами, исчезнув.
И странный синий ореол
Взлетел в космическую бездну.
Уже смотрю со стороны –
И подгибаются колена.
Но зов оранжевой луны,
Во мне стихает постепенно.
Тут снова заскрипел фонарь,
Поблекли пятна киновари.
А страх ночной прогнал звонарь,
Когда о колокол ударил.

Леонид Ярмушевич Крым, Симферополь

Осенний иней, строки из Басе,
Лесов тяжелое раздумье,
Тепла ушедшего раздумье
К зиме неведомой несем.
А за спиной не только лето
Невозвратимое, как ты
И неоконченность мечты
И холод дальнего рассвета.
И череда нелепых снов,
И от былого отрешенность.
Любви последней обреченность
И боль невысказанных слов.



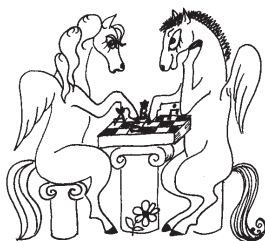
Трагично памяти увечье.
Пустынно в чашах, ни души.
И иней лег на камыши
Затихшей сонной речки.
В полях безмолвье. И тоска
Безжалостно сковала тело.
И так во мне все наболело,
Что кровь застыла у виска.

Мелодия из прошлого везде,
Как бриз, ласкающий движеньем,
Как осени внезапной отраженье
В притихшей и задумчивой воде.
В ней всплеск забытого лица
И то, что не начнешь сначала.
Любви неповторимое начало
И неизбежность близкого конца.

Я знаю точно – будет вечер.
Один из тех, что навсегда
Останется на долгие года
Предчувствием внезапной встречи.
И мы с тобою унесем
Последний миг очарованья.
И неизбежность расставанья
И недосказанность во всем.

Смени на музыку печаль.
Подставь лицо холодным струям.
Обнимет ветер, расцелует
И раскудрявит, как миндаль.
И пусть чего-то будет жаль.
Но пока память остается,
С любовью нить не оборвется.
Смени на музыку печаль.

КЛИО В ГОСТЯХ У ПЕГАСА



Наталья Вареник Киев

ТАРКОВСКИЕ

Таинственная незнакомка

Говорят, что все дочери ревниво относятся к своим отцам, особенно, если другая женщина пытается затмить образ матери...

Много лет назад Марина Тарковская, разбирая архивы отца, обнаружила тетрадь со стихами.

Все они были посвящены женщине по имени Мария – именно так звали мать Марины и Андрея Тарковских, Марию Вишнякову, первую жену знаменитого поэта.

Решив, что стихи посвящены матери, Марина Арсеньевна начала их детально изучать – в то время она серьезно занялась исследованием творчества отца.

Однако, внимательно вчитавшись в поэтические строки, сопоставив некоторые факты из жизни матери, ее внешность и характер с портретом загадочной незнакомки, Марина поняла, что это стихи о другой женщине...

Трудно сказать, какие чувства испытала дочь – ревность или восхищение перед талантом своего отца, но спустя немного времени она уже стояла перед домом женщины, где

...По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбежала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла...

И хотя с тех пор, как были написаны эти стихи, прошло не одно десятилетие, здесь все было по-прежнему: тенистый двор, старенький дом, рояль и скрипучие ступени...

Думаю, что сердце Марины Арсеньевны забилося, когда она ступила на порог маленького музея, где даже стены говорили о всепоглощающей страсти ее отца.

С тех пор Елисаветград стал «точкой притяжения» для хранительницы семейных традиций Тарковских, талантливой мемуаристки, удостоенной престижной премии «Антибукер» за книгу «Осколки Зеркала».



Марина Арсеньевна постоянно приезжает в город, в котором жил ее дедушка, Александр Тарковский – журналист, писатель и переводчик, чей талант поглотила провинция и рутинная работа в банке. В те годы город назывался Елисаветградом и был небольшим уездным местечком, которое входило в состав Херсонской губернии.

Позже, в годы юности Арсения Тарковского, город переименовали в Зиновьевск (с 1924 по 1934) в честь политического деятеля, которыми Кировоград поглотила знаменит. Один из них, Лев Троцкий в своих воспоминаниях так описывает город того времени: «Ни одна из столиц мира – ни Париж, ни Нью-Йорк – не произвела на меня впоследствии такого впечатления, как Елисаветград, с его тротуарами, зелеными крышами, балконами, городскими и красными шарами на ниточках. В течении нескольких часов я широко раскрытыми глазами глядел в лицо цивилизации»...

Это был город Арсения Тарковского, о котором он написал столько, сколько ни один из живших в Елисаветграде писателей. Казалось, он вобрал в себя неповторимую ауру, где смешалась мелодичная украинская и русская речь, провинциальные нравы и добрые причуды его обитателей...

Марина Тарковская унаследовала главное душевное качество своей матери – всепрощение (несмотря на разрыв с мужем, та всегда говорила о нем только в превосходной степени). Оставшись с двумя детьми, старшему из которых – будущему знаменитому кинорежиссеру Андрею Тарковскому – было всего четыре года, Мария Вишнякова никогда не настраивала сына и дочь против отца.

Так или иначе, но дом-музей, с которым связана самая большая любовь отца Марины Арсеньевны к другой женщине, стал для нее «землей обетованной». Этот маленький музей оказался единственным прибежищем истории семьи Тарковских.

В Москве, где они живут с 1925 года, места для музея не нашлось.

Обломок прежней жизни

О событиях в «золотоглавой» Марина Арсеньевна вспоминает с болью: накануне одного из Международных московских кинофестивалей в 1-м Щипковском переулке был втихую снесен дом семьи Тарковских. На месте дома осталась огромная яма и куча битого кирпича, а стенд с портретом известного кинорежиссера и надписью «Памятник истории», по словам очевидцев, валялся в кустах.

Посмотреть на это впечатляющее зрелище собралась толпа потрясенных гостей Московского международного кинофестиваля – они традиционно приходят поклониться памяти создателя «Андрея Рублева», который известен на Западе в числе немногих наших кинорежиссеров. О сносе дома семью Тарковских никто не предупредил. Приехавшая на «пожарище» Марина Арсеньевна увидела груды мусора и кучу бревен. Глотая слезы, она подобрала на память кусок кирпича, как обломок прежней жизни...

История купеческого особняка XVIII века, где жили три поколения Тарковских, надела на в столице много шума.

Семья поэта занимала две маленькие комнаты в коммунальной квартире №2 – там жил сам писатель, прошло детство и школьные годы его знаменитого сына (Андрей жил в доме до 1962 года), там же родился внук – сын Марины Арсеньевны, писатель Михаил Тарковский.



Когда-то особняк был ведомственным общежитием парфюмерной фабрики, которая находилась во дворе. В 1967 году дом начали расселять, и семья постепенно переехала в другие квартиры.

Буквально через год после смерти Андрея Тарковского, в 1987 году, было принято решение о сносе дома.

Примерно в то же время в Москве начала работать комиссия по творческому наследию кинорежиссера. Она приняла решение о создании в этом доме музея Андрея Арсеньевича, возложив работу по его организации на Кинофонд при Союзе кинематографистов. Однако комиссия просуществовала недолго, и дом начали потихоньку «растаскивать» по кускам – снесли крышу, резные наличники, начали перебирать сруб второго этажа. После этого здание стало стремительно разрушаться...

Кстати, в том же доме должна была быть и мастерская известного аниматора Юрия Норштейна, который вложил свою премию (около 10 тысяч долларов) в его реконструкцию. На этом вкладе средства закончились, и надежды на восстановление здания рухнули.

Два фонда Андрея Тарковского (один из них возглавляла его вдова, а позже Андрей Андреевич Тарковский) почему-то не заинтересовались судьбой будущего музея.

Последней надеждой была идея московского правительства реставрировать старые дома с помощью инвесторов, которые получают участок под новую застройку, но за это реконструируют какой-либо старый дом для Москвы. Но «подключить» дом Тарковских к этому удачному проекту не удалось. Здание передали Музею кино, внесли в перечень памятников истории и взяли на баланс Управления охраны памятников Москвы.

Дом-музей планировали открыть в 2002 году к 70-летию кинорежиссера. Были сделаны чертежи, а в Мосгордуме даже прошли слушания на тему «Будет ли в Москве Дом-музей Тарковского?»

Но строительная организация попросту снесла старый дом, пообещав выделить 70 метров под помещение музея.

Марина Арсеньевна считает, что этот новодел не имеет ничего общего с семьей Тарковских...

От Завражья до Елисаветграда

И все-таки два маленьких музея Андрея Тарковского открыты – в Юрьевце и Завражье.

Юрьевец был для Марины Арсеньевны «сладкой грезой», где прошли их с братом детские годы. Она долго не хотела приезжать на открытие музея, «потому что нельзя дважды войти в одно и то же время», но все-таки приехала и показала крутые юрьевецкие склоны, с которых детвора каталась на санках, и забор, возле которого Андрей порезал ногу осколком стекла...

Что касается Завражья, то это место рождения режиссера, где он провел первые месяцы жизни.

Эта точка на карте всегда была для него заповедной и сакральной, существуя больше в его воображении, чем в реальных воспоминаниях.

Двухэтажный дом лесопромышленника Кудряшева, где родился Андрей, был после революции национализирован. На втором его этаже жила бабушка



Тарковских, а когда образовалась «Большая Волга» с каскадом электростанций, нижняя часть Завражье была затоплена. Верхнюю часть дома, где родился Андрей, перенесли и поставили на новый фундамент.

Андрей говорил: «Моя родина ушла под воду». В сценарии «Зеркала» была удивительная подробность: мальчик, герой-рассказчик, плывет под водой и видит затопленный дом. Но эта сцена не вошла в фильм.

Открытие музея в Завражье сопутствовало интересное обстоятельство: в доме, где родился Андрей, одновременно открылись два музея – Тарковского и Флоренских, поскольку в храмах этой местности служили потомки о. Павла Флоренского. Внук религиозного философа игумен о. Андроник, восстанавливает историю своей семьи, как и Марина Арсеньевна...

Однако оба городка – Завражье и Юрьевец – связаны только с именем Тарковского-сына, музея поэта Арсения Тарковского или его семьи в России не существует.

Поэтому для Марины Арсеньевны особое значение имеет музей в Елисаветграде (ныне Кировограде), куда она постоянно привозит новые экспонаты.

Рождался музей Арсения Тарковского в муках: иконы, картины, мебель – все это собиралось буквально по крупицам не только в городе, но и по всему СНГ (больше всего экспонатов пришло из Санкт-Петербурга). Жизнь поэта сложилась таким образом, что его личных вещей практически нигде не осталось – всем имуществом после смерти распорядилась третья жена.

Место расположения мемориального музея выбрано не случайно – поэт родился в доме по той же улице Александровской (ныне Володарского) и учился в гимназии М. Крыжановского (ныне Коллегиум), при которой открыт музей. Интересен факт, что в годы учебы Арсения Тарковского (1916-19 гг.) статус гимназии, которой недавно исполнилось 100 лет, постоянно менялся: согласно постановлению Совнаркома, подписанному Луначарским и Крупской, гимназии и реальные училища были ликвидированы и реорганизованы в единые трудовые 7-летние школы, такую школу закончил и Арсений Александрович.

Директор мемориального музея Вера Зинченко поддерживает постоянную связь с Мариной Тарковской:

– Впервые Марина Арсеньевна приехала к нам, когда собирала материалы для своей книги «Осколки Зеркала». Сейчас она пишет новую книгу, которая будет продолжением первой, отрывки из нее она нам уже привезла. Кроме того, на основе этой рукописи Марина Арсеньевна написала киносценарий и в Кировоград приехала киногоруппа, которая снимает фильм. Нам пообещали выслать копию киноленты. Каждый приезд Марины Тарковской – это праздник для нас, поскольку она никогда не приезжает с пустыми руками – музей постоянно получает новые интересные экспонаты. Вот и в недавний свой приезд она привезла копию дела о дворянстве, изображение герба семьи Тарковских, удостоверение личности отца и документы о его поступлении в гимназию. Самой Марине Арсеньевне в прошлом году исполнилось 70 лет, но она – удивительно бодрый энергичный человек, который понимает, какая ответственность легла на его плечи. Ведь кроме Марины Арсеньевны, практически никто из членов семьи не занимается историей творчества Тарковских...



Мария Фальц

В рукописях Арсения Александровича есть несколько стихотворений, посвященных первой жене, Марии Вишняковой, последнее из них написано в 1937 году и в нем угадывается мотив разлада между ними.

Кто же настоящая героиня стихов Тарковского, Мария, о которой он писал столько поэтических шедевров?

В Елисаветграде времен юности Арсения было много выходцев из Германии – в школьные годы он брал уроки музыки сначала у Густава Нейгауза, отца знаменитого пианиста Генриха Нейгауза, потом у немецкого барона, предводителя городского дворянства Михаила Медема, который закончил Берлинскую консерваторию и был блестящим музыкантом.

Среди соседей Тарковских по Александровской улице была семья бывшего управляющего имения барона Фальц-Фейна «Аскания-Нова» Густава Фальца, очевидно, родственника знаменитого создателя заповедника. Он переехал в Елисаветград вместе с дочерью Марией и занимал небольшой дом около гимназии, в котором ныне располагается мемориальный музей Арсения Тарковского. Это здание в народе так и именуется: «Дом Фальц».

Сначала немецкая семья занимала комнаты на обоих этажах, а после смерти родителей Мария осталась жить в двух нижних комнатах с окнами в сад (о них-то, и написано столько поэтических строк). В доме-музее до сих пор сохранилась небольшая сцена, на которой, по свидетельству старожилов, проходили домашние спектакли и поэтические чтения, в которых принимал участие и Арсений Тарковский.

Мария Фальц была немного близорукой, но очень привлекательной, умной, образованной, прекрасно пела и играла на рояле марки «Рениш». Неприспособленная к жизни, непрактичная и незащищенная, она была неизменной «душой» теплых музыкальных и литературных вечеров.

С Арсением Тарковским и другими интеллигентными гимназистами, которые собирались в доме Фальц, Марию связывала младшая сестра Елена. Сама Мария Густавовна была «соломенной вдовой» офицера Колобова, который был призван в первую мировую войну и пропал без вести в гражданскую.

С Арсением Тарковским ее разделяла «пропасть» в девять лет, что было в то время немислимо для общего будущего. Однако именно Мария Фальц стала Прекрасной Дамой поэта, которой он посвятил множество стихов в разные годы своей жизни. Они расстались в 1925 году, когда Арсений уехал учиться в Москву, а виделись в последний раз в 1928 –м, во время приезда поэта к матери в Елисаветград. Он рассказал своей любимой, что уже женат на Марии Вишняковой, а она ответила, что выходит замуж.

В 1932 году Марии Фальц не стало, и Арсений Александрович тяжело переживал эту утрату.

Долгое время имя этой женщины и все, что с нею связано, оставалось загадкой...

Потомки Тарковских

По словам Марины Арсеньевны: «и отцу, и Андрею не очень повезло с женщинами». Поэт написал в письме сыну: «Не будь листком на ветру. И не бросайся в страсть, как в глубокий колодец...»



Оба были несколько раз женаты, но потомки Тарковских, кроме Марины Арсеньевны, не особо интересуются творческим наследием своих предков.

Когда сын Марины Тарковской (который, естественно, носил другую фамилию) начал писать стихи, возникла мысль сделать его «официальным» продолжателем рода. Марина Арсеньевна уговорила сына изменить фамилию, и теперь творчество Михаила Тарковского, который живет в Сибири, изучают в школах России. Сейчас писатель начал писать прозу, переезжать в Москву не собирается, поскольку является страстным охотником. Книга его произведений с автографом хранится в Кировоградском музее.

Потомки Тарковских расселились по всему миру, с некоторыми из них Марина Арсеньевна поддерживает добрые отношения, например с сыном Андрея от первого брака Арсением, он хирург по профессии. Сын кинорежиссера от второго брака Андрей живет и в Париже, он – президент Международного института искусств им. Андрея Тарковского.

Есть еще один «неофициальный» потомок семьи, на которого Марина Арсеньевна возлагает особые надежды: во время съемок «Жертвоприношения» в Скандинавии кинорежиссер сблизился с обаятельной женщиной. От этой любви родился мальчик, которого назвали Александром по имени героя фильма. В последние дни жизни Андрея Тарковского ему принесли фотографии трехмесячного внебрачного сына...

Марина Арсеньевна узнала об этом на похоронах брата и послала вдове телеграмму соболезнования, а когда племяннику было немногим больше года, встретила с ним в Париже. Завязались добрые родственные отношения, и норвежский потомок Тарковских проявляет гораздо больше интереса к истории семьи, чем московские наследники.



Галина Шевченко

Літературний критик, лауреат Міжнародної літературної премії імені Тараса Шевченка, член Конгресу літераторів України, Київ

ПЛАЦДАРМ ДУХОВНОГО ОСЯЯННЯ

Особливе місце в творчості відомого українського поета Юрія Кириченка, лауреата Міжнародних літературних премій імені Тараса Шевченка та Григорія Сковороди, посідає баладно-поемний масив, у якому з притаманними авторові рельєфністю, образністю, художньою наповненістю, історичною та життєвою достовірністю виписано героїку звитяг лицарів козацького духу – щирих і боголюбивих дітей Матері Покрови, яка завжди і всюди надихала їх на справи, благословенні в ім'я Роду і Народу. За Дух і Літеру козацької звитяги в творчості поет Юрій Кириченко нагороджений медаллю Богуна. Цю творчу відзнаку автор 50 поетичних книг носить з особливим животрепетом. У віршах, які адресуються сьогодні читачеві альманаху „Свій варіант“, – живий дух творчості у тісній супрязі з любов'ю до України витворює своєрідний плацдарм розкорчованої свідомості, надихаючи нас, сучасників автора, до світлих звершень в царині духовних поصات.

Юрій Кириченко Київ

БАЛАДИ КОЗАЦЬКОГО НУРТУ

БАЛАДА ПРО ВОЛОДИМИРІВ ТРИЗУБ

...Любити Україну до загину,
Гуртуючи населення в Народ,
До рук державних взяти Божу Глину –
Оце і є найвища з нагород...
Все інше: і медалі, й ордени –
Буркун, що топчуть кози при дорозі...
З колін звелися доньки і сини,
Чи ж їх батьки колінкувати в змозі?..
Там, де вогніють маки на стерні,



Де непочатий край діянь, роботи,
 Правда суть озвалася в мені –
 Ну хоч бери й клади її на ноги...
 До сповіді іду – не на Парнас,
 До чистоти, до розуму, до суті:
 Хай буде України стільки в нас,
 Як зір у небі, що в безсмертя взуті!..
 Говорено: і Час уже, й Пора,
 Наш рід не вчений штивно позувати –
 Верта на схили вічного Дніпра
 Державний скіф, щоб меч загартувати...
 В його зіницях обрій не звогнів,
 Його душа – вояцька і трудяща –
 Питає в нас, як у своїх синів:
 Де ж ваша правдонька животворяща?..
 А правда в нас підкорена Меті:
 Любити Працю і кохати Волю...
 І навіть, як розіпнуть на Хресті,
 Не відчувати там, де цвяхи, болю...
 Воістину: прийшла пора сталить
 Отців обух, як сказано в Пророка...
 Та перед цим – раба в собі спалить:
 Невже це є велика заморока?..
 Виходимо із п'їтьми за поріг,
 А за порогом – Харків і Полтава...
 Панове Січеслав і – Кривий Ріг...
 Вирішуймо: погибель жде чи – Слава...
 Завізно з Досвідом?.. Та де?.. Хіба
 Не подолали ми на Рейні звіра?..
 Повірмо в себе: наша це Доба,
 Не пасла коней в ній карга зневіра!..
 Не візьме зрада нас на чорний зуб,
 Ще маєм зваги, злікувавши рану,
 Тримати Володимирів тризуб,
 Виходячи на Поле Честі з брану...

ДОРОГА ДО ТАРАСА

Ходімо, браття, до Тараса,
 У громом клечані слова,
 В яких Шевченка кров жива,
 Сильніша легіонів Красса...
 Ходімо, браття, в небайдужість,
 У зміст енергії й краси,
 Де творять ширу аркоджність



Високочолі голоси.
Ходімо кроком нелукавим,
Ходімо серцем молодим.
Світ правдонькою озаглавим,
Розвієм смуток, наче дим...
Все – з нами: небо і криниці,
І полум'я гіркотривою.
Не зрозуміють серцем ниці,
Чому він – світоч, а не Бог...
Ходімо, браття, до Тараса,
У світ, де гнізда в'ють орли.
Судьба розкрилля не зреклася,
Раз очі небом зацвіли...
Не все ще – паша й ремигання,
Як честь і гідність – в стремені.
Геть з душ і кволість, і вагання,
Й сум'ять оздоби крижани!
Ходім, всечасна Україно,
У Кобзареву всемогуть,
Де спражить слово яворино,
Щоб Гонту з Умані збагнуть...
Звучить Дніпра повноголосся,
Жива вода, живі слова...
Три сонця в крові обнялося,
Світ незнищених дум – трива...
Хай стане всім нам за мірило
Шевченка совість всеземна.
Його незганьблене вітрило,
Його свята будучина!

ПРАВДОЧОЛИЙ РЕЧНИК УКРАЇНИ

Правдочолий речник України
На ім'я провісницьке – Тарас
У краю, де клени і раїни,
Небайдужжя храм творив для нас...
В нім – і незнищенна наша мова,
Совісних криниць жива роса,
Матері і сина віть святкова,
Що в грядущість днів перевиса...
Не шукав собі добра-привіту,
Титулів і статків не надбав.
Серце мав – пташину розповиту –
Для борні – ніяк не для забав...
В очі гроз дививсь без остороги,



Вірив у незнищеність добра.
 Певен був: душа свої дороги
 Раз на цілу вічність обира...
 Правдочолоий речник України
 На ім'я провісницьке – Тарас
 Крізь вогонь, румовища, руїни
 Шляхом громовиць прийшов до нас...
 У простім селянському кожусі,
 У папасі, чорній від жури,
 Усмішку край вус приніс Катрусі,
 Віру і надію – в прапори...
 В ті, які тримає наша доля,
 В ті, які триматимуть сини...
 Доки спражить небом ще тополя –
 Не потьмарять кольору вони!

МОНОЛОГ ДНІПРОВИХ ПОРОГІВ

Дмитрові Яворницькому

Ми – Дніпрові пороги, ми – жреці давнини,
 Наші тайни правічні – там, на дні бистрини.
 Наших лоцманів вірних немає в живих,
 Та лишився пергамент часів грозових.
 Ми – Дніпрові пороги, ми – діти Дніпра,
 Народила нас доля колись для добра.
 Не одного човна з ворогами Вкраїни
 Розтрошили ми, щоб весняніли раїни,
 Щоб цвіли чорнобривці край білої хати, –
 Там, де мові українській негоже всихати...
 Не одного плота яничарів-псарів
 Своім праведним гнівом Ненаситець зустрів...
 Ми – Дніпрові пороги, в нас – душа козаків,
 Родовід наш, як вірить, ген-ген з правіків.
 Знали ми Святослава полки й Богуна,
 Пощербилась шабляка об нас не одна...
 Нас вітали, бувало, з гармат козаки,
 Що вертали Дніпром в неминущі роки.
 Усміхався до наслюбомудр-старшина,
 Вус торкаючи хвацько: „Є турчанка одна...“
 Мав сказати про нас і Григорій Варсава
 Так, що диву далась би і пані Варшава...
 Мо', сказав, може, ні, це тепер – таїна,
 Наше серце давно з-поміж хвиль не зрина...
 Нам на груди лягли всі легенди ріки:



Понад нами – роки, поруч з нами – віки...
Ні, та й скресне колишнє, глибинне, старе:
Так за душу бандура козацька бере...
Обірветься струна, а неначе – весь світ,
Але є в нас Тарас і його „Заповіт“.
Не зречуться його навіть очі камінні,
Доки жевріє ватра на дні в безгомінні...
Ми – Дніпрові пороги, ми – діти Дніпра,
До архіву здавать нашу мову не тра?:
Хоч над нами – роки, але з нами – віки,
Оживають, бува, й кам'яні сторінки...

ОСТАННЯ НІЧ ІВАНА БОГУНА

*Ретроспектива у часі й просторі
з ознаками балади*

*М.Вінграновському, який серцем
і словом своїм натхненницьким
першим постукав у чорну браму
ночі Івана Богуна, присвячую*

Автор

В історії не випита до дна
Остання ніч Івана Богуна...
З ненаписаного вірша

В сеї ночі стуманілі очі,
В сеї ночі сльоза крижана.
Позлітались з ярів поторочі,
Аби викликать дух Богуна...
...А ти, кальницький полковнику, їх зневаж,
А ти лихо бровою, гейби шабелькою, підваж.
Усміхнись, як неня вчили, і зітхни,
На зло ляхам недобитим „Гречаники“ утни:
„Ой гоп, мої гречаники,
Прало лихо підштаники,
Сорочину й кунтуші –
Вибирай, що до душі...“
Годі, кальницький полковнику, чом сумний,
Таж сьогодні, присяй-Боже, вихідний.
Пий наливку, пий горілку – веселись,
До серденька двох любасок прихились...
Невеселі щирі очі й чорний вус,
Може, ти не в тії чоботята взувсь?
Осміхнувся бідолаха й знов своє:



„Ніч – зла кицька – із черепа брагу п’є...“
З пійла того голова моя болить,
Що сподіяти: стріляти чи палить?
Мо’, на палю посадити ворожбу,
В такий спосіб пересватати судьбу?..
Мо’, з конюшні приведуть хай гриваня,
Котрий навіть чорні стріли обганя.
А чи мовчки побрести в очерета,
Де напташив був торік твої уста...
Ніє серце, квилить серце неспроста,
Не дрімає, видно, десь знедоля-мста.
А ти, кальницький полковнику, вір в зорю,
Ківшик злотих видай в поміч кобзарю,
Що прибився з хлоп’яком в твої ряди,
То дарма, що з мордопису геть рудий.
То дарма, що до медів зело могуч,
Зате голос – ясний сокіл з-понад туч...
То дарма, що два провалля увічу,
Зате піснею частує досхочу:
„Граї, граї, моя сопілочко,
Уже завтра й Петрівочка.
Третій день, як самопали
У мовчанку впали...
Третю ніч, як у ярочку
В Катрі зваба на шнурочку...
Ми шнурочок той розв’яжем,
Сміх-печаль бровою зв’яжем.
Поріднімось і самі –
Хто впізнає у пільмі?“
Ет, облиш, облиш, душа,
Варта пісня три гроша.
Ще й четвертий злотий здачі –
Щось думки стають ледачі:
Все мандрують спроквола
До кварти, що – край стола...
А ти, кальницький полковнику, розум май,
Насторожі варту й власне серденько тримай.
Воно ніби і спокійно, а, проте,
Терен-хустка ув очах три сни цвіте.
Воно, кажуть, і безпечно, а душа
Не зарядженим пістоля не лиша.
Але цур отій пекельній гризоті:
Порятують від наврок слова святі.
Ой-я, кальницький полковнику, вір-не вір.



Вже крадеться попідтинню поговір.
А у того поговору злий язик,
Тричі хреститься від нього і козак, і мужик:
„При вікні, при стіні спить жона,
Мовчазна, чепурна, звать її – труна...
Ой ти, труно-домовино,
Півсвіту із тебе видно.
Може, пів, а мо', й весь світ –
Кряче ворон серед віт...“
Нахилилась гілка-вітка щебетна,
Враз побліднув гожий вид у Богуна...
Гей-бо, кальницький полковнику, чом змарнів?
Білий лебідь був ще вчора, ниньки –
почорнів...

Гей-бо, кальницький полковнику, помолись,
В чорне пекло всі шляхи твої зійшлись.
Що на першому шляху – горить вогонь,
Що на другому шляху – пістоль до скронеь.
Що на третім – забуття і каяття...
Розімкнув Іван повіки: „Де ти, життя?..“
А у відповідь – лиш оберемок плачу,
А у відповідь – сльоза гасить свічу.
А у відповідь – криниця без дна
Заломила з жаху руки: „Я – донька Богуна...“
А у відповідь озвались
з срібла-злота

три жалі,

три струни:

Світ зорею протни –

не вини,

спом'яни...

Образ речника, чий профіль –

з давнини,

з сивини...

Не застують від нащадків його славу й кажани...

...В сеї ночі – ворохобні очі,

В сеї ночі – сльоза рутвяна.

Позлітались з усюд поторочі –

На похмілля із черепа Богуна...

Шасть до вікна,

А там – стіна.

Чорна стіна, срібна труна,

З віка якої голос магічний зрина:

„Смерть Богуна – в лузі кона,



А Іван – мерщій в жупан,
 Сам собі і брат, і пан...“
 В гордих нащадках ізнов вирина
 Слава його всеземна.
 Нас – не мина,
 Вас – не мина.
 Бо –
 Реальність а чи мана,
 Мир а чи війна,
 А праведна душа Богуна
 Віки протина.
 Лугом веде коня
 З розповені ночі – у сяйво дня.
 Доки в часі відлунить вона – доти й стоїть
 край вікна
 Остання ніч Івана Богуна – правдою пам’ятна...

ПОХВАЛЯННЯ КОЗАКА МАМАЯ

Я з пісні вийшов, в пісню й повернусь,
 Якщо об чорну кулю не спіткнуся.
 А не об кулю, так об чорні очі,
 В яких зійшлись всі тайнощі дівочі.
 Із списа їм, із уст чарунки п’ю,
 Зірчастим небом вкрившись, в полі сплюю.
 Пообіч мене, завше, як годиться,
 Дарунок долі – шабля-молодиця.
 Я з пісні вийшов, в пісню й помандрую,
 Ще не одну дніпрянку причарую:
 Козацьким вусом, чи гарячим зором,
 Чи люлькою із сріберним узором...
 З недавніх пір лиш про одне мізкую:
 Це ж скільки літ на світі парубкую?
 Багацько чув, чи мало, врешті, знаю,
 І ще, надіюсь, дечого спізнаю...
 Неперебутні чари в серці маю,
 З хмар дошових червінчики виймаю.
 Був турками прикутий до галери,
 Та втік, полон пославши до холери...
 Чаклунське зілля в сповитку тримаю,
 Стрілу із рани поглядом виймаю.
 Примітний всім – і станом, і ходюю,
 Вмиваюся живою лиш водою.
 З тканин заморських свитка й шаровари,
 У вусі серга – благовіст Варвари...



До бою вдатний, вдатний і гуляти,
Умію кров скажену замовляти.
Пішла по Січі чутка: характерник,
Загнав бісят в казан-семивідерник.
Смолою частував їх, як бобами,
А потім стукнув сорок раз лобами.
Хотів, було, на той світ переправить,
Аж тут найменший став пощади править:
„Візьми собі і кобзу, й щире злото,
А тільки відпусти нас на болото...“
Від золота я, братці, відхрестився,
Але до кобзи з пір тих пристрастився.
Торкнуся раз струни – душа заплаче,
Торкнуся два – з Дунаю коник скаче...
Торкнуся три – і вишня край серденька
Цвіте зимою, й молодіє ньєнка,
Яку не бачив сорок літ ще й триста –
Везу в дарунок їй разок намиста...
Я з пісні вийшов, в неї і подамся,
Нізащо в світі ворогу не здамся.
Ще полем килиїмським погарцюю,
На власному весіллі потанцюю –
Та так, щоб аж дзвеніли закаблуки,
Відлуння йшло крізь ліс і через луки,
Долиною, ярами й манівцями,
Як двісті сорок коней з верхівцями...
...Один із верхівців ледь забарився –
В баладі спішився, отаборився,
Промовивши: „Отут і заночую –
Мамаєве безсмертя пупом чую...“

В'ЯЧЕСЛАВ РИСЦОВ:

ПРИ ГОНЧАРНОМУ КРУЗІ НАТХНЕННЯ...

При гончарному крузі роботи
Стоїть слово без тіні скорботи.
Стоїть слово гінке, молодисте,
Ніби Довбуш Олекса сягністе...
Стоїть слово, народжене з болю,
Свято вірить у правду і волю.
При знаменах стоїть, при оружжі,
Бо лиш совістю в світі ми дужі.
При гончарному крузі тривоги
Все: і степ, і козацькі дороги.



І криниця на узбічі жита,
Й вишиванка, матусею шита...
І зоря калинова, вечірня,
Й чара – і поминальна, й весільна...
І надії, найперше – надії
На нестрачені дні молодії,
В яких – явір і штири дубочки,
І калина, що йде до вербочки
На гостини, на тиху пораду,
Наслухаючи серденьком зраду...
При гончарному крузі всі друзі,
Тільки хто це маячить в ярузі?
Хто тривожить Дніпрові окола,
Чому дзенька підступно підкова?
Чому коні сахаються броду,
Чом ремінням пов'язано вроду?
Хто вони – татарва, яничари,
Що наш спокій кривавлять мечами?..
Але є при гончарному крузі
Сила, щоб протидіять нарузі!
Але є при гончарнім відвага,
На чужинця, на зайду зневага...
Начувайся, агов, воріженьку,
Вже козацькі дозори – близенько.
Уже чути, як спурхує криця
На потьмарені злобою лица.
Уже видко, як падає шабля
На сукно – від литвина чи шваба...
І сахнулась душа: перекинчик,
Що ж, тримай ще й свинцевий гостинчик...
...А коли розгодинилося вранці –
„Не стріляйте, – хтось мовив, – ми – бранці,
Гнали нас в чужину, на безслав'я,
Тільки шлях наш на волю прослався...
Он і сестроньки наші в ярузі...“ –
...Профіль їх – при гончарному крузі:
Зберегла їх жалі вічна глина,
Ось – Катруся, а ось – її Гриня...
Ну, а он, наче з пісні, Маруся –
Це до неї наш сотник всміхнувся...
А ще далі – все лица і лица,
Найвиразніші ж – в Катрі і в Гриця.
Може, доля у цих двох – однеєнка,
Може, батечко спільний ще й ненька...



А можливо, тут глина провинна,
Що ці двоє, як рідна кровинка...
Є при крузі і степ, і діброва,
Й Україна – така сумноброва...
Щоб поправити каторжну глину,
Автор в коси заплів їй калину.
Хоч калина та з глини, та очі
В Україні – із ранку, не з ночі...
Хоч калина та серденько крає,
Та сміється душа, не вмирає...
...При гончарному крузі світає,
Серце в обрій вишневий ростає.
І немає йому відпочинку,
Бо вже мальва цвіте на причілку,
Бо вже мати стоїть край безсмертя
З вічним скіпетром милосердя...
А на лаві в кутку – домовина,
Аж холоне у погляді глина...
Аж сльоза переходить в граніти,
Мить – і ні з ким уже й гомоніти...
Тільки ж знову при крузі надії
Рвуть вудила булані й гнідії...
Знов гончар прихиляє до серця
Погляд, в котрім – два карих озерця...
Знов два полюси: вірність і зрада,
До хреста прицвяхована Правда...
Знов карається творчість в напрузі
День і ніч при гончарному крузі...

МОНОЛОГ КАЛИНИ З ПРИДНІПРОВ'Я

Я – не прах, не попіл і не глина,
Не міраж у грозовітню ніч.
Маю ймення сріберне – калина:
Хоч до брів тули, а хоч до віч.
Не оскаржу зойком ані скриком,
Стопечальних уст не одведу.
Сонячно-неперебутнім ликом
У твою сльозу на дно впаду.
Я – калина, вічна твоя рана,
Меч, що по руків'я – у тобі...
Інша, кажуть, в тебе є кохана –
Не така, як я, лиш, далєбі!
Я – калина, корінь мій – в громищі,



Та не в'ялить душу рясноцвіт.
 У розлуці ми з тобою ближчі –
 Одним зором одкриваєм світ...
 Я – калина, дівчина з вертепу,
 З ста балад моя грімка брова.
 Течія Дніпрова в жилах степу
 Спражить у мені, як тятива.
 Мо', й забув мій стан уже в турботах,
 Може, чари інші відшукав.
 Розумію: як-не-як – робота,
 Ще й наклеп розважливо-лукав...
 Не жоною буду, так сестрою,
 Гніватись на сестронуку не тра'...
 Підведусь над болем страж-горою,
 Напою з священного Дніпра!
 Відведу орду від твого поля,
 Зіроньку до рани прикладу...
 Я – калина, вічна твоя доля,
 Привітай дружину молоду.
 Не дивись на мене, як на Бога –
 Не була ніколи божеством.
 Я – калина, я – твоя небога,
 Казка, що рокована лиш двом...

БАЛАДА ПРО КОДАЦЬКУ ПОЛОНЯНКУ ТА ЗАЦНЕ ЛИЦАРСТВО ЗАПОРОЗЬКЕ

На Дніпрових порогах фортеця зросла,
 Хижа шляхта її Кодаком нарекла...
 На Дніпрових порогах в ранковій імлі
 Запорожці не раз гартували шаблі...
 Йшли на приступ жупани і свитки руді,
 Хто від кулі упав – залишавсь у воді...
 Хто на піку наткнувся, тому Божі Посли
 Залишали ще чару в житті – як могли...
 А було і таке, що, хрещені вогнем,
 Безкомонні вертались багатим конем.
 А на конику тім, впоперечки сідла,
 Приторочена бранка шляхетна була...
 Таку здобич – негоже було пропивать,
 Таку здобич – годилось, пся крев, цілувать...
 А коли поцілунки ставали чужі,
 Хтине тіло здіймали на піки й ножі...
 Зауважив історик, що все це – брехня,
 Але, де діти Зося і чорта-коня?



Де сховати себе від сліпих милостей:
Поталанило пані на Божих Дітей...
Кошовий на цей раз гвалтувать не велів,
Як поглянув на кралю, заледь не упрів...
Наказав: „До покоїв красуню зведіть,
Та глядіть, що не ваше, в шовках не знайдіть...“
Із козацьких макітер помова пішла:
Надто крала кодацька солодка була...
Ненадпита краса породила чутки:
Буцім Батько з полячки знімав чобітки...
А вона, окаянна, сміялася так,
Що мосьпан кошовий збув свій глузд за п'ятак...
Піп-розстрига повчав: ліпше плоть поборіть,
За спідницею двері навк затворіть...
У гарем падишаху продайте її,
Бо не буде приварку від сеї змії...
Кошовий був сумирний, пив ківшик вина,
А як мед закінчився, прорік: „Се – жона...“
І велів тридцять бочок поставить на круг,
Аби в пиві скупався і ворог, і друг...
Придибачку отсю описав писарчук:
„В пані перса були, мов наструнений лук...
Вся полячка, овва, мов гаряча стріла...“
Отака хміль-балада зросла з-під пера...
До обмовок мій почерк причетний навряд,
Хоча пиво те пив сам я в колі наяд...
Чорний вус в хміль не вмочиш, брати, без причин,
Якщо власник його не якийсь там турчин...
І сьогодні ось пиво „Кодацьке“ п'ємо,
Запорозьких тих лицарів правнуки, мо'??..

БАЛАДА, У ЯКІЙ ДОЛЯ РОБИТЬ ЗАМАХ НА КОЗАЦЬКЕ ПАРУБОЦТВО

Кажуть, доля в козака – боголюбива,
Був би коник гордогривий та – рушниця...
А захоче – втішить душу ківшик пива,
До якого – ось тараня-сушаниця...
Кажуть, доля козака – відьмакувата,
Воно й правда, воно й, може, не без того...
Ложе стелить з ним на двох – веснянкувата,
Чорнобрива – з ним сідлає вороного...
Кажуть, доля в козака не в тім'я бита:
Передбачить кожен кучерик – просто...
Передбачить кожен кучерик – просто...



Бува – й шабелька безсила розповита,
 Бува – й погляду однісінького доста...
 Кажуть, доля в козака – із прадалека,
 В фас він – з наших, а литвин – у профіль, схоже...
 Розкуйовдив йому кучмоньку – лелека:
 Так, що жодна з краль довкільних, ой, чи й зможе...
 На судьбу козак, здається, не в обиді,
 Знай, кружляє за байраком срібним джмелем...
 Біля серця його – любоньки обидві:
 Перша – стелиться любистком, друга – хмелем...
 Є у долі чим голубить, є й – карати,
 Зна про цеє вус козачий не з півночі...
 Злотна куля наказала вибирати:
 Чорну яму чи, ой, леле, чорні очі...
 Запечалився, ледь не плаче, луг шовковий,
 Ворон з п'їтьми посмутнів, але – не кряче...
 Що робити маєш, вою реєстровий,
 Чей, скінчилась вольна воленька, козаче?

ПРОДАВАЛИ КОНЯ У СТАМБУЛІ...

Продавали коня у Стамбулі –
 З блискавками в очах орлана.
 В гриві – пахощі трав незаснулі,
 З-під копит – праземля крижана...
 Продавали коня-буйногривця,
 Бунтівного, мов скіфське вино.
 Не знайшлося на торзі сміливця,
 Аби став у його стремено...
 Був товар з приорільського краю,
 Де у ріст верхівця – пшениці.
 Одним словом, з околиці раю,
 Де сміється й сльоза на щоці...
 Продавали коня степового –
 Яблукастого молодана.
 Під сідлом знав, либонь, кошового,
 Ниньки ж – сам у неволі кона...
 Як це трапилось, як же це сталось,
 Може, винні у дуплах сичі?
 ...Яничарська підступність підкралась,
 Коли зорі любились вночі...
 Вдарив постріл чужинський із гречки,
 Запеклось на вустах „слава Ісу“ –
 Впав з сідельця володар вуздечки,
 Ледь пригубивши смертну росу...



...Були руки пожадливо-ниці,
Були очі, немов кажани,
Коли з мертвого зняв ногавиці
Яничар із лицем сатани...
А коня, що іржав узбіч ниви,
Взяв, як здобич, безвусий мурза.
Витер кров пракозацьку із гриви,
Глянув конику в очі: сльоза...
Плакав кінь не від болю – від злості,
Що не міг відомстити за бран.
І горіли калинові брості,
Ніби совість невігойних ран...
...Звідав кінь і нагайки, і криці,
Та не зрікся сидельця свого...
Вирвав гнівно вуздечку з правиці
В того, хто всиротинив його...
А тепер ось стоїть на базарі,
Проклинає Стамбул і купців.
А в очах – дві сльози сизо-карі,
Мов незнані ще світу бійці...

ГЕТЬМАНСЬКИЙ КІНЬ ПЕРЕБРОДИТЬ РІКУ...

Снилось мені: я – джурою в полку,
Бій – не стиха, геть червона вода...
Гетьманський кінь перебродить ріку,
Усмішка в гетьмана трохи бліда...
Хлопці у гетьмана всі на підбір:
Стріляні, рубані, але – живі...
Сотня – в засаді, де клечаний бір,
Кров у вельможного – на рукаві...
Що це – поразка чи зрада? О ні...
Порох скінчивсь а чи куль вже нема?
Втомлено зводиться він в стремені:
„Або – Українонька, або – пітьма!“
Гірко пугукнули кляті сичі,
Лунко озвалась кривава луна.
Вгору звелись харалужні мечі,
Вдарила в груди вода крижана...
Ворон – закляк, а зозуля – „ку-ку“,
Скільки голівоньок прийме вода?
Гетьманський кінь перебродить ріку,
Мертві й герої – не знають стида!



Сутемінь, зірка зірвалась в імлі,
 Сутемінь, в серці ще тліє зоря...
 Псяголоваки, кати й упирі,
 Смерть лиш за вами нехай чеберя!
 Нам, козакам, не вмирать на воді,
 Суша не прийме від нас домовин...
 Очі у гетьмана – жах молоді,
 Правда, добавилось дещо сивин...
 Гухнула з воза гармата в ярку,
 Але її переважить „Ура!“
 Гетьманський кінь перебродить ріку:
 Мати-Українонька ні, не вмира...

ЗВЕРНЕННЯ КОБЗАРСЬКОЇ СТРУНИ ДО СЕРЦЯ ХОЛОДНОГО ЯРУ

Чуєш, Яре Холодний, прабатьку свячених ножів,
 Чому внуки твої ще сповідують принцип олжі?
 Чому в серці твоєму – короста зневір і проклять,
 Адже трактом невольницьким більш кайдани не гримлять?
 Чуєш, Яре Холодний, прабатьку молитов святих,
 Чому внуки твої почуттями – не з лицарів тих,
 Хто пташину правдиву від пазурів злих захистив,
 Хто гріхи поторочі во віки віків не простив?
 Чуєш, Яре Холодний, гетьмане з свинцем замість віч,
 Чому внуки твої близоруки на кілька сторіч?
 Чом у їхньому зорі – лиш темін, лиш прірва, лиш – прах,
 Адже полиск шабел не потьмаривсь на сивих вітрах?
 Чуєш, Яре Холодний, зеленожупанний братан,
 Чому пісню українську твій внук проміняв на кафтан,
 Від якого і досі не може позбутись плече,
 Хоча в серці жарина прозріннями Гонти пече?..
 Чуєш, Яре Холодний, що долею – майже пророк,
 Чому віття калини торкає зневіри курок?
 Чому серце онука зреклось великодніх криниць,
 До чужої цямрини припавши у захваті ниць?
 Мо', джерела твої осквернили свою правоту,
 Мо', орли із захмар'я зневажили віру святу?
 Мо', душа невігойна, що свячена щемом Дніпра,
 Нарекла на знаменах: „За правду боротись не тра’...“?
 Ні! Орли із захмар'я скоріше б зrekliся крила,
 Ніж послали олжу до твого і могого чола...
 Ні! Джерела не можуть сахнутись і в снах чистоти:
 Їхня врода – це правда, яку, заки зваги, нести.
 Ні! Безсмертна душа на псявір має триста шаблук,



На шляхах небокрилих – Орел і Орленко, й Орлюк...
Чому ж, Яре Холодний, розірвана срібна струна?
Та невже ж тільки внуків безтямних всечасна вина?
Чому ж, Яре Холодний, знамена твої, як онучі,
Що розвісив чумак, не чекаючи вільглої тучі?..
Чому ж, Яре Холодний, мовчиш ти, немов сто гріхів,
Закопавши сльозу гайдамацьку край битих шляхів?
Скажи, Яре Холодний, прабатьку свячених ножів,
Чи сідатимуть птахи на явір, чий корінь – у ґрунті олжі?
Скажи, Яре Холодний, ми в долі – лише байстриюки,
У яких тільки й втіхи, що згадувать славні роки?
Чуєш, Яре Холодний, озвись на часинку хоча,
Доки в грудях нащадків ще тепла остання свіча...

НЕБО З КРИГИ

У козацькому музеї – самопали,
У козацькому музеї – гаківниці...
А де ж сонце пракозацьке? Закопали...
А де ж зорі? Осквернили серцем ниці...
У козацькому музеї – шаблі, стріли,
У козацькому музеї – сагайдаки...
Та на вулицях ви Байду чи ж зустріли,
Чи новітній вас розраяв Сагайдачний?
У козацькому музеї – кобзи, ліри,
У козацькому музеї – древні піки...
Тільки взяти їх до рук – бракує віри,
Закотилась булава поміж засіки...
У козацькому музеї – бронза, книги,
У козацькому музеї – дальні гості...
Та в очах екскурсовода – небо з криги,
Та в очах екскурсовода – мертві брості...
Чому так і доки так? – журбу питаю,
Чому так і доки так? – нема одвіту...
Б'ю на сполох, меч у слово повертаю,
Та не чутно із вуст воленьки привіту...
У козацькому музеї – чемна тиша,
Вікна – вимиті, паркет, як щит, натерто...
Забрела у мишоловку клята миша:
Кіт музейний зневажав її уперто...

ЗЕЛЕН ЯВІР ІЗ НАДВЕЧІР'Я

Зелен яворе, зелен яворе, зелен яворе молодий,
Чому ти, скажи, зелен яворе, третій вечір блідий?



Зелен яворе, зелен яворе, найшляхетніший меломан,
Куди стелиться тиха стежечка через поле оман?
Зелен яворе, зелен яворе, зелен яворе бунтівний,
Чому, яворе, зелен яворе, яко схимник, сумний?
Зелен яворе, зелен яворе, зелен яворе, гомони,
Чом безводна сестра-криниченька, що копав я з весни?
Зелен яворе, зелен яворе, зелен яворе, гордівник,
Кому вишила, зелен яворе, панна Дана рушник?
Мо', Іванові, мо', – Степанові, мо', – Оверкові, мо', – мені?
Чому коник мій – золоте сідло – у чужім стремені?..
Зелен яворе, зелен яворе, зелен яворе, озовись,
При твоїй душі, зелен яворе, не потьмарена вись...
При твоїй руці – молоді орли, при нозі – молода трава,
Хай твій світ, агов, зелен яворе, не згасас, трива!
Зелен яворе, мудрий яворе, правдочолий мій побратим,
Привітай яр-світ, перейди злий брід, наречися ім'ям святим!
Зелен яворе, пане яворе, друже яворе з туману,
Поверни мені, зелен яворе, згаслу в серці струну...
Та струна мені, зелен яворе, так болить, завваж, так болить,
Без її вогню, без її пісень вуст присмучених не втолить.
Чуєш, яворе, батьку яворе, ти – мій батечко, тільки – ти,
Освяти мій день, щоб не був як пень на галявині Правоти...
Зелен яворе, зелен яворе, чарівним ліхтарем світи,
Щоб не збився я, зелен яворе, із святої версти.
Молодій в лугах, не змарній в снігах, поверни зигзиченьці май,
Витри, гей, сльозу – і мою, й – чужу, в небо крила здіймай...
Ти – і птах мені, і кобзар – струні, і радар всіх трьохсот надій,
Поцілуй зорю, стань з вогнем на прю, добровиявом володій!
Зелен яворе, зелен яворе, ти – мій розвидень, оберіг,
Вірш оцей чудний, грішно-праведний я для тебе зберіг:
Не суди його, поведи його по розмай-стежках до людей,
Не служи йому, поможи йому – прихили до грудей:
Хай почує він щебетання птиць і громів басовиту суть...
...Чуєш, яворе, зелен яворе, заки світу, для світу – будь!



Анна Драй Луганск

ДОМ С МЕЗОНИНОМ (ИСТОРИЯ ЛУГАНСКОГО ДОМА)

В одном из тихих и уютных переулков Луганска, недалеко от городского сада им. 1 Мая, есть дом с колоннами и мезонином, который неизменно привлекает внимание случайных прохожих и местных обитателей. Это дом № 9 в Натальевском переулке, стоящий на небольшой городской усадьбе. Построенный в конце 19 века предводителем дворянства Славяносербского уезда Сергеем Михайловичем Ильенко для своей семьи, дом немало повидал на своём веку и чудом уцелел после разрушительных действий 20-30-х годов и Великой Отечественной войны прошлого столетия.

Но прежде чем рассказать о доме и его владельцах, давайте сначала совершим небольшое путешествие по переулку.

Натальевская улица была сформирована после 1882 года согласно новой планировочной структуре, была тихой и принадлежала к числу достаточно аристократических. Своим же историческим названием улица, по существующей и доньше легенде, обязана Наталье Вербовской (ур. Розалион-Сошальской) – супруге Владимира Ивановича Вербовского, городского головы с 1891 по 1902 гг., чья любовь к жене не знала границ. Зная это, многие граждане зачастую обращались со своими проблемами не в приёмную, а к самой Наталье Вербовской, принимавшей на дому. Их дом, к сожалению, не сохранился.

Было у Натальевской улицы и другое название – переулок Польский. В 1902 году по ходатайству проживавших в городе поляков городская власть выделила им участок земли, на котором были построен польский католический костёл и дом ксёндза, а при них – польская школа.

В 1920 г. Натальевская улица разделилась на два переулка, собственно Натальевский и переулок им. Н.К. Крупской, названный в честь супруги пролетарского вождя В.И. Ленина.

По книге регистрации национализированных домовладений согласно декрету от 24.08.1918 г., кроме дома Ильенко в Натальевском переулке, были национализированы дома с придомовыми строениями, принадлежавшие: Нотки-



ной Гите Зальмовне («дом шахтовладельца Ноткина» – как его называют) – дом каменный, крытый железом, кухня, ледник, навес, конюшня, каретник и флигель, оценен в 2500 руб., Холодильнику Ивану Ивановичу – дом, крытый железом, погреб, флигель, ледник и каретник, оценен в 1025 руб., Вербовской Наталье Фёдоровне – дом каменный, крытый железом, флигель, каретник, конюшня и ледник, оценён в 2500 руб., Филатовой Вере Сергеевне (Скорее всего, Филатовой Анне Сергеевне, урождённой Ильенко.– Прим. автора) – флигель, сарай, сенник и ледник, оценён в 300 руб., Миоковичу Степану Алексеевичу – два дома каменных, крытых черепицей, конюшня, амбар и сарай, оценён в 900 руб. Были также национализированы – Польский костёл и Монастырское подворье, расположенные в том же Натальевском переулке.

По своим размерам переулоч отличается скромностью. Сегодня в нём насчитывается лишь несколько учреждений и частных жилых домов разного достатка. Наиболее интересное строение расположено в начале переулоч под № 2. Это экспериментальный жилой дом, выстроенный в конце 1940-х годов. Но обычных жильцов в нём никогда не было. Сначала дом служил гостиницей для высоких гостей. Здесь, к примеру, останавливались во время приезда в город, Первый секретарь ЦК КПСС (с 1958 по 1964 гг.) Никита Сергеевич Хрущёв и Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко, который представлял наш регион в Верховном Совете. Некоторое время здесь располагался ЗАГС Каменнобродского исполкома депутатов трудящихся. Сейчас здесь клуб «Олимпик» и ресторан «НИККО», и, как убеждают нас последние хозяева дома, этот «уголок ангела» находится в овеянном легендами и мифами Натальевском переулоч.

В непосредственной близости от переулоч – река Лугань и бывший сад горного начальника Летуновского. С 1897 г. его арендовал Горно-коммерческий клуб, разделивший сад на две части: Горно-коммерческий и Городской. С 1922 г. и по сей день это городской сад им. 1-го Мая.

Но вернёмся всё-таки к рассказу о доме № 9 в Натальевском переулоч, к его стилю и архитектурным особенностям.

Архитектурный стиль дома № 9 в Натальевском переулоч – русский классицизм начала 19 века со своей простотой, чёткостью, пропорциональной уравновешенностью. Этот стиль сохранился в провинции до конца 19-го, начала 20-го веков. Одноэтажный дом состоит из центральной части с надстройкой – мезонином, боковых флигелей и хозяйственных пристроек к торцам здания. Мезонин, кстати сказать, был «помещичьим» атрибутом, характерным для загородных усадеб или домов с садами в тихой части города. Он даёт очень чёткое, конструктивно ясное решение фасада, выделяет его центральную часть и подчёркивает симметричность главного фасада. Из мезонина есть выход на балкон, имеющий металлическое ограждение. Балкон поддерживают четыре колонны круглого сечения и служат оформлением главного входа, придавая ему парадность. Боковые флигели здания оформлены трёхчетвертными колоннами, усиливающими эффект крыльев и создающими имитацию фронтона. Таким образом, одноэтажный дом с портиком и мезонином при всей непритязательности своего облика пленяет соразмерностью всех частей и пропорциональностью отдельных деталей. Окна центральной части дома полуциркульные, сводчатые. Прямоугольные окна, расположенные между колоннами боковых флигелей, обрамлены фигурными наличниками с замковыми камнями. Четыре других окна



попарно утеплены внутрь стены. Край каждого из боковых флигелей усилен трёхчетвертными гладкими колоннами, призванными объединить центральную часть с крыльями фронтонов в одно целое.

Все окна главного фасада, выходящие на юго-запад, освещаются послеобеденными лучами заходящего солнца, пробивающегося сквозь ажур листьев, посаженных перед домом берёз.

Дом построен из керамического кирпича с толщиной несущих стен 700 мм. Фундамент выполнен из бутового камня. Высота помещений – 3,4 м. Перекрытия деревянные. Первоначально дом был покрыт листовым железом, что говорило о зажиточности владельцев. Ещё лет 20 назад здесь были паркетные полы из дуба, на стенах комнат – лепные украшения в виде розеток, а интерьер дополняли печи-камины.

Этот дом был не только жилищем, но и визитной карточкой хозяев, говорящей об их финансовых возможностях и общественном положении. Участок, на котором расположен дом, невелик, но спланирован согласно наиболее распространённому типу городских усадеб и согласно «Книге регистрации национализированных домов» на нём находились: «дом, крытый железом, флигель, кухня, конюшня, каретник и навес». Наверняка был садик. Дом был записан на имя жены предводителя дворянства, Веру Ильиничну Ильенко, и оценен в 2500 руб.

Внутренняя планировка дома была традиционной, а расположение несущих стен и перегородок говорит о том, какой была планировка внутри дома. Из центральной передней открывался вход в левую и правую половины дома. Длинные коридоры служили костяком, на котором держался весь дом. Из коридоров можно было попасть в любую комнату дома. В передней слева – лестница в мезонин. Дом небольшой, но безусловно, состоял из комнат, обусловленных потребностями хозяев, а также традициями сословия: передней, кабинета, зала, гостиной, столовой, буфетной, спален, будуара, детских, комнат для прислуги и гостей. Во дворе были флигель и кухня.

Как же сложилась судьба дома?

Предреволюционные годы... Дворянство повсюду сдавало свои позиции. Не стал исключением и Луганск. К тому же дети выросли и разлетелись, а дом стал велик для двоих. И в 1916 году часть дома стали сдавать внаём канцелярии Славяносербского общества сельского хозяйства, а в 1918 г. – частнопрактикующим врачам.

В 1918 году с прибытием в Луганск с Калединского фронта для ремонта хорошо вооружённого бронепоезда «Черепеха», расхрабрились луганские анархисты. Они заняли дом С.М. Ильенко по Натальевской улице, где были большие запасы еды. По вечерам дом наполнялся посетителями (среди которых в основном были анархисты с бронепоезда), проститутками, пьяными песнями и криками. Ревкомом было принято решение о ликвидации штаб-квартиры луганских анархистов.

В том же году дом был национализирован советской властью и в нём, как и в других исторические особняках, в разное время располагались самые различные заведения и учреждения.

В 1920-е гг. в доме размещалась 2-я Советская больница, потом тубдиспансер. Некоторое время располагался международный молодёжный клуб. В 1971-1990 гг. – детский сад-ясли № 104.



Сейчас дом является городской коммунальной собственностью, и в нём расположены: редакция газеты «Жизнь Луганска» (поселившаяся здесь с 1992 года), коммунальное предприятие «Городские вести» и коммунальное предприятие «Лугансктранссервис», занимающееся диспетчеризацией автомобильных пассажирских перевозок.

Домостроение часто приспособляли в зависимости от назначения, что-то перестраивалось и менялось. Комнаты стали кабинетами, и, хотя первичная объёмно-планировочная структура всё-таки сохранилась, в сегодняшнем обиталище служебных кабинетов уже ничего не напоминает обстановку дворянского особняка. Но судьба дома сложилась именно так, что самые интересные и малоизученные главы всё-таки связаны с домовладельцами – Ильенко Сергеем Михайловичем, его женой Верой Ильиничной, урождённой Булацель, и их потомками.

Сергей Михайлович Ильенко родился в 1847 году в семье дворянина, коллежского советника Михаила Ивановича Ильенко.

Его матерью была дворянка – Августина Афанасьевна, урожденная Зеленская.

В 1865 году Сергей поступил на юридический факультет Харьковского университета, который и окончил в 1870 году. С того же, 1870 года служил в Одесском окружном суде судебным следователем.

Был женат на Вере Ильиничне из потомственного дворянского рода Булацель, которая родилась 19 августа 1850 года. Она была 7-м ребёнком в семье и рано лишилась родителей.

В конце 1870-х годов семья Ильенко приобретает на имя Веры Ильиничны имение на берегу Северского Донца в селе Макаров Яр – земли 3471 десятина и 1936 сажень. В этом же селе приобретает землю и Сергей Михайлович. В общей сложности он владел в селах Макаров Яр и Ново-Божедаровке, а также деревне Петровеньки (Славяносербский уезд) 2800 десятинами земли. Имени в деревне – было в дворянских традициях тех лет, а Сергей Михайлович получил, таким образом, возможность исполнить мечту об устройстве собственного коннозаводства. Надо сказать, что в жизни помещиков тоже было не все гладко. Так например, 2 сентября 1877 года имение жены губернского секретаря Веры Ильиничны Ильенко, Екатеринославской губернии Славяносербского уезда при деревне Макаров Яр, земли 3471 десятина 1936 сажень выставлялось на «публичную продажу за невзнос платежей». Сумма недоимок, состоящая из поземельного налога, губернского сбора, пени и т.п., составила 731 рубль 42 коп.

Торги на небольшой срок были отложены, но вновь назначены на 31 декабря 1877 года с недоимками на сумму 598 руб. 91 коп. Да, российское казначейство с должниками не шутило.

К этому времени в семье Ильенко уже четверо детей: сыновья погодки: Константин (1872 г.) и Михаил (1873 г.), дочь Ирина (1875 г.) и младший сын Николай (1876 г.).

9 апреля 1883 года родилась дочь Анна, а через 11 лет, в 1894 году, дочь Мария.

В конце 1880-х гг. Ильенко С.М. строит дом на Натальевской улице в Луганске вблизи реки Лугани и Городского сада.

Зимние месяцы семья проводит в городе, а летом – в имении, которым в от-



существование Сергея Михайловича занимается его сестра – Клеопатра Михайловна Ильенко. Есть слуги, приказчик, горничная...

А в 1890 году Дворянское собрание Славяносербского уезда избрало его своим предводителем, что налагало на С.М. Ильенко большой круг обязанностей и ответственность. Более 10 лет понадобилось Сергею Михайловичу, чтобы завоевать доверие уездного дворянства и быть избранным его предводителем.

В 1891 году вместе с городским головой Вербовским В.И. и Славяносербским уездным исправником Н. Тимофеевым хлопотал о гербе города Луганска, утверждённым Николаем II только в 1903 году.

По уставу, предводитель уездного дворянства, в частности Ильенко С.М., председательствовал в уездном земском собрании, был членом Луганской городской думы, председателем Уездного Съезда (1912), председателем Уездного по воинской повинности Присутствия (1912), председателем Славяносербской Дворянской Опекы (1912), председателем уездного суда, председателем Общества взаимного кредита уездного земства, председателем Луганского комитета Красного Креста, членом ревизионной комиссии, членом уездного Романовского комитета. С 1899 года он – почётный попечитель Екатерининско-Александринской мужской гимназии, а эта почётная должность соединялась только с должностью уездного предводителя или депутата от дворянства. Был кандидатом на пост генерал-губернатора Екатеринославской губернии. А 6 января 1907 года в одной из местных газет было напечатано: «По слухам, циркулирующим в городе, Славяносербский предводитель дворянства С.М. Ильенко получил предложение занять пост Омского губернатора».

Октябрьская революция уничтожила дворянское землевладение, что фактически ликвидировало дворянство как привилегированное сословие. И вышедший из недр дворянского сословия Ильенко С.М. не принял революцию, которая разрушила «до основания» весь уклад прежней жизни, сделала абсолютно неприемлемым и противоестественным всё, к чему он праведно стремился и служил с самоотдачей и неподдельной энергией. Уничтожила дворянство как класс, отобрал дом и землю. И на «затем» у него уже не было сил.

После революции в Макаровом Яру побывали представители новой власти. И хотя крестьяне с уважением отзывались о прежнем хозяине поместья, Сергей Михайлович чувствовал, что его не оставят в покое, и он был вынужден уехать из Луганска. Умер он в Ростове-на-Дону в 1918 году в возрасте около семидесяти лет, похоронен на городском кладбище.

А в Луганске за более чем 100 прошедших лет произошло много перемен. Появились новые виды транспорта и связи, изменился состав населения. Рано или поздно старое всегда уходит, сменяясь новым. Но что-то все-таки остается.

Дом с мезонином в Натальевском переулке остался, чудом уцелел во время двух войн, существует и поныне, и есть надежда на его достойное возрождение.

Решением исполнительного комитета Луганского областного совета депутатов № 54 от 20.02.1992 года дом стал памятником архитектуры и градостроительства, взят на государственный учёт.

ПЕГАС-ЮБИЛЯР



К нам приходят порой юбилеи,
Знаменуя наш жизненный путь,
Подчеркнуть, что мы стали мудрее,
Чтобы пройденный путь подчеркнуть...

Владимир Василенко

Антон Ворожейкин Луганск

Ворожейкин Антон Сергеевич родился в Красноярске 18 мая 1971 года. Проживал в Подмоскowie, где и окончил школу. С 1989 года живет в Луганске (Украина).

Окончил исторический факультет Луганского государственного педагогического института (1993) с отличием. Музыкальное образование – 2 года баяна (остальному учили старшие мальчики). Женат, двое детей: мальчик и еще мальчик. Прошёл большой трудовой путь от почтальона, слесаря, дворника, страхового инспектора, коммерсанта, помощника мэра города, редактора частного издательства до директора маленького, но гордого производственного предприятия. Занимался политикой, но вовремя бросил. В общем, самым последовательным занятием оказалось распевание песен, которые пишет с 1987 года, в основном на свои стихи.

Лауреат Всеукраинского республиканского фестиваля АП (г.Сумы, 1996), «Курского соловья» (г. Курск, 1999) и др. Член жюри и почётный гость фестивалей в гг. Днепрпетровск, Харьков, Ялта, Черкассы, Луганск, Полтава и др. Был участником ансамблей: «Артель Левша», трио «Клубни», квартета «Л».

В 1998 году вышла аудиокассета «Шансон», в 2001 – книга стихов “Запятая”. Член МСПУ. Лауреат литературной премии имени Татьяны Снежиной.

Давай поставим запятую,
Ведь точка так категорична,
Пока в руке пылает спичка
И пальцы не обожжены,
И пальцы не обожжены.



А восклицательные знаки
Давно растрочены впустую.
Давай поставим запятую.
Пока ещё надежда есть,
Пока ещё надежда есть.

На горизонте обернуться,
Дыхание твоё услышав.
Теперь оно всё дальше, тише
За вязкой зябью многоточий.
За вязкой зябью многоточий...

Пока ещё надежда есть...
И пальцы не обожжены...

УХОДЯТ ГНОМЫ В ПОИСКАХ БОГАТСТВА

Уходят гномы в поисках богатства,
Романтикою эльфы искусились,
А человек уходит, чтоб остаться
Невыветренным дымом из квартиры.
На каждой вещи след его руки,
Его глазами смотрят стены,
И чудятся знакомые шаги,
И фото под стеклом почти бесценно.

Пусть жадным гномам золото – магнит,
И к морю снова эльфы потянулись,
Тоской предчувствий сердце защемит,
Коль вы от одиночества проснулись.
Не слышали ни щёлканья замка
И ни шагов на лестнице в подъезде...
Рассвет, похожий больше на закат,
Не тронул городской моторной песней.

Вам дела нет до эльфов и до гномов,
Вам всё равно, что их в сей путь толкает,
Но почему спешит уйти из дома
Единственный тот человек, не знаем.
И так уж важно в этом разобраться,
Что позвало его – труба иль лира,
Ведь человек уходит, чтоб остаться
Невыветренным дымом из квартиры.



ФУРАЖКА

Я с детства мечтал о фуражке,
Чтоб лаком блестел козырёк,
Чтоб стать капитаном отважным
И дальний увидеть Восток.
А там за Камчаткой угрюмой
Бескрайний открыть океан,
Отведать уху из акулы
И трубкой дымить, как вулкан.

Я в школе учился прилежно
И знал все предметы на «пять».
Мне быть моряком неизбежно
И китель морской одевать.
Под чаек встревоженных крики
Я глобус быстрее вращал
И был Лаперузом великим,
И ветру лицо подставлял.

Но ветры всё реже с востока,
Камчатка всё дальше во мгле,
О, как сухопутны дороги,
Которые выпали мне!
Студентом кутил бесшабашно,
От первой любви занемог,
А снилась ночами фуражка
И лаком блестел козырёк.

Троллейбусом ездил с работы
До гавани тихой своей,
Заботы, заботы, заботы...
Два сына: Иван и Андрей.
Жена меня очень любила, –
По праздникам, чтоб угодить, –
Уху из акулы варила
И китель сумела пошить.

Дымил капитанскою трубкой,
На солнышке грелся весной,
И глобус вращал вместе с внуком
Усталой своею рукой.
...В надгробье в объятьях бурьяна,
Обычной судьбе поперёк



Фуражка лежит капитана
И лаком блестит козырёк.

А планета опять совершит оборот
Вокруг солнца, размеренно, четко.
Как прокурена куртка твоя Дон-Кихот,
Неуклюжа походка.
А сутулое счастье – включить монитор –
Виртуальные связи,
И на кухне у Санчо вести разговор
О балете и джазе.
А потом (это сладкое слово «потом»)
Что вроде прозренья.
И становится вдруг нереальным твой дом,
И прозрачны ступени,
По которым ты двигался, кажется, вверх?
И спускался, спускался, спускался...
А планета кружилась без всяких помех,
И сезон за сезоном сменялся.
Но теперь, в межсезонье, почти в пустоте,
Все твои начинанья нелепы.
И, возможно, тебя пронесут на щите
Мимо мельниц, изрубленных в щепы.

Вся жизнь на кончике иглы,
След от дыханья на стекле...
Скажите, как же вы смогли
Доверить свою тайну мне?
Далекий сумрачный полет,
Два перышка, летящих врозь,
И тонкий лед, и тонкий лед,
Что расколоть не удалось.

Воскресный день над октябрем,
Синь неба в золоте листвы...
И странный выходной вдвоем –
Вкус кофе, водки и халвы.
Задернем шторы – полумрак,
Прикосновение – ожог.
На пол летит ваш белый флаг.
Переплетенье рук и ног.



Переплетение... ветвей.
 Там, за окном – осенний год.
 Смеется желтая метель,
 И тонкий лед, и тонкий лед.
 И не сгореть, увы, дотла
 В ненастном яростном огне.
 Сломалась тонкая игла,
 И след растаял на стекле.

ЭТЮД

Горит степной пожар-закат,
 И чайка кружит над заливом.
 Ведем беседу невпопад,
 Готовим чай неторопливо.
 И благородная печаль
 Над нашим миром проплывает,
 И жизнь проходит невзначай,
 И рафинад на блюде тает.

Татьяна Дейнегина Луганск

Дейнегина Татьяна Александровна родилась в селе Атаманово Красноярского края. В 1973 году окончила факультет автоматики и телемеханики Коммунарского горно-металлургического института. Более 30 лет работала на Луганском областном телевидении. Автор сотен телевизионных программ, нескольких поэтических сборников и повести «Последний день одиночества». В 2011 году в Киеве вышла в свет монография «Мастерство телеведущего», рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов. На стихи Т. Дейнегиной написаны десятки песен, в том числе такими известными композиторами, как Никита Богословский, Оскар Фельцман.

Доцент кафедры культурологии и телекиноискусства Национального педагогического университета имени Тараса Шевченко.

Заслуженный журналист Украины. Победитель и лауреат многочисленных всеукраинских и международных конкурсов и фестивалей. Член Национального союза писателей Украины. Лауреат литературных премий имени Владимира Сосюры и Никиты Чернявского.

Еще чуть-чуть – и ты меня покинешь,
 Мне не под силу август отменять.
 Ну что ты смотришь грустным Арлекино,
 Июль полночный, на исходе дня?

Еще не время быть буранам снежным,
 Еще не время погибать от пуль.



Я только поняла, что значит нежность,
А ты уже невозвратим, Июль.

Еще не время осыпаться листьям,
Еще не время птицам улетать...
А ты, июль, уже мне пишешь письма,
Как звездный свет, их шлешь через лета.

Еще не время быть осенним ливням,
Еще с кислинкой яблонь щедрый дар...
Я только научилась быть счастливой,
А ты, Июль, листаешь календарь.

ДРУЗЬЯМ

Не будьте ко мне снисходительны.
Снисходительность – унижительна.
Что простили бы вы другим,
Не прощается дорогим.

И покуда я буду бита
Вами за легковесность слов,
Не посмеет меня обидеть
Самый яростный из врагов.

И покуда как милосердие
Надо мной – вашей правды меч,
Тяжесть совести и усердия
Не посмею я сбросить с плеч.

Обидят или не поймут –
Что, в сущности, одно и то же –
Не стану я в глухой талмуд
Все это вписывать, итожа.
Хоть шаг непрост, переступлю,
Переморгаю, переплачу,
Но все равно не разлюблю
Всех тех.
Кто что-то в жизни значит,
Тех, от которых мне нельзя
Отречься или откреститься,
Тех, кто по жизни не скользят,
Вслух – по скрипучим половицам,
Кто – в стенку лбом,



Кто – вверх и вширь...
(Какие старые мотивы!)
Кого нельзя вписать в ранжир,
Унизить до альтернативы.
Любую боль от них стерплю,
Как ни науськивали б тени –
Не зачеркну, не разлюблю
Морозцем схваченных растений.
Не припасу ответа впрок:
– Мол, дайте срок, счета предъявим...
Не превратится мир в мирок:
«Попутал ненароком дьявол...»
Но хватит сил не промолчать,
Когда в меня вонзает стрелы
Тот, кто квадратную печать
На Блока б ставил, на Растрелли,
Тот, кто вовеки не простит,
Что я хоть что-то, да умею.
Как в горле ком, как соль в горсти,
Ему – я что-то в жизни смею.
Руководящий сибарит
Простор бы ограничил рамой,
Лишь я б не смела говорить
И плакать об Эфесском храме.
Сказал бы он: «Знай свой шесток».
И за улыбочкой беззлобной –
Все те, в ком жив гражданский ток,
Как боль зубная, неудобны,
Те, кто по жизни не скользя,
Вслух – по скрипучим половицам,
Те, от которых мне нельзя
Отречься или откреститься.

Спаси от серости, Судьба,
От половинчатости мыслей,
Не позволяй улыбкой кислой
Знаменовать открытость лба.

И там, где сладко крикунам,
Усталый голос мой не к месту:
За пустословие в отместку
Бог немоту дарует нам.



Так дай же силы промолчать
Там, где нелепо, в полный голос,
Там, где слова безлико голы,
Какую ни поставь печать...

Но там, где право тишине
Дать не имею, не умею,
Пусть даже горло онемее –
Дай быть услышанною мне.

Хорошо, что плохая погода!
Хорошо, что, промокнув насквозь,
Нынче незачем солнцу в угоду
Мне стыдиться нечаянных слез.

Хорошо, что пронизаны ветром
И что связаны прочно, навек,
Как единое, листья на ветке,
Птицы на небе и человек.

Хорошо, что в скорлупки строений
Прячась, словно сбежав от утрат,
Мы зависимы от настроений
И созвездий, и листьев, и трав!

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день не зачеркнуть,
Не повторить и не исправить:
Я подвела под ним черту,
Он – исключение из правил.
Я нелюбимой в нем была,
Но чтоб в глазах не встретить жалость,
Еще летела и плыла,
И улыбаться продолжала.
И, как заученный мотив.
Еще хранили руки нежность,
Пока покорно и прилежно
Свершался шаг до немоты.
Вчерашний день – иллюзий нимб,
Он целовал мои ладони.
Но в отчужденности бездонной
Я навсегда прощалась с ним.
Вчерашний день в немой оправе
Невысказанных мною фраз



Был исключением из правил –
И в первый, и в последний раз.

НА БАЛУ

Мазурка достигала сводов зала
И, осыпая звуками паркет,
В распахнутые окна ускользала
И замолкала где-то вдалеке.
Кокетливо играли веера –
В минуты ожидания кадрили
Две барышни негромко говорили
О кавалерах.
– Право выбирать
Дано мужчинам... Но нельзя ли разве, –
Твердят, полусмущенно, их уста, –
О Белостоцком, Петербургском князе,
На бал прибывшем нынче, помечтать?!
Ах, он опять беседой светской занят,
Предупредителен, изысканно учтив...
Ну, разве можно здесь у нас, в Казани,
Хоть одного подобного найти?!
Не те манеры. Вон стоит, к примеру,
(Был мне представлен нынче) Лев Толстой –
Его находят скучным кавалером,
Он неуклюж...
– Ах, душечка, постой,
К тому же, он застенчив и рассеян,
Где остроумие и где веселый нрав?
Как будто спит среди общего веселья,
Танцует неохотно этот граф.
– А тот, взгляни-ка...
Но вступали скрипки,
И волнами вскипали кружева.
И, как признанья, робкие улыбки,
Что барышням хотелось танцевать,
Что до утра они кружить готовы,
Пока луч солнца небо не прорвет,
Не зная, что Наташею Ростовой
Одну из них писатель назовет.

Нина Дернович Краснодон

Дернович Нина Андреевна родилась в Каменске-Шахтинском Ростовской области, окончила Ростовский-на-Дону педагогический институт. Вся трудо-



вая жизнь прошла в Краснодаре. Педагог. Заслуженный работник образования Украины.

Пишет стихи, прозу, песни. Лауреат Всеукраинского конкурса «Элита – 2006», организатор и лауреат Всеукраинского фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», участник Шолоховских чтений.

Произведения Н. Дернович издаются в периодической печати и различных коллективных сборниках. Автор 10 книг поэзии и прозы: «Крылья» (2003, стихи), «Душа обнажена» (2004, стихи), «Косогор» (2005, стихи и рассказы), «Левый берег» (2006, повесть), «Северское лугоречье 1» (2006, стихи для детей), «Северское лугоречье 2» (2006, стихи для взрослых), «Современный городской шансон» (2006, тексты песен), «Радуюсь каждому дню» (2007, стихи на каждый день года), «Женщины нелёгкая судьба» (2010, повести, рассказы и стихи), «Шляхом памяти» (2011, очерки, повести и рассказы).

Член Межрегионального союза писателей Украины.

СЛЕД

Я в мыслях, видимо, увязла.
Под дых... Без сна и выходных.
Мне листья тополей и вязов,
Как треугольники с войны.
Что в них за зыбкой круговертью
Сует – провалов и побед?
Между рождением и смертью
Уже готов сакральный след?
Суметь бы перейти бесстрастно
Пороги жизненной реки,
Жить, не боясь, светло, как в праздник,
Предубеждениям вопреки.
Но дрожь, как на свиданье первом,
Где трын-трава едва жива...
Буравит смута ветви нервов.
В экстазе кружится листва
Над словесами книги жизни
На линии меж «да» и «нет»,
Между крещением и тризной
Оставив росчерк, подпись, след...
След от окопа или плуга,
От танка или сапога,
Тобой спасённой жизни друга,
Глядевшего в глаза врагам...
Ещё строфы для «Песни песней»,
Рассказа... Пусть всего один.
Зато какой! – Добротный, честный,
Не признающий середин...



Ударит молнией надежда,
Ведь за ненастьем благодать
Благодарения. Но прежде
Тревогу надобно унять,
И вскрыть нарыв письма, чтоб радость
Укрыла радугой от бед.
Для этого всего-то надо –
В конце дороги видеть свет
И след – простой или занятный,
Как жизнь (не будет он иным),
Автограф – с пожеланьем, датой...
На память добрую живым.

МОЙ ОТЕЦ НЕ ГЕРОЙ

Мой отец не герой. Только слава его не померкнет.
Рядовой, пехотинец, истоптавший подошвы вконец.
Но солдатам героев давали всё чаще посмертно.
– Что не стал ты героем, большое спасибо, отец.

Мой отец не герой – он живой. Он солдат, а не маршал.
Он на дот и под танк, от него в страхе пятился враг.
Он бегом и ползком по Европе прошёл, а не маршем
Под бравурную музыку, лихо печатая шаг.

Мой отец не герой. Нет звезды, да ему и не надо.
Мчались пули в него и снаряды, но всё невпопад.
Смерть косила, другою рукой раздавая награды –
Звёзд не счесть над землёй, над сердцами погибших солдат.

Мой отец не герой. Он вернулся. Не сам, а с победой!
Он в тяжёлые годы, страдая, от голода спас
Всех, живущих сегодня. Цеплялись репейником беды,
Но поднял из руин Сталинград он, Одессу, Донбасс.

Мой отец не герой. В день Победы вскрываются раны,
Истекают слезою, накопленной в сороковых.
Поливает он потом своим звёзд могильных тюльпаны.
Поминает друзей, рядовых. Пьёт за здоровье живых.

Мой отец не герой. Не сигары курил, а махорку.
Он пять лет проносил пехотинца терновый венец,
Истлевала от пота и крови на нём гимнастёрка.
– Что живым ты вернулся, большое спасибо, отец.



НЕ ПРЕКРАЩАЕТ СЕРДЦЕ РЕВНОВАТЬ

А сердце обрывалось в пустоту
И поднималось вверх по вен канатам,
Чтоб, отдышавшись, вновь лететь куда-то,
Вместив в себя незримую мечту.

И, легши птахе тенью между крыл,
Вглядеться в день, на ковылях распятый,
И, что вовек незыблемо и свято,
Любить всей кровью из последних сил,

Любовью истязать себя опять, –
Ведь что бы ни сулила вероятность,
А чувств горенья сила непонятна, –
Не прекращает сердце ревновать,

Страдать. Ему вовек не постареть –
Лампадою нетленною гореть.

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

За кружевами лет история семьи,
История борьбы бесстрашного народа.
Чтоб в ИнобытиИ узнать, мы дети чьи,
Заглядываю вспять, и чувства колобродят.

Почти по горло Дон, как Стикс, перехожу
По ватману страниц, по краешку событий.
Увидела межу и памяти баржу
Тяну, в душе бужу мотив полузабытый.

Смерть от сиротских слёз от пяток и до кос
Вся мокрая с косой прошла пшеничным полем,
За прОсто так, вразброс, тех, кто сильнее пророс,
Скосила лучших, вволю натерев мозоли.

Окутал страха плед. Стегал, хлестал, как плеть
Или стилет по крыльям вольной светлой птицы
Двадцатый век. Болеть, сердцам детей жалеть,
Но не забыть потомкам предков, не забыться.

Повис беды туман, но тишина – обман.
Не онеметь сердцам, они крыла расправят.
Блестит клинок булан, и новый атаман
Ещё не раз своё Отечество прославит.



Шагает без помех к нам двадцать первый век,
Такой нарядный, словно с глянцевой обложки.
Но новый человек, пусть без булав, насекомых,
Вновь на коне летит степною стёжкой.

Ким Иванцов Луганск

Иванцов Ким Михайлович родился 21 апреля 1926 года на руднике Сорokino Луганского округа УССР (теперь город Краснодон Луганской области). В 1941-м году стал бойцом Краснодонского истребительного батальона, потом - разведчиком Краснодонского партизанского отряда, затем - разведчиком 8-го отделения политотдела 18-й армии. В неполные 16 лет за ряд успешно проведенных в немецко-фашистском тылу операций был представлен к медали «За отвагу». Летом 1942-го Ким Иванцов прошел с боями весь путь отступления Красной Армии от Краснодона до Махачкалы. Будучи разведчиком 388-й отдельной разведроты 328-й стрелковой дивизии, участвовал в битве за Кавказ. Был ранен, дважды контужен. После лечения в госпитале комиссован на шесть месяцев (в возрасте 16,5 лет стал инвалидом Великой Отечественной войны), приехал в только что освобожденный Краснодон и по настоянию райкома комсомола стал работать военруком Первомайской СШ № 6. Вскоре снова ушел на фронт. Войну закончил в Советском Заполярье.

После девятилетней срочной солдатской службы уволился в запас. В том же 1950-м году приехал в Ворошиловград, поступил на паровозостроительный (теперь тепловозостроительный) завод, где и проработал 36 лет. Был слесарем, электриком, мастером, старшим мастером, начальником участка, заместителем начальника и начальником цеха.

Печатался в литературно-художественных журналах «Дніпро», «Дон», «Донбасс», «Молодая гвардия», «Радуга», «Юность», «Отражение», альманахах «Подвиг», «Свой вариант», коллективных сборниках, выходивших в Донецке, Киеве, Махачкале, Минске, Москве на русском, украинском и белорусском языках. Отдельными изданиями вышли книги средней эпической формы и литературно-исторического жанра, среди которых: «Про друзів-товариців» (1970); «В сердце искру сохрани» (1975); «Место в жизни» (1978); «Производственное объединение «Ворошиловградтепловоз»» 2-е издание (1982); «Старшая сестра», (1989); « «Молодая гвардия»: правда, вымысел, клевета», (1995, 1996, 1997); «Дневник Андрея Башмакова», книга первая (1999); «Дневник Андрея Башмакова», книга вторая, (2000), «Гордость и боль моя – «Молодая гвардия»» (2005, 2007).

Ким Иванцов - член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины, Международного сообщества писательских союзов. Лауреат многих литературных премий.

В день юбилея Ким Михайлович получил телеграмму из Москвы, в которой говорится: «Международное сообщество писательских союзов сердечно поздравляет Вас, талантливого писателя, участника Великой Отечественной войны, летописца «Молодой Гвардии», с 85-летием со дня рождения! Низкий Вам поклон за громадную работу в деле патриотического воспитания молодежи. Желаем Вам доброго здоровья, долголетия, благополучия, неиссякаемой творческой энергии.



С уважением,
*Иван Переверзин, Владимир Гусев, Андрей Дементьев, Николай Добронра-
вов, Евгений Евтушенко, Лариса Васильева, Исхак Маибаши, Людмила Салтыко-
ва, Владимир Спектор».*

*В связи с юбилеем Ким Иванцов награждён Почётной грамотой МСПС за
вклад в развитие литературы в СНГ, Почётной грамотой МСПУ и Благодар-
ственным письмом МСПУ и КЛУ.*

Анна Кравченко Луганск

ЕСЛИ БОЛЬНО, ЗНАЧИТ ЖИВОЙ

Интервью с К. М. Иванцовым

С тех пор как затихли последние залпы боевых орудий Великой Отечествен-
ной, прошло более шести десятков лет, но память о великом подвиге фронтового
братства по-прежнему живет в сердцах каждого из них и нас, их потомков. То,
что совершили наши деды в те далекие годы, невозможно ни забыть, ни переоце-
нить. В числе тех, кто вынес на своих плечах все тяготы военного лихолетья, был
и 15-летний рядовой Краснодонского истребительного батальона Краснодонского
партизанского отряда, разведчик 8-го отделения политотдела 18-й армии, развед-
чик 388-й отдельной разведроты 328-й стрелковой дивизии, командир танка Т-34
89-го отдельного танкового батальона. В составе Красной Армии он прошел от
Краснодона до Махачкалы, участвовал в обороне Туапсе и в боях в Советском За-
полярье.

Накануне 66-го Дня Победы мы встретились с инвалидом Великой Отече-
ственной войны II группы, членом Международного сообщества писательских
союзов, лауреатом литературных премий им. Владимира Даля, имени Бориса
Гринченко и имени «Молодой гвардии» Кимом Михайловичем Иванцовым и по-
просили его рассказать о своей военной юности.

— **Ким Михайлович, расскажите о своем детстве и юношестве. Где оно
прошло, с какими людьми довелось общаться?**

— Я родился на улице Деревянной рудника Сорокино (теперь — город Крас-
нодон) и жил там до самой войны. Учился в СШ № 4 им.К.Е. Ворошилова. Моими
одноклассниками были будущие молодогвардейцы — Сергей Тюленин, Любовь
Шевцова, Анатолий Ковалев, Али Дадашев. Дружил и с Виктором Третьякевичем.
Мы вместе работали в ученическом комитете — он был председателем, я же от-
вечал за военно-физкультурную работу. А в пионерском лагере он был вожатым
отряда, в котором я возглавлял совет. В годы войны в подпольной комсомольской
организации «Молодая гвардия» с немецко-фашистскими захватчиками боролись
и мои сестры — Нина и Ольга Иванцовы.

— **Как в таком юном возрасте вы попали на фронт?**

— Когда началась война, мне было 15 лет, но я испытывал вполне естествен-
ное желание уйти на фронт. Это неудивительно, ведь в нас воспитывались такие
чувства, как преданность Родине, желание ее защитить. Мальчишки моего по-
коления стремились попасть в армию, чтобы подготовиться к возможной войне.
Окрыленные идеями патриотизма, мы посещали различные кружки, в том числе



оборонные, развивали физическое здоровье – много ходили пешком, занимались на спортивных снарядах. Эта закалка впоследствии очень пригодилась.

Еще до начала войны я начал вести дневник. Прочитую одну запись оттуда: «Сегодня в 12.15 по радио выступил с речью заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов. От имени советского правительства он сделал заявление о том, что сегодня в 4 часа утра Германия напала на нашу страну. Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков началась. После окончания его выступления я шептал: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами».

– **И куда вас направили?**

– В войне я принимал участие с 41-го года. Сначала вступил в Краснодарский истребительный батальон. А потом мы с Сергеем Тюлениным узнали об организации, которая принимает в партизаны – 8-е отделение политотдела 18-й армии, и решили записаться туда. Но приняли только меня. 1 ноября 1941 года я принял клятву партизана.

Поскольку посчитали, что самому Краснодару оккупация не угрожает, наш Краснодарский партизанский отряд бросили в Орджоникидзевский район Сталинской области (сейчас – Енакиевский район Донецкой области). Там я служил разведчиком. За ряд успешно проведенных боевых операций в 15 лет удостоился медали «За отвагу». А тогда награждали очень редко и скупо. Тем более таких мальчишек, как я.

Потом за успешное раскрытие провала разведчиков 8-го отделения был представлен к ордену Красной Звезды. Мне удалось раскрыть эту загадку: как-то, проходя по базару, я услышал разговор трех полицейских. На повышенных тонах они радостно сообщали, что сегодня опять задержали нескольких агентов Красной Армии. Сделать это было просто – всем им выдавали удостоверения бывших зеков, которые освобождены из заключения и следуют к месту проживания. Так их и ловили.

– **А откуда у вас имя такое – Ким?**

– Ким – это аббревиатура от слов: Коммунистический интернационал молодежи. А вот при вступлении в партизанский отряд мне выдали документы на новое имя – Клим, ведь немцы могли понять, что подобные имена детям давали только активные коммунисты, и я бы выдал себя. А впоследствии решил это имя сделать литературным псевдонимом. Теперь в книгах я значусь и как Ким, и Клим (улыбается).

– **Какие настроения господствовали в то время среди советского народа?**

– Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин, выступая в 1941 году с новогодней речью, сказал, что следующий год будет годом победы. А весной вышел приказ Иосифа Сталина о расформировании практически всех партизанских отрядов Донбасса. В их число попали и мы. В то время, когда немцы полностью захватили Донецкую и часть Ворошиловградской области, все силы были брошены на восстановление промышленности и сельского хозяйства. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение возобновить добычу угля на шахтах нашей области. С эвакуации в глубь страны возвращали шахтное оборудование, оснащение заводов и фабрик, колхозное и совхозное имущество, а также эвакуированное население. 1-го мая Сталин в приказе №130 поставил перед Крас-



ной Армией явно невыполнимую задачу – «всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». Однако, каким оказался для нас 42-й год люди, интересующиеся историей, знают.

– **А что же происходило дальше?**

– Когда началось наступление немцев, начальник нашего 8-го отделения приказал мне эвакуироваться. И я ушел вместе с Краснодарским истребительным батальоном за полсуток до оккупации города (с 21 на 22 июня 1942 года). Мы пошли на Новочеркасск. Под городом разгромили один немецкий десант, а потом – они нас. Бой был жарким. Такого и в страшном сне не увидишь. Эвакуированные беженцы и стада скота смешались с армией. А немцы били и с воздуха, и с земли. Так нас подогнали к самому Дону. Многие прыгали с высокого (правого) берега реки в воду. Я тоже прыгнул и перебрался на другую сторону. Там встретил Володю Пикова из нашего истребительного батальона. Мы долго не могли поверить, что оба остались живы.

Отступление продолжалось почти до самой Махачкалы. За нами шли немецкие танки. Иногда мы вступали в бой. И это при том, что у нас практически не было вооружения и боеприпасов, да и прикрытие с воздуха отсутствовало. В такой ситуации очень многие сдавались в плен.

В те дни я вступил в 328-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Дагестане. Нас погрузили в вагоны, а в сентябре бросили под Туапсе (Краснодарский край).

Я был разведчиком 388-й отдельной разведроты, и уже в день прибытия мы пошли в разведку. В те дни впервые увидел Черное море. Мне даже удалось самолично отлучиться и на пять минут окунуться в воду. Но в первую же разведку мы осознали весь ужас ситуации: местность вся неизвестная – высокие горы и непроходимые леса, необходимое обмундирование отсутствовало, вооружения, как у немцев не было. По прибытии наша дивизия насчитывала 10,5 тыс. человек, в том числе 103 разведчика. Через 17 дней в живых осталось не более 1,5 тысяч, а всего при обороне Туапсе погибли свыше 100 тысяч наших воинов.

В ноябре меня ранило. Комдив дал разрешение на мою эвакуацию. Сначала я лежал в госпитале в Сочи, потом – в Тбилиси. Там меня комиссовали и дали 2-ю группу инвалидности.

Потом я обратился в республиканский военкомат, и меня направили в грузинское селение Цители-Цкаро, а оттуда – в совхоз им. Калинина, где я жил месяц до освобождения Краснодона. Я никогда не забуду тех людей, они очень помогли мне в то сложное время.

– **Но вы опять ушли воевать. Куда вас забросила война?**

– В марте 1943 года я возвратился в Краснодар и по настоянию райкома комсомола стал работать военруком в Первомайской СШ № 6. На первом уроке встретил бывших одноклассников. Они долго не верили, что я, 16-летний мальчишка, буду у них преподавать.

Но потери Советской армии на фронте были большими, людей не хватало, поэтому товарищ Сталин издал приказ о внеочередном медицинском переосвидетельствовании всех инвалидов войны. Комиссия постановила, несмотря на оставшиеся 2 месяца до восстановления, признать меня годным к нестроевой службе.



Так я вновь ушел на фронт. Меня направили в Советское Заполярье. Ситуация была аналогична кавказской – я не был готов к тундре, холоду (обмундирование было единым для всей армии и не приспособлено к тому климату). Я попал в 89-й отдельный танковый батальон. Был заряжающим, потом – командиром орудия, а затем – командиром танка.

– **Где встретили Победу в 45-м?**

– Там же. Я уже был назначен командиром танкового взвода. Всего моя срочная служба в Вооруженных силах продолжалась целых 9 лет. И это несмотря на приказы об увольнении добровольцев, солдат, имеющих ранения, солдат, прослуживших 7 лет. Каждый раз мне объявляли, что на меня это не распространяется. А домой очень хотелось. Мне пришлось трижды обращаться в Министерство обороны, прежде, чем пришел заветный указ об увольнении.

– **Как сложилась ваша жизнь после окончания Великой Отечественной?**

– Вернулся домой в 1950-м году. В мирное время почти 36 лет проработал на Луганском тепловозостроительном заводе, где прошел путь от слесаря до начальника цеха. Уволился по собственному желанию за 4 месяца до наступления пенсионного возраста.

– **А как познакомились с женой?**

– После увольнения из армии я параллельно с работой пошел учиться в 10-й класс вечерней средней школы № 2 города Луганска. Придя однажды на занятия, увидел эту дивчину (показывает на жену). Я посмотрел на нее и мысленно воззвал к Богу: «Это она!». Я всего два раза обращался к Творцу – в войну и вот тогда. В тот день я даже не решился подойти, расспросить – кто такая, откуда. А вот потом все узнал. Мы познакомились, и Софья стала моей женой.

– **Вы являетесь автором более 10-ти книг, членом Международного сообщества писательских союзов. Как нашли себя на этом поприще?**

– Писателем я решил стать еще до войны. Первая моя книга «Про друзів-товаришів» посвящена «Молодой гвардии». Всего я написал о молодогвардейцах 5 книг и более сотни журнально-газетных публикаций. Импульсом, который подтолкнул это сделать, было несогласие с позицией, на основании которой данный вопрос освещался в печати. «Молодой гвардии» приписывали то, что она не делала. Руководящая роль отводилась партии. Говорили, что Филипп Лютиков был секретарем подпольного райкома партии, и под его руководством создана подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия». Но этот коммунист никакого отношения к подпольному райкому не имел. Его, бойца Краснодарского партизанского отряда, политотдел 18-й армии оставил в городе в качестве своего агента. Члены штаба «Молодой гвардии» никогда даже не встречались с ним.

Но главное в этих книгах то, что я оказался единственным пишущим человеком, который вел борьбу со всеми клеветниками на «Молодую гвардию». Одна из книг так и называется «Молодая гвардия»: правда, вымысел, клевета». К тому же, о том, что знаю и помню я о ее героях, не напишет никто другой, ведь из школьных товарищей и друзей тех, кто был причастен к подполью, в живых остался я один.

– **Оказывают ли вам помощь в издании ваших книг? Где вы их печатаете?**

– В издательствах Киева, Донецка, Луганска. Так, книга «Краснодонские мальчишки» выдержала три издания, и все массовым тиражом – 50-100 тысяч экземпляров. В советское время большим недостатком была цензура. Теперь ее не



стало, и я издал книгу «Гордость и боль моя: «Молодая гвардия»». В ней я рассказал, как все было на самом деле.

– **Какое событие вы можете назвать самым значимым в своей жизни?**

– Для меня чудо, что пройдя все жизненные испытания, остался в живых. Иногда после боев я ощущивал себя. Если больно, значит живой. При этом я изначально внушил себе, что меня могут ранить, контузить, но не убить. И я верил в это. Хотя было страшно, порой до дрожи.

– **Недавно вы отметили юбилей – 85 лет. Редакция газеты «Экспресс-новости» поздравляет вас с этой датой. От кого еще принимали поздравления в этот день?**

– Поздравления получил от луганского городского головы Сергея Кравченко, благодарственное письмо от председателя областной Луганской организации Межрегионального союза писателей Украины Александры Фрольченковой, председателя правления Конгресса литераторов Украины Александра Коржа, председателя Межрегионального союза писателей Украины Владимира Спектора. А председатель исполкома МСПС И. Переверзин наградил почетной грамотой за большой вклад в развитие Международного сообщества писательских союзов. Кроме того, меня поздравил депутат Луганского городского совета, председатель правления ПАО «Луганская областная типография» Владимир Кулинченко. Это говорит о том, что порядочные, достойные люди еще сохранились.

– А что вы могли бы пожелать ветеранам и молодежи ко Дню Победы?

– Ветеранам – долгих лет жизни, а молодому поколению – понять, что именно от них зависит будущее страны. Поэтому всегда важно знать, чего хочешь. Тогда в любой ситуации можно показать себя достойно, как это сделали мои одноклассники в «Молодой гвардии»!

Евгений Матвеев Одесса

Матвеев Евгений Сергеевич родился в России, на Урале, в городе Уфа. Закончил Севастопольское военно-морское училище. Десять лет служил в Военно-Морском Флоте на Камчатке. С 1984 года живет в Одессе. В 1986 году принимал участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Автор книг стихов «Мысли вслух» (2007) и «Стих и я страстей стихия» (2008). В 2011 году вышел сборник стихов и прозы «Изумрудные вспышки».

Имеет публикации в Международном журнале «Меценат и Мир», Международном журнале «АВЕ», альманахе «Южный город», антологии Одесской литературы и других.

Член Межрегионального союза писателей Украины и Конгресса литераторов Украины.

Владимир Спектор Луганск

СЧАСТЬЕ – ЭТО УМЕНИЕ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ

(о книге Евгения Матвеева)

«Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается...» Правота Библии не поддаётся сомнению. Душа и в 21 веке полна тревог и сомнений, и не



всегда количество денег способствует душевному равновесию. О душе писал не только Экклезиаст, но и поэты всех времён и народов. Пишут и сейчас. К примеру, так: Когда листаю книгу Бытия, разглядывая красочность страниц, храня в душе архив имён и лиц, цепляясь за Судьбы края, от споров с ней изрядно поседев. Чтоб не свалиться в мрачный Запредел, где нет ни дна, ни крыши, ни границ, пью ненасытно Времени нектар, отыскиваю в мишуре янтарь. И сознаю, что ждёт меня удел, быть может, бабочки, летящей на свечу. Но всё же я – лечу.

Это – Евгений Матвеев, поэт из Одессы, которому удалось сказать так, как никто до него сделать это не смог. Не зря говорят, что человек талантливый – проявляет свои способности во всём. Евгений Сергеевич – не только поэт, член Межрегионального союза писателей Украины. Он – морской офицер, ликвидатор последствий аварии на Чернобыльской АЭС. И человек широкой, доброй души, о чём свидетельствует и его творчество. Сегодня, когда востребованность поэзии значительно меньше, чем, скажем, в 60-е годы прошлого века, вызывает уважение любая деятельность, направленная на поддержку поэтического слова, тем более, если эта деятельность подкрепляется талантом и неподдельными переживаниями о том, что происходит в душе и вокруг неё.

Евгений Матвеев пишет:

Давай с тобою помолчим,
Слов серебро другим оставим.
Биением сердец в ночи
Молчанья золото восславим.

Представляя на суд читателей свои стихи, Евгений Матвеев предельно искренен и честен. Его поэзия в какой-то мере исповедальна и представляет внутренний мир человека, который, невзирая ни на какие передраги в обществе и стране, остаётся оптимистом, любящим Родину, своих друзей и близких, верящим в возможность победы разума над глупостью.

Кстати, искренность, честность – одно из необходимых качеств хорошего поэта, о которых говорил Виссарион Белинский. А среди других он указал – смелость, ум, совестливость и любовь к стихам своих коллег. Всё это читатель найдёт в книге Евгения Матвеева, которую он назвал «Изумрудные вспышки». И, видимо, неспроста. Изумрудный цвет – цвет четвёртой, сердечной чакры. Он пишет о добре и любви, о дружбе и о творчестве.

Может меня кто-то спросит, зачем мне всё это надо. За каждую строчку – просесть единственная награда. Им без лукавства отвечу: «Не мыслю судьбу иную. Поэзия чувствами лечит чёрствостью душу большую».

В этих строках автора – его кредо и смысл поэзии. Да и прозы тоже. В книге представлены новеллы, в которых вновь идёт речь о вечных ценностях, о душе и справедливости, о жизни и счастье.

«Горел зелёный свет светофора, и я нажал на педаль газа. Машина рванулась с места, а я ехал и думал:

– Так что же такое Счастье? И как стать счастливым? Может быть, это умение радоваться самым простым, самым обычным, жизненным вещам? Да, так оно и есть.



СЧАСТЬЕ – это УМЕНИЕ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ! В любом возрасте!

Но это моё субъективное мнение».

Думаю, что читатели согласятся с этим субъективным мнением хорошего человека, написавшего хорошую книгу.

БЛИЗНЕЦ

Созвездье близнецов – моя юдоль!
Две разных сущности во мне едином.
Живу, не зная золотой середины,
По сути, за двоих играя роль.
Порой в себе себя не узнаю,
Когда, своим поступкам удивляясь,
Второму мне их приписать пытаюсь,
Как будто перед зеркалом стою
И вижу два различных бытия,
Две глубины от плоскости зеркальной.
Как знать, где неизбежностью фатальной
Отражена субстанция моя?
И что есть Я, и кто из нас двойник?
В ком естество, а в ком одно притворство?
В чём наше сходство, в чём противоборство?
Откуда начинается родник
Эмоций, чувств, порывов, мыслей, слов,
Пороков, темперамента, желаний?
Всего, что мне Всевышний посылает,
Но что не может породить стекло.
Для одного б, с душою близнеца
Взять лучшее от каждого собрата,
Чтоб к раздвоению не знать возврата
И жить с собой в согласии до конца
В реальности сегодняшнего дня,
Не уходя в густой туман сомнений
И не ища в бездушном отражении
Того, кто лучше может быть меня.
И разграничить двуединый мир,
Познав, где суть моя, а где пустое.
Жить, как живётся, не кривя душою,
Уверовав, что сам себе кумир!
А если грань внезапно поплывёт,
Начнёт сливаться явь и отраженье,
То воздуха прохладного движенье
Подскажет, в ком из нас душа живёт.



Закреть глаза!
и в параллельный мир
проникнуть через Время и Пространство.
Забыв про мир реальностей на миг,
сбежать от суеты и постоянства.

Прорвав мембрану будничности дней,
уйти мечтами за предел Предела
в страну,
где Слово с чувствами сильней
Земных привычек и инстинктов тела.

Парить среди рифмованных стихий,
душ тонких, родственных легко касаться,
рождая в муках новые стихи
от сОприкосновения вибраций.
Что лучше может быть?!

Погрузившись в негу южной ночи,
Захлебнувшись музыкой с подсветкой,
Растворюсь меж стихотворных строчек,
Наслаждаясь жизнью каждой клеткой.
Распластавшийся у моря город
Бросит в небо фейерверка россыпь.
Под волнующий прибой говор
Загуляю до зари босым.

Широко раскинув руки-крылья,
Уловить стараюсь жизни ветер,
Чтобы слиться с Миром без усилий
В ожиданье Музы в этот вечер.

Время тает, как на солнце льдинки.
Я не тот;
и жизнь теперь иная.
Ни к чему с Судьбою поединки.
Сколько мне осталось?
Я не знаю.

Потому люблюсь Миром этим –
Морем,
небом,
звёздами,
травой –



И стихи слагаю на рассвете,
Оставаясь
лишь самим собою.

ФОТО

Сладковатое Время с горчинкой глотаю.
В нём когда-то и мне суждено раствориться.
Снова память старинными фото латаю,
на которых давно позабытые лица.

Разложу чёрно-белые снимки, как карты,
и увижу себя и сестёр своих с братом,
молодую, красивую маму в тридцатых
и отца в гимнастёрке простой в сорок пятом.

Коридор между Прошлым и Будущим сужен,
где остались следы домоих поколений.
В век двадцатый врзается память всё глубже –
там был Брежнев и Берия, Сталин и Ленин,

революции, войны, разруха, Победа!
Байконур, ДнепроГЭС и ГУЛАГ, и погосты,
СПИД, Афган и Чернобыль, и голод, и беды,
БАМ, Гагарин –

Союза развал в девяностых.

Сколько раз изменяли Историю люди,
разделяя народы, религии, страны.
Что же дальше с гибридом Истории будет?
Как ещё исказят Её политиканы?

Всё уносят спокойные Леты потоки.
В них утонут события, люди и даты.
Что и как вспоминать будут наши потомки?
Да и вспомнят ли нас добрым словом когда-то?

СТАРОСТЬ НЕ РАДОСТЬ

Не всегда молчание золото.

Не обижайте стариков
холодным, чёрствым равнодушьем.
Им от родных всего-то нужно
вниманья несколько глотков.



Для них найдите лишний час.
У всех семья, работа, дети,
но ведь у них на целом свете
нет никого дороже вас.

Промчатся юные года.
И вы состаритесь когда-то.
Отзывчивость родных наградой
для вас покажется тогда.

Унылый старости пейзаж
ждёт стариков в недугов царстве
и лучшее для них лекарство
услышать в трубке голос ваш.

Их не шадят ветра веков;
быть может, выглядят не броско –
дожить до старости непросто.
Не забывайте стариков.

СОНЕТ

Давай с тобою помолчим,
Слов серебро другим оставим.
Биением сердец в ночи
Молчанья золото восславим.

На жизнь пенять мне не спеши,
Ведь мы идём по жизни рядом.
Глаза - есть зеркало души!
Не надо слов - довольно взгляда.

И всё ж, в мерцании свечи
В твоих очах упрек читаем.
В моей душе мольба звучит –

Мы столько лет друг друга знаем,
Мы лучше всех друг друга знаем –
Давай с тобою помолчим

ВРЕМЕНИ НЕКТАР

Когда листаю книгу Бытия,
Разглядывая красочность страниц,



Храня в душе архив имён и лиц,
Цепляясь за Судьбы края,
От споров с ней изрядно поседев.
Чтоб не свалиться в мрачный Запредел,
Где нет ни дна, ни крыши, ни границ,
Пью ненасытно Времени нектар,
Отыскиваю в мишуре янтарь
И сознаю, что ждёт меня удел,
Быть может, бабочки, летящей на свечу,
Но всё же я – лечу.

Сергей Мокроусов Луганск

Мокроусов Сергей Дмитриевич родился 17 апреля 1951 года в Луганске. В Ворошиловградском машиностроительном институте получил образование инженера-электромеханика, затем окончил институт патентоведения, философский факультет УМЛ, а также курсы повышения квалификации экономистов и топ-менеджеров в Германии, Франции, Англии.

Начал свою трудовую биографию электрослесарем на Луганском энергозаводе, после окончания института – начальник участка на Луганском электроаппаратном заводе. После службы в армии трудился более двух десятков лет в холдинговой компании «Лугансктепловоз», где прошел путь от инженера-конструктора до заместителя главного конструктора и директора дочернего предприятия.

В 1998 году создал Частное акционерное общество «Научно-производственный центр «ТРАНСМАШ»», награжденное Почетным знаком Луганской областной государственной администрации «Кращий Луганський товаровиробник», на котором трудится генеральным директором. Заслуженный работник промышленности Украины, кандидат технических наук, доцент ВНУ имени Даля, академик Транспортной академии Украины. Автор десятков научных статей, изобретений, монографий, книг стихотворений. Награжден Почетным знаком «За заслуги перед Луганском», а также Дипломом Международного Сообщества Писательских Союзов «За вклад в развитие литературного процесса в Украине».

Член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Лауреат литературной премии имени Владимира Даля.

МАТРИЦА СЧАСТЬЯ

Учитесь быть счастливыми, друзья,
Гармонию в свое вплетая эго.
Проникнув в личные покои бытия,
Добавьте кванты радости и смеха.

Контроль держите над энергией, друзья,
Эмоциям своим даруйте равновесье.



И чакр очищенных стезя
Раскроет истин поднебесье.

Умейте управлять сознанием, друзья,
Чтоб мысли добрые вокруг парили.
И разума животворящие поля
Успех и благоденствие дарили.

О счастье – то мои друзья, семья, любовь.
Ты вне пространства, времени и моды.
И жизни смысл, и мироощущенья кровь,
И квинтэссенция праматери природы.

СЛОВО

О слово, поводырь мой и кумир,
Ведь ты в основе всех основ.
Мы мыслим образами слов,
Из смысла слов и соткан мир.

О слово, совершенство разума людского,
Общенья человечества расцвет.
Что сказано, то путеводный свет
И явь, явившаяся снова.

О слово, сплетенье нужных, важных фраз
И сердцу милая родная речь,
Что этнос помогла сберечь,
Богаче делают душою нас.

О слово, из тебя тебе венок плетем
И действия тобой определенные вершим.
С тобою покорятся множество вершин,
Чтоб радость ощутить нам пройденным путем.

О слово, песнь моя, смычок поэта,
Узоры чувств и настроений вязь,
И как искусство людей объединяющая связь,
И жизнь, что словом, как душой согрета.

ГРЯДУЩЕЕ

Грядущее
Тревожит и манит,
Всех заставляет на него
трудиться,



В подмене словом сути дела
По горло сыты – НАДОЕЛО.
Жизнь глубже знаю и дальше вижу,
Люблю с восторгом и страстно
НЕНАВИЖУ.

СУДЬБА

Не жаждал я судьбы участия
И сам творил свои пути,
Искал я долго свое счастье,
Но смог лишь с вами обрести.

Идя над пропастью, по кручам,
Проблем вершины покоряя.
Но только вместе сердцу лучше,
Судьбу друг другу доверяя.

И как в семье был дорог каждый,
И в горе каждому я брат.
Просить не надо будет дважды,
Помочь всегда я буду рад.

Над нами тучи собирались,
Молчали верные враги,
Друзья случайные смеялись,
Но мы единство берегли.

Так пусть сольются доли наши
В порыве трудовой борьбы.
И каждый обретет в «ТРАНСМАШЕ»
Частицу счастья собственной судьбы.

ПОКЛОННИКАМ КАРЬЕРЫ

Умейте быть вы недовольными собой,
Не бойтесь слыть поклонником карьеры.
И каждый день, идя как в бой,
Успеха парус наполняйте ветром веры.

Пусть дни захватят вас в круговорот
Поступков, действий, предусмотренных событий.
И жизнь раскроет новый разворот,
Где масса радостных и творческих открытий.



Ввысь вознесут вас два крыла – усердие и труд,
То напряженной жизни птица,
К свершениям новым приведут
И планов ваших дерзновенность воплотится.

С НАДЕЖДОЙ И ВЕРОЙ

Печали безверия горькие слезы
Усилят сомнения в душах ранимых.
В ответ им, надежде раскрой свои грезы
И веру вдохни в себя и любимых.

Когда у последней черты оказавшись,
Утеряны жизни смысл и начала,
С надеждой и верой за руки взявшись,
Ты можешь опять начать все сначала.

Когда пессимизмом, казалось, задушен,
Усталость сковала хандрою и болью,
Ты ветру надеждой открой свою душу
И выпусти веру, как птицу, на волю.

БЕЛОСТИШЬЯ

1. Жажда любви

Мои глаза
Разлучены с тобою,
Мои уста
Разлучены с любовью.
И руки у меня
Разлучены с твоими.
И весь я
Разлучен со смыслом бытия.
И только жажда-цель
Во мне пылает –
Тебя скорей увидеть.

2. Шаги любви

Я слышу шаги слов,
Спешащих мысль мою
К тебе скорей принесть.
Слова и мысли-дети
Чувств моих,
Они уж у раскрытых губ.



И я шепчу, нет, я кричу:
«Люблю тебя!»
Любовь и я –
Теперь мы неразлучны.
Она живет во мне
И подчиняет мысли
Ее источнику,
Живет в помыслах моих
И устремлениях.
Это чувство – огонь,
Сжигающий душу.
И пусть я сгораю,
Но, быть может,
От моего огня
И в ее сердце вспыхнет
Огонек ответственности.
Я буду ветром,
Я раздую его.

3. Сирена ночи

Чуть слышен мягкий
Завораживающий голос,
Поющий колыбельную ночи.
Строптивное сопротивление
Свинцовой руке,
Закрывающей глаза,
Было последними
Всплесками сознания,
Бесполезно цепляющегося.
За возможность что-то написать
На сон грядущий,
Который с беспробудной прозорливостью
Съел остатки расплывающегося
Прекратившего борьбу сознания.
Сирена ночи,
Одурманив сном разум,
Вовлекла его
В мир видений и грез.

В ОЖИДАНИИ ПЕГАСА

Из ненаписанных стихов,
Как неоправданных грехов
И неисполненных желаний
Мы образуем тромб страданий.



Из не намеченных стремлений,
Как неиспытанных сомнений
И не поставленных задач
Мы носим траур неудач.

Из не изверженных страстей,
Как не родившихся затей
И не оживших ощущений
Мы в ожиданьи вдохновений.

Из неустойчивых основ,
Как не прошедших душу слов
И неисправленных ошибок
Мы вырвемся и сотворим
поэзию улыбок.

Игорь Смирнов Луганск

Нарциссов Том Владимирович родился 18 июня 1931 года. Дошкольные годы прошли в городе Лукоянове, что на юге Горьковской области. Отец работал агрономом, а мать – учительницей. В 1940 году семья переехала в Горький (ныне Нижний Новгород), где окончил школу, а в 1955 году – с отличием медицинский институт. В течение двух лет работал хирургом городской больницы в районном центре, затем – в областной больнице. Окончив в 1964 году аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию, переехал в Калинин (Тверь), где трудился преподавателем медицинского института. Там же начал разрабатывать оперативное лечение цирроза печени. По этой теме в 1984 году защитил докторскую диссертацию.

С 1985 года живет в Луганске. До 1991 года заведовал кафедрой общей хирургии медицинского института. В настоящее время – профессор кафедры.

Литературной деятельностью всерьез занялся с конца 80-х годов. Автор 7 книг стихов и прозы, а также имеет более 200 публикаций в газетах и коллективных сборниках. В последние годы проявился интерес к прозе: написана повесть и более десятка рассказов.

Член Межрегионального союза писателей Украины.

Пусть канули в прошлое годы
И время расцвета прошло,
Пусть будут забыты невзгоды
И душу согреет тепло.
А в ней иногда воспаленно,
Лишая покоя и сна,
Опять голубым и зеленым
Всплывает былая весна.



Здравствуй, прошлое,
здравствуйте, други!
Треплет ветер седую прядь.
Дайте мне ваши добрые руки,
Дайте мне вас еще обнять!
Так пришлось – живем
 пятилетками...
Но порой оглянусь назад –
Там черемуха машет ветками...
И слеза застилает взгляд.
Я за эту вот дружбу, данную
Жизнью мне, благодарен судьбе
И за это вот белое здание,
Что сроднило нас всех навек.
Только вот беда –
 эмиграция.
И друзей там нет.
 Жизнь, как скит.
Не грустите – сумею
 добраться я,
Чтобы вам прочитывать стихи.

Не вспоминайте неудачи...
Померзли яблоки на даче,
Иль где-то просто насморк схвачен.
Не надо вспоминать... Иначе
Прогноз для вас довольно мрачен.
Тоска грызет... В итоге что ж?
С друзьями ссора и тем паче
В любви, в карьере незадачи.
Перед судьбою счет оплачен...
А память – словно в теле нож!
Не вспоминайте неудачи.
Того, что было, не вернешь.
С былого не получишь сдачи.
Не вспоминайте неудачи...
Вокруг хватает их на всех.
И как при выстреле отдача,
Они нас бьют и сердце плачет,
Но... Забывать их тоже грех.



ТЕМ, КТО МНЕ ДОРОГИ

Всех тех, кто сказали мне доброе слово,
И тех, что чему-то учили меня,
Я через судьбу, может быть, бестолково,
Прошу вас услышать и просто понять.
Пусть ныне и далее в жизни суровой
Беда обойдет вас, как есть, стороной.
И будьте удачливы, будьте здоровы.
Я вас обнимаю... До встречи со мной.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Листьев жёлтый ковёр в ноги бросила осень,
И снежинки летят, чтоб бесследно пропасть,
И светло на душе, только хочется очень
В отцветшую юность обратно попасть.

Знаю я – это бред! Волны мыслей бесплодных.
Я не Фауст! Таков видно жизни ответ.
Только, где ж Мефистофель с искусством его
бесподобным,
Кровь, перо, и расписка на тысячу лет?

Шли, не зная куда. По аллеям, асфальту...
Говорили... О чём? Не упомнишь сейчас.
И опавшей листвы разноцветная смальта,
Как с холста Левитана, навевала печаль.

А снежинки летят... Словно годы
летят без возврата.
Парк затих, будто сказочный лес
И куда-то летит моя юность
легка и крылата,
И снежинки летят...
Исчезая на мокрой земле...
Исчезая... Как в сорок девятом..

Серый пасмурный день заползает за ворот,
Зябким холодом землю покрыв,
словно мокрым халатом.
И летит первый снег, дремлет в сумерках город...
Снег летит и летит, как летел он когда-то...



Тихо падает снег, первый снег в ноябре.
Он ложится на чёрную землю и тает,
Ничего не оставив ни мне, ни тебе,
Лишь из памяти сердца не исчезнет.

На поляне лютики,
Словно горсть янтаря,
А земля наша крутится
И наверно не зря.
Подмосковное лето.
Ты сама, как цветок...
Потеряли мы где-то
Счастье в мире пустом.
Снова лютики стелет
Лето жаркое там.
Взявшись за руки тени
Бредут по цветам...

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Двор – колодец, теперь
ограничен решеткой.
Годы – прутья ее не пройти.
На вопрос тот,
судьбою решенный,
Все равно,
мне ответ не найти.
Только в прошлое тянет
какая-то сила
Посмотреть на окно
на втором этаже
И тоска мягкой лапой
за горло схватила,
Ведь со мною
лишь память осталась уже.
Набегает слеза...
Отчего? Не ответить...
А вокруг лучезарный июнь.
Впереди пустота...
И былых не осталось отметин.
Я же вновь все надеюсь
увидеть улыбку твою.



Эти дни пронеслись словно ветер.
Как же многое не сбылось
И добавилось в сердце отметин
К тем, что раньше собрать довелось.

Но не надо глаза туманить
и о том, что прошло скорбеть.
Сохранит наше счастье память,
я за то благодарен тебе.

Благодарен за откровенность,
за чудесного чувства взрыв,
за твою бескорыстную верность!
Благодарен, покуда жив!

Пусть теперь против нас время
и барьер километров – пусть!
Образ твой мою душу греет,
несмотря на светлую грусть.

Вспомни, друг мой,
благодарно прошлое.
Видишь: день сегодня
радостью звенит.
И с надеждой, отогнав
приметы пошлые,
В будущее смело
загляни.

Владимир Спектор Луганск

Владимир Спектор родился 19.06.1951 года в Луганске. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). После службы в армии, 22 года проработал инженером - конструктором, ведущим конструктором на тепловозостроительном заводе. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины. Работал главным редактором теле- и радиокomпании в Луганске.

Поэт, публицист. Член Национального Союза журналистов Украины, главный редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-популярного журнала «Трансмаш». Автор 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат международных литературных премий имени Юрия Долгорукого, «Облака» имени Сергея Михалкова, имени Арсения Тарковского, «Круг родства» имени Риталия Заславского.



Руководитель Межрегионального Союза писателей, сопредседатель Конгресса литераторов Украины, член исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) и Президиума Международного Литературного фонда.

Виктор Мостовой Стаханов

ПОЭЗИЯ СОВЕСТИ

Есть на свете дружба детская. Она непосредственна и наивна, о ней вспоминаешь с нежностью и лёгкой грустью. Есть дружба школьная, студенческая. Она романтична, ярка, отмечена пылом максимализма, окутана тайнами исповеди о первых высоких чувствах и душевных терзаниях. Дружба армейская, дружба с соседями, коллегами по работе... Такая дружба есть, была и будет в жизни каждого человека. А вот дружба творческая – она даётся в жизни немногим. Она связывает лишь тех, чьи сердца повенчаны с Музой, чьи сердца не могут существовать без созидания возвышенного, прекрасного. Такой творческой дружбой с Владимиром Спектором наградил меня Господь. Я ценю её и очень горжусь ею. В своём творческом жизненном калейдоскопе я знал многих талантливых людей. Встречались, читали стихи, шумно и бурно спорили за рюмкой чая, подчас скандалили, бросали «крепким» словом, быстро мирились... Как приятно говорить в «свете», – такая вот типичная божественная среда... Отношения же со Спектором совсем другие. Они высокие. И не потому, что он – председатель правления Межрегионального Союза писателей Украины, заместитель председателя Конгресса литераторов Украины, широко известная личность в литературных кругах всей Украины, Москвы, ближнего и дальнего зарубежья, а потому, что он человек неординарный, талантливый и глубоко интеллигентный. Более 20 лет знаю я Владимира Спектора. Доводилось много встречаться и лично, и на съездах, и на творческих вечерах, часто общаться по телефону. Никогда не слышал от него грубого слова, или неуважительного высказывания, в чей бы то ни было адрес. Не перестаю удивляться толерантности и тактичности этого человека. Подумать только – какой непомерный груз несёт он на своих плечах: постоянные творческие встречи, редакционная работа в разных издательствах, каждодневные заботы и проблемы в правлении Межрегионального Союза писателей, творческие командировки... Такие нагрузки утомляют, в конце концов, хочется уединиться, отключиться от внешнего мира. Но это не о Спекторе. Несмотря на усталость, недомогание, занятость, он никогда не перейдёт на повышенный тон! Внимательно выслушает, посоветует, поддержит. Как-то в очередном телефонном разговоре сердцем уловил грустные усталые нотки в голосе Володи. Очень по-мужски скупно говорил он о своих проблемах. А у меня в голове – его строчки:

День темнеет и падает в ночь. Улыбаясь, светлеет мрак...

Тот, кто может, не хочет помочь, тот, кто хочет, не знает, как.

Долго не мог успокоиться. Хотелось помочь, но действительно не знал, как. Знаю только одно, что Владимир – очень сильный человек: вырастет над болью, над всеми проблемами; как всегда, сядет за рабочий стол и изошьёт душу в новых прекрасных строчках. Стихи Спектора очень похожи на самого автора. Они, как и он, такие же человеческие и искренние:

Я работаю без суфлёра – говорю, ошибаюсь и плачу.

Тень случайного разговора заслоняет, порой, удачу.



Слово режет, как бритва, ловко. И, бывает, я тоже трушу.
Я работаю без страховки, словно вены, вскрывая душу.
Они мудрые и очень глубокие; читая их, думаешь вместе с автором и сам переосмысливаешь жизнь:

Думаю о будущем и прошлом, что стало истинным, что ложным,
.....

О том, что сытость – не всегда отрада, а боль, по-прежнему, за всё награда,
О том, что хорошо – не значит бедно, о том, что думать – никогда не вредно.

Я люблю постигать недра поэтической кладовой В. Спектора. Не один раз задавал себе вопрос: «А к какой литературной школе можно отнести его творчество? Кто его учителя и наставники в литературе»? Сам Спектор отвечает на этот вопрос такими строчками:

В чём-то похож на всех, в чём-то лишь на себя.
.....

Но даже в счастливых снах я остаюсь собой.

И я с ним полностью согласен. Поэтический стиль, философско-нравственный подход к любой теме у Спектора настолько индивидуален и неповторим, что можно с полным правом говорить о литературной школе Владимира Спектора. Только вот учениками Спектора смогут быть немногие избранные, лишь те, которые будут отличаться такой же моральной чистотой и совестливостью, как Владимир Давидович; лишь те, которые смогут работать над строкой по спекторовскому принципу:

Бежит строка в дорожной суете, и я, как Бог, за всё, что в ней, – в ответе.

Я очень внимательно слежу за творчеством моих современников, и маститых, и менее известных. Но ещё ни у кого не встречал такой многогранной философской обработки нравственной категории «совесть», как у В.Спектора:

Двадцать веков распята, совесть ещё жива.
.....

Совесть придумана кем-то из нас и вложена в каждый вдох.
Спасает всех нас, и не только СПАС – совесть, чьё имя Бог.
.....

Совесть моя, не умри, я тебе нужен.

Даже поэтические сравнения в строчках дышат совестью: «Почерневший снег, как совесть после долгого вранья». А ещё меня откровенно подкупает доброты Владимира Спектора. Человек с таким большим ранимым сердцем никогда не сможет примириться со злом, завистью, подлостью, предательством. Поэтому так часто, так остро, так пронзительно звучат строчки:

Откуда рождается злость? Из зависти или вражды...
.....

Добро и зло, любовь и зависть в наследство каждому достались.
.....

Я в ответе за добро и зло...

Но самая сильная нота, самый торжествующий акцент, конечно же, здесь:

Стараюсь не делать зла. И не обижаться на зло.

А спросят: «Ну как дела»? «Жизнь – моё ремесло»,-

Отвечу, и буду впредь жить, избегая обид.

Хотя и непросто терпеть, хотя и совесть болит.

Вот он – Спектор! Весь в этих строчках. И не нужно больше других мазков к поэтическому портрету Владимира! Вот поэтому так безоговорочно ему ве-



ришь, вот поэтому к нему тянутся люди, поэтому ему доверили нашу писательскую организацию, которая после смерти О. Бишарева с нескольких человек выросла до более, чем пятисот профессиональных литераторов. И мне радостно, что вместе с ним мы смогли расширить наш писательский союз не только в количественном плане, но и в географическом – от Луганска до многих областей Украины. Значит, наш союз нужен. И не в последнюю очередь потому, что в нём – атмосфера доброжелательства и порядочности. И, конечно, творчества. В котором, ведущую партию играет поэзия совести.

Было и прошло. Но не бесследно.
Память, словно первая любовь,
Избирательно немилосердна,
Окунаясь в детство вновь и вновь,

Падая в случайные мгновенья,
Где добром отсверкивает зло...
Счастьем было просто ощущение,
Что осталось больше, чем прошло.

В душе - мерцающий, незримый свет,
Он с лёгкостью пронзает стены.
Взгляни вокруг - преград, как будто, нет.
Но как тревожны перемены.

Небесной тверди слыша уют,
Беспечно дышит твердь земная.
И нам с тобой – вдоль перемен маршрут,
Пока горит огонь, мерца.

И, в самом деле, всё могло быть хуже. –
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел, кружит,
Как будто подтверждая: «Всё – не плохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт потерям,
Где голубь предстаёт воздушным змеем...
В то, что могло быть хуже – твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

«Неделовым» прописаны дела,
А «деловым» - как водится, успех.



«Неделовые» пишут: «Даль светла»,
А «деловые» знают: «Не для всех».

Но где-то там, за финишной прямой,
Где нет уже ни зависти, ни зла, –
Там только мгла и память за спиной,
Но память – лишь о том, что «даль светла».

Свет не меркнет, не гаснет –
а просто мерцает незримо.
В небесах над печалью –
мечты, словно голуби, кружат.
Невесёлые мысли бредут
вдоль дороги под ними,
А весёлым надеждам –
лишь воздух мерцающий нужен.
Этот свет, этот воздух,
который так сладок в гортани,
Каждый миг, каждый день,
он не меркнет, мерцая, сгорая...
На мечты уповая,
шагаю за светом, что манит,
И пространство любви в нём мерцает
от края до края.

Какою мерою измерить
Всё, что сбылось и не сбылось,
Приобретенья и потери,
Судьбу, пронзённую насквозь

Желаньем счастья и свободы,
Любви познанём и добра?...
О Боже, за спиною – годы,
И от «сегодня» до «вчера»,

Как от зарплаты до расплаты –
Мгновений честные гроши.
Мгновений, трепетом объятых,
Впитавших ткань моей души.

А в ней – доставшийся в наследство
Набросок моего пути...
Цель не оправдывает средства,
Но помогает их найти.

ПЕГАС-ПУБЛИЦИСТ О ВОЙНЕ



Александр Акентьев Луганск

ВОЙНА. ВРАГ У ПОРОГА

«Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч».

Уинстон Черчилль,
1946г.

Эта война навсегда осталась в человеческой памяти, как одна из самых ужасных, разрушительных войн. Но, оговоримся сразу, только что отмеченная дата - 1 сентября 1939 года – это начало военных действий на европейском континенте. Реальный масштаб Второй мировой войны и реальная расстановка сил и сложнее, и значительней. В конце концов, война закончилась не в Германии и не там следует искать ее начало. В Азии ее начало обычно отсчитывают с нападения союзника Гитлера – Японии на Китай – 7 июля 1937года. На них европейский взгляд обычно не останавливается. Что там, предположим, какая-то резня в Нанкине (Сколько там было убито китайцев? Около полумиллиона, нет?)? Но за два года до германской агрессии в Европе советские войска били ближайшего союзника Германии – Японию, рванувшуюся в западный Китай, в Синьцзян-Уйгурский район к почти незащищенной линии наших погранзастав. И в том же 1939-м наши войска, верные союзническому долгу, вели ожесточенные бои с японцами в Монголии на Халхин-Голе.

Да и в Европе лишь в последние годы задвинули в тень преступную и позорную для западных стран дату Мюнхенского сговора 30 сентября 1938г., когда Гитлеру была сдана Чехословакия, эта дата всегда считалась политическим



началом Второй мировой войны. Как-то скороговоркой принятое в июле с.г. постановление ПАСЕ, носящее, правда, декларативный (то есть ни к чему не обязывающий) характер, приравнявшее сталинизм к гитлеризму и возлагающее ответственность за войну еще и на Сталина (!?), не более чем попытка задним числом в очередной раз отмыться и предстать белыми и пушистыми.

Сегодня как по команде запестрели осуждающими и СССР, и Сталина статьями СМИ, в том числе и луганские, особенно «національно-демократичного спрямування». Ладно уж, с историков и публицистов «демократической ориентации» много не возьмешь. Искажение фактов, презрение к собственной стране и неприкрытый холауж перед мнением любого третьестепенного западного чиновника (куда ж без них?) вошли у них в традицию. Но и позиция ряда стран (Украина, страны Балтии и др.), особенно в отношении пакта Молотова-Риббентропа сегодня напоминает легкое помешательство. Ведь если быть последовательными и «восстанавливать довоенную справедливость», следует вернуть, например, Польше – Галичину и Вильнюс, Румынии – Буковину и Бессарабию и т.п.

Годы, предшествующие войне, напоминают психотриллер. Почти все европейские страны преследовали единственный последовательный курс – сравнить в войне Германию и СССР. И вина стран, рассматриваемых сегодня как «жертвы агрессии» не менее, а в чем то и более, значительна чем других действующих лиц. И многие пружины той войны еще до конца не раскрыты.

Одни документы, могущие пролить свет, уничтожены, другие до сих пор еще засекречены, как в Британии, особенно о переговорах с высшими лицами Рейха, до 2020г.

У исследователей хода войны есть немало вопросов. Ну зачем, например, Гитлер напал на Польшу, своего верного союзника (они вместе оккупировали Чехословакию), а не вместе с ней на СССР, о чем мечтали поляки, стремясь к «Ржече Посполитой от можа до можа»? Или, оставив в тылу недобитую Англию, развязал войну против СССР? Однозначных ответов нет.

И все же из истории предвоенных лет можно вынести немало уроков. Прежде всего то, как надо отстаивать интересы собственной страны и собственного народа. Всеми способами. Даже в самой, казалось бы, безвыходной ситуации. В 1930-х годах в СССР группа Сталина смогла подняться до решения задач высочайшего уровня, в том числе и в понимании сложившейся международной обстановки. Она обеспечила защиту политических и экономических интересов страны в мире, создала условия для развития экономики с соответствующим уровнем науки и образованности общества. И в конечном итоге организовала военную защиту страны.

Это потом, спустя много лет после смерти Сталина, выдающийся политик У. Черчилль скажет, что России неизмеримо повезло в том, что у ее руля оказался в то жуткое время такой человек, как Сталин. Человек, который умел, по утверждению Черчилля, своих врагов бить руками своих врагов.

Это потом, уже в 2000-е годы группа специалистов математической истории (есть такое новое направление), потратив несколько лет работы и кучу денег спонсоров, сделает выводы, что принятые в те годы в СССР решения, были самыми оптимальными.



Это будет потом. В предвоенные же годы наша страна находилась в огненном кольце.

Действующие лица: Германия

После прихода в 1933г. Гитлера к власти, цели политики Германии уже ни у кого не вызвали сомнения. Еще за 7 лет до реального прихода к власти Гитлер в «Майн кампф» совершенно определенно сообщил всем, что начнет войну, сообщил всем, с кем он ее начнет и кого хочет видеть в союзниках. Рассмотрев демографическое состояние Германии, Гитлер приходит к выводу, что для независимости Германии земли для пропитания катастрофически не хватает. Варианты типа ограничения рождаемости он отменяет как негодные. Земли вне Европы, всякие там колонии его тоже не устраивают: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Правда условиями для завоевания России, помимо собственно укрепления Германии, были нейтрализация Франции и обязательно Англия в союзниках. Ради союза с последней он ничего не жалел: «Никакие жертвы не должны были нам показаться слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии».

Заметим при этом, что основным личным принципом Гитлера в политике была ее неизменность: раз поставленная цель должна быть достигнута (Гитлер писал, что политику, который мечется и меняет цели, народ не верит).

Гитлер был выдающимся стратегом и организатором и обеспечил исключительное сплочение немцев вокруг своего государства. За 5 лет войны, когда противники переходили на сторону Германии сотнями тысяч, в вооруженных силах Германии изменили присягу всего 615 человек и из них ни одного офицера.

Был создан мощный механизм государственного развития. Германские капиталисты были поставлены в жесткие рамки единого государственного плана и под жесткий контроль за прибылью. О вывозе и прятании капиталов за границы или излишней роскоши не могло быть и речи. Они обязаны были свою прибыль вкладывать в развитие производства на благо Германии.

Идеологические постулаты национал-социализма обращены были к духовному в каждом человеке: «Социализм означает: общее благо выше личных интересов. Социализм означает: думать не о себе, а о целом, о нации, о государстве. Социализм означает: каждому свое, а не каждому одно и то же...»

Национал-социализм не предназначался для экспорта (как коммунистические идеи), а был исключительно для внутреннего использования немцами.

Именно тогда и там будут выведены законы «промывки мозгов», легшие в основу не только нацистской практики, но и нынешних глобальных (американских) масс-медиа: законы умственного упрощения, вдалбливающего повторения, эмоционального нагнетания и т.п.

Наконец, немцы смогли построить отличный инструмент психовойны – рейхсминистерство пропаганды Йозефа Геббельса, овладевшее сильным оружием ударов по сознанию и воле противника и одновременно – средством мобилизации собственного народа.

Это, конечно, тема отдельной статьи. Но и сказанного достаточно, чтобы понять каким был наш главный противник в предстоящей войне.



Действующие лица: европейский и мировой пасьянс

Итогами Версальского мира оказались не удовлетворены большинство участников Первой мировой войны. Больше всего разбитая, связанная всевозможными ограничениями Германия – победители устраняли главного экономического конкурента в Европе. Другие страны, как Италия и Япония чувствовали себя обделенными. Когорта стран, возникших из развалин Австрийской и Российской империй и других малых стран Европы напоминали сборище пауков в банке. Дух агрессии витал над Европой. Малые страны, стараясь ни в чем не отстать от больших, готовы были растерзать друг друга: Венгрия – Румынию, Польша – Литву, Болгария – Грецию и т.д. И все, особенно соседи, устремляли взгляд на слабый, с трудом оправлявшийся после гражданской войны и разрухи СССР. В годы гражданской войны им изрядно удалось поживиться кусками нашей территории. Но аппетит был неумен. Что Польша, даже в Бухаресте, рисуя планы «Великой Румынии», раскатывали ее чуть не до Днепра.

Между двумя войнами в Европе была в большой моде модель сильного фашистского или полуфашистского режима: Муссолини в Италии, Франко в Испании, Пилсудский в Польше, Корнелиус Кордеану (позже Антонеску) в Румынии, адмирал Хорти в Венгрии, были еще Ульманис, Вольдемарас, Маннергейм...

1929-32гг. – Великая мировая депрессия. Именно тогда США стали готовиться к новой мировой схватке. Тогда, когда сами немцы еще не рассчитывали воевать. В США – 15 млн. безработных. Люди умирают от голода, разъяренные толпы громят банки и требуют «сделать так как в Советской России». А в стране никакого социального законодательства – ни пенсий, ни пособий по безработице... Весной 1933г. разражается банковский крах, лопаются пять тысяч финансово-кредитных структур, грозя оставить американцев без сбережений. Призрак второй гражданской войны витает над США. У страны просто не было другого выбора. Вопрос стоял так: либо война с радикальной перестройкой всего миропорядка в интересах Америки, либо ужасный, грозящий гражданской бойней кризис американской экономики.

То же происходит и в Европе. Очень усиливаются левые радикальные партии и Народные фронты. И течения фашистского толка.

Такова была обстановка, когда в 1933г. Гитлер пришел к власти.

Будущий главный агрессор и главная жертва четко определены. Остается начать подпитку агрессора.

Потворство агрессии. Накачка мускулов

Черчилль был великим политиком, он всегда призывал задуть фашизм в Германии в зародыше. Но значит ли это, что остальные политики мира были идиотами и ничего не видели? Как они смотрели на национал-социализм? Довольно экстравагантное течение, которое как комплекс идей ничем другим странам не угрожает. Ведь Гитлер не уничтожал буржуазию и не распространял эти идеи вне Германии. Германского национал-социализма боялись только в СССР, в остальных странах в нем видели врага коммунистов и из принципа – «враг моего врага – мой друг» – не могли не приветствовать его. И, особенно перед Великобританией, маячил призрак – иметь «прирученную» Германию. Разгромить Россию руками Германии, а затем поживиться ее несметными богатствами



– вообще политический шедевр. Правда, своей политикой, как пишут английские авторы А.Мосли и В.Сиполс, Англия и Франция сами приготовили себе западню, в которую позже и попали, но это уже другой вопрос.

И началось. Уже 15 июля 1933г. в Риме состоялось подписание так называемого «пакта четырех» – Германии, Франции, Великобритании и Италии. Третья статья этого пакта снимала с Германии ограничения на вооружения, установленные Версальским договором 1919г.

В марте 1935г. Германия уже вводит всеобщую воинскую повинность.

Летом 1935г. Великобритания подписывает с Германией морское соглашение, которое позволило Гитлеру ускорить создание мощного военно-морского флота. В кулуарах никто не скрывал: расчет на то, что германский флот будет применен в войне против СССР на Балтике.

В 1936 году Гитлер просто отменяет Версальские ограничения в одностороннем порядке. Никто из «гарантов» Версаля не пошелохнулся.

Гитлер силами одной дивизии занимает Рейнскую область, отнятую у Германии по Версальскому договору. Это тоже сходит ему с рук.

В августе того же 1936г. Германия открыто вмешалась во внутренние дела Испании, а осенью заключила «антикоминтерновский пакт» с Японией против СССР. Вскоре к нему присоединилась Италия и чуть было не присоединилась Польша.

За 1937г. немцы увеличивают мощь своих вооруженных сил в семь раз.

В 1938-ом экспансия Германии набирает обороты. В марте происходит аншлюс – присоединение Австрии. Именно тогда У.Черчилль произносит в палате общин свою знаменитую речь, призывая пока не поздно остановить Гитлера. Его никто не слушает. Во время правления кабинета министров премьерера Н.Чемберлена политическое влияние Черчилля близко к нулю. Эту речь не печатает ни одна популярная газета. На следующий день «Ивнинг стар» расторгает контракт с Черчиллем, поскольку, как объяснил редактор, его взгляды на внешнюю политику «совершенно очевидно противоречат интересам нации».

Затем осенью 1938-го следует Мюнхен. На конференции главы западных правительств постановили передать Германии часть Чехословакии, но Гитлер «забрал» себе всю страну. Ни Англия, ни Франция не предприняли ни малейшей попытки спасти ее, хотя обещались это сделать. Гитлер знал что хотел. Чехословакия – это третье в Европе производство вооружений. Из-за океана президент США Рузвельт шлет телеграмму премьеру Великобритании Чемберлену с одним словом «Молодец!».

Ни в одной из капитальных западных работ вы не найдете объяснений почему Англия и Франция не скрутили Гитлеру шею в 1936-38гг. Ведь в военном отношении в те годы режим фюрера был слаб как никогда. При вступлении в Рейнскую область достаточно было ударить хоть одному французскому военному барабану и командующий немецкими силами фельдмаршал Бломберг тут же скомандовал бы: «Кругом!».

Не было у Гитлера сил и чтобы безнаказанно орудовать в 1938г. в Чехословакии, пришлось оголять границу с Францией, да и армия Чехословакии была сравнима с германской.

С Гитлером могли тогда разделаться одним щелчком.



Но нет. Идет не только политическая, но и сильнейшая экономическая подпитка Германии. Если сотрудничество СССР с Германией после прихода Гитлера к власти, было прекращено, то помощь Запада наоборот существенно увеличилась. Ведущие американские, французские, голландские монополии, такие как группы Рокфеллера, Моргана, Меллона. «Роял датч шелл», Веккерса, Болдуина, «Юнилевер» оказывают Германии существенную финансовую помощь. Мировой алюминиевый картель снимает с Германии все ограничения по производству алюминия – материала для самолетов. Англия гонит в Германию крупные партии самолетов. Трест «Роял датч шелл» в 1935г. создал в Германии запасы горючего для армии и флота, равные по своему объему всему количеству горючего, потребленному Германией за 1934г. Помощь в технологиях, в автомобилестроении, производстве стратегических материалов, синтетического бензина и др. – так напитывали главное действующее лицо предстоящей мировой бойни.

И хотелось, чтобы читатель внимательней присмотрелся к «новому курсу» Рузвельта. По сути это мобилизационная экономика, которая по многим статьям превосходила и гитлеровскую, и сталинскую. С начала 30-х американцы начинают милитаризацию своей экономики (раньше Гитлера). Разворачиваются грандиозные программы строительства кораблей, авианосцев, бомбардировочной и истребительной авиации – то, что будет задействовано США в предстоящей войне. Кроме того производят и складывают массу вроде бы небоевого добра от консервов до джипов и курток на «молниях». Оно пойдет потом по ленд-лизу и окажется на войне бесценным.

Если европейские гегемоны предвкушали в ней сорвать большой куш, то что-то надеялись урвать и малые страны. И на всякий случай обезопасить себя. Во второй половине десятилетия весь европейский континент накрыла «пактомания»: вслед за Англией пакты о ненападении с Германией подписали Франция, Польша, Литва, Латвия и Эстония, Турция и другие страны заключали подобные договоры между собой. И с достаточно интересными дополнениями. Даже маленькая Эстония соглашалась в случае конфликта с СССР пропустить войска Германии через свою территорию.

СССР: в ожидании беды

В 1930-х у правительства нашей страны была голова в тисках. Где бы мировая война ни началась, она не могла обойти СССР. А страна была отчаянно не готова к войне. На XV съезде ВКП(б) в 1927г. нарком обороны К.Е. Ворошилов сообщал делегатам, что по количеству танков (менее 200 вместе с броневидами) СССР отставал не только от передовых стран Запада, но и от Польши. В Красной Армии – весь личный состав 586 тыс. человек, имелось менее тысячи самолетов устаревших конструкций, 7 тысяч артиллерийских орудий разных калибров. При этом состоянии оборонной промышленности не позволяло надеяться на быстрое создание мощного арсенала современных вооружений.

Всего этого было явно недостаточно для обороны одной шестой земной суши.

С этого и начнем отсчет. И прорыв первых пятилеток, создание промышленной базы – это было и укрепление обороны в том числе. Даже в географиче-



ском расположении. Колоссальных затрат потребовало создание металлургической и машиностроительной промышленности на Урале. Выплавка стали там обходилась дороже (качество руды, транспортные расходы и пр.) чем в старых районах. Но зато туда не долетят немецкие или японские бомбардировщики. В 1934г. Сталин начинает создание нового зернового района в Поволжье. Традиционные зерновые районы: Украина и Северный Кавказ хороши, но (как и случилось) во время войны могут подвергнуться удару.

Вся экономика становится на мобилизационные рельсы.

Страна предпринимает все возможные дипломатические усилия, чтобы избежать войны, особенно с приходом Гитлера к власти. Но только складывается впечатление, что страны Запада смотрят на нас как на жертву, уже приготовленную к закланию.

Идет крушение наших проектов европейской коллективной безопасности. Тогда для защиты от агрессии мы пытаемся создать конвенцию всех граничащих с нами государств. Польша согласна, но требует исключить из этого союза Японию. Если немцы нападут на Польшу, то мы обязаны будем помочь, а если Япония на нас, то Польша отстранится и будет выжидать.

Потом СССР делает попытку создать Восточный пакт – военный союз СССР, Польши, Чехословакии, Румынии и Прибалтийских государств. Опять срыв – Польша не хочет видеть в нем Чехословакию и Литву – у нее к ним территориальные претензии. А Франция не хочет видеть в пакте Прибалтийские страны.

Следующие попытки – добиться нейтралитета стран Прибалтики, где немцы ведут себя уже почти как дома, с гарантиями других стран, срываются.

Да что там, даже с Польшей удалось заключить договор о ненападении в 1934г. всего на три года (с Германией она заключила на 10лет) и для этого нашим дипломатам пришлось немало наклоняться в Варшаве.

Тогда, чтобы сделать хоть что-то, наша страна заключает военный союз: СССР – Франция – Чехословакия. В 1938г. Франция его предает, а наши войска Польша и Румыния не пропускают на помощь гибнущей Чехословакии.

Наши дипломатические усилия Запад рассматривает как предсмертную агонию. В конце 1938г. помощник премьера Великобритании Хорас Вильсон заявляет: « Англии в ближайшем будущем война не угрожает. Следующий большой удар Гитлера будет против Украины». Ему вторит посол Франции в Германии Роберт Кулондр: « Планы Гитлера – подчинить Чехословакию и Венгрию, создать Великую Украину под немецкой гегемонией». И Германия уже делает предложения Польше о совместной агрессии против СССР.

1939-й год. Начало

Нужно признать, Сталин до последнего маневрировал, пытаясь остаться в стороне от надвигающегося неумолимо мирового конфликта. Он на деле, первым из всех правителей России пытался сломать злой рок нашей страны, когда за два предыдущих века ее постоянно использовали в роли «пушечного мяса» Европы. Он пробовал вести игру по русским правилам (и война действительно начнется как конфликт Запада с Западом).

Но к 1939г. положение СССР было аховое. Война надвигалась, а у нас ни



одного союзника, кроме связанной с нами Монголии. И армия еще не перевооружена. И все ждут нашей гибели. Если немцы нападут на нас, то в сражении один на один шансы на победу у нас есть. А если одновременно в тыл нам ударит Япония? Которая в 1904г., даже сражаясь с Россией один на один, нанесла ей поражение. Тогда мы погибнем. А с юга еще дышит Турция, которая тоже не преминет оторвать от нас кусок, когда мы начнем погибать. А что будут делать страны Европы?

Задача политика в той ситуации виделась четко. Если не удастся избежать конфликта, то надо как можно дальше оттянуть его во времени и успеть максимально подготовиться. И обеспечить стране войну только на один фронт!

Зима 1938-39гг. прошла под знаком подготовки германо-польского нападения на СССР с целью захвата Украины. Уже в январе 1939г. сам Гитлер делает министру иностранных дел Польши полковнику Беку предложение: Польша отдает Данциг и «коридор» (экстерриториальная дорога к нему через земли, соединявшие Польшу с Балтийским морем), а взамен получает территориальную компенсацию на Украине. Польша долго колеблется. Заманчиво. Но в войну лезть не хочется. И Данциг отдавать тоже. Лишь в конце марта она отвергла эти предложения и стала сближаться с Англией.

Вечером 30 марта британский посол Кеннард обратился к Беку с предложением создать тройственный союз: Британия – Франция – Польша. Видеть в нем СССР Польша отказывается. А Гитлер, обозвав правителей Польши «трусливой, ни на что не способной бандой», уже 3 апреля приказывает начать подготовку к войне с Польшей (план «Вайсс»).

Отступление. Когда читаешь и слушаешь очередные польские обвинения в адрес нашей страны по поводу «убийства в 1940г. в Катыни пленных польских офицеров», думается, что Гитлер был не так уж далек от истины. Вспоминается судьба армии Андерса, сформированной из польских военнопленных, вооруженных и экипированных СССР. Оказалось, что гордых поляков ну никак невозможно заставить воевать с немцами.. В конце 1942г. они смылись в Иран, где обосновались на охране английских нефтепромыслов. Та же Катынь. Опустим детали : погибшие были расстреляны из немецких «Вальтеров», руки связаны бумажным шпагатом, который в СССР не производился, письма с датой 1941г. и пр.

Но есть один момент. В боях офицеры, кадровые военные, обязаны быть самыми стойкими. В той войне соотношение убитых солдат и офицеров у нас было в среднем 9:1, в 1940-м в кратких боях во Франции даже 3:1. А Польша? 32:1! Что это означает? То, что польские офицеры, изменив долгу и бросив солдат, просто трусливо сбежали.. Поэтому неважно кто их расстрелял. Сталин или Гитлер, пулю свою они заслужили.. Но по справедливости их должен был расстрелять сам польский народ!

Все-таки СССР продолжает дипломатические усилия, убеждая англичан и французов, что фашизм – это страшно и для них. В результате добиваемся формального согласия на переговоры, но они присылают представителей без права что-то решать и подписывать. И то, что они предлагают – какая-то фантазмагория! Если немцы нападают на нас, нам обещана «помощь» (как с Чехословакией?). Если же немцы нападают на Францию, то мы обязаны объявить им войну, да вот Польша нас пропускать не хочет. Никак не надавишь – суверенная страна!



При том нет гарантии, что когда мы в помощь союзникам объявим войну Германии, они не посидят немного за линией Мажино (в «помощь» Польше, объявив войну Германии, они сидели без выстрелов восемь месяцев) и заключат с ней сепаратный мир. А мы останемся один на один с противником.

А в это время Англия ведет активные переговоры с Германией. А в этот час у нас идет не конфликт, а масштабная война с японцами на Халхин-Голе (у американцев за всю войну не было подобных сражений с японцами на суше).

И немцы 20 августа просят нас принять Риббентропа для подписания пакта о ненападении. А англичане уже готовы в Лондоне принять Геринга. Учтем, в случае, если бы Сталин отказался принять Риббентропа 23 августа, то в этот же день начались переговоры Геринга в Лондоне, которые могли бы увенчаться сделкой за спиной СССР.

Прав ли был Сталин, сделав то, что уже сделали ранее Англия и Франция и другие страны, подписав 23 августа пакт о ненападении с Германией? Это зависит от того, что этим пактом достигли.

Обвинять сегодня, как делает Польша, Сталина в том, что этим пактом была развязана война и лживо, и нелепо. В Берлине, а не в Москве разрабатывались планы войны. И операции по плану «Вайс» начались точно в срок. Понять расчеты Гитлера можно. Он опасался как бы, на всякий случай, в войну не влез СССР. Но Польша нас и видеть не хотела. И первый, кого обрадовало подписание пакта, был польский министр иностранных дел Бек: «Теперь Польша спасена от коммунистов!». Англии и Франции Гитлер не опасался, тому есть много свидетельств. Поэтому, начав 1 сентября войну против Польши, оголил западный фланг, оставив в Германии 23 дивизии против 110 французских и английских.

А СССР этим пактом достиг многого. И того, что было сказано выше: возможности войны только на один фронт. Японский кабинет, возглавляемый Хиранумой, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 года подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создалось новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». «Предательство» германского союзника (как считали в Японии) во многом предопределило разгром 6-й японской армии, все лето ведшей упорные бои. 16 сентября 1939г. с Японией было подписано соглашение о прекращении военных действий. В результате этой «новой ориентации» 13 апреля 1941 года между СССР и Японией будет подписан договор о нейтралитете.

А «новая ориентация» – это война на Тихом океане. Та сталь, из которой будут в Японии сделаны корабельные пушки и снаряды к ним, уже не пойдет на полевые орудия и боеприпасы. Да и моряков переучить на танкистов нужно время! Если наш вероятный противник и не выводился из войны, то, по крайней мере, ослаблялся. Одной бумажкой под названием «пакт»!

А что касается содержания и смысла протоколов к пакту, то:

Во-первых, СССР вернул себе свои земли, захваченные во время гражданской войны и интервенции, вышел на «линию Керзона», что немаловажно.

Во-вторых, если бы СССР отказался от заключения пакта, Гитлер бы забрал себе всю Польшу, включая наши бывшие земли. И тогда, без сомнений,



сегодня нас кляли бы за то, что СССР не помог «несчастливым полякам».

В-третьих, думая об интересах своей страны, а не об абстрактном гуманизме и не менее в тот момент абстрактном международном праве, Сталин отодвигал географическую границу возможного нападения на нас.

И наконец, СССР получал время для подготовки к неизбежной войне с Германией.

И оно было использовано! За это краткое время будет напряженный труд по созданию военной техники и вооружений, тех, что прославились в годы Великой Отечественной – это все разработки 1939-41гг. И строительство армии. И трудное решение финского вопроса: Ленинград, а это 30 процентов оборонной промышленности страны, находился в зоне артиллерийского обстрела, а Финляндия никак не соглашалась отодвинуть границу (тоже захваченную во время гражданской войны), даже в обмен на территории, размерами в два раза больше.

А 22 июня 1941 года начнется Великая Отечественная война.

Эпилог. Отстраненно

Недалек тот день, когда мы, отдав почести, похороним последнего солдата Второй мировой войны. Но, давайте подумаем с точки зрения знания реалий сегодняшнего дня – кто в ней окончательно выиграл, а кто оказался в проигрыше?

И немцы и японцы, действовали как самые бесшабашные игроки, рассчитывая друг на друга и на то, что удастся победить методами молниеносной войны. И действовали они похоже. Если Гитлер, для того, чтобы обеспечить свой тыл перед войной с русскими, обрушился на Францию, то японцы решили сначала «отключить» США на Тихом океане.

Могли ли немцы и японцы победить? Да, могли – если бы верхи СССР оказались сломленными психологически в тяжелых 1941 – 42гг. и пошли на капитуляцию перед Германией. Есть много детальных анализов, не будем на них останавливаться.

И все же в итоге Германия и Япония сработали как камикадзе, Ради чужих интересов.

Они еще поднапрягутся в «холодной войне», будут у них свои, к нашему времени еще потускневшие «экономические чудеса». Но, глядя сегодня на немецких бургеров, вяло сосущих пиво и смотрящих грубую немецкую порнуху, как-то не верится, что это потомки стальных колонн Рейха. И японцы, превратившиеся в сущих трудоголиков, крутящихся в ежедневном колесе выживания, одиноки и в чем-то надломлены. В обеих странах привит комплекс вины, идет серьезная депопуляция. Будущее вряд ли за ними.

Но нельзя назвать победителями и Францию с Британией, утративших в результате свои империи, попавших под контроль США и уже не поднявшиеся после войны до прежней роли великих стран.

Единственный, кто, безусловно, выиграл – это США. Есть много высказываний американских элитариев еще в 1941г., в которых они неприкрыто говорили: нам все это выгодно, это расчищает путь к нашей финансовой планетарной власти, это убивает возможность немцев и русских стать нашими соперниками. И действительно, в итоге этой войны доллар смел со своего пути все конкурирующие валюты и стал властелином мира. И ведь в конце концов в послевоен-



ном противостоянии они смогли таки надломить и нас, и гибель нашей страны в 1991г. – это последствие чудовищных потерь в 1941-45гг.!

Мы в жесточайшем военном напряжении смогли отстоять свободу своей Родины. Но дело в том, что немецкое нашествие почти убило цивилизацию Красной Мечты, которую пытался создать Сталин. Война уничтожила ее носителей, проникнутых ее духом – молодежь. Этот бесценный людской капитал накопился в нашей стране уже к концу 1930-х годов. То были юноши и девушки, которые олицетворяли собой слова песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Это поколение свято верило: мы можем все! Разгадать все тайны, слетать на Марс, проникнуть в недра планеты... Чтобы окунуться в ту атмосферу, достаточно посмотреть довоенные фильмы, прочитать довоенную фантастику.

И это не было пустыми грезами. С конца 1930-х годов у нас вкладываются громадные деньги в науку, образование, исследования по ядерной физике. Именно сталинская молодежь, воспитанная на всем этом, и должна была в 1950-60-годах стать у руля страны, повести ее даже не в прорыв, а в полет.

Первый в мире спутник, Гагарин, атомоходы и новые города в тайге – это лишь бледная тень того, что должно было появиться у нас, если бы не война. Но даже этот ослабленный вариант «русского чуда» потряс мир, заставив Запад конкурировать с нами изо всех сил. А если бы рывок состоялся в полную силу, как планировалось в 1930-е?

Увы, вместо штурвалов космопланов, ребятам поколения Зои Космодемьянской и Олега Кошова пришлось взять в руки винтовки и бутылки с «коктейлем Молотова», идти в пехоту и партизанские отряды. Под Брестом и Сталинградом гибли неслучившиеся космонавты и изобретатели. А тем из них, кто уцелел, пришлось не подземоходы и машины времени строить, а надрывать жилы, разбирая руины городов, заново подымать промышленность и спасать страну от голода.

Сегодня в наши души смотрят десятки миллионов погибших на фронте и в концлагерях, расстрелянных и сожженных заживо, искалеченных и умерших от голода и лишений, овдовевших женщин, миллионы нерожденных детей.

Так что, направляя мысль в предвоенные и военные годы, следует помнить: мы никому ничего не должны за ту войну! А вот нам должны крепко! В том числе и за сегодняшний безрадостный день.

И, читая нынешние опусы официальных «демократических» писак, по холуйски поливающих грязью нашу страну и возводящих пособников врага в ранг героев, знать – эта война, пусть в inferнальном пространстве, еще продолжается.

Татьяна Забуга-Ларина Луганск

ВСПОМНИМ ЛУЧШИЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

Книги о войне... Первая, которая вспоминается, это «И один в поле воин» Юрия Дольд-Михайлика.. Будучи пятилетним ребенком вечерами слушала сказки, читаемые отцом. Но вдруг в доме появилась толстая книга, чтение которой отодвинуло на второй план все мои сказки. Отец просил потерпеть несколько дней, пока прочтет эту книгу, так как её нужно было быстро вернуть. Из его



коротких рассказов я узнала о подвиге советского разведчика, проникшего в самое логово врага. Позже была книга Н.Гнидюка «Прыжок в легенду» из которой я узнала о героизме партизанского отряда Медведева и о разведчике Николае Кузнецове. Далее была книга о генерале Карбышеве, принявшего в концлагере мученическую смерть за отказ оккупантам в сотрудничестве.

А потом, уже в школьные годы, были «А зри здесь тихие» В. Васильева, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Судьба человека» и «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и, конечно, же «Молодая гвардия» А.Фадеева и др. А сколько стихов советских поэтов на тему войны было перечитано! Одно из любимых – «Жди меня» К.Симонова. На какой же книге остановиться сегодня? Может быть, вспомнить первый день войны семьи Синцовых, которые, не доехав до санатория в Гурзуфе, на вокзале в Симферополе услышали о начале войны и тут же взяли билеты обратно в Гродно? А может быть о сержанте Васькове и девчонках из пятой роты зенитно-пулеметного батальона? А может? Нет.

Остановлюсь я сегодня на книге памяти Украины «Победители» Луганская область т.1 / ООО «Промдрук», г.Луганск, 2006год/ с дарственной подписью: «Дорогой племяннице. Храни и помни». А выше этой подписи эпиграф к книге: «В воспоминаньях мы тужить не будем. Зачем туманить грустью ясность дней? Свой добрый век мы прожили как люди и для людей». А потом слово к потомкам: «Мы уходим...». Группа ветеранов Великой Отечественной войны обращается к нам, нашим детям, внукам. Им досталась незабываемая юность, они были воспитаны на подвигах героев гражданской войны Чапаева и Щорса. Они радовались рекордам Чкалова, покорителей Северного полюса и Алексея Стаханова, вступлению в строй Днепрогэса и заводов-гигантов. Но созидательный труд советского народа был прерван нашестием фашистских агрессоров. «Мы сокрушили фашизм, поработивший многие города и государства. И поднимаясь с колен, на разных языках кричала нам Европа: «Братья» – и пела, и накрывала столы, и орошала закопченные советские танки слезами и терпким балканским вином. Кто не был с нами в те дни, то не знает, что такое счастье... Мы уходим. Пусть эта многотомная книга станет для вас, наши дети, внуки и правнуки, нетленным памятником великого подвига нашего поколения во имя свободы и счастья Родины и ее будущих поколений!... Мы уходим... Помните нас! ». Всего 22 Тома Книги Памяти и Книги Скорби Луганщины!

А я открываю подаренный мне том первый с именами ветеранов Ленинского и Артемовского районов города Луганска и перечитываю внесенные туда имена фронтовиков.

Сведения о каждом занимают всего несколько строк, но за каждой из них – человеческие судьбы. Ищу знакомые имена.

И вот, Бугорков Степан Степанович, капитан 230 п.НКВД, награжден орденом Отечественной войны 2ст. и множественными медалями.. Кто же из моих земляков-литераторов не знает этого имени? Впервые о нем я услышала в конце 60-х годов, теперь уже прошлого столетия. О Степане Бугоркове нам рассказала наш классный руководитель, учитель украинского языка и литературы Алексеева Лидия Петровна, а потом она же пригласила его к нам в школу на встречу. Степан Степанович рассказал нам, семиклассникам, о войне и о том, как в вместе со сво-



ей дивизией освобождал наш город, читал свои стихи. Писать стихи он начал на фронте и печатался в газетах и журналах. С 1950 по 1961 г. работал журналистом в газете «Луганская правда», где заведовал отделом культуры. Был первым руководителем областного литературного объединения Луганской области. Автор поэтических сборников «На переднем крае», «Встреча с юностью», «Весенние ливни» и других, романов о войне «Жаркое лето», «Солдатки». В ноябре прошлого года Степану Бугоркову могло бы исполниться 90 лет, но он умер ещё в 1992 году.

А вот, ныне здравствующий Лесничевский Аркадий Алексеевич, почетный гражданин города Луганска, депутат нескольких созывов Луганского городского совета, создатель и бессменный руководитель крупнейшей автотранспортных предприятий Украины ООО «Транспеле» и ООО «ЛАА Транс». Заслуженный работник транспорта Украины, Почетный транспортник Российской Федерации и Украины, Академик Транспортной академии Украины, Почетный доктор ВНУ им.Даля. Награждён орденами и медалями за заслуги в развитии автомобильного транспорта, двумя орденами князя Ярослава Мудрого IV и V степеней. Главный праздник для Аркадия Лесничевского, конечно же – День Победы. Курсант Одесского пехотного училища в ряды защитников Родины встал в 1944 году.

За участие в ВОВ награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степеней, «За мужество», медалями и почетными знаками.

Следующее знакомое мне имя – Матусовский Михаил Львович, военный корреспондент, а в послевоенное время один из самых известных поэтов-песенников СССР. Да что там Союза, его «Подмосковные вечера» пели и поют во всем мире! Награжден орденами Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, Лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Луганска. Умер и похоронен в Москве в 1990 г. А с недавнего времени каждый желающий может сфотографироваться рядом с его памятником у здания Луганского государственного института культуры и искусств. Моя мама часто вспоминает, как в молодости она с подругой фотографировалась у Льва Матусовского и фото это в рамочке висит у нее на стене. Многих людей, встретившихся в ее жизни, она давно позабыла, а имя нашего земляка, настоящего мастера своего дела, отца знаменитого на весь мир поэта, пронесла через всю жизнь.

Минаев Иван Григорьевич – бывший узник Германии, впоследствии рядовой, защищавший Родину в победном 1945 году. В послевоенное время заслуженный строитель, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями, первый Почетный гражданин Луганской области и Почетный гражданин г.Луганска. Работая более 20 лет начальником комбината «Луганскжилстрой» внес большой вклад в создание архитектурного облика Луганска. Под руководством Минаева Ивана Григорьевича в Луганской области были построены многие промышленные предприятия, жилые дома. Это и уникальные комплексы областной больницы, медицинского и машиностроительного институтов, объектов культуры и спорта. Украшением города стали сооружения цирка, русского драматического театра, краеведческого музея, гостиницы «Луганск», молодежного комплекса «Дружба», автовокзала, здания междугородней телефонной станции. Умер Минаев И.Г в 2008 году. В память о нем в городе установлены мемориальная доска и бюст.



Молодчий Александр Игнатьевич, родился, учился в школе, а затем окончил военно-авиационную школу пилотов г.Луганске. Первый прижизненный Дважды Герой Советского Союза эпохи Великой Отечественной войны. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1ст., Красной Звезды, медалями. Лётчик, совершивший триста одиннадцать боевых вылетов (в том числе двести восемьдесят семь ночных). Участвовал во многих бомбардировках крупных военных и промышленных объектов врага, сбросив на них свыше двухсот тонн бомб. При выполнении боевых заданий налетал в общей сложности более шестисот тысяч километров при этом около ста девяноста тысяч километров – пролетел над территорией врага. После войны окончил Академию Генерального штаба и служил на ответственных должностях в ВВС СССР. Ему присвоение «генерал-лейтенант авиации» При жизни ему установлен бронзовый бюст на Красной площади в родном городе. С 1965г. – в запасе, а затем в отставке. После этого работал около двух лет управляющим областным топливным трестом в г. Луганске., а потом жил в Чернигове. Умер в 2002г в авиационном госпитале города Винница. Похоронен в городе Чернигове, где установлен ему надгробный памятник и на доме, где он жил в последнее время, установлена мемориальная доска, а одна из улиц носит его имя.

Недовес Александр Сергеевич, рядовой, награжден орденом Отечественной войны 2ст. Александра Сергеевича я не знала, а вот с его сыном Анатолием продолжительное время работала в одной организации, и вот что он мне рассказал об отце. До войны Александр работал на заводе имени Ленина. Когда эвакуировали завод, его жену и двоих маленьких детей в эвакуацию не взяли. Тогда и он отказался от эвакуации, а вскоре был призван в ряды Советской Армии и направлен на фронт. Служил пулемётчиком. Первое ранение получил недалеко от дома под селом Белое. Каким-то образом жена узнала об этом и привезла его госпиталь в город Ворошиловград, где он был прооперирован и проходил лечение. После выздоровления снова ушел на фронт и был еще дважды ранен. Интересно, что и после ранения под Волгой жена вновь его разыскала и привезла в родной город. Так любовь и заботливые руки Евдокии снова вернули к жизни родного человека, с которым они прожили еще более пятидесяти лет. Хотя осколки снарядов оставались в теле Александра и часто давали о себе знать, однако не помешали прожить ему до девяноста двух лет.

Резников Михаил Николаевич прошел всю войну. Оборонял Москву, Сталинград, Кавказ, освобождал Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию. Был дважды ранен. В декабре 1947 года Михаил Резников был назначен первым военным комендантом Ворошиловградского гарнизона, и в этой должности проходил службу до 1957 года. Родина отметила его ратные подвиги Орденом Боевого Красного Знамени, Орденом Отечественной Войны 1-й степени, Орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени, двумя Орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и еще более чем 30-ю медалями и пятью казачьими крестами. Трижды полковник. Полковник Советской Армии, полковник Всевеликого войска Донского и полковник армии Украины. Всю свою жизнь этот выдающийся человек посвятил делу служения Отечеству. Избирался депутатом горсовета. Почетный гражданин города Луганска. В 2007 году награждён Почетным знаком «За заслуги перед Луганском». Этого подтянутого, с роскошными



усами, с орденами и медалями на обеих полях кителя уже немолодого война я очень часто встречала на улицах и площадях Ленинского района. Михаил Николаевич несменный воспитатель молодого поколения в духе патриотизма и любви к Родине. Он – флагман всех парадов и демонстраций, торжественных мероприятий города. Когда вышла в свет «Книга памяти» Михаил Николаевич еще был жив, в апреле 2008г. перестало биться беспокойное сердце ветерана.

Павленко Петр Павлович, уроженец с.Веселая Гора Луганской области, лейтенант 951 штурмового авиаполка награжден орденами Отечественной войны 1 и 2ст., Славы 3ст., Богдана Хмельницкого, медалями «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «за боевые заслуги». И хоть был он лишь лейтенантом, в глазах сотрудников жилищно-эксплуатационного объединения Ленинского района, где на протяжении ряда лет он заведовал бомбоубежищем, противогазами, респираторами, спецплакатами и Картами дислокации сотрудников во время «атомной угрозы», всегда выглядел «настоящим полковником». К огромному огорчению дозвониться по телефону, который у меня был не удалось, а справочное ответило, что на это имя телефон не зарегистрирован. Предприятие, ранее всегда поздравлявшее бывших своих сотрудников – участников войны с Днем Победы, ликвидировано...

Пожаров Михаил Михайлович – в Книге указано лишь, что он участник ВОВ, а умер и похоронен в Луганске в 2000 году. Фамилия оказалась мне известной, и я решила разузнать о нём поподробнее. Дочь война Лариса сожалела, что награды отца и документы были похищены и точных данных о нем предоставить не может. Что она помнит, так это то, что закончил он перед войной Ворошиловградский железнодорожный техникум. В техникуме Миша познакомился со своей будущей женой – Женей Ковалевой. Поженившись, жили они в Ворошиловграде. Потом была война и разлука. Он в частях Красной Армии, она – с пятилетней дочерью в эвакуации в Омске вместе с паровозостроительным заводом имени Октябрьской революции. В конце войны Евгения Васильевна была отозвана ЦК КП/б/ на восстановление родного города. Несмотря на то, что Пожарова Евгения Васильевна не была непосредственно на фронте, она вела бой с послевоенной разрухой и своим трудом заслужила не меньше наград. Но во время войны, насколько мне известно, награждали в основном воинов. До того времени, когда работников трудового фронта приравнивали к участникам войны, Пожарова Е.В. не дождала. Мне все-таки хочется перечислить некоторые ответственные должности этой женщины: ст. инженер, освобожденный секретарь эвакуированного завода, заведующая отделом строительства и стройматериалов горкома и обкома КП/б/ Украины, секретарь горкома партии, заместитель начальника комбината «Ворошиловградшахтострой», заместитель начальника отдела капитального строительства Луганского Совнархоза, директор строящихся предприятий комбината «Краснодонуголь». В 1978году Евгения Васильевна была делегирована на съезд шахтеров в столицу СССР город Москву. Это стало её последним партийным поручением. Лариса помнит её слова о том, что самый порядочный народ – это шахтеры: они не предадут, не оставят в беде, не соврнут. Но вернёмся к Михаилу Михайловичу. В годы Великой Отечественной войны перекопская земля не раз становилась ареной ожесточенных боев. Осенью сорок третьего года у фашистов отвоевывали одну за другой оккупированные территории, одним из очередных



плацдармов был отвоеван берег озера Сиваш. Войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление, которое привело к полному освобождению Крыма. В холодных водах озера Михаил получил тяжелое заболевание, лечить которое пришлось всю жизнь. Лариса вспоминает, что пройдя пол Европы, отцу тогда красивой других стран показалась Чехословакия.

Сидоров Михаил Михайлович, разведчик Великой Отечественной, более семи лет отслужил в Вооруженных силах, награжден орденом Отечественной войны 2ст., медалью «За победу над Японией». А когда закончилась война и на Дальнем Востоке, приехал погостить к брату на Донбасс. Здесь, в Луганске, он встретил девушку Раю, которая так же приехала в гости с Воронежской области. Были нежные письма с бессменным обращением на «Вы», были нечастые встречи с походами в кинотеатр «Октябрь», где он всегда перед началом сеанса старался накормить её. Прежде всего накормить человека – это было его правилом до конца жизни, потому что сам пережил страшный голод и в восьмилетнем возрасте потерял родителей. В послевоенное время девушек «на выданье» было значительно больше, чем вернувшихся с фронтов мужчин: «Мог бы «Минька» и побогаче найти, с домом или с квартирой, а выбрал меня «беспреданницу», - вспоминает Раиса Петровна. И была она за ним более пятидесяти лет «как за каменной стеной» - всю мужскую работу по дому выполнял, да и ей по хозяйству да дочек поднимать помогал. А на работе в научно-исследовательском институте, где работал автомехаником, даже учёные мужи, иначе как «профессором» его не называли. Читает «Книгу» вдова воина и благодарит её создателей за память, оставленную о её муже и других освободителях нашей Родины.

Стрёмовский Исаак Абрамович, участник войны капитан медицинской службы. Награждён орденом Отечественной войны 2ст. Имя это я помню с детства: Стрёмовский был стоматологом в пятой городской больнице и все стремились попасть на приём именно к нему. После распада СССР он уехал на постоянное место жительства в Израиль. По некоторым данным мне стало известно, что Исаак Абрамович там же умер.

Вспомнив о войне-медики невольно пришли на память рассказы мамы о Евгении Евграфовне Скворцовой. Возможно, имя её занесено в другой том «Книги», но мне хотелось бы несколько слов сказать об этой необычной женщине. В нашем городе Евгения Евграфовна жила и работала с мужем, тоже медиком, около пятидесяти лет, приехав сюда в 1911 году. Заведя гинекологическим отделением в областной больнице, она никогда не считалась со временем, приходя на смену задолго до её начала и оставаясь после её окончания. Четкая, организованная работа заведующей и твёрдая дисциплина сотрудников, способствовали тому, что отделение было лучшим во всей больнице. В тяжёлые годы Великой Отечественной войны они с мужем не покинули наш город и продолжали работать, продолжая лечить больных, организовали медицинскую помощь раненым. За образцовую организацию медицинской помощи раненым ей приказом начальника Ворошиловградского гарнизона была объявлена благодарность и присвоено звание «Отличник здравоохранения». В Музее истории и культуры города Луганске я видела много фотографий и коллекцию её вещей. Медицинский инструмент и изящные перчатки, кажется, до сих пор, хранят тепло её рук. Особое чувство вызвало её завещание: «Молодым товарищам желаю того, что



ценно во все времена, при всех обстоятельствах: честность, любовь к труду, уважение и любовь к человеку. Это необходимо, чтобы человек был настоящим человеком. Это никогда ему не изменит и всегда будет поддерживать в трудные минуты жизни». Кроме упомянутых отличий, Скворцова Евгения Евграфовна за свой труд была удостоена орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, ей присвоено звание «Заслуженный врач УССР».

Фрольченко Иван Александрович, участник ВОВ, рядовой 179 гвардейской дивизии, награжден Орденом Отечественной войны 1ст., медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой отечественной войне», «За отвагу».

Мне пришлось познакомиться с этим человеком, когда он пытался отстоять свое право на получение, предусмотренных законами, но не полученными доплатами к пенсии. Какие-то суммы доплат судом в прошлом году определены, но не дождался их ветеран, умерев весной нынешнего года.

Чаков Александр Михайлович, гвардии старший лейтенант 176 гвардейского полка 59 стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1ст., Славы 2 и 3ст, «За мужество», медалями «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», юбилейными знаками и медалями. Война для Александра началась в поселке Красный Яр, где он жил со старшим братом. На оккупированной немцами территории в лесу над Донцом действовал партизанский отряд, а Александр с друзьями-подростками носили им хлеб, выпекаемый местными жительницами. Однажды, заподозрив мальчишку в связи с партизанами, немцы чуть было не расстреляли его. Выручил дедушка, у которого расположились фашисты. Второй раз Александр рисковал жизнью, скрывая дома со старшей сестрой раненных солдат. А когда части Красной армии освободили Луганск, Александр был призван в её ряды. После Победы над фашистской Германией, вернувшись в родной город, познакомился с подругой сестры Марии - Галиной. Мария и Галина прошли вместе путь от освобождения Ворошиловграда до победы над Германией. Чакова Галина Сергеевна награждена орденами «За мужество», Отечественной войны 2ст., медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Вспоминая тяжелое военное время, глаза четы озаряются каким-то теплым огоньком, ведь то была борьба с врагом за независимость Родины. И после войны люди, пережившие большое горе, были добрее друг к другу. Сейчас же в наше время им пришлось не раз пережить обман со стороны соотечественников, беззаконие со стороны власть имущих, что никоим образом не продлевает им жизнь и не добавляет здоровья. А им как хочется спокойно ложиться спать и спокойно просыпаться – они это заслужили.

Знала я и Шамоту Евгения Никитовича, уроженца Сахновщины Харьковской области. Заместитель начальника по капитальному строительству управления коммунального хозяйства Луганской области в семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия, лейтенант, прошел всю войну, награжден Орденом Отечественной войны и медалями, которые блестили на парадном костюме тогдашнего парторга, возглавлявшего колонну коммунальчиков на городских демонстрациях в честь ежегодного празднования 1Мая, Дня Победы и Праздника Великого Октября. К большому сожалению, уже точно не помню, что именно



рассказывал нам, тогдашним комсомольцам, Евгений Никитович о войне, но помню, как он возглавлял коммунистические субботники, поездки для оказания шефской помощи совхозам в выращивании овощей. Думаю, что не буду оригинальной, если скажу, что сейчас коллективам предприятий и организаций не хватает для сплочения именно этих поездок и демонстраций, когда в едином строю мы чувствовали плечо друг друга. Умер Евгений Никитович в 1996г., похоронен в Луганске.

Шеремет Александр Степанович, ст.лейтенант, награжден Орденами Отечественной войны 2ст. и Красной Звезды, медалями. В годы войны он воевал в инженерных войсках строя рубежи обороны и оборонительные позиции, возводил мосты и переправы. Был ранен, после выздоровления снова вернулся на фронт, а в 1944 году был отозван из рядов вооруженных сил на восстановление Луганска. Более тридцати лет Александр Степанович отстраивал и строил родной город, являясь его главным архитектором. Особое внимание Шеремет А.С. уделял озеленению площадей и улиц, созданию парков и скверов. Не удалось отстоять и вызвало большое сожаление Александра Степановича, как и многих луганчан, уничтожение липовой аллеи, разделявшей проезжую часть главной улицы – Советской. Уничтожение зеленых насаждений моего родного города, которое ведется в последние годы «незалежності» никак не является памятью архитектора послевоенного да и последующего советского времени. Умер в 1985году, а более сорока зданий и сооружений, автором или соавтором которых он был, будут ещё долго служить его землякам.

Одним из членов редколлегии «Книги памяти» был Геннадий Станиславович Довнар, участник Великой Отечественной войны. В период оккупации территории фашистами ведет против них борьбу, распространяя листовки. Неоднократно арестовывался полицией и был заключен в концлагерь, откуда ему удалось бежать и присоединиться к частям действующей армии. Г. С. Довнар – Кавалер орденов Отечественной войны 1ст., Славы 3-й ст., медалей «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За Победу над Германией» и множество других боевых и трудовых медалей. Вначале рядовой миномётчик, а позже командир минометного взвода он освобождал от фашистов территории Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии, Дважды был тяжело ранен в боях. Демобилизовавшись из рядов Армии, Геннадий поступает на филологический факультет Одесского государственного университета, после окончания которого работает в школе, а затем в редакции областной газеты «Прапор перемоги», более двадцати пяти лет главный редактор Луганского областного телевидения. Автор около тридцати изданных книг повестей, рассказов романов, публицистических очерков, пьес и сценариев. Геннадий Довнар – член Союза писателей СССР, член МСПУ. За весомый вклад в литературу удостоен многих премий и наград, Почетный гражданин города Луганска. В заключительном слове к Книге памяти – «Историческая правда – в память потомкам» Г.Довнар обращается к потомкам с просьбой сохранить историю Великой Отечественной войны и память о её героях. В декабре 2009 года сердце Геннадия Станиславовича Довнара перестало биться.

Неполным будет мой рассказ о тех земляках-героях Великой Отечественной, к которым прямо или косвенно пришлось мне в жизни прикоснуться, если не скажу о Клименте Ефремовиче Ворошилове. Его имя носил город, в кото-



ром я родилась и периодически, в зависимости от его переименования, жила. За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы становления Советской власти, в годы Великой Отечественной войны, годы послевоенного становления К.Е.Ворошилов удостоен дважды Героя Советского Союза, звания Героя Социалистического Труда, награжден восемью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова, многими орденами и медалями. Памятник славному земляку установлен в центре города, а в музее истории города открыта выставка к 130-летию со дня его рождения.

«Книга памяти», а в ней сотни фамилий и всего лишь по несколько строчек о каждом, а за ними целые судьбы. Листают эту книгу пережившие своих мужей жены, жен – мужья, а также их дети, внуки и правнуки. Кроме своих родных находят знакомые фамилии и таким образом память о войнах-освободителях, память длинную в жизнь, не померкнет вовек. Поэтесса-луганчанка Людмила Морозова выразила благодарность ветеранам Великой Отечественной своими стихами:

«Давно была война
И мало вас, живых.
Наденьте ордена
Вы заслужили их.
Нижайший вам поклон
И мертвым и живым,
За наш спокойный сон
Мы вас благодарим»

Луганский поэт Юрий Цыганков-Серебряков уверен, что память о прошедшей войне вечна:

«Скорбящей матери боль сердца не унять,
Как жизнь сама неугасимо пламя.
Торжественно у Вечного огня
Стоит в почётном карауле память»

И если Людмила Морозова и Юрий Цыганков-Серебряков, пусть ещё детскими, но всё-таки своими глазами, видели ужасы прошедшей войны, то Наталия Морозова-Мавроди, родившись в послевоенное время, талантливо продолжает эту тему и, как бы обобщает идею создания Книги памяти «Победители»:

«Давно закончилась жестокая война,
И заросли полынью горькой раны,
Всё меньше остаётся ветеранов
И вместо лиц – всё чаще имена».

Василий Нарыжный Луганск

СЮЖЕТЫ НЕ ИЗ КИНОФИЛЬМОВ

Всё дальше на Запад откатывался фронт военных действий, но на Северном флоте было ещё очень тревожно. Именно сюда, после курса молодого бойца, попал на службу юный Сашко. Случилось так, что перед самым призывом в их дом



пришло печальное известие о том, что его отец – Василий Трофимович Махуков погиб смертью храбрый в Прибалтике, освобождая Литву...

И вот Махуков-младший попадает служить именно в Прибалтику, потом – Архангельск и далее – Северный флот. Сжалось сердце от боли, когда он проезжал те места, где совсем недавно гремели кровопролитные бои и где погиб его отец, ушедший на фронт ещё в 1941-м... Но собрал свою волю в кулак молодой моряк и каждый раз, когда заступал на боевую вахту понимал, что он выполняет свой воинский долг – священный долг перед Родиной как и его отец, недоживший до светлого Дня Победы.

Александр в совершенстве овладел корабельным орудием, выполнял учебные стрельбы только на «отлично». Всегда был готов отразить врага, ведь совсем недалеко ещё гремели бои. И не случайно, много лет спустя у него родился такой сюжет будущей картины (рисовать он начал ещё в школьные годы):

...На переднем плане – небольшая пирамидка из камней, увенчанная бескозыркой. Рядом стоят боевые товарищи погибшего матроса с оружием в руках. Кроме моряков, в скорбном молчании застыли артиллеристы и пехотинцы, один из которых в бинтах – все, кто только что возвратились из боевого задания. И кажется, сейчас эти мужественные бойцы, похоронив своего товарища, ринутся снова в смертельную схватку с ненавистным врагом. Ведь за их спинами, не вдалеке, продолжается жестокий бой, море охвачено огнем, клубы черного дыма заволкли полнеба...

Это живописное полотно я совсем недавно увидел на персональной выставке луганского художника Александра Васильевича Махукова в Галерее искусств Луганского областного художественного музея. А рядом с этим эпизодом, времён Великой Отечественной войны, были расположены его эпохальное полотно «Победа» и серия картин, посвященная немеркнувшей памяти той войны, а также пейзажи, натюрморты.

Почему я так подробно решил написать об этом? Да потому, что Александр Васильевич создавал свои сюжеты не по кинофильмам и не по книгам. Он – участник Великой Отечественной и своими глазами видел и горечь утрат, и ликующих людей в победном 45-м. Цепкая память юноши все это впоследствии воплощала в эскизах и этюдах, а потом – и в больших живописных работах. Некоторые из них и демонстрируются на этой выставке. Она как бы объединяет многогранный потенциал мастера в разнообразных направлениях жанрового поиска.

Но все-таки, на мой взгляд, наиглавнейшее место в его творчестве занимает пейзаж – пейзаж широкий, красочный, откровенный и добрый, как и душа самого художника. И это понятно, ведь он родился на реке Деркул и с детства влюбился в его живописные берега, в его чистую прохладную воду. И впервые начал рисовать именно здесь. А в дальнейшем, будучи уже оформителем, научился грамотности рисунка и точности композиции.

И на флоте, где кроме непростой службы, в любую минуту не переставал рисовать друзей-моряков, придумывал собственные сюжеты и выполнял по заказу командования необходимые копии. Так, умелые руки Александра создали стенд живописных портретов «Слава русским флотоводцам», фотокопии кото-



рого впоследствии были разосланы в близрасположенные боевые части для поднятия патриотического духа защитников нашего Отечества.

Вот так и свою небольшую лепту вносил художник в приближение Великой Победы. Все эти навыки ему здоровогодились, когда после службы он стал работать в Луганском товариществе художников. Об этом Александр Васильевич вспоминает так:

– Это были интереснейшие годы моего, так сказать, художественного становления. И с особой благодарностью вспоминаю своих учителей, уже известных тогда луганских художников Моисея Львовича Вольштейна, Тамару Никитичну Капканец, Александра Александровича Фильберта. А разве можно забыть чудесные лекции очень известного в то время не только у нас в Луганске, но и в Киеве, и в Москве художника-живописца и теоретика искусства Федора Власовича Ковалева (1919-1988 гг.). Он жил и работал в Луганске, окончил наше художественное училище, потом – Ленинградский институт им. И.Е. Репина Академии художеств СССР в 1955 году. И как апофеоз его творческой деятельности, он издал свой замечательный труд «Золотое сечение в живописи». Над этой книгой Федор Власович работал на протяжении всей творческой жизни. И как жаль, что всего год он не дожил до выхода в свет этой книги в 1989 году. И теперь она у меня является настольной книгой.

Что касается службы А.В. Махукова, то она очень затянулась – призван был в грозном 44-м и только в 1951 году возвратился в родной, покалеченный войной, Луганск. Такие задержки были из «политических» соображений оборонного значения. Как известно, и после войны ещё было очень тревожное время в мире...

– Да, когда я «пришвартовался» в Луганске, – продолжил старый моряк, – было много развалин, но буквально на глазах город быстро преобразался, работа кипела вовсю – днём и ночью. Хватало работы и нам. Наше товарищество художников располагалось в здании, чудом сохранившейся, синагоги на улице Т.Г. Шевченка. Не было ни света, ни отопления, но ни на один день не прекращали выполнять заказы. А их было множество: писали плакаты, надписи для административных и торговых зданий, копии картин известных художников, портреты героев войны. Так что художники были очень востребованы. Они в шутку говорили, что это была «эра копий и стекла»...

Потом мы переехали на улицу Котельникова. О, здесь уже были и свет, и тепло! Так что работали и по ночам. Этот заряд бодрости и вдохновения сохранился у меня и по сей день. Творческая работа не прекращается – перерабатываю старые этюды, пишу новые картины и натюрморты.

Александр Васильевич улыбнулся, я бы сказал, по-молодому, с каким-то задором и блеском в глазах. Густые седые волосы рассыпались и заискрились серебром в лучах апрельского солнца, что проникали через окно в его мастерской. А вокруг – картины, картины тесными рядами заполнили всё небольшое пространство его малюсенькой мастерской в луганском Доме художника. Но он не обижается на тесноту, говорит – главное надо работать. И как работает! А ведь ему за 80!..



– Вы знаете, – говорит он всё с той же приятной улыбкой, – если бы не хлопцы-художники, которые начали звонить и поздравлять с днём рождения, я бы, наверное, и забыл, что надо серьёзно об этом подумать... Ведь всё некогда и некогда – сколько ещё надо дописать начатых картин, а сколько этюдов ожидает воплощения в жизнь!

Да, это уж точно, сам видел сколько их – новых и старых. Все творческие годы А.В. Махуков где бы он ни был, не расставался с этюдником. Его коллеги даже шутят по этому поводу, мол, Александр Васильевич, наверное, и в магазин ходит с этюдником... Шутки шутками, а творческий потенциал художника в таком возрасте приятно не иссякает. Тем более, что он ещё и общественную работу проводит с энтузиазмом – он большой друг Областного художественного музея, где возглавляет клуб художников-ветеранов войны и труда.

– Вижу, что у вас, непременно, есть задумки, планы, поездки на природу?..

– Естественно – целая куча!

– И всегда с этюдником, конечно?

– А как же иначе? Вот, бывало, приедем с единомышленниками на рыбалку, забросим удочки-донки и сразу устанавливаем этюдники. И пока звоночки не сообщат о клёве, успеваем сделать несколько набросков. Ведь красота-то какая вокруг!.. Вот некоторые говорят, что мол, какая там красота в Донбассе?.. Эге-ге, это говорят те люди, которые, наверное, кроме своих кошельков да машин ничего не видят. А ведь у нас сколько живописных уголков – не перечсть! Вот и хочется побольше успеть запечатлеть эту красоту на полотне, чтобы люди воочию убедились и не говорили, что Донбасс плох в этом отношении...

Александр Васильевич на минутку задумался, посмотрел на свои неоконченные работы, потрогал зачем-то два новых подрамника, а потом сказал:

– Дело в том, что большинство молодых художников нечасто выезжают на природу, а большинство творят в мастерских. И побыстрее – чтобы продать. А как же искусство? Вот вам и плохой Донбасс... И на выставке его работ убеждаешься – А.В.Махуков всей душой предан родной природе нашего края. Его пейзажи завораживают. Смотришь, и кажется, ощущаешь, как гуляет ветер в гривистой зелени ветвей, или ощущаешь запах наших степных трав. Добро-совестно, добротно и мастерски сработаны, пускай незатейливые сюжеты, но теплоту сердца художника ощущаешь наяву. Это можно сказать и о его портретной живописи, о жанровых сценках и, естественно, о натюрмортах – этого маленького букета от огромного букета нашей матери-Природы. И верный сын ее, один из старейших художников Луганщины – Александр Васильевич Махуков.

– Прошу прощения, может быть, за не очень корректный вопрос – как с могилой отца, удалось разыскать?

– Почему не корректный, очень даже корректный вопрос... Дело в том, что



я писал запросы во все военные инстанции, но всегда получал ответ, что похоронен он где-то в братской могиле, а где именно – неизвестно, ведь Прибалтика – большая территория. Даже собирался как-то поехать туда, но видите, что там творится...

Он замолчал, посмотрел задумчиво в окно и тихо продолжил:

– Для меня День Победы всегда – святой день. И вспоминаю не только отца, но и своих одноклассников, погибших на фронтах Великой Отечественной... И так трогательно, ёмко и точно об этом написала поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина:

Вновь прошлого кинолента
Раскручена предо мной –
Всего только три процента
Мальчишек пришли домой...

– Вы знаете, эти строчки давно врезались мне в память. И чтобы я ни делал, а эти мальчишки у меня как перед глазами... Всё время думаю написать об этом сюжет, не для себя – для всех, в ком память жива о тех страшных боях, о тех, кто не вернулся. Обязательно написать, если, конечно, успею.

И мне верится, глядя на художника-энтузиаста, что непременно он успеет, успеет создать живописное полотно как символ несгибаемого мужества нашего народа – народа победителя.

ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО



Иван Волосюк Донецк

Кто вспомнит, как всё началось,
Кто первым смог туда спуститься,
Но солнечным теплом пришлось
Земле запасливой делиться.

Давали больше, чем могли,
Нам древний камень был послушен,
И хоть работали в пыли,
У нас не почернели души.

И в ритме жизни трудовой
Я слышал радостные ноты,
Начало музыки живой,
Симфонии большой работы.

Открыл её среди степей,
Как будто потайную дверцу,
У малой родины моей
Большое, пламенное сердце...

Я лондонских улиц не мерил шагами,
Не видел ни Рейна, ни Темзы глубокой,
Я не был в Москве, где земля под ногами
Священной, чем небо в Париже далёком.

Но видел берёзы простые серёжки,
И видел дубов вековых позолоту,
И в книге травы, под зелёной обложкой,
Застал муравьёв за тяжёлой работой...



Такие мы – другими нам не стать,
Такой язык с рождения впитан нами,
В чужую землю трудно прорасти,
Особенно – донецкими корнями.

Привыкли мы за всё платить сполна,
Слезой и кровью омываем уголь,
Нам показная доблесть не нужна,
И не нужны медали за заслуги.

И пусть Донецкий населяем кряж,
Не смотрим свысока ни на кого мы,
Высок наш дух, и путь нелёгок наш,
И трудовые будни нам знакомы...

*И если прикажет убить – убей,
А если прикажет солгать – солги...*

О.Э. Мандельштам

Видел – помни, идущие вдаль корабли,
Лёгкой дымкой укрытые южные склоны,
Я-то думал, что сам достаю до земли, –
Это сердце моё бьёт земные поклоны!

Если даже солгу, если даже убую,
Если буду оправдан – и предан забвенью,
Я люблю эту землю, бесцельно люблю,
И всегда буду только её продолженьем.

Валентина Голубицкая Лисичанск

КТО ВИНОВАТ?

Когда нам приходится в жизни несладко,
Морщина раздумий ложится на лбу,
И сразу мы ищем в своих неполадках
Виновных: людей, сатану и судьбу.

Недавно открыла я мудрость китайцев,
Мне в жизни она помогает сейчас:
«Когда на кого-то укажете пальцем –
Другие три пальца укажут на вас!..»



А ВДРУГ?

Ищу подход к тебе упорно,
Просчёты все прощать учусь,
В душе оберегаю корни
Не до конца погибших чувств.

Успех обходит стороною,
И мысль мелькает иногда:
Который год колодец рою...
А вдруг отсутствует вода?

Вдруг – ты?

Судьбы игнорируя перст,
Когда-нибудь я пожалею:
Не надо отталкивать крест –
Он станет ещё тяжелее.

Но если прижаться плотней,
То якорем станет надёжным.
Не ты ли крест жизни моей?
Уже оттолкнула я.
Поздно!..

Людмила Гонгарева Краснодон

Говорят, ещё есть стихи,
как случаются пилигримы,
как сгущаются сквозняки,
как сгорают мосты и Римы...
В стихолетье своё окно
распахнула, как будто душу.
В дом внезапно влетел Никто
или Некто, покой нарушив.
Он мой чай беспардонно пьёт
и моим хрустит рафинадом.
Без него мой грустит блокнот.
Мне, как воздух, его... не надо.
И крошатся на рифмы дни,
а от слов разбухают строчки.
В этом городе мы одни.
В этом смысле не нужно точки.
Алый соус залил восток –
будет ветрено беспредельно.



Нам для храбрости грамм по сто
иль по триста, на самом деле,
чтобы вынырнуть из пучин
алфавитной головоломки,
проездной билет получив
до разлуки без остановки.
Кровь подпорчена голубым,
а чернила – багрово-красным.
Из Тургенева – «Новь» и «Дым»,
а из Гаршина – грусть да сказки.
Тихопутно бредут слова,
расточая молчанье миррой.
Опечатка, сюжет глава
правят чувствами – майна, вира...
Только плятятся сквозь стекло
недоверчивой прозы тени:
с куполов их уже давно
рифмы листьями облетели...

Когда замирает время,
шагов заглушая такты,
никто в этот час не смеет
нарушить страниц контракта.
Есть лишь безумные губы
и бархат прохладной кожи.
Секунд отпечаток грубый,
как веер безмолвный, сложен.
Есть плод сокровенной спелости
луны, сладким соком налитый,
и проявление смелости
молчания как молитвы.
И день, несмотря на занятость,
усталые крылья смежит,
опустит над миром занавес
разлукой и страстью между.
Застыв над пропастью, нежность
успеет постичь быстротечность
полёта. И неизбежно
вечер вольётся в вечность.

Вы и сами не знаете правил,
по которым ставят мосты,



и каких безбоязненно палят
рукописей листы,
и чему равняется игрек,
даже если известен икс,
и заложен или отыгран
час у вечнозовущей Стикс,
и смеются или стенают
наших гулких шагов дома...
Я сама ничего не знаю.
Я сама – ничего.
Я – сама...

Который год одно и то же:
«Парижский вальс» на раз, два, три...
И не становишься моложе,
хоть и не стареешь внутри.
И как для шахматных баталий
по клеткам двигаю слова.
Сложу ли новое? Едва ли –
всё те же «на траве дрова».
Всё так же не заменят стрелки
песочной точности минут,
что, несмотря на власть наценки,
по рельсам вечности бегут.
А я стою средь бездорожья,
пытаясь нужный путь найти,
но как неизмеримо сложно
схватить за ниточку мотив,
увидеть календарь событий
в остекленевших днях витрин.
...Мне по мелодии уплыть бы
в «Парижский вальс» на раз, два, три.

Татьяна Гончар Алчевск

ВСЕ ПО КРУГУ

Все по кругу –
Значит всё в порядке!
Лишь вчера мне было двадцать пять,
А сегодня внучкины тетрадки
Мы садимся вместе проверять!

Всё по кругу –
Осень кружит листья,



Только ночью снова не до сна:
Часто лето мне зимою снится,
Соловьём в душе поет весна.

Все по кругу –
Значит все в порядке,
И кружится жизни колесо.
Я рисую в Светиной тетрадке
На полях знакомое лицо.

Все по кругу –
Звезды над горами,
Радуга, садов весенний дым.
Наше лето будет долго с нами,
Если мы душою будем с ним.

В ночи зазвучала песня
О вечности и о море,
И дрогнули струны сердца,
И смыли те волны горе.
А песня будила душу,
На струнах её играла,
Как свежий приморский ветер
Мне волосы растрепала.
Умчались за ветром мысли,
И горести, и тревоги.
У песни той ночью были
Лишь мы и вечное море.

Измятые судьбы, измятые лица,
Измятые мысли с измятой страницы,
Измятая жизнь пролетает измято...
Наверное, в чем-то и я виновата.

Сергей Загороднов Дебальцево

МАЛЕНЬКАЯ РОДИНА

Посёлку Мироновский посвящается

За лугом даль туманная.
Крутой изгиб реки.
Земля обетованная
Полна немой тоски.



Мироновка! Мироновка!
Посёлок мой родной!
В садах цветёт антоновка.
Вернулся я домой!

Дорог немало пройдено, –
Скитальца принимай! –
Ты – маленькая родина –
Степной шахтёрский край.

С садами, огородами
И рощей у реки...
Привычными заботами
Мои здесь старики,

В трудах, житейских хлопотах,
Свой коротают век.
Размеренно, безропотно
Живёт здесь человек.

Крыжовник да смородина.
Как снег, пух тополей.
Здесь – маленькая родина,
Приют души моей.

МНЕ НРАВИТСЯ, КОГДА ТЫ ЛЖЁШЬ

Мне нравится, когда ты лжёшь.
Я молча слушаю и – верю.
В окно стучит холодный дождь.
Ты в ночь уходишь, хлопнув дверью.

Мне нравится, что тишина
Звенит, порой, невыносимо
В полночный час, когда Луна
Висит в окошке апельсином.

Мне нравится, что холод жжёт
Твои обветренные губы.
Тебя забыть мне не даёт
Твой взгляд заносчивый и грубый...

* * *

Выпал снег. Спрятал грязь серых улиц.
Настроенье прохожим поднял.



Льдом покрылись поверхности лужиц.
Серебром тротуар засверкал.

Расширились бойко синицы,
Шумной стайкой присев на карниз.
Словно пух, над землёю кружится
Белый снег, плавно падая вниз.

В одночасье оттенки и краски
Все исчезли. И вот вам итог:
Превратился вдруг в зимнюю сказку
Захолустный глухой городок.

От исхоженных дорог –
Пыль.
От утраченных надежд –
Боль.
А в душе от пустоты –
Штиль.
А от крови на губах –
Соль.

Отдохнув немного, вновь
В путь,
Чтоб надежду обрести
Жить.
Лишь в движении вперёд –
Суть.
На вопрос: быть иль не быть –
Быть!

Игорь Карамнов Харцызск

Из поэмы

«БЫТЬ НАМ ВДВОЁМ АЛЬ НЕ БЫТЬ...»

(Отдельные главы поэмы были напечатаны в альманахе «Свой вариант», а полностью поэма опубликована в журнале «Современная литература России» № 1 за 2011 год).

Глава четвертая

Повстречал я Нину.
Иду
из вечернего вешнего сада,
и у рынка, как на лету:
– Почему не заходишь? Не надо?



Я смутился. Мысли – не в ряд...
 – Мой визит – визит хулигана:
 дверь ломаю, словно заря,
 неостановимо и рьяно. –

Нина чуть улыбнулась...
 – Пойдем!

Мы вчера тебя вспоминали.
 Что ты думаешь? – Есть у нас ром
 и бутылочка цинандали.

Добираемся на такси,
 смена зданий, словно на слайдах,
 хоть бы чуточку Сан-Суси,
 но тюльпаны – точно – Голландий.
 Тормозим такси за квартал:
 ни к чему развлекать соседей...
 Помню крик, как будто аврал:
 «На такси, знать, хахаль-то едет!»
 Рядом с дверцей вишня одна
 никакой фатой не одета...
 Но, куда же смотрит весна?
 Зачарована Каналетто?
 Позабывшего Альбион
 и Венеции киновари,
 но не церковь Джованни... Пардон,
 сколько вишенку можно мытарить?

Во второй от больницы подъезд
 направляемся медленно, чинно,
 словно только что из Одесс
 мы приехали – Игорь и Нина.
 А из окон прямо на нас
 смотрят рожи... А из подъезда
 тот крикун – как жирный карась –
 выползает, будто бы бездарь.
 Слава Богу, меня не узнал
 аль мозги пьянее, чем песня...
 Словом, свой везде карнавал:
 хоть сейчас умри, но – воскресни.

Дверь на стук открыта... Мой Бог!
 Таня в шортах – словно на даче.
 Улыбается через порог:
 – Заходите или заплачу...

Пьем мы чай, забыв про вино,
 из намедни купленных чашек,
 опьяняемые весной,
 что у окон вот-вот заплашет.



Узнаю, что были в гостях,
про сюрприз не Диснейлэнда:
неизвестный поэт-варяг
пел-читал, но – не за деньги...
Нине времечко уходить
на дежурство ночное в больницу,
за окном: как будто финифть...
Млечный путь – плебей ли? Патриций?

Провожаем Нину не в шторм,
вишен цвет – как туман...
Забыла
Таня ключ, теперь – на простор
рвётся мысль... Молчу – как могила.

– Да, решать, Игорь, мой черёд...
Так и быть: до утра гуляем.
– Ночь загадочнее, чем чёрт.
– А вы знаете чёрта? – Узнаем!

Мы проходим мост наплавной,
ночь глазища звёзд раскалила:
смотрят вниз змея, осьминог
и, как будто – даже горилла.
В плеск реки, дрожа, будто вор,
втиснул мост соловушки трели,
по-над рощей – месяц остёр,
как гроза в Баксанском ущелье.
В роще – тихо, дым от костра
тянет руки к верху деревьев:
ангел ночи аль конокрад
забирается на Говерлу?
Тень от дыма рвётся, дрожит,
то – светлей, то – темней... О, Боги!
У костра, как сторож, кажись, –
Катафалк и – цыган безногий.

В пятках, что ли уже душа:
леденеет кровь не немного...
Таня шепчет: «Вы – не левша?»
– Нет... А что? Обнять осьминога?

Между веток – звёздочек ветвь,
чуть мерцающая, светит, не светит...
– Таня, знаете: в звёздной Неве
осьминогов-самочек нету.

– Вы всё шутите...
– Это восторг:
рощи ночь жестоко прекрасна!



– Да, особенно, если мы в морг
попадём...
– В один или в разный?
– Игорь, быть нам вдвоём аль не быть
после смерти не скажут ладони...
– Как кричит, как будто судьбы
близкий родственник или любовник!
Мы выходим к спящей воде,
кругло озеро, словно арена.
Сколько нам отпущено дней,
не скрывай же жизнь, что бесценна!
Лилий лёд не жив и не мёртв,
тонет месяц, будто бы жертва,
и летит над нами „Конкорд“,
лобызаясь со смертью бессмертно!

Юрий Коломиец *Счастье* **ПАМЯТЬ**

Могилы без крестов,
Без памятных надгробий.
Холмы из черепов
И человеческих ребёр.
Травой всё поросло,
С землёй перемешалось.
Всё в прошлое ушло,
Но в памяти осталось.
Неведом в жизни сбой,
Но не стирают годы
И в памяти живой
Ещё отец народов.
Что с трубкою своей
Куря «Герцеговину»,
На бойню гнал людей,
Прекрасных и безвинных.
Колымская земля
Хранит ещё их стоны
И помнит лагеря
И смертников колонны.
Кто праздновал парад,
Кому стреляли в темя.
Кто прав, кто виноват,
Ещё рассудит время.



Вернёт их имена
И по заслугам будет,
Узнает вся страна,
Но не вернуться люди.
Крушители основ
И идолов подобий.
Могилы без крестов
И памятных надгробий.

ПОМНИТЕ, ЛЮДИ

Вспомните, люди, лихую годину.
Вражий сапог растоптал Украину,
В бешеной злобе фашисты сожгли
Множество сёл Белорусской земли.
Вспомните годы тяжёлой блокады,
Мужество гордых людей Ленинграда,
Голод и холод, смерти дыханье –
Мало кто выдержал те испытанья.
Вспомните дни оккупации долгой,
Залпы орудий у матушки Волги.
Клятвы солдатской простые слова:
«Ни шагу назад – за нами Москва!».
Тяжкие будни работников тыла,
Полуголодных, отдавших все силы,
Тех, кто в далёком краю, за Уралом,
Сделали всё, чтоб победа настала.
Горький период нашей истории:
Пепел сожжённых людей в крематории,
Тысячи тысяч стоящих неблизко
По европейским полям обелисков.
Время, как доктор, раны залечит,
Скроет останки тяжких увечий,
Горе тому, кто об этом забудет.
Помните это! Помните, люди!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Быстро мелькают сёла.
Родина за окном.
Рокот колёс весёлый,
Катится эшелон.
Стонут меха двухрядки,
В поезде шум и гам,
Сброшены плащ – палатки
И вещь мешки к ногам.



Едут, народ бывалый,
Насквозь пропах махрой.
Вид и осанка бравы:
Счёты свели с войной.
Станция. Гром оркестра.
Вон он – родной перрон.
Кипы цветов, невесты.
Радость детей и жён.
Но почему так больно?
Слёзы зачем в глазах?
Вспомнил солдат невольню,
Тех, кто погиб в боях.
К Родине путь неблизкий.
А на семи ветрах
Высятсяobeliski
В дальних чужих краях.

Валентина Комина Лисичанск

Запах хризантем духмяний, п'яний
І туманом смуток за вікном,
Що лежить, холодним вітром рваний,
Клаптями на полі за селом.

Відпалала осінь жовтим листям.
Полум'я погасло під дощем.
Хай ще буде сонце променистим,
Та тепла не буде – біль і щем.

Як же швидко промайнуло літо!
А із ним, здається, і життя.
А зима запише новим змістом
В спогади і сум, і каяття...

КОЛИСКОВА ДЛЯ МАТУСІ

Співаю колискову для матусі:
Спи, моя рідна нене, засинай.
Покинути тебе вже біль ця мусить,
І зникнути за синій небокрай.
Тримаю у руках твої долоні:
Вони в мозолях, бо увесь свій вік
Ти тяжко працювала вдома, в полі,
Дітей підняти щоб на ноги всіх.



Я біля ліжка посиджу рядочком.
Поправлю ковдру, світло затію.
Прокинешся і скажеш тихо:» Дочко,
Ти спати йди, а я вже потерплю»...
Моя рідненька, світла моя зоре,
Ця біль минеться, тільки засинай...
Я маю пережити оце горе:
Ти теж ідеш за синій небокрай...

НЕПОГОДА

Вновь бродит за окошком непогода.
Через стекло с тоскою я смотрю,
Как тянутся к земле от небосвода
Тропинки дождевые к ноябрю.

Унылая пора осенней грусти
Перечеркнёт тепло минувших дней.
Поймает, словно птицу, не отпустит
Из этой безысходности своей.

Намокли клёны. Серым водопадом
Размыло на земле следы твои.
Я провожаю опустевшим взглядом
Ушедший с непогодой свет любви...

Кредит на счастье у судьбы не взять.
Не заказать заранее все блага.
И остаётся только ожидать,
Когда придет твоя пора аншлага.

Но и тогда смотри, не обманись:
Бывает слава ложной и непрочной.
Пытаясь повторить хоть миг на бис,
В канаве оказаться можешь сточной.

Иван Компаниец Родаково

ИВАНОВ ВЗВОД

Он на парадах не бывал,
Наук военных не знавал,
Девичат еще не целовал,
Но воевал



Он нюхал порох, – не цветы,
Хотя имел свои мечты,
Но снайпер с горной высоты
По ним стрелял.

Срывая с веточки листок,
Пропела смерть наискосок,
Погладив лишь теплом висок
Солдату Ване.

А он, хоть мало воевал,
Но пулей снайпера достал,
И тот «Ивану смерть!» кричал
В кровавой бане.

У них знамен – чужой ведь цвет,
В него стреляли, – он в ответ.
Короткий пламенный привет,
– Бандита нет.

Смерть только раз дает урок,
Плюй нее, ласкай курок.
За километр гасил «бычок»
Иван на свет.

Талант ничем не удержать.
За дело стали отмечать
Бессмертным стали называть
Бойца Ивана.

Он бил бандитов промеж глаз
За свой Тамбов, за наш Кавказ.
И звался этот третий глаз –
Печать Ивана.

Однажды брали перевал,
Вдруг командир в цепи упал,
Их лес в кольцо врагов зажал,
Взвод погибал.

Затих разбитый пулемет,
Патронов нет, но кто-то бьет
Готов был к рукопашной взвод,
Но шанс был мал.

Секундами летят года,
Когда приходит к нам беда,



И трассерами в небеса
Летели жизни.
Но кто-то смерть не подпускал,
И бог чужой людей терял,
Славянский же оберегал,
Вернул вновь к жизни.

Жить будет Родина, пока
Ивана верная рука
На пульсе жизни на века
У нее есть.

Полсотни выживших парней –
Славянских столько ж матерей
Зажгут когда-то сто свечей
В Ивана честь.

Вернулись парни все домой,
Никто уже не холостой,
Обзавелись женой, семьей,
Детей рожают.

Но память сердца не стереть
О том, кто не дал умереть,
Сынов Ваньками в его честь
Все называют.

Вот так в Отчизне и растет
Иванов взвод.

Сергей Кривонос Сватово

Вот окончится лето. Проступит опять позолота
На бледнеющих листьях, что грустно на кленах висят.
И готовятся птицы, встречая сентябрь, к перелету,
Все упорней надежды свои к облакам вознося.

Невозможно угнаться за нашим стремительным веком.
И, казалось бы, тишь и покой – вот она, благодать!
Но не зря что-то птичье издревле живет в человеке,
Заставляя под небом крутые высоты искать.

Собирается в рощах осенняя хмурая мглистость,
Жизнь скучать не дает, и она убеждала не раз:
Очень трудно постичь бесконечного мира единство,
Но дано быть единственным в мире любому из нас.



Все привычно – поникшие травы, укрытые пылью,
Свет в затихших домах и тумана лохматая мгла,
Но бывало не раз – ощущали мы крепкие крылья
И рвались к облакам, повседневные бросив дела.

Но бывало не раз, дерзновенную мощь обретая,
И стараясь достичь тех вершин, что достичь не могли,
Разбивали покой и над хмуростью будней взлетали,
Чтоб ясней разглядеть красоту благодатной земли.

А пока – теплый август в дворах умножает заботы,
Над землей скоро снова зависнут дожди, морося.
И готовятся птицы, встречая сентябрь, к перелету,
Все упорней надежды свои к облакам вознося.

День, словно странник бездомный, продрог,
Ветки деревьев колышатся пьяно.
Сватово – наш небольшой городок –
Вновь утопает в осенних туманах.

Маленький город большой суеты,
Где неприкаянно бродят зеваки,
Где беззаботно гуляют коты,
Если не лают сердито собаки.

Душу согреет дворовый уют,
Душу согреют знакомые лица.
Все нестолично здесь,
разве что пьют,
Не уступая ни капли столицам.

Густо ползет по околице лес,
И, разрушая покой лепестковый,
То проезжает вдали “Мерседес”,
То неуклюже проходит корова...

День, словно странник бездомный, продрог,
Но не случайно вдали так знакомо
Вьется прозрачный веселый дымок
Над покосившимся стареньким домом.

Калитка, двор, грустит беседка,
В закат впадают облака,



И плачет сломанная ветка,
Склонившись к чашечке цветка.

День не спешит, не суетится
Уйти никак не хочет прочь.
И мечется заря, как птица,
Крылами отгоняя ночь.

Я к ветке подхожу, а выше
Над мудрой тишиной земли,
В глазах прохожих отразившись,
Плывут устало журавли.

И небо радостно качнулось,
И над немой тоской полей
Упрямо ветка потянулась
К высоким кликам журавлей.

Хорошо, что мы снова вдвоем,
Что осенней печалью не найдены.
Посмотри: как летящие ангелы, –
Журавли над притихшим селом.

Завтра может быть где-то вдали
Вновь окажемся под снегопадами,
Но сегодня мы теплыми взглядами
От ненастий друг друга спасли.

Замечаю в безбрежности дней,
Сколько грешного в них и безгрешного.
Ну, а главное – сколько есть нежного
На обычной ладони твоей.

И, даруя тепло нам опять,
Журавли над полями ковыльными
Тень ночную раздвинули крыльями,
Чтобы солнце на небо поднять.

Оксана Маршал Дебальцево

РАЗГОВОР С ВЕТЕРАНОМ

Анастасу Георгиевичу Кичику посвящается

На жизнь мы сетуем... Но были
Страшнее, горше времена.
Как люди голод пережили?
Как их изранила война?



И как им доставало силы
И умирая, устоять?
Я ветерана попросила
О днях военных рассказать.
- Что ж... Я в семнадцать стал солдатом,-
Ответил он – и в первый бой
Бежали мы со старшим братом
Вперед, рискуя головой.
Пока к земле мы не прильнули,
Казалось – жаворонок пел,
Что это звук летящей пули
Я и понятия не имел...
И были холод и лишенья,
Стон умирающих ребят,
И мысль: скорее б наступленье,
Уж лучше пусть изрешетят.
И страх прошел. Звала отвага:
У всех погибших мы в долгу!
И злость пьянящая, как брага,
К остервеневшему врагу.
Как жив остался? Это чудо,
Я знаю точно – Бог помог,
Но всеу поминать не буду,
Оставим это между строк.
Потом уже под мирным небом
Я очень сильно голодал,
Тот день, когда всем хватит хлеба,
Я коммунизмом бы назвал.
И я молчу в толпе брюзжащих,
Живу невзгодам всем назло.
Я мог остаться среди павших,
Мне несказанно повезло!

ПРОДАМ «МАЛУЮ РОДИНУ»

На крыше дома «Продается»
Хозяин краской написал.
Ему никак не удастся
Жильем упрочить капитал.
Он сам отсюда родом вышел,
Здесь век жила его родня,
Он ночевал под этой крышей,
У печки грелся у огня.
Он в детстве бегал за оградой,
Крапивой пятки обжигал,



возня забавная букашек.
Там крылья радужные машут,
и кружева дерева ткут.
Возьми меня в свой добрый дом,
как в материнские объятия.
Пусть будет изумрудным платье
и зелень пёстрая ковром.
Верни привычный мне покой,
пусть сладко дышится и спится.
Пусть рано будят только птицы,
не нарушая мыслей строй.
Пусть падает прозрачный звук
в моё плетёное лукошко,
и жёлудь будет лучшей брошкой,
и долгожданным яблок стук.

Детство... слишком белая зима.
В тёплой кухне
закипает чайник.
Я уже умею и сама
обустроить
день-молчальник.
Не шумлю. И насыпаю чай.
Яблоня в саду опять невеста...
Дребезжит: давай-ка, не зевай, –
чайник, оглушающий протестом.
У окна прохладно и светло,
плющу нос о грань стекла и света.
Большого пока мне не дано, –
белая зима,
цветное лето.

Наливаю в чашку свежий чай,
Вспоминаю прошлые забавы.
Вот и тает
белая печаль...
Снова пахнут яблоки и травы.

А будет всё совсем не так –
и, начиная с душевных комнат,
тебя, наверно, кто-то вспомнит,
и обретёт пространство знак.



И станут руки горячи,
и губы будут ждать ответа,
как зелени – шальное лето,
как крылья – пламени свечи.

И канет всё, что было мрак.
И ты проснёшься на рассвете.
И будет лик твой чист и светел,
скажи себе: да будет так.

Александр Морозов Дебальцево

Когда-то степь была не «дикой»,
Но и домашней не была.
Частенько здесь случались битвы.
Степь выживала и ЖИЛА!
Здесь столько прошагало пеших
И проскакало седоков –
Земная память чётко держит
Следы подошв, следы подков
И море боли... Реки крови.
Пришли вот эти, те – ушли...
Из слёз Артёмовские соли,
Из горьких слёз самой земли...

Опять спешим куда-то, нам бы
Подумать, поглядеть назад.
Повсюду каменные бабы
В веках дозорными стоят,
Оберегая землю нашу,
Так было встарь и будет впредь.
Чтоб зёрна находили пашню
И, чтобы нам не зачерстветь.

Я СДЕЛАЛ ВЫБОР В ПОЛЬЗУ ЖУРАВЛЯ

Я сделал выбор в пользу журавля,
Спешу полётом дивным насладиться,
Конечно, нам молва твердит не зря,
О том, что лучше в кулаке синица
За масками запрятанные лица...
Болото видно не растормошить...

Порой, летая в журавлиной стае
И поднимаясь ввысь над суетой,



Ты понимаешь, то, что жизнь расставит
Всё по местам – таков закон простой
И людям удивляешься порой,
Которые стяжательством страдают...

Синицами* они, наполнив жмени,
Забыв библейский принцип « Не убей».
Ведут охоту. Целятся в мишени,
Стреляя, истребляя журавлей
И попадая иногда в людей.
Которые парить способны в небе...

*« Прыгают под ноги ёжики каштанов,
Словно им на свете надоело жить».*

Галина Маёрова

Листья облетают – миром правит осень,
Падают каштаны к нам на тротуар,
Их в меня попало семь, а может восемь –
Я в плену у осени, у осенних чар.

Улыбнитесь, Боги, и не будьте строги –
Шалунам-каштанам хочется шалить.
Ёжики каштаны прыгают под ноги,
Как же обойти их, чтоб не раздавить?

А по тротуарам вечерами пары
Бродят, небо звёздно, он ей скажет: «Лю»...
Ёжики-каштаны прыгают не даром,
Я вполне серьёзно это говорю.

Собирают детки – делают поделки:
Слоников, собачек, кошек и людей.
Ёжики-каштаны спрыгивают с ветки,
Что б, подняв их, кто-то стал чуть-чуть добрей.

Листья облетают – миром правит осень,
Сохраню осенний безвозмездный дар –
Соберу каштанов семь, а может восемь.
Я в плену у осени, у осенних чар.

* Синицы - купюры синего цвета в СССР и Украине достоинством 5 рублей и 5 гривен, соответственно.



Виктор Мостовой Стаханов

Он в юность мою со стихами
Ворвался, беспечный такой,
Как свежего ветра дыханье,
Как ливень весенний с грозой.
И я по-иному увидел
Свой дом, и свой двор, и свой сад:
На клене – зеленый свитер,
На яблоне – белый наряд.
И стали стихи мне спасеньем,
И жизнь на земле дорога,
Как звонкое имя Есенин,
Его золотая строка.

Костер веков раздую,
И озарится мгла.
Ужалит даль степную
Монгольская стрела.
Споткнется конь, а русич
Качнется чуть в седле
И волос светло-русый
Рассыпет в ковыле.
И горе хищной птицей
Над степью кружит вновь,
И Русь с ордою биться
Зовет своих сынов.

То Москва, то Греция, то Турция.
На крутых ветрах ты, на крутых...
А у нас сейчас цветут настурции.
Возвращайся ради всех святых!

Брось ты удивляться заграницами –
По тебе грустит шахтерский край,
Астрами пестрит и чернобривцами
Палисадник наш. Ты приезжай!

Кто-то поманит шуршащим долларом,
Солнечной экзотикою мест,
А у нас цветут ромашки здорово,
И смотреть на них не надоест.



Время споткнулось о стрелку часов,
Остановилось мгновенье.
Вспомнилось детство и буйство садов
Розовых яблонь цветенье.

Вспомнился мне террикон-старикан
С плешью, в бороздках-морщинах.
Змея бумажного я запустил,
Стоя на самой вершине.

Как же он рвался из рук моих в высь,
В волнах воздушных плескался,
Все же упал и на ветке повис –
С детством моим распрощался.

Туман тяжел. Трава слезалась.
От сада отступает темень.
И вижу я – какая жалость, –
Что скоро сникнут хризантемы.

Еще горит живое пламя,
Но зябко им в сырой одежде,
Еще мою тревожат память
И дарят искорку надежды.

Владимир Никитин Лисичанск

Я люблю уезжать.
Это прадед цыганский оставил.
От себя, от людей убежать,
Без причины, без слёз и без правил.

По-другому почувствовать свет,
Оказаться в бушующем лете,
Насладиться на несколько лет
Тонким вкусом полей на рассвете.

Приходите меня провожать,
Но не надо со мною прощаться.
Я до боли люблю уезжать,
Потому что люблю возвращаться.



БУРАМЭН

Деревянный мальчик вырос,
Он зовётся – Бурамэном.
А когда-то, был поленом
Без особенных идей.
Был забавной деревяшкой,
Кушал лук, не кушал кашу.
Слушал древоушком папу,
Скарлатиной не болел.
Роли, прожитые в детстве
Разыграть теперь не светит,
Мальва Инна по соседству не живёт.
Почему-то на планете,
Карабасят злые дети,
за кулисами блудит холеный скот.
Несгибаемо-упрямый, беспредельно-откровенно,
Кастаньетный выбивая ритм,
Бывший мальчик и полено
Не утонет, непременно,
Он сгорит.

КОЛОДЕЦ

Жарко сегодня. Жухнут листья,
Испепеляет сады светило,
Не устаёт на планету литься,
Чтобы она не остыла.

Смотрит на землю безмолвно небо,
Пристально, не улыбнётся,
А на него, вод хрустальных небыль
Из глубины колодца.

Брось в меня камень. Брось, не бойся.
Я отражение твоё запомню
И совладаю с твоею злостью,
Но не смогу заменить любовью.

Камень ударится о поверхность,
Всплеск, подавив, захлебнётся эхо...
Это не грех до надрыва нерва,
Прятать свой стон от всех...

Даже когда Разъярённое светит
Из темноты моей звёзды видно.



Яблоня тянет ко мне свои ветви...
Камни укрыли дно...

Не безразличен, не беспокоен,
Воды прозрачными сохраняя,
Светлые мысли читаю запоем,
День ото дня...

Долго стою в середине сада,
Запоминая чужие лица.
Мне от тебя ни чего не надо,
Просто в жару приходи напиться.

Валентина Осипенко Первомайск

То ль любви невольная тоска,
То ли строк божественных причастье...
Только от слезы горит щека
В омуте нечаянного счастья.

Каждый слог пульсирует во мне,
Сердца тишину взрывая эхом.
Льется радость с грустью наравне,
Сладостная жизни моей вежа.

Вновь твоей тропинки торжество
Сквозь года уводит за собою,
Где поэзий лик, как Божество,
Светит над полынью голубою.

Где судьбы звенит живая крепь,
Над любви пространством, не смолкая.
С ветром буйным венчанная степь,
В добрый путь тебя благословляет.

Отчего ж так сладостно грустны
Памяти отрадные мгновенья?
Может быть с пришествием весны
Я ищу в душе твоей спасенье.

Молчит звонок. Душа слезой томится.
Мир без тебя, увы, не постижим.
Белым-бела бессонницы страница
И Музы лик, до боли стал чужим.



Молчанье дышит в спину поминутно
И рвет надежд запутанную нить.
Устала ждать. И сердцу неуютно,
И невозможно что-то изменить.

Желанных встреч угасшее блаженство
Зашторил день покровом суеты.
Развенчан путь на грани совершенства,
Не ощутив заветной высоты.

Закрит сюжет банального романа,
Но жжет уста избитое – «как жаль!»
Молчит звонок – души сквозная рана,
Храня любви высокую печаль.

Гладь озера. Полуденный покой.
И лета бабьего нечаянная радость.
День полнится пьянящею тоской,
Вдыхая терпкую, осеннюю усталость.

Ничто не нарушает тишину –
Лишь легкий всплеск ныряющей лягушки.
И словно в омут тянутся ко дну
Осинок пожелтевшие верхушки.

Их отражение так же глубоко,
Как и сердце распахнутая нежность.
В объятьях грез спокойно и легко,
И трепетней поэзии безбрежность.

Блаженства миг. И тихий голос твой,
Приоткрывая тайн заветных дали,
Волнует сердце светлою строкой
Над озером пленительной печали.

Евгения Перетятая-Бабенко Перевальск **ВETERАНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Зацветало ромашками лето!
Вдруг качнулась от взрыва земля.
Зазвучала призывно флейта,
Паренька провожала семья.



С немудрёной экипировкой
 И слезой, застывшей в глазах,
 Обнимая девчонку робко,
 «Жди меня», – улыбнувшись сказал.
 А потом за атакой атака,
 Поднималась пыль к небесам,
 Оставаясь живым, однако,
 Он тому удивлялся сам.
 И земля обливалась кровью,
 Был повсюду кромешный ад!
 Но пронзенный мучительной болью
 До Берлина дошел солдат!
 Озаряла Победа лица!
 И дышать не давал комок...
 Столько лет – а война все снится:
 Он погибших забыть не мог...
 В городах и далеких весях,
 Пережившей горе страны,
 Человек табличку повесил:
 «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ВЕТЕРАН ВОЙНЫ»
 В сердце – будто осколок ржавый.
 Гарь и порох врываются в сны...
 Не должна забывать Держава:
 КАК ЖИВЕТ ВЕТЕРАН ВОЙНЫ?!

АЛЧЕВСКА СВЕТОЗАРНЫЙ СЫН

*Светлой памяти преосвященнейшего Тихона,
 Епископа Кременчугского и Лубенского
 Николая Жиликова
 (9.07.1968-18.02.2011)*

Был просто Коля Жиликов,
 Духовно рос: епископ Тихон!
 Его путь соткан из «узлов»...
 Развязывал достойно их он.
 И сеял зернышки добра –
 В сердцах огонь пылал, как факел!
 Для прихожан он был, как брат,
 Со светлым ликом, словно ангел!
 Скорбим и сердцем, и душой,
 Ты слышишь, Боже наш, молитву?
 Самозабвенно, смело шел
 За православые – как на битву!..
 Душа и стонет, и болит –
 Неизмеримая потеря.



Пронесся, как метеорит!
 Так горько в это нам поверить...
 Умоемся святой водой,
 Очистил бы Господь нам разум.
 Не упиваться чтоб враждой,
 А Божьи выполнить наказы.
 Алчевска светозарный сын!
 (Непостижимый путь Господний),
 Он верный был христианин,
 И жизнь его – гражданский подвиг!
 ...Историком быть не берусь –
 Луч солнечный напишет повесть...
 Едина Киевская Русь,
 Епископ Тихон – наша Совесть!

НАШЕ СОЛНЫШКО

Чудесное! Ну, ангельское личико!
 Мы осторожно на руки берем...
 Тебя назвали ласково – Кирилльчиком,
 И по-ле-те-ли фотографии в альбом!..
 Ты – наше Солнышко,
 Комочек родненький!
 Расти и согревай теплом сердца.
 Желаем быть пытливым и здоровеньким,
 И – радовать Небесного Отца!

Лара Песенка Донецк

БЕГЛЯНКЕ

*«Вкусила яблоко и знание с грехом...
 «Еве» Довгаленко Л.*

Блудницею в лохмотьях, прочь из рая,
 Спешит не грешница, но жаль – и не святая,
 И плач отчаянья, звучит не как молитва,
 А сердце для любви неведомой открыто...

Любить не вопреки, а просто так,
 Когда душа наполнилась смятеньем,
 Лампады свет прожег – пустяк,
 Тот дивный свет казался провиденьем,
 А истина была так близко, так проста,
 И ей неведомы телесные лохмотья,
 Бежала прочь из ада не она,



А те, кто небеса приняв за хлопья,
Никем невиданного боле куража
Стенали и взимали руки к Богу,
От сил молитвы падали дрожа,
Телами обозначив ей дорогу...
Дорогу к храму, храму для души,
Который создан был для превращенья,
Катились души грешников с вершин
И растворялись, оставаясь тенью,
Ее надежд, несбыточных желаний,
На грани мира или мирозданья.

НА СЕМИ ХОЛМАХ

На семи холмах,
На семи ветрах,
Распростерлась степь,
Степь раздольная.
На семи столпах,
Да на двух столпах,
Скатерть белая
Да застольная.
Ветер песню там
С давних лет поет,
Там любовь моя
Столько лет живет.
Травы там растут
Выше времени
И цветут цветы
Буйным племенем.
Там река течет
Без истока,
Там Мечта влечет
В даль полета.
В том краю одном
Звезды на земле,
Отразят родной
Думы о тебе.
Отразят в себе
Да запишут,
А потом во сне,
Песней дышат.
Да дыханье то
Ветром стелется



Расскажу о том –
Не поверится.

Нам жизнь ценить дано едино,
Любить и верить в жизни этой,
Как солнце мчит погожей дниной,
По небу в огненной карете.

А на подножках светит радость,
Лакеи стражи мироздания,
Строги, быть может только малость,
Их цель воздвигнуть созиданье.

Возничий льет золотые косы,
И каждым лучиком стремится,
Чтоб листик мог запомнить росы,
Теплом и светом насладится.

Хранитель жизни он прекрасен,
Покров для ночи соткан чинно,
Играет звездная в нем россыпь,
Колышет сон спокойный, длинный.

Вот это все вбирать, как губка,
И не устать вновь удивляться,
Ведь жизнь пройти совсем не шутка,
И надо жить, чтоб в ней остаться.

Владимир Петрушенко Рубежное

Хоронили деревья.
Их птицы с утра отпевали,
Голосили ветра,
Плакал дождь, омывая листву.
Хоронили моря,
Их глубины, их вольные дали
Засыпали золой,
Закрывая земли синеву.
Хоронили и землю.
По-русски ее поминали:
Горстью горькой земли
Прикрывали земное чело.



Хоронили цветы,
К лепесткам их цветы возлагали.
На земле без цветов
Сразу стало зловеще темно.
Если это не впрок,
То мы все распадемся, как атом,
На убийства и ложь,
На валюту и на пустоту.
Если это не впрок,
То какого же прока нам надо?
«Мир спасет красота...»
Ну а кто же спасет красоту?

Неожиданно так
вдруг уходят великие люди.
И невинно им вслед
не выходит у нас посмотреть.
За душой ни на грош –
непутевый пасьянс наших буден.
И совсем не случайной
случайная видится смерть.

Понедельников рой.
С них всегда начинал ты сначала.
Ты любовь лишь любил,
не начав к ней ни разу свой путь.
Да и плот твой забыт,
ты безвольно стоишь у причала,
в тщетном поиске духа
украшив распрятием грудь.

Посмотри людям вслед,
тем, что след на земле оставляют.
И примерь на себя –
в них отсутствие лат и наград.
У порога стоит
жизнь твоя – до секунд остальная.
Но стальные мосты
за твою спиной не горят.

Наша мама умирала тихо
И молилась мысленно за нас.



На столе будильник скорбно тикал,
Отмерял ее последний час.

Лишь поправит свой платок неловко –
Он опять сползает на глаза...
Где вы, дети: Неля, Дима, Вовка,
Неужели подойти нельзя?

Нет нас дома, просьбы мы не слышим
И приедем только по звонку
Доброго соседа дяди Миши,
Что привычно к маме заглянул.

Ласточка мелькнула возле рамы
И к стеклу прижалась горячо
Весточкой, живую телеграммой –
Я ее не понял, не прочел.

Жизнь – всего лишь эхо после крика –
Бумерангом возвращает нас
В дом, где на столе будильник тикает,
Отмеряя каждому свой час.

Волненьем высушено слово,
Лишь два костра ресниц зажглись.
Мечты Наталии Ростовской
С судьбой Болконского слились.
Ах, бал! Ах, праздник... Ах, Наташа!
Светлеет робкая душа.
– Вы разрешите?
– Воля Ваша.
И в такт мелодии пошла.
Он! Точно он. Судьбы избранник.
А как зовут его? Андрей...
Глубокий взгляд немного странен,
И дуги черные бровей.
Счастливей нет ее, наверное,
И тесен ей огромный зал.
И не забыть прикосновения
Тех первых слов, что он сказал.
И вечность целая до взрыва.
Огромный мир до пустоты...
Когда падет в бою любимый
На бородинские цветы.



Владимир Предатько Северодонецк

Весна лучилась и звенела,
Гнала по речке битый лёд
И всех, кого крылом задела,
Звала уверенно в полёт.

Бродягам нужно только малость,
А повод очень уж весом,
И даже в путь засобиралось
Больной телеги колесо.

Лишь только ржавая подкова,
Влюбившись в старенький порог,
Бежать за счастьем – не готова,
Смакуя жизненный итог.

Она на гвоздике дремала,
Храня стабильность и покой,
И вспоминая всё устало,
Жила лишь радостью чужой.

Смешалось всё, переплелось:
Пути, обычаи и нравы,
Но всё скрипит земная ось
И цену держит переправа.

А за морями всё не так,
За перевалом всё иначе –
Там крепче вина и табак,
Любовь сворованная слаще.

Уходит в плаванье Ясон,
С ним, что положено – случится.
Но всё проходит словно сон,
Тускнеют действия и лица.

Клубится в небе лёгкий пар,
Обозначая путь в просторах...
Судьба листает календарь
Под озорной приборя шорох.

Как знать – вернуться ли смогу –
Темно и портится погода...



Но жгут костры на берегу
И ждут любимых из похода.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ, ПОГИБШИМ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Проклонился сквозь гусеничный трак,
Сквозь рваное зияние пробоин,
Мохнатый, любопытствующий мак –
Не сдавшийся в бою упрямый воин.

Он победил насилие и страх,
Остался жив среди огня и взрывов,
И подтвердил чужих претензий крах,
Чтоб радоваться жизни торопливой.

Увиденному был совсем не рад –
Нелепость эту помнит и поныне:
Безусого бойца застывший взгляд
И горечь обожженную полыни.

Цветущему – событий не понять,
И он страдает в горестном поклоне –
В своей земле, молоденький солдат,
В неизвестности остался.
Медальоном.

РЕКВИЕМ

Цветут вишнёвые сады
В местах, где кровью грязь питалась,
Где смерть испытывала ярость
Без смысла, мысли и нужды...

Разбитый вдребезги закат
Присел на миг к могиле деда –
Дед не увидел День Победы,
Не докурил свой самосад.

Он стал лишь частью тишины,
Внезапно вычеркнут со списка,
В звезду и знак для обелиска,
В натальный крест моей страны.

Быть может в сквере, где пески,
На той высотке безымянной,



Лежит войны осколок рваный,
Как дань беспомощной тоски.

Но знают листья лебеды
Что снится павшим миллионам,
Наивным, честным и влюблённым
В те, предвоенные сады.

Федор Тарасенко Старобельск

НАРИСУЮ ЖИЗНЬ ВОЛШЕБНОЙ КИСТЬЮ...

Пусть ничто мне не тревожит душу
Сквозь седую память прошлых дней.
Тишину нисколько не нарушу,
Что в густых туманах тополей.

Пусть не ноет сердце без причины
Я, как белый голубь в высоте.
Нарисую красную калину
Я душой однажды на холсте.

Нарисую наши три березы,
Этот Богом данный белый свет.
Заблестят в глазах невольно слезы,
Жаль, что не сберег ушедших лет.

Нарисую жизнь волшебной кистью,
Что с названьем искренним «Судьба»,
Небо голубое в поле чистом,
Где шумят янтарные хлеба.

ДУШИСТЫЙ ХЛЕБ

Хлеб святой на столе материнском,
Нет дороже его на земле,
Он, как солнце, в лучах золотистых,
А минувшее тает во мгле.
Хлеб душистый, он Родиной пахнет,
В нем далекого детства мечты,
Их задумчиво память листает,
Вся в рассветах людской доброты.



Хлеб! Так много тепла в этом слове,
В нем заложена мудрость души,
Что зовется бескрайней любовью
Той, что дарит нам искренне жизнь.

Хлеб заменит богатство любое,
Есть поэта святые слова,
Их отец сказал сыну с любовью:
– Хлеб душистый всему голова.

НЕТ, Я НЕ ТОТ, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛ...

Нет, я не тот, что раньше был,
Дни за туманом тихо тают.
На свете, кажется не жил,
Жаль, годы быстро пролетают.

Года летят, как белый пух,
Что светлой мудростью зовется.
А мне захватывает дух
И сердце очень сильно бьется.

А сердце бьется от того,
Что в васильках осталось детство.
Стою у дома своего,
Скрепят в нем старенькие дверцы.

Меня встречает наш порог,
Чуть призадумалась калина.
Я маме подарил платок,
На нем дорога жизни длинной.

Всегда и слушал, и ценил
Я материнские советы.
На свете, кажется не жил
Мелькают годы, как рассветы.

ПЕГАС-ФАНТАСТ



Елена Матвеева Луганск

ВСТРЕЧА НА ГРАНИЦЕ МИРОВ

(отрывок из повести)

Костёр освещал небольшой уголок пещеры, и мрак плотной пеленой подступал со всех сторон. Он чудился чем-то живым, вроде таящегося и подползающего зверя. Сознание медленно возвращалось, и с ним подкатывали волны нарастающей головной боли. Венгл пошевелился. Руки и ноги были связаны. Юноша замер: раз он пленник – главное, не спешить действовать.

«Что же случилось?» – усилием воли пытался припомнить он.

Первое, что отчётливо всплыло в памяти, – оскаленная волчья морда. Венгл осторожно открыл глаза. Жуть мгновенно пронзила всё тело – от макушки до самых пяток, остановилась тошнотворным твёрдым комком где-то в желудке.

На другой стороне костра сидел волк!!!

Вместе с ужасом всплыло отчаянное желание жить, и, вероятно, именно оно стало спасительным плотом для сознания, захлёбывающегося в безотчетном страхе смерти. Перед глазами всё плыло.

Волк сидел, странно сложив передние лапы на коленях.

Лапы? Венгл усилием воли заставил себя присмотреться. Это были руки человека, расслабленно лежащие на коленях. Юноша поднял взгляд – под волчьей мордой виднелось человеческое лицо. Кровь отхлынула от головы, в глазах потемнело; костёр, неподвижная фигура, словно уменьшившись, отодвинулись, в ушах шумело.

На другой стороне костра сидел человек!..

Сидел неподвижно, на пятках, подобрал ноги и сложив руки чашей. Глаза закрыты, по расслабленному лицу можно было подумать, что она спит. Она? Венгл сам не знал, почему так решил, но ни мгновения не сомневался, что перед ним женщина. Из-под волчьей головы, надетой как шлем, выбивались длинные русые волосы, ложась на грудь и прикрывая голые руки. Волна отчаяния на миг захлестнула пленника: избавившись от одной опасности, он оказался в другой – судя по всему, перед ним была звезда.



Осторожно, чтобы не привлекать внимания, он попытался освободить руки. Безуспешно. К головной боли добавилась боль в суставах. Оставалось смириться.

Венгл старался припомнить историю своего пленения.

...Это была его первая самостоятельная, дальняя охота. От неё зависело, сможет ли он по праву считаться охотником и мужчиной – добытчиком для семьи, защитником племени, продолжателем рода. Хотелось принести особенную добычу – горного козла.

Из долины, где он жил, виднелись Громовые Горы... За перевалом обитали чужие, с ними никто не общался. Это было дикое племя, зовущееся звезданами. Никто не знал, почему они так себя называли. Говорили, что их женщины ведут свой род от волчицы. Принимая образ зверей, они стаями выходят на разбой, разоряют мирные селения. Венгл не то чтобы до конца верил этим рассказам, но и основания отвергать их полностью не было. Интересно, конечно, откуда всё это известно, если никто не возвращался из плена?..

...День выдался неудачным. Горы нахмурились, нахлобучив шапки тёмных туч. Нолла светила в голубизне неба, но ветер гнал сгущающиеся облака, грозя скорым ливнем. Нужно было срочно укрыться от непогоды. Венгл уже давно заметил на высоком берегу сравнительно большую расщелину... Венгл, прижимаясь к скале, находя понадёжнее выступы и цепляясь за плети дикого винограда, вскарабкался на небольшую площадку перед расщелиной. Задержавшись, осмотрелся: вход оказался значительно больше, чем виделся снизу, признаков зверей не было. Юноша осторожно вошёл. Лучи Ноллы засвечивали внутрь, и он понял, что стоит в небольшой пещере. Здесь было сухо, пахло землёй и ещё чем-то, что настораживало. Выяснить причину не хотелось; доверяя своим ощущениям охотника, Венгл повернулся к выходу. Проход загородила мохнатая масса, на мгновение из темноты возникла волчья морда, и свет померк...

...Звездана открыла глаза; встретившись взглядом, они устали друг на друга. Затем девушка встала и с мягко-неуловимой быстротой кошки бесшумно приблизилась, заглянув в лицо. У неё были серые глаза, которые казались чёрными от расширенных в полутьме зрачков. Безобразная волчья морда сползла, и стали видны чуть волнистые тёмно-русые волосы. Красивые, чётко очерченные губы, словно в удивлении, чуть приоткрылись. Она была совсем молодая, хоть и старше Венгла лет на пять.

– Кто ты? – спросила она, напряжённо всматриваясь ему в глаза.

– Твоя смерть! – с отчаянной храбростью выпалил юноша.

Приблизившись к нему вплотную, звездана глубоко вздохнула.

«О, боги! Она принохивается, как хищник, собирающийся съест жертву», – пленник похолодел, вспомнив рассказы о диких племенах звездан.

Тем временем холодные колючие глаза ощупывали его. Венгл, чувствовал на своём лице её лёгкое дыхание, и в какой-то миг ему показалось, что он, слившись с ним, ощущает тело звезданы. Странная слабость охватила его, и только одна мысль стояла на страже, сопротивляясь накапывающемуся безразличию: «Людоед!..»

Юноша невольно отстранился, а звездана, словно прочитав его мысли, сказала:

– Не бойся, я не убиваю маленьких мальчиков.

– Я не мальчик! – вызывающе бросил Венгл, сам не понимая, почему именно это слово задело его.



Брови звезданы взлетели в изумлении, глаза округлились.

– Неужели девочка? Что ж, тогда не бойся, малышка, я не обижу тебя!

От возмущения и сознания собственной глупости Венгл не нашёлся, что сказать...

...В следующее мгновение девушка резко повернулась ко входу. Венглу невольно передалась её тревога, и он тоже прислушался. Снаружи доносился осторожный шорох.

«Неужели зверь?» – подумал юноша, и от этой мысли его сердце тревожно забилось.

Звездана, быстро разворошив уголья костра, подбросила хворост, пламя, треща, звлилось, пожирая пещерный мрак. Девушка посмотрела на пленника и, присев рядом, шепнула в самое ухо:

– Молись Лавор – покровительнице всего живого!

Венгл не успел опомниться и что-то понять. В проёме входа в пещеру появилась огромная дымчатая кошка. Впрочем, это он назвал пришельца кошкой. Хищный зверь, размером с барана, чисто по-кошачьи брезгливо потряс по очереди всеми лапами, и комья мокрой грязи полетели во все стороны. Мягкий прыжок – и он полностью перегородил вход в пещеру. Внутри у нолеана всё сжалось. Зверь тут же взглянул на него. Глаза отсвечивали холодным зеленоватым блеском. Опустив голову и подобравшись, он глухо зарычал. Трудно сказать, что задержало его прыжок: огонь костра или чудо?

– Полено из костра возьми! – сдавленно выдал юноша, снова пытаюсь встать. Сильная рука, надавив на плечо, осадила его.

– Замолчи! Тебе было сказано: молись! – услышал он тихий грозный голос.

Не упуская из внимания зверя, он в панике бросил быстрый взгляд на звездану. С ума можно сойти: она приближалась к зверю! Её движения были мягкими, крадущимися - и на какой-то миг юноше показалось, что перед ним уже две дикие кошки. Впрочем, разница ощущалась. Зверь был напряжён, а человек расслаблен. Холодея, он снова посмотрел на зверя. Огромная кошка угрожающе опустила голову, так что её лопатки вздыбились горбом. Пoblёскивающие холодным блеском глаза неподвижно уставились на него. Хвост хлестал по бокам. Зверь не шевелился, но Венгл необъяснимым образом ощущал, что сейчас последует прыжок. Послышалось глухое утробное урчание. Наблюдая за скалящейся пастью, охотник ощущал свою беззащитность: ни убежать, ни защититься, и, если не произойдёт чудо, ему из пещеры не выйти. Он прикрыл глаза.

«Молись», – не то вспомнил, не то услышал юноша.

Лавор была богиней звездан. Покровительствуя всему живому, она одновременно ведала колдовством и всеми тёмными силами. Венгл не знал почему, но в этот момент, забыв о своём светлом, могучем божестве охоты Ахатпи, он обратился именно к этой жуткой богине звездан:

– Лавор! Я – ничто пред тобой! Свою жизнь отдаю в твою волю! Прошу об одном: защити мою душу и тело и от смерти спаси!

Венгл отчаянно повторял слова, и странное успокоение мягкой накидкой окутывало его. Он осторожно приоткрыл глаза, умудрившись одновременно наблюдать за зверем и за звезданой. Собственно, наблюдение – всё, что оставалось ему, связанному и безоружному.

Первая паника улеглась, до сознания медленно доходило, что хищник



остался на пороге пещеры. Он уже не смотрел на юношу, но не спускал взгляда со звезданы. Дымчатая шерсть в сумраке пещеры совсем почернела, и зверь в темноте сам казался ожившим мраком. Впрочем, острый взгляд охотника различал угрожающе скалящуюся пасть и хвост, который уже не хлестал по бокам, но нервно шевелился.

Звездана стояла шагах в десяти от зверя, совершенно безоружная. На поясе, правда, висел короткий меч, но было бы глупо надеяться на оружие - даже в умелых руках перед грозной опасностью оно выглядело игрушкой. Надумай зверь прыгнуть, не было бы надежды на спасение. Губы звезданы шевелились.

«Что она делает?» – мелькнула мысль. Он попытался сосредоточиться. Словно в бредовом, кошмарном сне, он вдруг услышал голос звезданы. Это было на грани сумасшествия, но она разговаривала со зверем!

– Зверь, подобный серой туче!
Зверь, прекрасный и могучий!
Ты – хозяин безраздельный
Здесь гор, долин и рек!

Голос звучал как шум водопада, захватывал в плен, обволакивал разум.

– Твои когти, как кинжалы,
Разрывают сердце камня!
И никто не смеет спорить
С тем, что ты – отважней всех!

Поразительно, но дымчатая кошка, словно в сомнении, застыла, нервно дёргая кончиком длинного хвоста. Её ноздри втягивали воздух, а щёки подёргивались, топорща усы, над пастью, поблёскивающей белыми клыками.

– Рык твой – небо сотрясает!
От него дрожат вершины,
И, обрушившись, лавины
Смерть несут в долины с гор!

Странные чувства владели охотником. Он, вполне осознавая смертельную опасность, ощущал смиренное успокоение. Звездана стояла чуть правее, между ним и зверем, но юноша необъяснимым образом ощущал себя рядом с ней.

– Мы пришли к тебе гостями.
Дай же путникам укрыться.
Просим мы приют в пещере
И защиты у тебя!

Венгл ощутил, как нечто упругое волной сжалось в районе пупка и остановилось плотным комом в животе. Тело пульсировало, и вместе с этим отступал страх. Осталось чёткое осознание опасности, но не более.

– Ты могуч! Как эти тучи,
Ты сползаешь с горной кручи,
И под рык, подобный грому,
Мечут молнии глаза.

Венгл чувствовал, как нечто, дотягиваясь до страшной кошки, касается её дымчатой шкуры. Он мог поклясться, что ощущает плотный мех под руками,



близость массы напряжённого тела, даже горячее дыхание было реальным.

–Зверь могучий цвета тучи!
Уходи! Позволь остаться!
Уходи! В твои владенья
Мы пришли, полны смиренья!
Уходи! Клянёмся: с миром
Мы стоим перед тобой!

Венгл чувствовал, как что-то, стоящее между ним и хищником, мягкой пружинящей волной накатывается на зверя. Охотник снова слышал звездану, которая, словно заклинание, повторяла свои слова.

Время, кажется, остановилось, юноша смутно понимал, что находится в колдовской власти звезданы, и догадывался, что и зверь чувствует это. В какой-то миг хищник вдруг нервно хлестнул себя хвостом, оскалил страшную пасть и, издав звук, похожий на нечто среднее между скрипучим мяуканьем и утробным урчанием, развернулся – и в огромном, бесшумном прыжке исчез из пещеры.

Какое-то время звездана продолжала неподвижно стоять. Венгл не мог понять: радоваться ему или нет? Ушёл хищник совсем или вернётся? Наконец, девушка, медленно опустившись, села на землю.

– Ты сумасшедшая ведьма! – простонал юноша. – Как ты могла рассчитывать, что он уйдёт? Почему ты не развязала меня? Вдвоём мы могли бы справиться!

– Именно поэтому и не развязала, – тихо ответила девушка.

– Но мы смогли бы убить его!

– Я не хотела убивать.

– Ты – глупый, самонадеянный, безрассудный мальчишка, вообразивший себя великим охотником!

– А ты – ведьма! – в бессильной ярости заорал Венгл. – Ты – убийца, коварная и безжалостная! Тебе нравится беспомощность жертвы? Что ж, наслаждайся победой, но не жди, что я буду молить тебя о пощаде. Я сумею уйти достойно, не опозорив свой род и предков трусостью!

Звездана, вскочив, ухватила Венгла за шиворот и рывком подняла. Он не успел опомниться, как уже бежал, спотыкаясь, едва успевая переставлять ноги, толкаемый своей пленительницей. Осознав унижительность своего положения, он рванул, но тут же получил тычок в бок и сильную встряску за шиворот так, что челюсти щёлкнули. Звездана подтащила его к самому выходу, ветер, рванув одежду, ударил в лицо плотной волной, дыхание на миг перехватило. Потoki косога ледяного дождя окатили юношу. Шум, который слышался из пещеры, приблизился.

– Смотри! – звездана толкнула его вперёд.

Венгл невольно отшатнулся: внизу, в трёх шагах, едва не достигая площадки, где они стояли, несся мутный, пенящийся поток реки. Её воды вздулись, бешено устремляясь в долину, закручиваясь водоворотами и выплёскивая пену брызг. Вывернутые с корнями кусты и ветки деревьев неслись в мутном потоке. Прогремел гром, вспышка молнии осветила горы, которые смутно вырисовывались в сплошной пелене дождя. Наполнившаяся дождевыми водами река заточила людей на островке крутого берега. Выхода не было...



Звездана укрепила над огнём котелок. Венгл, словно из засады, наблюдал за ней. Надо признать, она была довольно привлекательной. Как ни странно, Венглу вспомнилась его старшая сестра, так же хлопотущая у очага, чтобы накормить младших, пока родители заняты более трудной работой. Вспомнилась сестра, вспомнились и её слова: ” Этот несносный мальчишка кого угодно уговорит. Сама не знаю почему, но соглашаюсь...”

Венгл никогда ни к кому не приставал и не кланчил, как остальные, но к нему всегда прислушивались и шли на уступки. Не то чтобы он это делал намеренно, но успех был неизменен. Сейчас у него мелькнула мысль сделать это специально. Терять – нечего, даже если не получится, хуже не будет.

– Ловко это у тебя получается, - сказал он, наблюдая за звезданой. – Мы в детстве собирались вокруг костра и, всматриваясь в пламя, пытались разглядеть танцующих гюфий огня.

Он мысленно присел рядом с девушкой, касаясь её плеча своим. Венгл, улавливая дыхание девушки, старался дышать в такт с ней.

Девушка, разлив в две чаши напиток, одну подала ему. Венгл медленно и осторожно, чтобы не потерять связь, маленькими глотками пригубил содержимое. Пахло травами.

– Ты напоминаешь мне мою сестру. Я всегда помогал ей.

Он всем телом ощущал её близость, как будто она касалась его щеки. Ощущение было знакомо. «Пора», – подумал юноша.

– Можно, я помогу тебе? – он мысленно положил ей на плечо руку. - Развяжи меня.

Осторожно провёл по голой руке. Кожа была тёплая, шелковистая.

Девушка пересела к нему и тихо спросила:

– Зачем ты это делаешь?

– Что? – так же тихо ответил юноша, сохраняя ощущение прикосновения.

– Ты действительно не понимаешь?

– О чём ты? – пленник поднял на неё глаза.

Мягкая волна, накатив на него, отхлынула, смывая ощущения, наваждение пропало.

– Я просто прошу снять верёвки.

– Просто? – усмехнулась девушка.

– Ты же сама знаешь, я... - он на миг запнулся, - я желаю тебе добра. Мы – друзья.

– Друзья? – подняла бровь звездана. – С каких пор?

– Ты сама понимаешь: мы оба хотим жить, и просто делим укрытие.

Какое-то время девушка, в молчаливой задумчивости, всматривалась в него.

– Ты на удивление быстро учишься. Неужели ты сам не знаешь, что делаешь?

Венгл растерялся, она сбивала его с толку и путала все планы.

– Что ж, – звездана взяла меч и вонзила в землю напротив пленника. Клинок угрожающе поблёскивал в свете костра. Девушка сняла с шеи кожаный шнурок, на котором висел шарик из прозрачного камня, положила его на плоский конец рукояти.

– Смотри.

Шарик заиграл в отблесках костра, сам как маленький язычок пламени, ис-



крясь в сгустившейся темноте пещеры.

– Если ты не заснёшь, на рассвете я развяжу тебя. Сможешь?

«Почему бы и нет? – подумал пленник. – Кажется, после всего, что случилось, и так не сомкну глаз».

– Согласен. А если засну?

– Убью, – коротко и жёстко сказала звездана.

На пленника дохнуло неумолимой, холодной силой, не оставляющей сомнений: она не шутит! Это не вязалось с предыдущим разговором, рушило всякие надежды на вроде бы возникшее взаимопонимание. Потрясенный охотник молчал.

– Замечательно. Не возражаешь – значит, согласен. Мой камешек поможет тебе скоротать ночь. Всмотривайся в него, когда спать захочешь, — поможет не заснуть.

Она положила в костёр пару поленьев потолще, набросила волчью шкуру и села, прислонившись к стене, лицом ко входу.

– Заодно и покараулишь, – она закрыла глаза.

«Гадина! – обида захлёстывала пленника, душевной волной сдавливала горло, мысли отчаянно метались. – Не надейся – не получишь удовольствия. Теперь-то я точно не засну!»

Сидеть было неудобно. Венгл, поглядывая на пленительницу, кое-как перекатываясь, подполз и прислонился к стене. Камень был прохладный и впиался в тело острыми выступами.

«Ничего, – зло подумал юноша, – так даже лучше: меньше шансов заснуть».

Ночь была тихой. Не слышался ни один птичий вскрик. Шум дождя постепенно стих. Только всплеск вздувшихся вод реки да потрескивание костра нарушали покой.

Пленник, насколько позволяли пути, устроился поудобнее. Не имея особой надежды, он всё же проверил их крепость, увы, освободиться не получилось. Он покосился на звездану, девушка, всё так же неподвижно, сидела у стены. Отгоняя сон, пленник осматривался – вокруг непроглядная тьма.

«Что там она говорила? – припоминал он. – Камешек поможет не заснуть?...»

То ли тело привыкло к верёвкам, то ли они ослабли, но пленник перестал ощущать неудобства. Лица соплеменников, родных всплывали в памяти.

Как бы хотелось вернуться туда – в доброе, беззаботное детство. Венгл произвольно напряг тело, словно желая преодолеть время, и неожиданно ощутил, как пути сползают с него. Не веря в чудо, он поднялся.

«Не такая уж ты и умелая» – подумал про звездану.

Не смея оглянуться назад, он устремился к выходу. Ноги плохо двигались, их приходилось тащить, тело тоже было как наполненный водой пузырь.

«Затекло от верёвок», – подумал юноша, протискиваясь из последних сил через узкий проход, цепляясь за шероховатые стены. Снаружи оказалось серо. По ощущениям, до рассвета было далеко, но вся округа, залитая невесть откуда идущим светом, была словно накрыта туманным коллаком. Невидимые светильники окрашивали всё в желтовато-оранжевые тона. В стремлении к свободе пленнику было не до этих странностей и размышлений, а уже через мгновение он застыл в испуге: у входа на камне сидела звездана. Первым желанием было броситься назад. Перед глазами, качнувшись, всё поплыло. Звездана, повернув-



шись, пригвоздила его взглядом, и он, словно раскачиваясь в огромной лодке на волнах, застыл, не в силах двинуться.

– Ну, наконец-то! – сказала девушка. – Я уж думала – ошиблась и не дождусь тебя.

Перед глазами всё расплывалось, юноша не мог унять непонятную дрожь.

– Это куда не годится, – нахмурилась девушка, – так у нас ничего не получится, – она взяла его за руку. – Успокойся!

От прикосновения и спокойного властного тона юноша пришёл в себя. Округа, утихомирившись, прекратила пляску.

– Иди сюда.

Не отпуская его руки, звездана потянула юношу. Как ни странно, но идти оказалось легче. Через мгновение они стояли на краю уступа. Мутные воды вздувшейся реки, бурля, отступали, обнажая берег. На месте, где Венгл устроил себе засаду, громоздился огромный полосатый валун. Что-то было не так во всей картине.

– Как всё это может быть? – не то спросил, не то подумал юноша.

– Сама удивляюсь, – спокойно ответила девушка, не спуская с него глубокого взгляда медовых глаз.

«Как я не заметил, какие у неё глаза...» – подумал юноша, завороченно вглядываясь в них.

– Пойдём туда? – кивнула звездана на другой берег.

– Зачем? – юноша не знал, что и думать.

– Ты же сам хотел уйти.

– Так, – смутился Венгл, – но не сломать шею.

– Зачем ломать, попробуем вместе.

– Не выйдет.

– Со мной выйдет. Главное – не отпускай меня.

Они стояли на самом краю обрывистого берега, внизу нёсся поток.

– Видишь выступ? Мы соскользнём на него по склону, затем на камень посреди реки, а там и до берега недалеко.

– Нам не устоят обоим.

– Именно обоим – в этом залог успеха. Мы будем держать друг друга. Или, может, ты боишься? – хитро прищурилась звездана.

Расчёт был безошибочен: мог ли юный охотник сознаться в трусости?! И они прыгнули... Венгл ощущал, как, не постижимым образом, на миг касается едва приметных выступов и летит вниз. Задержавшись на козырьке, не разрывая рук и балансируя на одной ноге, они снова понеслись в немислимом прыжке навстречу бурлящему потоку.

У Венгла захватило дух от восторга при осознании, что он стоит посреди стремительно несущейся реки. Волны с плеском и брызгами разбивались о камень, закручиваясь водоворотами, огибали его и неслись дальше.

– Хочешь на тот берег? – крикнула звездана, перекрывая шум воды. Её голос звучал отдалённо, заглушаемый постоянным гулом – наверное, это камни в реке бились друг о друга.

– Хочу! – необъяснимый восторг захлестнул юношу, и они скользнули над мутными водами навстречу берегу.

Камни были мокрые и скользкие, покрытые грязью отхлынувшей воды, но



идти было на удивление легко. Венгл оглянулся - едва заметная пещера темнела на высоко берегу.

«Не верится, что я это сделал...»

Венгл потянулся к лежащему рядом небольшому обломку. Руки не слушались, странно промахиваясь мимо.

– Не старайся. Всё равно не выйдет. Нужно быть очень сильным.

«Я не слабый», – хотел ответить Венгл, но тут со стороны реки послышался непонятный шелестящий звук. Тихий, но явственный, он закладывал уши, пробирался под кожу и противным холодком полз по позвоночнику, рождая тревогу.

– Что это? – насторожился Венгл.

– Не знаю. Вероятно, здешние хозяева проверяют гостей на смелость.

Тревога переходила в страх. Нечто незримо присутствовало совсем рядом, касалось волос, проникало плотным жгутом в живот, выворачивая желудок безотчётным страхом. Перед глазами снова всё задрожало, Венгл озирался в поисках опасности.

– Хочешь вернуться в пещеру?

– Да! – выдохнул юноша. В этот момент пещера казалась единственным надёжным убежищем.

– Бежим! – оглушительно крикнула звездана, и юноша сорвался с места. Плотный поток, ударив в грудь, словно подхватил невесомыми волнами, и, падая в безотчётном страхе, он забарахтался, как в воде. Очнулся стоя перед входом в пещеру. Звук стих. Оглянувшись, он не понимал и не помнил, как в один миг оказался наверху.

– Ты молодец! – звездана улыбалась, блестя своими медово-золотистыми глазами.

– Как это получилось? – в замешательстве думал вслух юноша.

– Во сне и не такое бывает, – засмеялась девушка, – главное, вовремя вспомнить себя.

– Хочешь сказать, что это сон?

– И да, и нет.

– Я уже понял, что тебе нравится насмеяться, но на этот раз не проведёшь!

Всё слишком реально: мои руки, ноги...

– И одним прыжком с одного берега на другой? – перебила его девушка. – Идём!

Она повлекла его в пещеру. Внутри горел костер, освещая две фигуры, сидящие у стены. Одна в наброшенной на голову волчьей шкуре, вторая... вторая... У Венгла перехватило дыхание: у стены сидел худенький юноша, скрюченный и связанный верёвками. Тёмные волосы, длинные и спутанные, голова низко склонилась на руки.

«Это я, – мелькнула мысль, – это – я?!»

Юноша в изумлении всматривался в узнаваемую и в то же время такую незнакомую фигуру.

– Не смотри так долго, – предупредила звездана, – тебя выбросит в сон.

Но было поздно, голос девушки отдалился, перед глазами всё поплыло, затем понеслось с немислимой скоростью по кругу, и Венгл погрузился в темноту.

КОНКУРСЫ, ФЕСТИВАЛИ



Юлия Бережко-Каминская Киев

Обладательница Гран-при Второго Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова»

ЯНГОЛУ

І знову так, як і було раніше:
Все на місцях, провітрені кімнати.
Мій Янголе, пробач мені за вірші,
Яких я не могла не написати.

Нарешті наодинці ми з тобою.
Затихло все зсередини і ззовні.
Затихло так, як поле після бою:
Усі думки ясні і послідовні.

І кличе чай мелісою, жасмином,
І надвечір'я лагідне і сніжне.
А поспішати, Янголе, куди нам?
Я надто втомлена. Я надто, надто грішна.

Усе так само. Хоч уже й не схоже
На те, яким воно було до літа.
І вечір зорі над землею множить.
І сніг ряхтить.
І далі треба жити.

Я живу між видихом і вдихом,
Там, де груди терпнуть від краси,
Де настільки урочисто тихо,
Що шепочеш: «Господи, еси!..»

Де незрима набуває форми,
Де первинну повертає суть...



Радістю найтоншою огорне,
Тою, яку хочеться збагнути.

Де усе настільки чисте-чисте,
Що лишаєш вимите взуття.
Йти куди – між тисячею істин
До благої Істини – Життя.

Де усе, що визріло у слові –
Наливає незабгненним вірш.
Де душі так добре від любові,
Що тамуєш подих і мовчиш...

Інколи – тонко. Тонко – і страшно.
У грудях пульсує. Значить – жива ще.
Стрілка по колу кружляє поважно:
Краще – на гірше. Гірше – на краще.

Світ завмирає. Німіє. Біліє.
Янголи сходяться: «Здрастуйте, браття!
Чуєте в серці – поліритмія?..
Наче б то дзвін на великому святі».

Терпнуть світанки у росах жовтневих,
В головах сон стережуть полохливий.
Радосте? Відчай... Надія?.. Ну де ви?
Не полишайте! Усе ще можливо!

Жити! До трепету ніжно і чисто.
Жити! Творити і свято, і будні...
Сон проковтнувши, посапує місто,
Осінь тривоги виводить на лютні.

Все ще можливо. А значить так буде:
Довга дорога і радість, і сила.
Час зупиняється болем у грудях?
Ні, то – Любов пульсує по жилах.

* * *

Дощі, вітри... Чого в нас не бува?
Усе прийняти і – рушати далі.
Я оживаю на твої слова.
Я терпну на усі твої печалі.



Нічого стороною не пройде –
Усе крізь відстань будь-яку озветься.
І радісне, і грішне, і святе,
І те, від чого закипає серце.

МІЖ СНАМИ

Якось снами закапала очі:
Два коротких за ніч – от і все.
Перший сон – дотепер кровоточить.
Другий – сонце в долонях несе.

Перший сон – з прадідівських підвалів:
Глухо, вогко і страшно, і мла...
Другий – із абрикосових далей, –
Я ніколи ще там не була...

Перший – мрякою хлюпа, і місяць
Босі ноги той сірий кисіль.
Чистотою блакитної висі
Кличе другий за тисячу миль.

Я між снами живу. Линву туго
Сни натягують, як тятиву.
Я від першого йду до другого...
Як над прірвою я живу.

Дмитрий Чепурной Луганск

Обладатель Гран-при XIII регионального фестиваля литературного творчества детей и молодежи «И пробуждается поэзия во мне»

ВСЕГО НИЧЕГО

Искры тусклых огней автостанций,
Последнее место, рядом с окном.
Сплошь рассыпаны дыры пространства
И всё, что сейчас, происходит потом.

Затеряны сроки основы процессов.
Реакция смысла – есть близость конца.
Местами период распада прогресса,
Случайная смерть перспективы в глазах.

Ничто – гарантирует всё и так вечно.
Лишь вопль спасает сошедших с ума.
Уставшие люди, остывшие вещи.
Из букв и из цифр мелькают дома.



Чудовищно красно, чудовищно ярко
Свершение действий. Восход и закат.
Внезапная память нам дарит подарки,
Желание когда-то вернуться назад.

А время вдруг стало и Бог не заметил.
Мы брали любовь из ладоней его.
И верили словно наивные дети...
...До счастья осталось всего ничего.

УМОВНІ ЗНАКИ

Ми міцно тримаємо те, що є.
Нам наші сни нічого не врочать.
І пам'ять зовсім не вміщує
Ні денного смутку, ні радості ночі.

І ще раз, і ще раз повторюємо.
Щоб врешті напевно навіки знати,
Життя – це процес неминучого.
Ми ставимо в часі умовні знаки.

СЕРДЦЕ-БАРАБАН

Решёткам из чисел,
совсем не верится.
Моё пребывание
небом не считано.
Странный стук
в области сердца.
И вот. Встречайте,
меня счастливого.

В радость, срочно!
И хватит мрачного.
Лучам солнца
трубит в ответ.
Есть у человека
чувство утраченного,
У меня странного,
этого нет.

Взаимное занятие
счастьеделие –
Постоянно знаешь,
что не сам.



Из рук в руки
лейте веселье!
Стучи, стучи
сердце – барабан!

ВІЗЕРУНКИ

Розпорошено над полями,
Золотий пил небес.
Прісні ріки уздовж галявин,
Вільно стеляться десь.

І стежками ідуть до любові,
Озираючись шокрок.
Твої очі шукають червоні
Візерунки моїх думок.

Мне незачем верить чужим поколениям.
Так много дистанций, вещей и людей,
Вмещается в прошлом единственном времени,
Что мелочен век, а минута длинней.

Сужается плоскость, картина становится резче,
Немеют все звуки и руки дрожат в темноте.
Мы вряд ли останемся вместе навечно,
Но точно оставим друг друга в себе.

Стихи лауреатов XII Регионального фестиваля «И пробуждается поэзия во мне» (2010)

Александра Дворцова Гран-при (11 класс, Луганск)

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Моя душа открыта для чудес
И для людей: берите, кто что хочет!
Нет, я не ангел, я скорее бес,
Ведь бесы заразительно хохочут.

Моя зима открыта для тебя,
И дом открыт: входи в пустые дери.
Нет, не забудь в моем мирке себя,
Твоя душа не вынесет потери.



Мои мечты открыты всем ветрам,
И слезы тоже: чем вам не снежинки?
Нет, не посмеешь осквернить ты храм,
Воздвигнутый среди морей на льдинке.

Мои слова открыты и просты,
И не ищи – исчезло дно двойное.
Ведь среди зимней сказки чистоты
Я нахожусь в заснеженном покое.

Алевтина Легещич Гран-при

(11 класс, с. Красный Кут, Антрацитовский район)

На гойдалці свідомості сумної
раділи, забавлялися думки
під супроводом кволого конвою...
День був прудкий.

Конвоїр колисав їх неохоче,
грайливо галас лився досхочу.
В думок були, мов соняшники, очі.
А весело ж було – ген до плачу

По рейкам на засніжених санчатах
прорвемось крізь шляхетні заборони.
«Відправились із першого перону», –
про вчинок говоритимуть у чатах.
На ліхтарях вокзальних висне трясця.
Підступно мимрить пишна хуртовина.
В кишнях сніг. «Не брала! Я не винна»
Тікати на grindжолах. Може, вдасться.
По рейкам! Крадькома! Наперегони!
Гич не до речі – запахи гуральні.
І semaфор нам підмигне – востанне.
«Відправились із першого перону!»

Мария Соболева 1 премия (11 класс, Луганск)

МИНИАТЮРЫ ЖИЗНИ

1

Светофор не горит,
Мир на время забыт.



Нажимаю на газ!
Километры в час
Превращаются в свет,
Свет заплаканных глаз.
В жизни больше мест нет,
Ты за дверью сейчас.

2

Желтое, красное –
«Нельзя» или «стоп»...
А чувство негласное,
И правдою в лоб.
А ты обернись
И сердцем расколотым
В небо всмотришь:
Оно не из золота.

3

И для нас наконец-то настало
Бесконечно простое «прости».
Как же времени надобно мало,
Чтоб утратить и все обрести.

4

Остальным это знать не положено,
В жизни нашей все так уж сложено.
И нельзя поменять невозможное:
Для людей недоступно все сложное.

Татьяна Риснянская 2 премия (9 класс, Луганск)

АБРИКОСОВА ФАНТАЗИЯ

Струсило бережно гнучке гілля
Забуті в раншнім сонцем роси...
Запахли стиглі, червонобокi,
Налиті золотом абрикоси.
Солодка забавка літа стигла –
Медова куля жовтогаряча.
Стригнула капля роси – побігла,
То абрикосова грудка плаче.
Аж раптом – тепле, яскраве коло
Серед сатинових хмар повисло:
Таке ж гаряче, таке ж медове,
Таке ж солодке, аж навіть кисло!
Але велике, що аж здається,
От-от закотиться у віконце,



І на кухоннім столі зав'ється
Фрукт абрикосово-жовтий – сонце!

Петр Владимиров 2 премия (10 класс, Луганск)

Существуют ли в этой мире
Слова, не подаваемые лире, –
Обещания?
Скажу сразу: их поиск напрасен,
Но без них ведь мир также прекрасен?
Молчание...

Не говори, если не сможешь,
Зачем себе душу гложешь
Пустяками?
Зачем тогда лезешь в драку?
Всё равно судьба – быть собакой
С кулаками.

Ни для кого на небе звезда не горит,
Некому тебя благодарить,
И я не смогу.
Никому нет ни малейшего дела,
Что ты сберег сердце и тело
В шкафу.

Наталья Бельчикова 3 премия
(8 класс, с. Трехизбенка, Славяносербский район)

Куплю я сейф себе, быть может,
Туда я сердце положу.
Его достать никто не сможет:
Как открывать, я не скажу.

Убью всех в мире купидонов,
Чтоб зря не мучили людей.
Пусть злые каркают вороны.
Не тронуть им души моей.

Любовные сломаю стрелы,
Из сердца вытащу одну.
Потом тебя я встречу смело,
Ни в чем не чувствуя вину.



Любовь к тебе я уничтожу,
Хоть на коленях ты моли!
Но как же, как я буду, Боже,
Без сердца жить и без любви?

Виталиана Демина 3 премия
(10 лет, г. Червонопартизанск)

МОЯ УКРАЇНА

Україна – рідна ненька,
Київ – це її серденько,
Це – безмежні поля
Та квітуча земля.
Це – лани широкополі,
Це – зелені осокорі,
Це – високі кручі,
Де Дніпро реве могутий,
Це – калина за вікном,
Це – родина за столом,
Твій народ, твоя сім'я,
Вітчизна, люба ти Моя.
Це – моя Україна,
Рідна ти єдина.
На тебе тільки уповаю,
Тому цю пісню я тобі співаю.

ПОЧЕМУЧКА

Почему медведь ревет?
Почему трава растет?
Почему ручей журчит?
Почему так лев рычит?
Почему для воробья
Не построили жилья?
Почему стрижи летают?
Почему снежинки тают?
Почему соседский Мишка
Так не любит мою мышку?
Почему Луна висит?
Почему звезда горит?
Все «зачем» да «почему»,
И никак я не пойму,
Что ж братишке так нейдет?
Пусть он с мамой разберется.



Надо в магазине словари купить,
 Чтоб на все вопросы ответы находить.
 Пусть быстрее он вырастает
 И меня не донимает!

Роман Чумак 3 премия (9 класс, г. Лутугино)

З УСІХ УТРАТ УТРАТА ЧАСУ –

НАЙТЯЖЧА

Я втратив час – я втратив все!
 Мое життя таке пусте!
 Де його смак? А пристрасть де?
 Немає сенсу – смерть іде...

Я був малий – так гарно все!
 І мати свіжий хліб несе...
 В душі своїй понад усе
 Обожаю шкільні есе...

Я став дорослим – лячно се!
 І мати хліб вже не несе...
 Мое життя – це вже не школа,
 Де совість у людей ще квола.

Навчаюсь в інституті я!
 Хоч праця тяжка – все ж моя!
 кращі в світі друзі є –
 Мабуть, це доля їх дає...

І ось я – юний робітник.
 Руками працювати звик.
 Життя так радує мене!
 Везіння повз не промине!

І справді! Закохався я
 У жінку, котрій важко й дня
 Прожить, не бачивши мене!
 І ми побрались, Меріме!

Із нею щасливо ми жили,
 Розумних діток народили,
 Але... На жаль, ця біла смуга
 Закінчилась, почалась чорна туга.



Моя єдина, люба Меріме
Загинула, залишивши мене
Навічно із неповною сім'єю.
Я працював, а вдома марив нею...

Сини мої закінчили навчання –
І ні до чого їм поради та повчання.
Дітей вже мають, кошти бережуть –
Як батько їх колись, тепер живуть.

А я чомусь жалкую дуже часу...
Пригадую лиш театральну касу,
Де познайомився з тобою, Меріме,
І діточок, що бавлять ще мене...



Юрий Белан, Юрий Кукурекин Луганск
**ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ. РАЗМЫШЛЕНИЯ,
НЕ ЛИШЁННЫЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА**

*НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА*

Общество и личность двойственны в своей сущности и диалектичны в своих отношениях. Общество представляет из себя сумму сосредоточенных в нём людей. Каждый из которых представляет личность, являющейся, в итоге, частицей единого целого, что и свидетельствует в пользу двойственности понятий общества и личности и, воистину, диалектичности их взаимоотношений и взаимодействия.

Отсюда вытекает, что общество есть не что иное, как сложнейший, и, можно сказать, живой организм, а личность – разветвлённая структурная единица, названная ещё в древности «микрокосмосом». Тоже – динамичная и так же, как и общество, величина непостоянная. С развитием личности развивается и общество, потому-то они и являются величинами непостоянными. Которые, в процессе своего развития постоянно воздействуют друг на друга – мирно уживаются, либо – ведут ожесточённую борьбу.

Представляется очевидным то, что новое время, наступившее вскоре после Октябрьской революции, сняв с личности церковно-религиозный «налёт»(а, может и не «налёт»), а нечто более глубокое, внешний фасад которого определялся как «налёт»), возвало к внутреннему достоинству её. При этом, это самое время формально гарантировало личности всю сумму прав по отношению к обществу. То есть, личность, вроде, становится свободной в своих правах и менее обременительна в обязанностях.

Однако, в лице набирающего силы государства, общество предречено занимать господствующее положение в отношении личности. Личность, казалось, теряет возможности проявления себя как свободной и неуязвимой. Что, оказывается, не совсем-то и так. Развитие личности в настоящее время вполне возможно, но, выборочно в союзах богатых людей, избирательно акцентирующих свои ставки на узкий круг лиц, представляющих не что иное как элиту общества сугубо уже буржуазного(!). Практически, каких-либо движений из рядового, так сказать,словия современного общества в сторону развития личности невозможно, без существенных изменений конституционных прав в пользу такой личности.



Обратимся также к тому постулату, что аристократия и демократия должны представлять, по идее, два фронта социальной борьбы. Поясним: аристократия (греч.) – «власть лучших», есть власть узкого круга лиц политически активной части общества. Демократия же («власть народа») – приобщение к управлению более широкого круга лиц, действующих от имени народа и опирающихся на народные массы. Но, то и иное, по сути, являются лишь формой власти и не более! Фактически же, демократия не имеет ничего общего с подлинным народовластием, так же, как и аристократия – совсем даже и правление истинно лучших! Поэтому, между аристократией и демократией всегда будет идти борьба за уничтожение друг друга. Что означает только одно: в любом обществе всегда были и будут народ (массы, так сказать) и «лучшие», отличные от этих масс.

Однако, история убедительно демонстрирует, что общество может достигнуть пика своего гармоничного развития только тогда, когда народ и знать представляют единое целое и действуют сообща. Для этого, полагаем, необходимы определённые условия. В частности, демос только тогда может быть подлинным народом, когда научится отстаивать своё достоинство, не лясь и не заискивая перед знатью. В этом может помочь элементарное воспитание и просвещение, которое должно быть направлено обучение правильному взаимодействию между обществом и личностью. Нужно иметь виду, что такое решение невозможно достичь одними административными, законодательными или революционно-майданными силовыми методами. При этом, под воспитанием подразумевается привитие личности нравственных начал, а под просвещением – целенаправленное развитие в обществе элементов культуры.

Наше время в основу индивидуального воспитания положен принцип гуманизма, а в основу общественного просвещения – принцип либерализма.

К чему же приводит формальное гуманистическое воспитание или его отсутствие? – К тому, что в обществе укореняется чувство всеобщей неприязни и настоящей ненависти к конкурентам, инакомыслящих и вообще к «чужим». Либеральное воспитание сначала породило образование двух враждебных миров: капиталистического и социалистического, а затем скатилось к средневековому навязыванию либеральных ценностей исключительно силовыми методами лживой одурманивающей пропаганды. Это утверждение имеет колоссальное значение в наше время, когда наступило время свободы печати, пропаганды и, казалось, вытекающей отсюда свободы личности. Отсюда следует, что воспитание должно, наконец-то, заняться привитием любви и сострадания к вполне конкретному человеку, живущему в наше время, среди нас и в нас самих.

Просвещение же обязано направить свой интерес не на избранных, а на весь мир и всё человечество, не противопоставляя, а объединяя народ в единой общечеловеческой культуре. Это свидетельствует о том, что культурные ценности как общечеловеческая единица, должны стоять во главе угла и просвещения и воспитания всех и вся.

Культура и цивилизация являются двумя срезами развития индивидуума, общества и человечества в целом. Культура есть такой уровень в этом срезе, который является внутренним, причём, по преимуществу – духовным. А цивилизация – уровень внешний, относящийся пользованию материальными, сугубо, средствами. Культурный человек- воспитанный и просвещённый, а цивилизованный – обученный и образованный.



Наше время провозглашает главными ценностями именно культуру и цивилизацию. И, как видим, объединяет светскую культуру и земную цивилизацию в единое целое. Как это получается, вопрос уже другой – часто и густо это происходит не так уж активно и эффективно. И дело сводится к внутренней культуре личности, прежде всего, являющейся основой для раскрытия потенциальных возможностей всего общества, то бишь – цивилизации в вопросах той самой главной ценности рода человечества, которой она и является (культура).

Истощение культурных ресурсов грозит банкротством цивилизации и человечеству в целом. Поэтому цивилизация должна озаботиться, в первую очередь, не проблемами своего дальнейшего процветания, а состоянием духовности и культуры отдельно взятой личности, от чего зависит и культурный уровень общества. Собственно говоря, цивилизация подразумевает в своей основе определенный культурный уровень своей небольшой, микроскопической частицы, которой и является человек. Но, без которой не может сформироваться пласт общей культуры цивилизации. От чего будет зависеть устойчивость, либо нет – самой цивилизации.

При этом, ни культура, ни цивилизация не может опережать друг друга. Они должны идти вместе, обогащаясь, развиваясь и не отрываясь, друг от друга.

Идеология и политика определяют новое качество, возникающее вследствие стыка духовной сферы с практической жизнью людей. Вот, скажем, идеология – это смесь религиозных, нравственных, практических и прагматичных идей, на основе которых формируются целевые установки общества. Политика – сумма средств и методов направления людей на реализацию практических задач и осуществление вполне конкретных целей. Ибо, оба эти понятия, самостоятельные по сути, смыкаясь теми или иными гранями, образуют единое целое, определяющее идейную сущность самого общества. А от этого зависит так много в жизни тех составляющих общества, каковыми являются люди. То есть, есть идеи, есть методы их внедрения в сознание(реализация), отчего они(идеи) должны быть четко определены.

Наше же время долго эксплуатировало расплывчатые гуманистические идеи. Потом поляризовало их в двух враждебных идеологиях- капиталистической(либеральной) и коммунистической(гиталитарной). Однако, несмотря на наличие этих двух антагонистических идеологий, политика представляется однотипной, эксплуатирующей принцип цель и сущность демократии. Сегодня в политической среде речь может идти лишь о вариативности демократических систем, а не об опровержении принципа демократии. То есть, существуют на разных политических платформах похожие демократические тезисы различных политических партий, в итоге можно считать, что это и есть демократия, как таковая.

Вместе с тем, нет ничего застывшего и неизменного. Таковы законы диалектики, что и идеология и политика должны претерпевать внутренние изменения и внешнюю направленность. В частности, в идеологии, по большому счёту, требуется утверждение подлинных гуманистических ценностей, ориентированных на реального человека. Политики же озабочиваются созданием цельной и органической системы хозяйствования, стараются утвердить принципы честности и открытости в ведении дел, расширить формы нравственного стимулирования деятельности людей. В конечном итоге идеология стремится к общечеловеческим интересам, а политика – к реализации и идеи подлинности народовластия.

Восток и Запад Украины представляют не только географическое понятие, но и разноплановые духовные и ментальные системы, не совпадающие порой



вплоть до полной противоположности. В русском языке слово «восток» означает одновременно начало (исток) и восхождение (восход). «Запад» же есть символ конца и упадка. В житейском плане восход и закат не имеют характера абсолютности, означают лишь смену явлений, их чередование. Это не означает, что в русском языке эти понятия отождествляются с некими политическими амбициями, которые в нынешнее время, между тем, уводят сознание людей в резкую политическую площадь. В частности, сегодня кое-кто из политиков Запада определяют его в качестве нового центра человеческого духа. Той самой мысли, которая охватывает не только свой регион, но и является эпицентром, что ли, мирового духа и мировой же мысли. Подспудно мерцающий дух борьбы и жажда обладания властью у некоторых типологически ретивых деятелей от политики, постепенно и убеждают(!) прозападные политики, что называется, толкают, прут свои собственные политические установки на идеологическое завоевание Востока. Дабы достичь (вот такие они и есть!) господства уже и в других, не только идеологических сферах- любой ценой и любыми средствами!

Если принять за основу названные тенденции и реальные события нынешнего времени в Украине, можно увидеть «невооружённым», глазом, что Восток, теснимый Западом на всех уровнях, стремительно отступает и сжимается, укрываясь в прочном (!) коконе своей христианской духовности и русскоязычии. Такая чисто рефлекторная реакция защиты ни в коей мере не означает силового противостояния, какого-либо (очередного?) поединка не на жизнь, а на смерть. Об этом следует подумать идеологам нетерпимости, о том, что развитие событий в таком русле не оправдано логически и исторически. Да и люди, народ, уже и так несколько депрессивированные, взвинченные событиями, связанными с выборами Президента, всё таки, этого просто не выдержат.

Следовательно, речь должна идти не о вражде и соперничестве «на грани фола» между Востоком и Западом, а их дружественности и взаимной уважительности. Вместе с тем (и это очевидно), форматирование новой системы государственности и отношений в ней сейчас больше зависит от Запада, чем от Востока. Дружелюбное расположение Востока, понимание критических ползновений в Украинской ситуации, предполагают только одно – партнёрство в преодолении негативных тенденций в идеологии, политике, экономике. Для чего необходимы мудрость, а ещё ... время. Ибо, это есть процесс весьма и весьма протяжённый, уходящий в конечность или... бесконечность.

В развитие этого тезиса скажем о том, что предопределение народности (судьба, карма) имеет ввиду конечность. Но, наше предназначение (миссия созидания, творческий потенциал) представляет определенный шанс на бесконечность. Который достаточно хрупок, отчего возможности использования его – весьма ограничены. «Разумные и мудрые» индивидуальности, образуя столь же прогрессивную общность себе подобных, проявляя, можно сказать, чудеса живучести духа и изворотливости ума в самых непредсказуемых обстоятельствах, сумели избежать самого страшного – военного противостояния.

Единственное, чему мы не научились(и от чего страдаем, между прочим, больше всего) – быть благоразумными и всё понимающими в счастье, благополучии, успехе. Именно этому и должно научить нас благоразумное течение времени, к которому «разумные у мудрые» могут и должны приобщаться, быть прилежными и добросовестными учениками не только в этой школе жизни, но и университете тысячелетий.

ПЕГАС-ПЕРЕВОДЧИК



Владимир Сосюра

(перевод с украинского Павла Кашаева, Днепропетровск)

Не погасни маревом,
Не развейся сном –
Белоснежным облаком
За моим окном.
Не замолкни песнею...
Лучше поскорей
Вспыхни хризантемою
На груди моей.
Садом солнцерадостным,
Словно милый край,
Ты цветы, любимая,
И не отцветай!
Лейся нежной музыкой
В золотом огне,
Чтоб жилось по-новому
И тебе, и мне.
Чтоб сбывалось главное:
Свет любви не гас,
Чтоб потомки славные
Не забыли нас...

Тихо. Недвижимый воздух...
Слово ль для песни найду?
Падают будто бы звезды
Яблоки в нашем саду.
В небе – печаль журавлиная,
Вянут и никнут цветы.
Выйду: край неба – малиновый,
Гляну: а небо – как ты.
Тучка плывет кучерявая,
Тает, как призрачный сон.
Месяц над синими травами,



Ветер тоской напоен...
Вдаль мои тянутся руки.
Слушаю вечер и жду...
Падают, падают глухо
Яблоки в нашем саду.

Сквозь огни, туманом рассеянные,
Сквозь вечернюю суету
Ты идешь – и цветы весенние
На снегу за тобой цветут.
Ты похожа на небо синее,
Что сиянье шлет с высоты...
Песни все о тебе, любимая,
Только лучшая песня – ты.

Я жду... Тебе слова приветов
Стихов заветные слова.
Зову тебя... Ты, словно лето,
Где так спокойны деревья
И полуночная истома
По жилам льется, как вино,
И месяц, что повис над домом,
Глядит, как в зеркало, в окно.
Я так люблю, когда не тают,
Лучатся звезды над водой,
Когда вздыхает над цветами
Июльский ветер молодой...
Но далеко еще до лета,
А прежнее – ушло давно...
Лишь ветер бьется до рассвета
В мое закрытое окно.

ПОДСНЕЖНИК

Мир озарен улыбкой нежной
Полей, лесов... Растаял снег...
И лепестки свои подснежник
Раскрыл под солнцем по весне.
На белый свет гляжу с надеждой,
Зима в душе моей прошла
И расцветает, как подснежник
Под солнцем счастья и тепла.

Люблю деревьев древний мир,
Что жизнь вдыхает полной грудью.



Ветвями шлюют привет в эфир
Зеленые деревья – люди.
Глядят на нас из полутьмы
Былых веков светло и строго.
Все видят, чувствуют как мы.
И лишь ходить они не могут.
Быть может, ходят? Дивный мир,
Меня он с детства привлекает,
Где солнце – золотой кумир
Фиалку нежную ласкает.
Цветы, цветы! Вот соловья
Пленила роза красотою...
В цветах сейчас душа моя
Согрета новою мечтою.
Земля, деревья и трава
Пронизаны улыбкой света,
А жизнь прекрасна и права ...
Какое чудо видеть это!

Так никто не любил...
Через тысячи лет
К нам приходит подобное чудо:
На земле наступает весенний расцвет,
Красоту разливает повсюду.
Дышит тихо, спокойно земля в синеву,
Тянет к звездочкам нежные руки...
Этот миг раскрывает цветы наяву,
Мир трепещет от сладостной муки.
Вянет сердце мое от счастливых очей,
Что в тумане горят надо мною...
Кровь по жилам течет,
словно жаркий ручей,
Словно пахнет она лебедю.
Эй, вы, ясные звезды и месяц родной,
Пусть случится любовь неземная!
Я сорву для нее Орион золотой,
Я – поэт из рабочего края!
Так никто не любил...
Через тысячи лет
К нам приходит подобное чудо:
На земле наступает весенний расцвет,
Красоту разливает повсюду.
Дышит тихо, спокойно земля в синеву,
Тянет к звездочкам нежные руки...
Этот миг раскрывает цветы наяву.
Мир трепещет от сладостной муки...

ПЕГАС-МИНИАТЮРИСТ



Николай Семенченков Луганск

Творцы творят,
Все остальные вытворяют...

Воздушная – души
Отдушина...

Запах – потом...

Фонари не возможно забыть...

Хронически чего-то не хватает...

Ничего хорошего,
Кроме плохого...

Были важны, -
Пока были нужны...

Мусор из избы не выносят
Его выметают...

Попробуйте найти
Несуществующую совесть...

Иллюзия – не только в цирке...



Жизнь восстановлению не подлежит...

Помогли –
Соскрести с лица земли...

Дуракам закон написан...

Упасть можно где угодно –
Вопрос – как?..

Пришёл и прошёл
– Дождь...

На нет и суда нет,
И туда нет...

Говорят не пришло время
А – оно никуда и не уходило...

В наши окна смотрят
Времена года.

Эсмירה Травина Харьков

Я ВАМ СПОЮ

На вернисаже сколько раз!
На вернисаже сколько раз...
И неважно, что
не была там
ни разу.

Начинаю я всегда за здоровье.
Неужто подумали,
что заканчиваю за упокой?..
Представьте себе –
таки да!



Вот ещё со школы помню,
что Вселенная,
вроде,
бесконечна.
Но забыла – почему...

Сколько этой веревочке ни виться...
А ведь всякое с ней
случиться может.
Например,
гордиевым узлом завяжется.

И вообще –
что наша жизнь?..
Ни в сказке сказать
ни пером описать.
Вот и клацаешь
по реальной клавише.

Впрочем, никогда нет уверенности,
что окружающее тебя
не сон.
Иначе почему
не слышно собственного крика?..

Зато я всегда точно знаю,
сколько накукует кукушка.
Достаточно глянуть
на стрелки.

Издали до-олга
течет река Во-олга...
Эх, петь – не перепеть.
Только «на бис»
не просите.

Я, знаете ли,
не жалею, не зову, не плачу.
Потом догоню – и снова
не жалею,
не зову,
не плачу...



Владимир Шестаков Кременчуг

КВАРТЫ
СТОЛИЧНЫЕ ШТУЧКИ

*«К.Собчак вошла в сотню самых красивых
людей Москвы...»
(из сообщений СМИ)*

С первой сотней дело ясно –
Одна там, понятно, краше другой...
Но представить даже страшно:
Какие же дамы в сотне второй?..

ОТ ВСАДНИКА БЕЗ ГОЛОВЫ

Неумолима судьба («се ля ви!»),
Можно всегда загреметь...
Голову чтоб не терять от любви,
Надо её всё ж иметь!

КАП-КАП...

Много влаги вылито
На колючки роз...
Сколько ж водки выпито
Из-за женских слёз!

ЛУЧШАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В тему вклад хоть и весом,
Тайну не открою:
Лучше девушка с веслом,
Чем мадам с косою!

СЕМЕЙНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

И снова думаю о том,
(Хотя в делах запарка):
На сцене – девушка с шестом,
А дома ведь – со скалкой...

ОТ БОТАНИКА

Узнав половину,
Замечу логично:
Везде жизнь – малина,
Где зреет клубничка...



ЖЕРТВЫ СЛАВЫ

Опасность есть для «суперстаров»:
Поклонники – вампиры
И тех, кто вовсе не подарок
Порвут на сувениры!..

ЗАГАДКА

Ищу отгадку много лет,
(Попыток и не счесть...):
В ногах, конечно, правды нет,
Но в женских – что-то есть!

ИЗ ОПЫТА БУРАТИНО

Секрет открою только вам,
Чтоб не было вопросов:
Кто любит ездить по ушам,
Тот остаётся с носом!



Юлия Дубчак Донецк

МИСТЕР ЭЛЬ

Когда он родился, в аду усмехнулись, а в раю заплакали. «Повеса среди ученых, ученый – среди повес», – сказал о нем Байрон. «Прилежный днем – бесчестен ночью», – добавил Макиавелли.

Он был старше меня лет на двадцать. Целая вечность! Виктор был одноклассником матери моей институтской подружки и, судя по всему, не только им, предпочтя их не особо обустроенное жилище комфортабельной гостинице, где всегда есть и горячая вода и более упругие попки горничных, чем потасканное тело теть Тани. Но старые связи, как известно, безопаснее.

Москвич! Как много потаенных смыслов скрывало это обнадеживающее определение. Должность, квартиру, машину, акцент, метро, наконец, которое в нашем запупырском краю пророют лет через триста. Он весь был соткан из иной, роскошной и заманчивой жизни, в какую так хотелось нырнуть с головой и упиваться ею до умопомрачения.

Эльянов вызывал восхищение. Даже не столько он, сколько его изысканный антураж: натуральный английский костюмчик с зауженными брючками, кожаные туфли, рубашка с высоко поставленным воротничком, идеальный маникюр и седина с отливом. Мужчина – коньяк. С глубоким французским ароматом и приятным послевкусием. Как тут не влюбиться? Тем более в то время я как раз окончательно рассталась со своим бывшим и как никогда сильно нуждалась в мужском участии и разумном наставнике. Увлечение Виктором показалось мне едва ли не вселенским спасением, тем более что мне всегда были по душе мужчины постарше.

Увидев его лишь однажды, я поняла, что попала. И это было также серьезно в масштабах моей маленькой вселенной, как, скажем, землетрясение на Гаити.

К слову сказать, я принадлежу к тому типу женщин, которые привыкли выбирать самовлюбленных, эгоистичных циников. Ни один из них не способен на глубокое трепетное чувство, от чего желание перекроить такой экземпляр и подчинить своей воле в разы усиливается. Переродить хищного монстра в травоядное и научиться управлять им. Эка наглость!

Он был Лев. А я чувствую этих тварей на расстоянии. Еще Дев и Овнов. Но



с последними двумя все, как правило, обстоит гораздо проще. Первые педантичны и правильны до тошноты, вторые – не слишком умны, чтобы понять, когда начинают жить по чужим правилам.

Львы другие. Каждый из них хоть немного унаследовал от своего мифического предка из античной Неми, задушенного Гераклом. Лев – центр планетной системы, поэтому его убеждения, что мир обязан вертеться вокруг его патлатой морды, подкармливая ее ненасытную гордыню и самолюбие, непоколебимы.

Таким был и мистер Эль, как прозвала его Светка. Виктор Эльянов приехал в родной Н–ск на встречу одноклассников. Исключительно фарисейское мероприятие для желающих позлорадствовать, кто из знакомых больший лузер, а кто уродливей стареет. Это если ты сам, конечно, состоялся как личность или хотя бы можешь пустить пыль в глаза. Мистер Эль занимался этим профессионально, ибо возглавлял одну из тех бумажных организаций, где занимаются личностным ростом безличностных персонажей. Таких, к примеру, как мой бывший.

Подавшись от безделья на курсы тренингового центра «Реальный путь», Макс неожиданно для себя осознал, что идет не своей дорогой, будто «щепка, плывя в бессмысленном потоке рутины». Каждое утро ходит на ненавистную работу продавать ненавистные конверторы и мобильные телефоны, каждый вечер возвращается в не менее ненавистную съемную квартиру, где его ждет ненавистная микроволновка с тушеной картошкой и ненавистная гражданская жена–бумагомаратель, заработки которой ущемляют его мужское достоинство. Совершеннейшая задница, вы не находите?

Однако пройдя «Основной курс управления жизнью» в «Реальном пути», за который, к слову, пришлось выложить немалые деньги, Макс научился новым «методикам решения проблем», а именно: освобождаться от внутренних барьеров, усваивать пропущенные жизненные уроки, устранять сомнения и страхи, решать любые жизненные проблемы с легкостью, прорабатывать травматические инциденты любой сложности, преуспевать в самых неприемлемых условиях, налаживать взаимоотношения с окружающими, интегрировать свои теневые качества, а также легко повышать свою эффективность в любой области жизни.

Начал он с личной. Перевез полтора чемодана пожитков и любимую микроволновку к маме, оставил мне в наследство кредиты, и, отринув все мирские заботы, подался в последователи Аюрведы.

Тогда мне подумалось, будто мои шансы влюбиться в очередного придурка упали до нуля. Но нет. Именно в это время, как нашествие рыжих муравьев посреди зимы, явился Мистер Эль. А ведь к тому времени у меня уже давно закончился период обожания цинизма в мужчинах. Но, как оказалось, у них практически нет других привлекательных качеств.

– Они что, все эти годы поддерживали связь? – спросила я у Светки, повествующей о достоинствах «нового мамино» за стаканом вермута на моей съемной кухне.

– Нет, конечно. Но ведь есть «Одноклассники»!

Я понимающе кивнула. «Одноклассники» – это, вне всякого сомнения, мега серьезно!

– В школе у них была любовь, и представляешь, Эльянов даже хотел жениться на маман.

– Почему не женился?



– По национальному признаку. Он же еврей. У ихней родни с этим сложно.
– У ихней родни вообще сложно со всем, что нельзя продать, купить или унаследовать.

– А теперь, прикинь, они встретились спустя столько лет! Первая любовь не ржавеет, туда-сюда. Ну, наливай уже.

Я разлила по стаканам остатки вина и риторически изрекла:

– Мне кажется, он просто решил сэкономить на гостинице, пожрать на хаяву и покрасоваться.

Светка едва не подавилась от злости.

– Ты что! Он же богатый! Ты видела, как он одевается? И у него своя фирма, лэнд-крузэр и хата прямо в центре! Я фотки видела. Мистер Эль – президент. Вообще, он такой он умный! Пипец. Мы с мамой, наверное, скоро свалим в Москоу. Круто, ага?

– Он также одинок, как и богат?

– С этим сложнее, – Светка заметно пригорюнилась. – У него есть сын и бывшая жена. Но они, слава Богу, живут в Америке.

Мистер Эль – президент. Надо же. Впрочем, оболванивать доверчивых русских – самая подходящая работенка для таких, как он. Мы любим, чтобы все было быстро и сразу. Чтобы пришел добрый дядя и популярно объяснил, как заработать миллион, а уж конспектировать умные мысли мы умеем и сами. Ладно бы, просто умеем. Любим! Я, к примеру, коллекционирую рецепты диет и комплексы физических упражнений, но ни то, ни другое пока не помогло мне избавиться от пяти ненавистных килограммов лишнего веса, отделяющих меня от идеальной фигуры. Всего – то пяти! А тут целые жизни на кону.

Теория – страшный коктейль никому не нужных умозаключений. Вы никогда не замечали, как она извращает жизнь, сухо раскладывает ее на терминологию и тщетно пытается суммировать в выводах, как простую задачу «Из пункта А в пункт Б»? А если не находит никакого решения, то предлагает обратиться в Богу, как врач смертельно больному. Интеллектуальное отражение реальности, вот что думает по этому поводу всемогущая Википедия. Но на что еще она способна, кроме как суммировать, прогнозировать и мучить? Вы в школе разве не проходили курс юного натуралиста или химика? И как? Сильно надо? Я до сих пор не могу установить связь между химической реакцией и отсутствием у меня личной жизни как таковой. Хотя тут больше сгодилась бы анатомия.

Может, кто-то и верит, что достаточно записать за успешным лектором в тонких очках «Десять правил начинающего миллиардера», чтобы познать азы роскошной жизни, а я до сих пор не понимаю, почему Перельман отказался от заслуженного миллиона долларов. Он таки синтетический еврей. Хотя, вероятнее всего, просто псих.

Мистер Эль в своей умной школе самопродвижения наверняка нашел это более научное обоснование.

Вечером я зашла к Светке на чай. Не то чтобы я сильно соскучилась по ее леопардовым кофточкам и приторным духам... что уж тут скрывать! Совсем не соскучилась. Я просто обязана была увидеть Виктора и выяснить на своей шкуре, кто скрывается под респектабельной маской мачо: хитрый Шерхан или шакал Табаки.

Однако моя затея потерпела оглушительное фиаско. Теть Таня окружила



свою жертву такой безграничной заботой, что блины и котлеты к моменту моего визита должны были полететь у мистера Эля из ушей. Мужчины в возрасте жутко любят хорошую еду, порядок и лесть. Последняя особенно помогает им поддерживать боевой тонус.

Но он был не из тех, кто поддается пустой болтовне. Его хитрые серые глаза немим укором путешествовали сначала по булкообразной теть Таниной фигуре, потом переключились на мое, пусть не идеальное, но все-таки свежее мясо, а мудрая взрослая женщина ничего не заметила.

У них, взрослых мудрых женщин, всегда так. Сначала все видят и понимают, а потом уже поздно что-либо менять.

Эх, мне вроде и было жаль ее, мечтавшую о замужестве с пустыми радостями грязных носков и кастрюль, но в то же время ощущение невозможности исполнения мечты с этим мужчиной разрешало поступать как вздумается.

Тем более Эльянов сам сделал первый шаг. Столкнувшись со мной в коридоре, он сунул мне в руку визитку и, придерживая другой рукой за запястье, прошептал: «Позвонишь». Его горячее дыхание обожгло мне ухо, и вопрос о том, позвоню ли я, отпал сам собой.

Дорогой домой я думала о том, что Виктор действительно неплохой кандидат в мужа. Во-первых, он сможет держать в тонусе любую женщину и уж точно не позволит ей превратиться в толстую ручную тетку. Во-вторых, его небольшое аферистичное предприятие всегда будет приносить доход. Благо, идиотов в нашей стране достаточно. И, наконец, в-третьих, он и впрямь красавец в свои сорок с длинным хвостиком. Поэтому я решила не форсировать события и вести себя как мудрая взрослая женщина.

Однако уже утром проснулась оттого, что меня душила зависть. Она буквально впивалась в каждую клетку подсознания жестокой по своей простоте мыслью: мужчина, который должен был принадлежать мне, спал сейчас в чужой кровати на противоположном конце города. При этом меня кусками, не прожевывая, поглощала ревность. Подобное приключилось со мной впервые, и оттого новизна и острота этих ощущений приятно будоражила разум.

Я нашарила в кармане пальто его карточку и сомневающейся рукой набрала номер.

– Доброе утро, Виктор Михалыч.

– Ааааа, студентка-журналистка. Чудненько, что ты позвонила. А я как раз раздумывал, какое развлечение найти себе на день грядущий, – мне показалось, в тот момент его губы расплылись в широкой довольной улыбке. И я так явно представила его интеллигентное выразительное лицо, что пустая бесчувственность сказанных слов пролетела мимо обвешанных макаронами ушей.

– Тебе не кажется, что мы ведем себя неправильно? – спросила я за столиком в кафе, когда он «на всякий случай» записывал на салфетке мой домашний адрес.

– Пока нет. Но я собираюсь как можно быстрее перейти именно к этому параграфу, – усмехнулся Виктор, заказывая себе виски.

– Теть Таня думает, что ты на ней женишься, – уточнила я.

Он перекривился и залпом опрокинул стакан.

– А ты как думаешь?

– Думаю, ты просто любишь поспать и поесть.

– Это смотря с кем и смотря что. Я ей ничего не обещал, соответственно,



ничего не должен. Понимаешь, лапа, если мужчина ничего не обещает, это не значит, что он имеет это в виду, но чуть позже. Не стоит расценивать его молчание как многозначительный намек. Это всего лишь молчание.

– Паззл не складывается.

– Займись чем-нибудь более подходящим женщине.

– Чем, к примеру?

Он сложился руки на груди и, прищурившись, сладко улыбнулся.

– Мужчиной.

Этим же вечером Виктор переехал ко мне с вещами.

– Что ты ей сказал? – мучительно выдавила я.

– Правду, – он пожал плечами и обнял меня за плечи.

– Что у тебя ответственное задание и тебе срочно необходимо вернуться в Москву?

– Как-то так, только менее культурно. Или более. Не помню.

Стремительность наших отношений совершенно не оставила времени, чтобы задуматься над ними, и я упала в любовь с головой. Как терпящий крушение самолет, который в штопоре носом врезался в землю. Чтобы наверняка не оставить никого в живых.

– Ты милая девочка, однако, ты должна понять, что между нами всего лишь влечение. Ты молодая и красивая, я – взрослый и опытный. Понимаешь? Через неделю я уеду, и мы не станем друг друга удерживать.

Я только улыбнулась.

– Говорят, над отношениями нужно работать.

– Чуть. Если люди готовы блевать, глядя друг друга, то с такой работы лучше свалить побыстрее. Чувства должны питать, а не потреблять. Я думал, ты знаешь. Я легко увлекаюсь, лапа. И легко остываю. Это позволяет мне избегать душевных терзаний и наслаждаться жизнью, отдаваться работе, развиваться.

Он был жестоким. И равнодушным. Впрочем, как и любой мужчина за срок, достигший больших или хотя бы каких-нибудь успехов. Взрослым и обеспеченным самцам по статусу положено иметь красивую любовницу (можно не одну) и какую-нибудь жену. И любовь тут не причем. У них сложные отношения с женскими душами, потому что души неосязаемы. Их нельзя трогать или наряжать, ими нельзя любоваться. А ногами и молочными железами – можно.

Я отлично понимала это, но стала ли от этого умнее? Я знала, что меня используют, или, как всегда, считала себя особенной, избранной, способной научить искусству чувствовать?

– У тебя отличная грудь.

– Ты бываешь таким милым, когда не пошлешь. Давай просто поговорим о чем-нибудь.

– Зачем тратить время попусту, когда у тебя такая грудь?

В этом был весь Эльянов. Думаю, он бы особенно обрадовался, если бы я была глухонемой или, на худой конец, понимала лишь какое-нибудь эфиопское наречие. Тогда бы он смог лапать меня без посторонних раздражителей. А так со мной еще нужно было и разговаривать.

Впрочем, я пережила эту досадную неприятность.

Через неделю Виктор уехал, на всякий случай, оставив мне свой адрес и зубную щетку в ванной. Вероятно, в память о самом в моей жизни большом



безумстве. И я могла бы навсегда забыть об этой истории, если бы не случайная командировка в Москву.

Оставшись на Курском вокзале без денег и документов, я в ужасе листала визитницу, тщетно пытаюсь найти хотя бы одного московского знакомого и тут, как чудо, он – Виктор Эльянов...

– Прости, мне больше некому было позвонить, – оправдываясь, начала я. – Но у меня украли все деньги и документы.

– Я шас приеду. Ты где?

– На Курском вокзале.

– Ну, ни хрена себе! – деловито возмутился он. – Жди.

Виктор приехал на метро. Не знаю, в какой пробке застрял его лэнд-крузер, но к его дому в Измайлово мы добирались пятью транспортами. Кажется, это были три автобуса, трамвай и маршрутка.

– Мама шас болеет, поэтому мне приходится жить с ней, – объяснил он, не смотря на то, что я не задавала никаких вопросов.

– Это неважно. Я просто хотела одолжить у тебя немного денег на билет домой.

«Мама» болела в маленькой двухкомнатной квартирке, одна из комнат которой явно принадлежала мужчине. Там стоял старый компьютер с огромным монитором, похожим на пасть быка, два шкафа с книгами, половина полок которых была заполнена голубыми брошюрами «Реального пути», письменный стол, стул, вешалка с одеждой и кровать.

– Что с мамой? – поинтересовалась я.

– Старческий маразм. – Виктор безучастно пожал плечами. – Восемьдесят шесть все-таки. Не могу же я взять ее к себе в дом.

Конечно, нет. Особенно, если его нет.

– А твоя секта? Я бы с удовольствием посетила какой-нибудь тренинг.

Эльянов явно смутился.

– Хорошо, но в другой раз. Мы сейчас в основном проводим интернет-обучение. Это удобнее.

Я усмехнулась.

– Ясно. Запишешь адрес сайта.

– Ок. Я пойду схожу в магазин. У меня чай закончился. Не мешай маме.

Ага, разбежался!

Мама оказалась на удивление вменяема.

Сара Ароновна редко покидала свою комнату, однако в своем почтенном возрасте она находилась в трезвом уме и твердой памяти. Таких мам бы да каждому русскому в уши по две штуки.

Милая женщина. Старший экономист. Старше самих Маркса с Энгельсом.

– Вы новая Витинькина невеста? – спросила она, зайдя в его комнату.

Я неуверенно покачала головой, раздумывая, какой ответ больше придется ей по душе.

– Сто раз говорила засранцу, что пора жениться и, в конце концов, перестать принимать подарки от женщин, так ему что два пальца об асфальт. Машеньку вот прогнал, а она ему костюм шерстяной английский подарила. Придется-таки завещать квартиру двоюродной племяннице Анжелочке. Может, тогда умнее станет.



С этим и ушла.

Я только усмехнулась про себя и осталась ждать Виктора. Весь вечер он рассказывал мне о том, как важно уметь решать с легкостью любые жизненные проблемы, а когда время подвинулось к постели, я попросила у него тысячу рублей на билет и уехала на вокзал. Ну не могу я спать с неудачниками. Организм протестует. К слову, перевод с деньгами я отправила на следующий же день. Не люблю быть обязанной.

Теория—таки препаскудная вещь, коль не способна прокормить даже самых интересных представителей мужского пола.

...Несколько лет спустя, когда я уже была замужем за симпатичным психотерапевтом и успела родить ему двух будущих юристов, в социальной сети меня нашла Светка.

После нескольких общеобязательных фраз она написала:

– Ты помнишь мистера Эля?

– Да, припоминаю смутно, – соврала я, раздумывая, догадывалась ли она о нашей связи.

– Он женился.

– В самом деле?

– Да, на моей маме.

Честно признаться, эта новость не сильно удивила меня своей неожиданностью.

– Они живут теперь в нашей квартире, а я пока снимаю.

– А как же Москва?

– Увы. Виктор Михалыч обанкротился. Представляешь, с его фирмы съехала солидная крыша, и у него отобрали все, даже квартиру. Самого чуть не убили.

– Ужас.

– Но деньги – это не главное, правда же?

– Ага.

– Это всего лишь топливо. Главное – чувства, – решила она и больше никогда не писала мне писем.

Впрочем, как и остальные участники этой истории.

Виктор Некрасовский Луганск

УНДИНА

*Но все, что было в душе еще не смято.
Упреков нет у меня, тебе скажу: «Счастливый путь
Не надо вспоминать любви, ушедшей без возврата,
Былого все равно уже нам не вернуть».*

*Да, к прошлому уже не ждать возврата.
Не ждать душе моей весенних гроз.
Как в море корабли мы встретились когда-то
И также разошлись без слов и слез.*

Старинное танго



Его мать умерла при родах. Слава богу, сестра его матери в это время кормила грудью свою третью по счету дочку. К ней и отнес Георгий, отец Ираклия, своего долгожданного первенца. Покойной маме Ираклия еще не исполнилось девятнадцать, а отцу тогда было тридцать три. Это был высокий и сильный человек, спокойный и молчаливый. Он, как и его сын, рано лишился родителей, но не опустился. Рыбачил на собственной шаланде, выращивал похожих на черных собак свиней, ухаживал за виноградником, собирал хворост на зиму. Жил как все.

Когда малыша отлучили от груди, отец забрал его в свой дом, построенный из дикого камня еще его отцом. Он обучил его всему, что умел сам. Но этим не ограничился и, несмотря на непредвиденные расходы, отдал его на обучение к попу, чтобы сын его умел читать и писать по-русски и по-грузински. Косматый суровый священник Виссарион, которого дети боялись как огня, сказал отцу Ираклия, что у мальчика зверская память и отличные способности и может быть стоит подготовить его к гимназии. Отец стал брать его на промысел, когда Ираклию исполнилось семь лет. Так прожили они размеренно и неторопливо до осени четырнадцатого года. В тот проклятый богом день отец взял в лодку новые сети, велел сыну починить старые. Чинить сети работа кропотливая и утомительная. Был ясный солнечный день, но около полудня высоко в небе появилось крошечное белое облачко. Тетя Тамара, их соседка, встревожилась.

– Как бы не было шквала, как в пятом году.

– Не беспокойтесь, уважаемая. Рыбаки не вышли бы в море, если бы была какая-нибудь опасность, – успокоил ее Ираклий.

Ираклий не беспокоился за отца. Его отец и не такое видел. Он продолжил свое занятие, и вдруг он услышал крики и посмотрел на море. Впервые он увидел то, о чем рассказывали рыбаки, сидя у греков в кофейне. Мгновенно потемневшее небо и на море невероятно высокий столб, верхней воронку, воды, перемещающуюся к берегу. Неожиданно на берегу появился отец Виссарион. Его могучий бас перекрыл шум моря. «Молитесь люди, молитесь, чтобы смерч, наказание божье, прошел мимо нас!»

Но Ираклию и Тамаре этот день принес непоправимое несчастье. Лодки отца и мужа Тамары не вернулись. Трое суток прождали они на берегу, но море не вернуло добычу.

Наступил 1920 год. Ираклию исполнился двадцать один год, и соседи говорили, что он как две капли воды похож на своего отца. Старый грек, покупавший у него рыбу, а в прошлом у его отца, говорил ему:

– Ираклий, время изменилось. Рыбой на нормальную жизнь не заработаешь.

– Я люблю свою работу, отец, и меня моя жизнь устраивает.

– Ты не всегда будешь один, мой молодой друг, а для женщин и детей денег надо много.

– Бог дал день, даст и деньги, так говорил мой отец.

На самом деле Ираклий уже задумывался о будущем. Женщины, конечно, волновали его, но не эти крикливые торговки в вечно черной одежде, которую носили как траур по самым дальним родственникам, казались ему некрасивыми, то есть не такими прекрасными как на картинке от турецкого кофе. Но грек прав. И в самом деле, многое изменилось. Судьбу его Аджарии решали Россия, Турция и Грузия. А пока Батуми стал настоящим центром контрабанды. На сво-



их фелюгах турки привозили все то, что растеряла Россия за время Гражданской войны: кофе, табак, ткани и даже презервативы. Отсюда из Батуми местные ребята тащили все это в Тифлис и дальше. Рассказывали, что в далекой России люди умирали от голода и холода. В Батуми в расплодившихся кофейнях пили кофе, вино, курили прекрасный турецкий табак, на стол подавали сравнительно недорогие пшеничные лепешки, сыр, шашлыки из баранины и жареную рыбу. В кофейнях было шумно. Много пели, крикливо и отчаянно торговались. Ведущую роль в этих операциях играли мудрые греки, обсуждавшие свои дела, не спеша и вполголоса.

В тот день Ираклий возвращался с моря рано. День был удачным во всех отношениях. Улов скумбрии был что надо. Кроме того, попались два катрана. Из них греки изготавливали какие-то лекарства и посему хорошо платили. По дороге он завернул в небольшую бухточку. Там он утопил подарок моря, найденный на берегу красивый, иначе не назовешь, надувной спасательный круг. И там Ираклий увидел ее. Стайка греческих девочек купалась без принятых здесь рубашек, закрывавших тело до щиколоток. У самого Ираклия, как и всех местных, загорели до черноты лицо, шея и ноги до колен, более светлый загар покрывал торс, так как они изредка далеко в море снимали свои рубашки. Но у этих девочек тела казались бронзовыми. Три девчонки были толстыми и некрасивыми, но одна...

Он вспомнил, где он видел ее. Наверно ее представлял художник, иллюстрировавший книгу Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Он видел эту книгу у отца Виссариона, когда учился читать и писать. Когда они увидели Ираклия, они с визгом спрятались за скалу, и он услышал их веселый смех. И только красавица высунула голову из-за скалы и, улыбаясь, взглянула на него и тотчас спряталась.

Не спеша, ему хотелось еще раз увидеть это чудо, он вытащил круг, сел в лодку и уплыл.

Что-то изменилось в размеренной и спокойной жизни Ираклия. Безумно хотелось увидеть снова эту чудесную девчонку. И случай вскоре представился. Ираклий был все-таки необычным грузином. Он практически не пил. Часть винограда он отдавал Тамаре по копеечной цене даже для Батуми, чтобы вдова могла чуть-чуть заработать, часть шла на вино, изготавливать которое научил его отец. В доме заканчивалось оливковое масло, а рыбу, кто знает в этом толк, надо готовить на оливковом масле. Придется идти к греку Халаджи. У него лучшее масло в городе, и грек, как и положено греку, разбирается в вине. У Ираклия было литров сто двадцать – сто тридцать вина четырехлетней давности, хранившееся в огромных кувшинах из обожженной глины, доставшихся ему по наследству от дедушки. Было вино и постарше, но в тот год было много солнца и щедрых дождей, и вино получилось на славу. Погрузив на тачку два тридцатилитровых бочонка, Ираклий отправился к греку, надеясь получить литров шесть-семь оливкового масла.

И вдруг по дороге он застыл как соляной столб из Библии, о которых рассказывал священник, обучавший его грамоте. За невысоким забором из камней на качелях сидела она. Раскачиваясь на качелях и невольно демонстрируя Ираклию крошечные розовые пятки, а временами хрупкие очаровательные коленки, она смотрела на Ираклия и тихонько смеялась. И вдруг помахала ему трогательно тонкой ручонкой с хрупкими поразительно красивыми длинными пальчика-



ми. Она наслаждалась одновременно производимым ею впечатлением на этого красивого и мужественного мужчину и чувством собственной безопасности.

Ираклию казалось, что он потерял возможность двигаться. С трудом волоча ноги, он, наконец, поплелся дальше. Эти непонятные греки умели жить даже в эти нерадостные времена. Ираклий, конечно, не танцевал и вообще греки не любили чужаков у себя, но найдя удобный пункт в тени деревьев, он следил, как танцевала эта девушка. Странно, но он не испытывал ревности, он просто-напросто восхищался как грациозно танцует эта не то девушка, не то ребенок.

Господи, она заметила его. И вдруг она неторопливо подошла к нему. Он только сейчас и наверно на всю оставшуюся жизнь пристально рассмотрел ее. Густые черные волосы, необыкновенно длинные ресницы, загнутые на концах. И глаза! Зеленые глаза, такие яркие, что даже эти волнистые, необыкновенно длинные ресницы не могли затенить их. Если вам приходилось окунуть руку в ночное море и увидеть похожие на искры пузырьки воздуха, то вы поймете, как выглядели искрящиеся смешинкой глаза этой девушки. Глаза цвета моря, когда в штилль наступает прилив.

Она с улыбкой протянула ему свою ручонку и представилась: «Ксения».

– Я... я... Ираклий... я... я...

Она рассмеялась, деликатно вынула свою ладонку из его дрожащих рук и убежала танцевать дальше.

В эту ночь он не мог уснуть. Он понимал, что родители греки никогда не отдадут ему Ксению, если он не станет богачом. И утром он пошел к своему скупщику рыбы.

– Я помогу тебе и сведу тебя с нужными людьми. Но помни: это опасно, парень.

– Я не боюсь и готов на все.

Ираклий действительно никого и ничего не боялся. Его могучее тело вызвало уважение не только у его сверстников, но и у здоровых мужчин доставлявших любые грузы на рынок.

Он нес две поклажи. За это хозяин обещал уплатить вдвойне. Он уже подсчитал, что через два месяца, в крайнем случае, через два с половиной он сможет поговорить с отцом Ксении. Нести было безумно тяжело. Примерно через каждые десять километров устраивали привалы. После второго привала они шли еще полчаса, не более, когда он услышал сухой треск. Жгучая, непереносимая боль пронзила его левую ногу. Все попадали, и он понял, что их расстреливают. Бросив мешки с кофе, он почти пополз в горы. Хозяин грек пополз следом за ним, но не дополз.

– А вот он, – указывая на мертвого грека, – сказал один бандит другому, – Все готовы.

– Греки – неверные собаки, и бог им не помог, – ответил другой, – пора грузиться. Джохар зовет.

Кровь лилась из раны, и боль становилась невыносимой. Чертова пуля раздробила ему кость. Он кое-как перебинтовал ногу, с трудом разорвав рубашку, и, преодолевая боль и часто наступающие обмороки, поплелся назад.

Его подобрала старушка-аджарка, которая везла на телеге с запряженным осликом хворост. Грязная рана вызвала лихорадку и полное беспомыслие. Все считали, что он умрет и незачем с ним возиться, но старуха была, слава богу,



женщиной упрямой. Только через две недели он открыл глаза. Он ощущал тревожный шум в ушах и такую оглушающую слабость, что было трудно даже пошевелить пальцами. Его отпавляли какими-то настоями трав и какими-то горькими отварами, а на рану старушка прикладывала компрессы с какой-то зеленоватой мазью.

– Мне надо идти, – сказал он чуть слышно, когда боль поутихла, и сознание вернулось к нему.

– Ты еще слаб, парень, и лихорадка может вернуться. Посмотри на себя, – сказала старуха и поднесла к нему зеркало.

Вначале он даже не узнал себя. Исхудавшее лицо, заросшее бородой и черные круги под глазами. Следуя приказу старухи, он провел там еще две недели. Несмотря на то, что время от времени он испытывал легкое головокружение, а нога то ныла, то болела, он начал ходить, сидеть на скамейке в саду, и к нему вернулся аппетит.

Прошло еще четыре дня. Он сидел в саду на скамейке и наблюдал, как старуха работала в саду и на огороде, не в силах помочь ей. Он смотрел на нее и не мог представить, какой она была в молодости. И тогда решил, что он никогда не позволит, чтобы его Ксения трудилась вот так, чтобы ее удивительные ручки загубили от работы. Он хочет, чтобы красота Ксении была вечной, а работать он может сам. Безотчетная тревога овладела им, и, поцеловав руку старухи, он пошел домой. Он ушел утром, а вернулся поздно ночью. Да, он был еще очень слаб. Утром он чуть ли не до смерти напугал Тамару. Соседи думали, что он погиб. Тамара сберегла его свинок и даже убрала кукурузу. Она принесла ему молока и хлеба. Наконец он вернулся домой. А утром он поплелся к двоюродному брату отца забрать лодку. И, несмотря на слабость, он поставил парус и отправился в бухту Ксению.

Обессилев, он сидел в лодке, но среди запрятавшихся подружек он не увидел Ксению.

– Девочки, где Ксения? – Хрипло спросил он.

– Нет с нами Ксении, и не будет, абрек, – ответила толстенная коротышка.

– Подождите, девочки. Я расскажу ему все. Смотрите, какой он бледный и несчастный. А ты, Иракий, отвернись пока.

Значит, Ксения говорила с ними о нем. – Послушай, Иракий. Три дня назад уплыла твоя Ксения на пароходе вместе с мужем. Знаешь, он не турок, а француз. Он капитан. Я скажу тебе по секрету, только не выдавай меня, я ходила с Ксенией в ваш поселок. Нам сказали, что тебя убили бандиты. Где же ты был, Иракий? Если бы ты вернулся хотя бы неделю назад...

Перед свадьбой мы снова ходили купаться. Мы не умеем плавать, а наша Ксения, ее брат научил, плавала лучше парней. Мы даже прозвали ее ундиной, но только без рыбьего хвоста, – улыбнулась она и продолжила, – Ундины это духи моря, так думали древние, Ундины это красивые девушки, не такие как я, но горе мужчинам полюбившим их. Ундинам нужно море, а людям нужна земля. Так вот перед свадьбой она заплывла так далеко, что мы испугались. Мы думали, что она хочет умереть. А потом три дня гуляли свадьбу, и капитан увез Ксению.

Вначале у него потемнело в глазах, а потом поплыли сквозь закрытые веки радужные круги.



сколько раз с разрешения мамы брал меня с собою в море.

– Уловы теперь не богатые. Раньше мы уходили далеко в море. Теперь нас туда не пускают пограничники.

– А почему не пускают?

– Боятся, что мы уплывем в Турцию. Тут недалеко.

Прошло несколько дней после нашего совместного похода в море. Ираклий возвращался домой через площадь. Он шел неторопливо, не глядя по сторонам, старый бородатый мужчина семидесяти пяти лет, одинокий и гордый. Шум привлек его внимание. Народ собрался вокруг красивого иностранного автомобиля.

– Ираклий!

Хорошо одетая женщина в сопровождении молодого мужчины направлялась к автомобилю.

– Ираклий, ты не узнаешь меня?

Ком подкатил к его горлу. Стало трудно дышать.

– Ксения. Ксения... Я... Я..., – заикаясь, он не выпускал ее руку из своей.

Ксения рассмеялась, также как и тогда пятьдесят четыре года назад. Потом деликатно и мягко высвободила руку.

– Это мой внук, Ираклий. Густав, – обратилась она к внуку, – познакомься с Ираклием. Это мой старый и верный друг.

Потом они прошли к машине, и она помахала рукой на прощанье.

Я застал Ираклия у печи. Он жарил мясо и рыбу, что-то напевая по-грузински.

– Зови свою мать и Тамару, парень. Сегодня я угошу вас вином, которое изготовил мой отец с наказом выпить его в самый счастливый день моей жизни. Она жива, понимаешь, она жива и счастлива. И она помнит меня, парень.

Спустя много лет я рассказал эту историю моему приятелю поэту, который на мой взгляд писал неплохие стихи.

– Кавказский Петрарка, – прокомментировал он, – Твой герой видел эту женщину, верней девушку всего три раза полвека назад. Так не бывает, дружисце. Особенно, с их потребительским отношением к женщине.

– Бывает. Поверь мне, служитель муз, бывает.

Вместо послесловия

Господи, когда мы откажемся от этих обывательских представлений о народах и нациях. «Русский рабочий ленив». Чушь, дайте ему достойное вознаграждение за его труд, и тогда он построит еще не один БАМ. «Евреи хитрые и трусливые». Если они могли поверить жуликоватому правительству господ строителей капитализма, набранных из коммунистов и комсомольцев, где же их хитрость? И еще, как же эти трусливые евреи могут более пятидесяти лет противостоять миллионам бывших братьев Брежнева арабам. «Кавказцы – жестокие бандиты». Уважаемые идиоты из глубинки, пожалуйста, вспомните певцов и музыкантов, писателей и актеров, до уровня культуры которых подавляющей массе из «титупной нации», надо ж было додуматься до такого определения, вовек не дорасти.



Юрий Петраков Москва

ЗЕМЛЯЧКА

Глава первая

В тот день мне необычайно подфартило. Задумавшись, я шагал по Кронштадтскому бульвару на встречу с детьми от первого брака, и чуть было не залетел под крутую иномарку, которая сворачивала во двор школы. Автомобиль резко затормозил и из него, к моему изумлению, выскочил мой добрый приятель по прежней работе – Юрка Баранов.

– Фу ты черт! Живой?

– Живой!

– Ну, ты, брат, и напугал меня! Садись, заедем ко мне. Тут рядом.

Минут через пять я уже сидел в Юркином офисе и пил кофе с печеньем. Юрка был сыном известного писателя. В детстве я зачитывался детективами, написанными его отцом, смотрел фильмы, снятые по его сценариям. Теперь Юрка стал книгоиздателем. Похоже, не обошлось без отцовских знакомств.

В разговоре о том, о сем, как-то незаметно подошли к главному. Дело в том, что я давно уже пописывал рассказы, а теперь вот выяснилось, что Юрка стал издавать книги. К счастью, в сумке у меня, словно рояль в кустах, оказалась рукопись моего нового рассказа. Ее-то я и предъявил Юрке. Бегло просмотрев рассказ, он воскликнул:

– Слушай, старик, давай издадим твою книгу. Только не эту. Понимаешь, тема не та! Не будут брать. Теперь публике подавай, что-нибудь про глупых ментов и благородных бандитов.

– Не сомневайся, гонорар получишь. Хочешь, хоть сейчас выпишем аванс. Давай так – я тебе выпишу аванс на два месяца. А ты мне приносишь свой роман. Тему я тебе задам. – почувствовав мою нерешительность, напирал Юрка.

– А сколько это будет? – спросил я.

– Не бойся, старик, не обижу, ответил Юрка, – и нажал кнопку вызова секретаря.

– Пригласите к нам Зою Витальевну, – попросил он заглянувшую в дверь секретаршу.

Минуты через две в комнату вошла немолодая, со вкусом одетая женщина.

– Вызывали, Юрий Адамович? – сказала она скорее из вежливости, уверенно проходя к столу

– Зоя Витальевна! Выдайте, пожалуйста, аванс нашему давнему другу.

– Сколько?

– Ну, где-нибудь пару штук.

– Но, Юрий Адамович! А как же договор, документы, – удивленно спросила Зоя Витальевна.

– Не волнуйтесь, документы сделаем позже. Ну же, под мою ответственность, – явно красясь передо мною своим служебным положением, заверил ее Юрка.

Через полчаса я уже был обладателем солидной суммы – целых двух тысяч долларов. Признаться, таких денег я еще не держал в руках отроду. И потому



всю дорогу домой бдительно прижимал руку к карману, проверяя, там ли еще эта словно с неба свалившаяся кругленькая сумма.

Глава вторая

Добравшись до дома, я в тот же вечер засел за книгу. Но работа не пошла. Мысли о счастливом будущем не давали мне сосредоточиться на романе.

«Ладно, начну с завтрашнего дня». – подумал я, и отправился смотреть телевизор.

Но и наутро все мои попытки начать работать, закончились ничем. Так было и на следующий день. И еще, и еще на следующий...

Через неделю я уже с ужасом думал о том, что будет, если я не смогу написать в установленные сроки книгу, заказанную Юрием.

Тогда-то мне на помощь пришел мой приятель Сергей, который понимал толк в бизнесе. Сам он занимался металлоломом. Купил машину, построил коттедж. Жена Сергея жила и работала на Кипре в Никосии. Там же в колледже училась и его дочь.

– Послушай, – сказал Сергей, узнав о моих неприятностях, – тебе необходима перемена мест. Поезжай на Кипр. Сними апартаменты и трудись. Позабудь о России, о своих проблемах. Твори, выдумывай, пробуй. Я уверен, у тебя получится. На Кипре совершенно безопасно. Там у тебя будут все условия для работы.

– Да, но ведь это безумно дорого! – возразил я

– Нисколько, – заверил меня Сергей, – дело к осени. Тысячу – полторы уйдет за жилье. Возьмешь студию, а не апартаменты. Это спальня, объединенная с кухней. Остальные – на харчи. На пару месяцев тебе хватит. Ну и две сотни на билет. Ну, в крайнем случае, проживешь не два, а полтора месяца.

Последний довод показался мне наиболее убедительным.

– Но как я смогу там жить, не зная языка? Где найду эту самую студию?

– Не бойся! Я позвоню жене и все устрою. А с языком все просто. Поезжай в Лимассол. Там половина жителей говорит на русском. Не бойся! Все будет тип-топ!

Глава третья

Через неделю я уже томился в аэропорту «Шереметьево» в ожидании своего рейса. А еще через три часа лета на Ил-76 из московской осенней слякоти, перенесся на цветущую землю Кипра.

На выходе из небольшого аэровокзала Ларнаки, меня уже ожидала Вика, жена Сергея.

Кто сказал, что тоска по Родине возникает в момент пересечения границы? Во всяком случае, ни тогда, ни позже я этого не заметил.

Старенький «Сааб-9000» нес меня навстречу новой, неведомой и загадочной заграничной жизни. Дорога от Ларнаки до Лимассола была пустыня. Ландшафт, простиравшийся за окном, оказался на удивление скуп на растительность. Вика что-то с увлечением рассказывала про Армагеддон и Иегову, но мне, вкусившему сполна рассказы Кашперовского и Чумака, это было совсем не интересно.

К моему удивлению, Вика ничего не спрашивала о Москве, хотя, как выяс-



нилось, не была в России около шести лет. Еще в Ларнаке, усаживаясь в машину, она сообщила мне, что здесь я буду, неотрывен от России. В каждом отеле смогу смотреть передачи ОРТ на русском.

Справа по ходу машины показались античные раскопки, напоминающие иллюстрации из школьных учебников. Вскоре машина свернула налево, к видневшемуся вдаль морю и не спеша, въехала на окраину Лимассола. Повернув на приморский бульвар, «Сааб» поехал еще медленнее. Вика отыскивала нужный поворот направо. Наконец, еще раз повернув, машина подъехала к небольшому пятиэтажному отелю.

Войдя внутрь, мы остановились у стеклянной двери с надписью «Рецепшен». Через пару минут к нам спустилась женщина лет пятидесяти с небольшим. Это и была та самая хозяйка отеля, с которой Вика через Интернет договорилась о сдаче «студии».

– Валя, – представилась хозяйка на чистейшем русском языке.

Разговор сразу же принял деловой характер. Как выяснилось, Валентина была родом из Екатеринбурга. Там когда-то работала в городском управлении торговли. В годы перестройки взяла в аренду самый большой гастроном уральской столицы. За короткий срок пережила все прелести предпринимательской жизни. Мужа убили рэкетеры. Саму ее похищали и избивали. Грозил убиством детей. В конце концов, плюнув на бизнес и на пустые обещания властей о помощи, она, распродав свое имущество, выехала на Кипр, где взяла ссуду в банке и построила с нуля вот эту самую гостиницу на окраине Лимассола. Правда с осени по весну гостиница пустовала. Поэтому, к нашей обоюдной радости, мы договорились на тысячу долларов за два месяца.

– Тысяча долларов совсем недорого, – как бы извиняясь за назначенную сумму, сказала Валентина.

– В сезон она стоила бы всех двух. Ну, да ладно. Англичанам я бы не сдала за такую сумму ни в жизнь! – подытожила она.

После этого Вика, выполнив свою миссию по моей доставке в Лимассол, распрощались с нами, обещая, если что отвести меня в Ларнаку к аэропорту, и отправилась к себе в Никосию.

После ее отъезда, я разобрал вещи и еще раз осмотрел свое новое жилище. Включив телевизор, отыскал российскую программу. Затем, освоив механизм открытия и закрытия входной двери в номер, спрятал оставшиеся доллары в сейф и отважился выйти на улицу.

Глава четвертая

В ближайшие день-два я свылся со своим новым положением.

Вставал в шесть утра. Шел в приморский парк, где между многолетних акаций делал пробежку от городского бассейна до грузового порта и обратно. Тут же на пляже окунался в море и шел домой, к своему кухонному и одновременно рабочему столу.

Отovarиваться едой пришлось в «Папасе», куда меня каждые два дня на собственном авто возила Валентина. По деньгам я укладывался с лихвой. И это придавало мне уверенности в том, что роман будет закончен. Хорошим подспорьем в моей работе оказался и старенький американский «лоп-топ», который я



приобрел перед отъездом из Москвы за двести баксов. И кто знает, чем бы закончилась моя творческая поездка, если бы не случай, изменивший мою жизнь на долгое время.

Как-то раз, после утренней пробежки, когда я уже готовился приступить к водным процедурам, мое внимание привлекла русская речь. Вернее не она сама, а ее содержание. Повернувшись на голоса, в тени акаций я углядел трех довольно привлекательных женщин.

– Ну и дура ты, Нинка! – говорила одна из них.

– Подумаешь, дашь ему пару раз. Глядишь, и поможет тебе в чем-то.

– Всего то и делов, – вторила ей другая, – Подумаешь, грек! Ну, и что?

– Ну, что вы, девочки! Как я могу вот так сразу. Я уже и так надавалась.

Сыта по горло.

– Да что ты равняешь, бордель с булочной. Ну и жди своего прынца.

– Пойдем лучше окунемся. А то вон хмырь какой-то следит за нами. – И она кивнула головой в мою сторону.

– Эй, мужик, пошли, что ли скупнемся, или ты по-русски не понимаешь? – крикнула самая бойкая из них. И, смеясь, и дурачась, девушки, пробежав мимо меня, с разбегу плюхнулись в море.

– Откуда вы, девочки? – крикнул я в ответ.

– Откуда, откуда? От верблюда!

– Ну, а если серьезно?

– С Украины.

– Тю-ю-ю! И я с Украины, – решил я прикинуться валенком.

– Украина большая?

– С Донбасса.

На этот раз девушки как-то сразу перестали шутить, а затем спросили:

– А откуда из Донбасса?

– Из Бахмутска, – решил я слегка запутать их.

– Вот те на! – удивленно воскликнула та, которая совсем недавно была объектом нравоучений своих подружек, – Я там училась!

– А где?

– В музыкальном!

– Вот те раз! Я тоже там когда-то работал.

– Ну да! – искренне удивилась женщина.

– Вот тебе и готовый прынец! – засмеялись девушки в ее сторону, и стали собираться к отходу.

– Послушай, землячка! Это дело надо бы обмыть, но я не знаю даже, как тебя зовут.

– Нина! – при этом девушка широко улыбнулась мне.

– Так как? Где тебя найти?

– Ну, так вам и скажи. Больно быстрый.

– В булочной, – засмеялись ее подружки.

– Так я приду. К скольким и куда?

– Здесь недалеко. Прямо и налево!

Смеясь и переговариваясь о чем-то своем, девушки отправились вверх по улице.

Вернувшись в номер, я еще долго вспоминал о случайной встрече.



«Нина! А она – ничего, красивая! И судя по всему без комплексов. А фигурка – блеск! К тому же землячка».

Глава пятая

Не дожидаясь вечера, я отправился на поиски нужной мне булочной. Но ни в одной из них Нины не увидел. И только выходя на улицу из последней, почувствовал, что меня кто-то взял за руку.

– Что, мужик, запал таки на Нинку?

Передо мной стояла одна из двух ее подружек, с которыми я сегодня познакомился на пляже.

– Мы тут в пекарне работаем. Живем тоже неподалеку. Освободимся в десять вечера. А Нинка – девка стоящая! И красивая, и умная. Только – не везучая. Ты ее зазря не обижай. Ей и так несладко в жизни. На мать с сыном зарабатывает. Так, что смотри!

Посоветовавшись с Валентиной, я решил привести Нину в кафе при гостинице. Валентина обещала взять с меня за все про все не больше 10 фунтов.

К десяти вечера я уже стоял возле булочной. Вскоре из дверей подсобки стали выходить женщины. Наконец-то показалась Нина. Ласково улыбаясь, она подошла ко мне. Светлые волосы, серые глаза, стройная фигура показали мне верхов женской красоты.

– Ну, что, земляк, приуныл? Куда ж ты меня поведешь? Или сразу в постель?

– Так уж и сразу? В кафушку. Посидим, поговорим, музыку послушаем, Потанцуем. А тебе что ж, в постель не терпится?

– Ну, если покажешься, то, может, и не устою, – игриво сказала она. – А сначала скажи, кавалер, хоть как тебя зовут.

– Александр, – ответил я.

– Пойдем, Нина, тут недалеко. Ты уж извини за скромность, подруга, я не олигарх.

В пустынном кафе мы уселись за дальний столик под финиковой пальмой у самого бассейна. Как-то так случилось, что наше общение с Ниной перешло от пошлых фривольностей в дружеское общение друг с другом. Отыскались знакомые по училищу. Вспоминались известные случаи из прошлого нашего родного городка.

Между делом выяснилось, что ее отец с матерью в годы войны были угнаны в Европу, работали в Бельгии. Там познакомились, полюбили друг друга. После возвращения на Родину трудились на заводе.

На последнем курсе училища Нина, по ее словам, «выскочила» замуж за «духовика». Позже выяснилось, что он запойный. Пошли скандалы, драки. Нина думала, что рождение сына поможет перевоспитать мужа. Но этого не произошло. В конце-концов, муж погиб от «горячки» и Нина осталась втроем с сыном и матерью.

После объявления самостоятельности Украины работать стало негде, денег не хватало, и мать Нины вспомнила о своей старой товарке по лагерю, которая осталась в Антверпене, вышла замуж и жила там с мужем и дочерью.

– Вот что доченька! Видать, нам доля такая по белу свету мыкаться. Нас гоняли, как скот, и тебе теперь черед пришел. Поезжай в Германию на заработки. Мы тут как-нибудь без тебя переберемся. А там, глядишь и ты, как и Тамар-



ка, свою судьбу найдешь. Но дорога обернулась несладкой. Вместо обещанной работы няней, Нина попала в публичный дом в Германии, лишилась паспорта, была на грани самоубийства. И кто знает, что было бы нею дальше, если бы не помог бывший фольксдойч из Казахстана. Он-то и выкупил ее из борделя. Помог с проездом до Антверпена. Но дочь материной товарки встретила ее не ласково. Да, и не принято там, в Бельгии кормить чужих за ради Христа.

Вспомнив о том, что ее немецкий заступник собирался перебраться на Кипр, Нина при первой же возможности отправилась в Ларнаку. Но отыскать своего немца ей пока что не удалось.

– Вот так и мыкаюсь. Зарабатываю гроши. Живу под угрозой депортации, без разрешения на работу. Отсылаю на Украину по триста долларов. Этих денег, слава Богу, пока хватает на жизнь и сыну и матери.

Узнав, что я тоже приехал сюда на заработки, Нина очень удивилась, тому, чем я собираюсь зарабатывать себе на жизнь.

– Неужели четыре тысячи баксов за книгу?

– Чистыми – две вперед и две по окончании.

– Все одно много! – подытожила она.

– Поели, попили. Пора и честь знать!

– А как же постель, – попробовал пошутить я.

– А ты все еще хочешь? Ах, да, ты ведь разведенный. Тогда пойдем. Только скажи – ты без вредных привычек? А то смотри!

Глава шестая

То, что произошло в ту ночь, не передать словами. Нина одарила меня такими ласками, о каких можно было только мечтать. Она не давала мне уснуть и расслабиться. Зажигала и опустошала всего до полного истощения.

Я был буквально очарован ее любовью, хотя под утро и был не в состоянии подняться с постели, чтобы проводить ее на работу.

Она же, как ни в чем не бывало, приняла душ, привела себя в порядок и, поцеловав меня на прощание, спросила:

– Если хочешь, будь моим бой-френдом. Здесь без этого нельзя. Вдвоем легче.

С той ночи жизнь моя пошла в разнос. Написание романа было заброшено. Пробежки по утрам тоже. Все ночи и свободные от смен дни я проводил с Ниной, встречи с которой граничили с помешательством. Мы отдавались страсти сполна, не думая ни о чем.

Но время шло, и однажды, словно очнувшись от любовного дурмана, я спросил Нину, а что же потом? С чем я вернусь в Россию? Что предъявлю своим кредиторам?

– Послушай, Саша! А ты напиши историю моих родителей. Мою историю. Нашу.

– Мне кажется, что об этом еще никто не писал до тебя. К тому же мы знаем правду и о нашей жизни. Надо только не бояться рассказать о ней.

– Ты права, Нина! Но как я смогу написать об этом здесь, с тобой. Я ведь не могу оторваться от тебя. Как я оставлю тебя?

– А ты поезжай в Москву и пиши. А я буду молиться за тебя, чтобы у тебя получилось. Получишь деньги и вернешься. Я буду ждать тебя. Мы сможем



быть вместе еще целый год. А там, как Бог даст!

Ночь, перед нашим расставанием была забываема. Мы расставались как будто навек. Словно в последний раз безотрывно ощущали друг друга.

Утром меня, сонного и утомленного вконец, Валентина отвезла в Ларнаку к самолету. Через каких-то три часа я уже был в Домодедово.

Глава седьмая

Прошло время. Я так и не написал роман, заказанный Юрием. Да и сам Юрий оказался жертвой рейдеров, захвативших его фирму. К счастью, возвращать полученный аванс мне не пришлось. Сказалось отсутствие договора. За это время я нашел свое место в новой России. Подзаработал немного денег. Стал жить более-менее достойно, не задумываясь над своим будущим. Но воспоминания о том, что произошло со мною на Кипре, не покидали меня. Я продолжал думать о Нине. Винил себя в том, что не вернулся к ней. Мечтал о новой встрече.

И, наконец, случай представился. Через семь лет после той памятной поездки, мне довелось в составе делегации одной уважаемой общественной организации отправиться на Кипр в командировку. Большую часть времени мы провели в Никосии, и лишь за пару дней до отъезда нас вывезли к морю в Лимассол. За это время город заметно разросся вширь. Вблизи от моря появились новые красивые отели.

Не сразу мне удалось отыскать нужный поворот от Приморского бульвара в сторону гостиницы.

На этот раз на рецепшене меня встретила повзрослевшая дочь Валентины.

– Мама давно отошла от дел, – узнав, в чем дело, сообщила она, – вышла замуж за грека и живет в своих апартаментах.

Она тут же позвонила матери и сообщила обо мне.

– О-о-о! Александр! Как же, как же, помню! И тебя, и кралю твою ненаглядную.

– Где ж ты раньше был? Нашла, нашла она своего немца. Он тут же в Лимассоле отстроил себе коттедж и живет со своей семьей неподалеку от нашей гостиницы. Хороший такой немец оказался. Поначалу она жила у него в прислугах, а потом вышла замуж за местного грека. Любят они стервецы наших баб. Вот и я на старости лет сподобилась.

– Нет! Адреса я ее не знаю. Да если бы и знала, то не дала. Ревнивые все они – греки. И ее грек тоже. Тебе-то что? Хвостиком махнешь, и укатишь в свою Рассею, а ей больше жить негде!

– Раньше надо было тебе приезжать. Баба-то она стоящая. Помню тебя, замученного, но счастливого. Честно говоря, завидовала я ей тогда. А потом поняла – не достоин ты ее. Ведь это она сделала тебя счастливым, а не ты ее. Поэтому ты и помнишь о ней.

– Так, что прощай, дорогой земля! – и положила трубку.

На этот раз, вернувшись в Москву, я выполнил предложение Нины – написал-таки сборник рассказов на предложенную ею тему. Теперь вам судить – стоит ли их читать? Жаль, что Нина никогда уже не прочтет моих писаний. А там, кто его знает! Жизнь ведь такая штука, что всего и не угадаешь!



Надежда Петрова Зимогорье

УМЕР ВАСЯ

*Светлой памяти моей
бабушки Марины Кузьминичны*

Для себя заметила: хорошо писать всё же ночью, когда полнейшая тишина, ничего не отвлекает, когда кажется, что на целом свете лишь ты и Бог, а он, как известно, никогда никому не мешает.

Думается – ночью хорошо!

Лежала я в такой поздней зимней тишине, уже почти засыпая, как вдруг почему-то вспомнилась мне моя бабушка Марина, сидящая на широкой лавке, расположенной вдоль стены с двумя окнами, выходящими во двор. Лавка толстая, не крашенная, но гладкая и от времени блестящая. Она такая длинная, что тянется от стола через всю комнату и упирается в стену; мы порой ложились на неё, устав от беготни, а если были гости, то на ней кто-нибудь спал и ночью.

Утром и вечером бабушка садилась на лавку, делала посередине головы продел, деля волосы на две равные части и расчёсывала свои длинные, давно побелевшие волосы. Она склоняла голову набок и не спеша, старательно проводила по прядям большим бурым гребнем от корней до кончиков до тех пор, пока они не становились гладкими, без единой спутавшейся волосинки. Потом она склоняла голову в другую сторону и проделывала то же самое со второй прядью. Собрав волосы на затылке в пучок, закручивала их в небольшую гульку, величиной с детский кулачок, и покрывала белой тонкой косынкою с выбитыми закруглёнными зубчиками по краю, отчего лицо её становилось ещё милее и нежнее. Косыночку эту она носила много лет, ей сносу не было, а может, она была и не одна, не могу утверждать, но, приехав к ней через несколько лет, я снова увидела её на бабушкиной голове.

Последний раз я виделась с бабушкой Мариной, матерью моего покойного отца, в 1972 году, когда мне было 22 года. И ехать в то лето не собиралась, так как отпуск мне полагался лишь поздней осенью, но сотруднице пообещали на октябрь путёвку в санаторий, и она очень легко уговорила меня сделать обмен – лишь бы в отделе кто-нибудь остался работать, а так разницы никакой.

Я и обрадовалась и растерялась: ну что я буду делать теперь с этим привалившим счастьем?

Подказала мама: а поезжайте-ка с братом к бабушке, она вас давно не видела, да и увидите ли ещё, ведь возраст у неё уже такой, что с её слабым сердцем всякое может случиться. Так как наш с братом отец умер семь лет назад, а жили мы всё же далеко от неё, напоминая о себе лишь редкими письмами, то родство наше медленно сходило на нет. Ясно, что она нам обрадуется — меня она нянчила в детстве, я год у неё жила, а брат был копией нашего отца, любимчика бабушки. То ли оттого, что отец жил далеко на Донбассе, а бабушка на Житомирщине, и виделись редко, то ли по другой причине — отца она любила до беспамяатства, а мой брат для неё был, словно её рано ушедший Ванечка. Как сильно любим мы тех, кто далеко от нас!

Мы сели вечером в Луганске на поезд и утром были уже в Киеве. А там уж и до Шепетовки недалеко. Потом районный центр – Любар, немножко автобусом



– и вот мы уже в селе Педынки.

Глухая улица одним концом упиралась в лес. Дома стояли лишь с одной стороны, а на противоположной находились длинные-предлинные огороды, опускающиеся к быстроводной и холодной реке Случ.

Вокруг была первозданная красота с травами по пояс, на притоптанном лужке пасся рослый телёнок, косивший на нас сине-чёрные глаза, неустанно пели птицы. А рядом стоял знакомый нам лес с высокими соснами и елями, крепкими берёзками, ольхой и любимым нашим орешником – поройса в траве и найдёшь орешек. В лесу всегда много ежевики, крупной, сладкой, не базарной, а, казалось, живой, с голубым налётом, она словно подглядывала за нами из-под колючих листьев, звала.

Мы оглядывались с братом: какая чудовищная разница между донбасским пейзажем с его горбатыми терриконами, пыльными степями, и этой умиротворённой, благостной красотой и вселенским покоем, который так и разливался по всем нашим клеточкам. Мы были, словно в раю, оглядывались, ожидая чуда ли, счастья.

Нас встретили радостно, удивлённо, и все тискали, рассматривали, хвалили. Набежала полная комната близких и дальних родственников, соседей. Сразу началось застолье, все шли с гостинцами, несли лучшее, самое вкусное. Мы с братом растерялись, не понимая их радости: мы всего лишь внуки, а не какие-то высокие гости.

А радовались они, как оказалось, за бабушку! Они пришли разделить её радость, ведь гости приехали за тысячу с лишним километров. Приехали, не забыли! – в селе это событие. Его обсуждают, долго помнят.

Время прошло в суете, в знакомствах и застолье, от которого к вечеру мы порядком устали.

День он и есть день: всё вокруг светло, радостно, всё хорошо видишь, не замечаешь привычных вещей. Но каково же было наше удивление, когда вечером, вместо привычной электролампочки, в доме зажгли керосиновую лампу! Мне показалось, что время отодвинулось на пол века назад... Нет, свет в селе был, но лишь в центре, там, у конторы, на площади, в клубе крутили обычно кино, были танцы, а вот на остальных улицах по-прежнему пользовались ещё керосиновыми лампами.

А с другой стороны это было и хорошо – мы целыми вечерами беседовали, вдавались в воспоминания, рассматривали при свете керосинки старые фотографии своих родственников.

На замятой по углам фотографии стояла наша молодая бабушка Марина с подругой – это до замужества. Обе с косами до пояса. Подруга полноватая и не высокая, а бабушка – ну просто красавица! Она высокая, чернобровая, кареглазая, жакет и тёмная юбка сидят на ней плотно, фигуристая девушка была...

Ах, ты, мой рыжий дед Василий, как же ты мог не вернуться к своей Марине? К такой красавице!

Он тоже был приятен лицом и высокого роста. У него были соломенно-рыжие волосы, кудрявые, словно каждую волосинку накрутили на горячий гвоздь – так делали раньше для красоты девушки в селе. Чем же он её взыл, чтобы свести с ума мою молодую тогда бабушку?

Он и до войны по молодым бегал, когда уже детей своих трое на печи сидело. Да толи любила она его, разбитного и весёлого, толи такой верной уро-



дилась, но прощала, не сильно коря, и снова ждала. Всю жизнь ждала...

В конце 1944 года он был ранен в ногу и почти месяц после госпиталя жил при семье, потом с наступающими войсками ушёл дальше, добивать фашистов, а у бабушки родился последыш – Мишка, мой дядя.

И четвёртые роды её не испортили, всё такая же красивая, сильная и выносливая, она трудилась день и ночь, а в зеркало заглядывала, может быть, лишь в дни святок, перед тем, как идти в церковь, чтобы поправить большой цветастый платок на плечах. Какая бы она не была красавица, а обвешай её четырьмя детьми... Да сама подыми их... Охо-хо-хо.

В конце войны она получила похоронку, в которой было написано, что её муж, рядовой Кучер Василий Данилович убит в Болгарии на 806 высоте.

Нарыдалась она тогда до беспамьяства над похоронкой, над своей долей, аж в глазах потемнело. Лежала, прижав похоронку к груди, и не могла поверить, что осталась она одна-одинёшенька на целом свете, и поднимать деток придётся одной.

Лежала она, лежала, вспоминала прошлую жизнь с Васильком, и потихоньку, незаметно к ней подкралась мысль: враньё всё это. Ну, враньё! — Ох, и знала же она своего гуляку-мужа! – Поставил, небось, штабному писарю сколько надо, тот и шлёпнул печать, мол, не ждите, погиб он, – а сам-то Васька женился на какой-нибудь сестричке.

Вот не верила она, хоть сто бумажек ей пришли!

Детей четверо – придет! Нагуляется, до Берлина дойдёт – и вернётся.

И ещё что-то бабье: предчувствие ли, поверие ли какое, но убеждали её, что Вася ещё на этом свете. Может его какая сестричка спасла, а он в благодарность женился, а может ещё где затерялся, но он – жив! Переубедить её в этом было невозможно.

С такими мыслями она жила более двух десятков лет, пока не приехали мы с братом в том тёплом 1972 году.

А за годы, что тяжким бременем легли на её плечи, чего она только не делала, чтобы сохранить детей, особенно в голодном 1947 году, чтобы не был пуст стол, и в другие не на много лучшие годы. Ведь даже в семьдесят втором ещё света не было, не говоря о телевизоре или холодильнике, которые стояли уже у нас в квартире на Донбассе.

Потеряла весёлость свою природную и здоровье она еще с началом войны. Да и какая весёлость – четверо на руках, в каждый рот надо положить что-то. И не только о семье думать надо, а ещё была тяжёлая, изнуряющая работа – на буряках*. Буряки – вот она, кому-то сладкая жизнь, сахар по 78 копеек за килограмм, а для сельских женщин Житомирщины – это тяжкая подёнщина, ежедневная, ежегодичная. Сколько помню себя, в письмах писали, говорили всё о буряках: прополка, прополка (не приведи, Бог, какая тяжёлая работа!), а потом до самого снега – уборка и уборка. И каждый корнеплод надо зачистить, а на улице холодно, мокро, руки стынут; снести всё в бурты, а потом вручную погрузить, набросать высокобортный лафет (да и не один), нагибаясь за каждым корнеплодом – это сотни раз в день. И каждая бурячина весит кило-два, а кормовая и того больше – до пяти. Такой каторжный был труд, что наши коллективные выезды от предприятия в совхоз на день-другой на уборку помидор или картофеля — смело можно считать детским развлечением. Да и ездили мы не более 2-3 раз в год.



А что делать таким, как бабушка Марина? – Сцепи зубы и тяни свою лямку. Таких, как она, рядом с ней было много, и у каждой по три-пять ртов, на лавке сидят и с ложками ждут.

Кое-какие мужики всё же вернулись после войны: кто цел, а кто, большей частью, ранен. И были они нарасхват – всем помощь нужна, мужские руки, а это и крышу поправить, ведь покрыты они тогда были всё камышом да соломой; и печь переложить, и поросёнка или телёнка осенью завалить. Жили-то своим хозяйством.

Прийти-то помочь – сосед придёт, да за всё это платить надо: не деньгами, которых не давали в колхозе, так тем же салом или мясом. По доброму куску каждому надо оторвать от детей, ждущих целый год этого часа, чтобы отведать свежины, наестся в этот день вдоволь, а потом уж, в последующие дни, тянуть это сало (от этой небольшой свинки!), чуть не целый год, по кусочку, по маленькому желтеющему кусочку. И на год его, конечно, не хватало...

Нет, не от жадности, а от бережливости, чтобы как можно дольше хватило своим деткам, а не соседским, решила она на крайность. Сосед, он завтра в другом дворе поможет нарезать поросёнка, и ему в другом и третьем доме хозяйка отвалит кусок в благодарность, да ещё и рада будет, что ей помогли. И бабушка Марина два года так делала, а потом... потом пошла на крайность, которая стоила ей немалого здоровья.

«Сама! Попробую сама», – убеждала себя она, по-деревенски подперев щеку рукой. Дети макали в соль горячую картошку, сваренную в кожуре, дули на пальчики и быстро опустошали чугунок. Сегодня на ужин одна картошка...

– Мам, а я с цибулей! – гордо говорил Мишка, самый маленький, которому исполнилось уже пять лет.

– Ешь, сынок, ешь. Скоро будем и мы с салом. Скоро... – Она задумалась, собираясь с силами. Решение было твёрдым.

– Дядьку Власа и дядьку Петра позовём? – весело спросил Мишка, по-привычке шмыгнув носом.

– Нет, сынок, сами будем резать, – сухие губы Марины с трудом проговаривали то, о чём она думала уже не раз.

Дети за столом переглянулись

– То как? – Надюшка, средняя, подняла голову и увидела на глазах матери слёзы.

– Да так, как тётка Парася, она мне рассказывала, как сама это делала, – тихо ответила мать. — Да вы ешьте, ешьте, всё у нас получится.

Доужинали молча. Мотя, самая старшая, пятнадцатилетняя, уже убрала чугунок со стола, смахнула картофельную кожуру в ведро с помоями, присела на лавку. Все притихли, испытующе смотрели на мать.

– Утром кабанчика хорошо покормим, а вечером чуть-чуть, лишь бы он от голода сарай не разнёс, а утром, когда голодный будет, тогда и завалим. Ну а что делать дальше, вы уже всё знаете, помощники мои. – Она тихо вздохнула, понимая, какая тяжкая предстоит ей работа, не женская.

Мишка с Надюшкой прижались к ней и сидели, как птенчики, тихо, пока она не успокоилась.

Марина думала о самом старшем, о Ванюшке, который уехал два года назад учиться на шахтёра. Вся молодёжь ринулась на Донбасс строить и поднимать шахты, и он уехал вместе со всеми. Всесоюзный призыв... А был бы он рядом –



какой помощник был бы! «Ой, Ванечка, как тебя сейчас не хватает! Скоро уже работать в шахте будет, деньги пришлёт, и нам полегчает», – обнадеживающе успокаивала себя она.

– Будем спать, дети, – ласково сказала Марина, целуя каждого в маковку. – Спать, спать!

Сделали всё, как говорила мать: и соломы натаскали во двор с огорода, от копны надёргали, и воды полную кадку, и буряка наварили – не много, чтобы не расходувать лишнего. Целый день ходили по дому, деловито готовясь к предстоящему, сохраняя в тайне от соседей.

Утро выдалось морозным, на деревьях лёгким пушком навис иней, небо было низкое, серое, день ещё не разыгрался. По белому снегу желтела дорожка от рассыпанной соломы.

У забора под большой сорокалетней вишней поставили деревянное корыто, из которого летом кормили подрастающего поросёнка, здесь он свободно гулял по двору, подбирая то проросшую травинку, то веточку, то какой-нибудь камушек или червячка, рыл пяточком под вишней, выскивая свою добычу. В сарае у него было точно такое же корыто, изгрызенное ним по краям.

В серой фуфайке и коричневом платке с белой полосой по краю вышла во двор Марина, огляделась. Всё, вроде бы, сделали как надо: кабанчик голодный, набросится на еду, и не будет обращать внимания ни на кого. И тут с ножом подойдёт она...

Сердце застучало испуганно и громко, ноги стали ватными, того и смотри, подогнутся сами. Она остановилась в нерешительности, от колотания в груди начала сомневаться в своих силах: смогу или не смогу? Гусей и кур она всегда рубала сама, вида крови не боялась, это же глупые птицы, почти покорные. Голову курицы положишь на пень, она её даже не поднимает. Это – мелкота, с ней все бабы в селе сами справляются, попривыкли уже без мужей, а вот кабанчик... Он большой! Если с первого раза дать слабинку, если не получится, то надо бежать самой, и быстро, ибо раненый – он страшнее страшного...

Она посмотрела на небо, прося силы и помощи. В своём представлении она уже не раз прокрутила эту картину до последнего шага, но всё ещё колебалась.

Или всё же позвать Власа с Петром? – Нет, это большой расход для семьи, почти четвертина на двоих уйдёт, а она тем салом детей месяц кормить будет! Как от них оторвать? Картошку – вон по мешку она на себе таскает во двор с огорода, сила есть! Есть! Сделаю! – А детям голодать не дам!

– Мишка, открывай, – резко крикнула она. – И все марш в дом, и подушками закрыли головы! Давай, Миша. – Крепко сжала рукоятку ножа.

Кабанчик бодро выскочил из сарая и пулей понёсся по хрусткому снежку прямо к своему корыту. «Не забыл лето, – подумала Марина, – не забыл».

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула холодный колючий воздух:

– Один, два, три... Всё – пошла!

Она приблизилась к вишне. Кабанчик жадно чавкал, хватая сладкие варёные куски свеклы.

Надо точно попасть под левую переднюю... Ну – всё! С силой и до конца!

Она даже не догадывалась, что нож может так мягко войти в его тело. Только первое мгновение трудно, а потом всё легко, до упора. И удивилась. В страхе



отдёрнула руку, оставив нож, не оглядываясь, побежала в дом, закрыв ладонями уши.

Натянув одеяло на голову, она горько, судорожно всхлипывала. Её трясло, её охватил панический страх, она не знала, получилось ли всё у неё.

Прошло уже пол часа, а она не могла успокоиться и взглянуть в окно: что там происходит?

– Мама, мама! Вставайте, он давно уже не кричит, – тормошили её дети, а она не могла пошевелиться.

– Мама... – испуганно позвал Мишка, – вы нас слышите? – Он тянул одеяло.

Она не отпускала, крепко вцепившись в него.

– Смалить пора... Мы уже и солому к нему поднесли.

При этих словах она очнулась, страх стал отступать.

«Слава Богу, кажись, получилось».

Пошатавшись, она встала, выглянула в окно. Оказывается, кабанчик отбежал от корыта не далеко и завалился на бок. Он ещё повизжал и вскоре умолк. Рядом с ним уже лежала куча соломы, и дети готовы были развести костёр.

Держась за лутку двери, она вышла во двор. Зимняя свежесть дохнула в лицо, и ей стало легче.

«Ну вот и всё... Всё самое страшное уже позади. Делов-то! А то растирасти, да и отдай чужим детям».

Она дышала, набираясь сил и освобождаясь от прежних тревог, смотрела, как суетятся дети, и ей с каждой минутой становилось легче.

Сейчас посмалим, дети принесут горячую воду – поскребём... Это она может делать лучше любого мужика, – успокаивала она себя.

А дети, дети-то как рады! Обедаться будут целый день. Какой же это праздник – вкусная еда на столе! Как до войны, когда рядом был ещё муж...

Весело горела солома, сладко пахло смалёной щетиной. Мотя таскала из дому горячую воду, а Надюшка с Мишкой возились, скребли бока кабанчика, чтобы не осталось ни одной щетинки.

Когда разрезали брюшину и кружкой стали черпать кровь – для будущей колбасы-кровянки, Марине вновь стало плохо. Она прижала руку к сердцу и присела на остатки неиспользованной соломы. Дети, увлечённые работой, не сразу заметили, что матери стало плохо.

Выскочила из дома с ведром Мотя и увидела мать на снегу

– Полежу я, устала, – сказала мать и, опираясь на Мотю, пошла в дом.

Ей казалось, что она лежит уже вечность: всё перед глазами жёлтые круги плавали. Наконец сказала:

– Сладкой воды наведи мне, Мотя.

Она попила, полежала с закрытыми глазами, встала и всё довела до конца: и сало засолила, и четвертины подвесила на балке, и всё до капельки сберегла, сохранила для детей.

Мотя, пока мать занималась привычным сельским делом, уже поставила большую сковороду на плиту, жарила к завтраку свежину. Надюшка с Мишкой выхватывали недожаренные маленькие кусочки мяса и, обжигаясь, лакомились, не дожидаясь общего застолья. Их мордашки блестели от жира, они облизывали пальчики и весело смеялись.

Мать через плечо поглядывала на детей и радовалась, что всего хватит на-



долго.

После этого дня она всё чаще хваталась за сердце, ходила к доктору – в селе его звали уважительно доктором, а не врачом, – он выписал ей капли и просил, чтобы она заходила почаще: ему не нравилось её сердце.

Но, несмотря на всё это, в последующие два года она снова обходилась без Власа и Петра, пока у Моти не появился жених-крепыш и взял эту обязанность на себя. Потом они с Мотей поженились и стали жить с матерью. Маринина жизнь заметно полегчала. Позже она перенесла два инфаркта. Но не будь того первого кабанчика, может, их и не было бы...

Ах вы, милые женщины, – коня на скаку остановит! – так это ещё не всё... Чего они только не сделают ради своих детей, чтобы сохранить их, накормить да вырастить!

Чего они ещё сделают!

В то лето 1972 года я много думала о бабушке. Она родилась в 1905 году. Почему её назвали Мариной? Не Марией, что было бы привычнее для того дореволюционного времени, а именно Мариной? Не могу объяснить почему, но мне всегда казалось, что имя Марина современное, оно часто стало звучать именно в шестидесятые годы, а не в начале века. 1905 год – и Марина?

Поражали старомодные отношения между родителями и детьми в селе, где с отцом и матерью разговаривали только на «ВЫ», и отношения от этого становились отстранёнными, какие обычно возникают при этом, а наоборот, были уважительными и доверительными: раз сказал старший, значит – это правильно, это без сомнений.

Поразил меня и предпоследний день, проведённый в селе Педынки.

Бабушке не здоровилось, она, сидя в постели, расчёсывала свои длинные, хотя и поредевшие уже, волосы. Расчёсывала медленно, проводила гребнем и останавливалась, задумывалась.

Мы встревожено поглядывали на неё: чего это с ней? Она заколола узелок на затылке и откинулась на подушку. Устала. Мы вопрошающе смотрели и ждали.

Она тяжело вздохнула и произнесла то, что нас повергло в немой шок.

– Сегодня умер мой Вася, – тихо сказала она.

Мы растерянно смотрели на неё, каждый строя свои догадки.

– Я сегодня во сне его видела, – продолжала она. – Он уехал на бричке и помахал мне рукой. – Подняла руку, и рука зависла в воздухе.

– А разве он никогда вам не снился? – робко спросила я, удивляясь.

– Снился, – вздохнула она. – Он уехал. Навсегда! И подтверждение этому – дождь.

Мы, как по команде, уставились в окно. Да, там шёл размеренный тихий дождь, почти не слышный.

– Покойники всегда под дождь снятся, – твёрдо добавила она. – Я всегда знала, что он жив. А вот теперь, теперь он уже на небесах. Мотя! Запомни это число, мы будем всегда в этот день поминать его.

Она лежала на высоких белых подушках, и по тёмной щеке бежала одна единственная слеза, из правого глаза.

Мы смотрели друг на друга и не перечили бабушке. В этом доме никто и никогда не сказал ей «ТЫ».



Мы сели за утренний стол, она перекрестилась и попросила всех помянуть её Васю.

Целый день, собираясь в обратную дорогу, мы ходили с братом, как пришибленные: это же столько лет она верила, что он живой, что он живёт с другой женщиной; и никогда его не обругала, не прокляла?!

Она ждала...

Ошеломляюще подействовала на нас эта весть.

На второй день нас провожали в Шепетовке на поезд, всей семьёй, вместе с бабушкой, для чего наняли соседа. Небо было низкое, воздух свежий, прохладный после дождя, и мы беспокоились, чтобы она не простыла.

Прижимая её к себе в последний раз, я вдруг обнаружила, что внуки не всегда могут пойти в своих родителей, тем более в бабушку с дедушкой – я бы так не смогла! Скорее всего – не смогла. Всю жизнь ждать?!

И хотя бабушка, на удивление всем, жила ещё долго, до 1995 года (она умерла, пережив своё девяностолетие), больше мне не довелось увидеть её, ещё раз поговорить с ней, уже по-женски.

Не удалось... Она жила, словно шутила с нами: вы волнуйтесь за меня или не волнуйтесь, — не такое повидала на своём веку, – а я ещё поживу. – И жила.

Поезд тронулся, мы разложили вещи по полкам, я уселась поудобнее, принялась за чтение.

Через час в окно с силой захлестал дождь. Я закрыла глаза, вспоминая бабушку Марину, и слушала, как колёса устало бормотали: умер Вася, умер Вася...

Николай Стародымов Москва

СУДЬБА ОФИЦЕРА

(Отрывок из романа

«ТРИНАДЦАТЫЙ СЫН САТАНЫ»)

Прежний заведующий детдомом у них был хороший мужик, отставной военный. У него не жизнь сложилась, а прям-таки груша боксерская для отработки ударов побольнее. Молотило его – дай Боже... В смысле, не дай Бог кому-то еще такую судьбину!.. Отец у него тоже был военный, фронтовик, едва не до Белграда дошел, как будто бы лично с Броз Тито здоровался, а потом, после войны служил в Ашхабаде, а там в 48-м во время жуткого землетрясения у него вся семья погибла. Там так трянуло, что за пять секунд 110 тысяч человек завалило – абсолютный рекорд трагедии для территории Советского Союза. Он еще мальчишкой был, один из семьи в живых остался, так вот в детдом и попал. Суворовское закончил, потом военное училище – как раз под чехословацкие события попал, там ему в морду тоже поплевали, как будто он виноват, что его туда послали «пражскую весну» замораживать...

Впрочем, это вообще участь военных – разгребать дерьмо, в которое уши закопаются политики. Они же, политики лажовые, потом от них же, военных, откредятся! Дескать, мы, политики, в белых перчатках и белых манишках под смокингами, а от них, от военных, пардон-с, дерьмцом потягивает, в котором они сами, дураки, запачкались, наши грехи подчищая и помогая нам



заработанные на войне деньги от дерьма же отмывать... А потом у него жена с младшим сыном погибла – разбилась в самолете, в котором она летела вместе с неким Чистяковым, про которого Валентин до того даже не слышал, но про которого заведующий рассказывал, что это был пародист номер один Советского Союза, который нынче несправедливо забыт, и который, якобы, в те времена позволял себе такие шуточки, на которые в те времена решиться было трудно – уж не потому ли и погиб-то?..

Остался офицер только со старшим сыном, который пошел по его стопам, закончил военное училище. У сына жена умерла во время родов, а сам же он потом, через много лет, тоже погиб, погиб лютой смертью не то в Эфиопии, не то в Анголе, не то в Намибии, а может в каком-то из Йеменов, этого Валентин точно не помнил; знал только, что отцу не разрешили даже вскрыть гроб с телом, который под большим секретом переслали из Африки. Так и встретил старость этот человек, с единственной внучкой, жили они тогда где-то в Молдавии, которая тогда уже разделилась на Молдавию прорумынскую и прорусскую.

А там новая беда – девочку как-то нашли зверски истерзанной и гнусно изнасилованной и никто так и не докопался (да и копались ли?), кто совершил такое злодеяние, какой национальности были те бандиты. К тому времени он жил, правда, нерасписанным, с одной женщиной из Прибалтики; звала его она, до ночных истерик боявшаяся после того случая горящих взглядов, которыми салили ее, белотелую блондинку, смуглолицые небритые чернушные мужчины с автоматами, звала уехать с ней в родной не то Пярну, не то Паневежис, да только не захотел он быть на чужбине человеком второго сорта – так они и расстались.

Бросил тогда ветеран все, поджег напоследок свой домишко с нажитым за всю свою кочевую жизнь нехитрым скарбом, в том числе и сберкнижку с тремя без малого тысячами рублей, обесцененных бессовестными горе-реформаторами, да и приехал в город, где некогда воспитывался в детдоме. Попросился на работу. Хоть какую-нибудь.

– Здесь у вас нет благополучных детей, – доказывал он начальству. – А у меня вообще никого нет. Потому мы с ними так нужны друг другу. Да, нету у меня педагогического образования, так ведь и запросы у меня самые простые. Мне много не надо – только комнатку где-нибудь...

Начальство потенциал отставного офицера оценило. Его, хоть и не имел он надлежащего образования, назначили сразу заведующим.

Поначалу все шло нормально. Порядок он навел строгий, сам ничего не тянул, и другим не позволял. Справедлив был, грубостей и рукоприкладства не допускал. Уважали его, за глаза «Макаром» прозвали – производное от «Макаренко»... Кого-то из администрации, из старых педагогов и воспитателей уволил, кого-то, невзирая на отсутствие все того же образования, взял... Короче, работал мужик. С боем, с руганью, с кулаком по столу, с лаской, с матом, с лестью, с обещанием обратиться в прокуратуру или в прессу – но выбивал для подопечных какой-никакой минимум средств.

А потом...

Как-то собрал он ребят старших классов. И, неловко пряча от них глаза, сказал, что, мол, денег не хватает, инфляция все съедает, продуктов недостает, стройматериалов для ремонта нет...

И попросил:



– Ребята, никого не заставляю, не имею права заставлять... Даже просить вас о таком не имею права. А прошу...

Нужно было для блага детдома поработать на разгрузке вагонов. Поработали, никто не отказался – знали, что все заработанное пойдет на них же... Потом еще раз. Потом организовали крохотную мастерскую, на которой девчонки, тоже старших классов, что-то не то не шили, не то обмётывали... Они же, девчонки, ходили по объявлениям в город – за детьми посмотреть или уборку кому-нибудь из преуспевших дома сделать... Потом мальчишки организовали крохотную мочечную станцию, где можно было недорого помыть машину. Пока одни драили автомобиль, другие водителю чайку-кофейку поднесут, бутерброд организуют...

Эта-та мойка и оказалась для них роковой. Хотя... Хотя кто его знает, что для кого и в самом деле становится роковым? Не было бы мойки, было б что-нибудь другое... Но это так, к слову.

Как-то в кабинет заведующего вдруг ворвался один из воспитанников.

– Там на наших крутые наезжают! – заорал он. – Деньги требуют.

Заведующий бросился вон. Выбежал на крыльцо и увидел весьма красноречивую картину: на мочечной площадке стояла какая-то крутая иномарка, откуда, небрежно выставив на мокрый асфальт ногу в сапожке с клепками, что-то говорил молодой парень в кожаной куртке; рядом примостился могучий джип, возле которого скучала пара «качков»; ну а детдомовские ребята стояли плотной группкой, понурившись.

И отставной офицер не выдержал, сорвался.

Он вбежал в дом и через минуту вернулся назад, держа в руках охотничью ижевскую двустволку – «вертикалку». Взвел курок и бабахнул в воздух. Треск выстрела гулко отозвался затихающим эхом. С ближайшего дерева с гамом поднялся в небо стайка птиц.

Под удивленными взорами «наехавших» крутых и своих воспитанников заведующий подчеркнуто спокойно переломил ствол, выдернул и отшвырнул в траву гильзу, вогнал в дуло новый патрон.

Направился к сгрудившимся возле машин людям. Взрослым и детям. Врагам и подопечным.

– Я не для того своих пацанов от учебы и от детства отрываю, чтобы они заработанное своими руками вам отдавали, – твердо сказал он, опытно, наизготовку, но стволom поверх голов, держа ружье. – И ни с кем они делиться не будут. Вам все ясно?

К его удивлению, старший из подъехавших, сидевший в иномарке, на его тираду отозвался вполне спокойно и даже миролюбиво.

– Да ты что, папаша, не позавтракал сегодня, что смоляешь тут? – усмехнулся он. – «Мусора» еще понаедут, а у тебя несанкционированное применение оружия в период запрета на охоту... Мы же тихо-мирно поговорить хотим... Так это ты тут за главного?

Рассудительный тон и особенно усмешка сбивали с взятого заведующим непримиримого тона.

– Я.

– Ясно. Ну так значит разговор у нас к тебе, – кожаный уже не усмехался, говорил жестче, но по-прежнему подчеркнуто рассудительно и спокойно. – Дело в следующем, папаша... Когда ты что-то делаешь, ты обязан платить налоги. Ты



на это не ропщешь, потому что не нами это придумано, не нами это положение и изменять. Налоги эти идут на содержание государственного аппарата, на армию и милицию. Такова жизнь... Ты налогов не платишь, более того, у тебя здесь процветает явная эксплуатация детского труда. Да и ружьишко у тебя заряженное под рукой... Это ведь подсудное дело, папаша, и у тебя из-за этого могут быть серьезные неприятности с законом. Ну а если ты со своими мальцами пойдете под нашу «крышу», проблем у тебя не будет ни с чем, ни с кем и ни в чем. Так что просто скажи, что платишь налоги и соглашайся.

Какой из военного человека, к тому же старой закваски, специалист по словесной эквилибристике?

– А если нет? – в лоб спросил он.

– Тогда у тебя будут проблемы, – откровенно улыбнулся крутой.

Поймав его улыбку, мордвороты у джипа дружно заржали. Да, они проблемы организуют запросто...

– Поглядим, – сурово ответил заведующий.

– Да пойми же ты, папаша, что и тебе от этого прямая выгода, – еще раз попытался наладить контакт вымогатель. – Тебя после этого никто трогать не будет. Понимаешь? Никто! В том числе и налоговая инспекция. Одно условие только... Вернее, два: повысить плату за обслуживание, а то вы мне конкуренцию сбиваете... А впрочем, ладно, папаша, за голодных детишек – прощаю, – вдруг новость почему он вздумал сыграть в благородство, увидев, как дружно сгрудились вокруг старика воспитанники. – И в самом деле, только одно условие: вы мне будете платить. – Он не выдержал свой благожелательный тон и повторил с подчеркнутой угрозой, слегка пристукнув кулаком о свою раскрытую ладонь: – Будете платить!

– Не будем!

И тут как-то вдруг, очень быстро и мягко, почти незаметно оказалось, что две дырочки стволов глядят точно в лоб старшему.

– Послушай, парень, теперь меня! – отставник говорил не менее твердо и решительно. – Через мои руки в армии прошло много ребят. Хороших и плохих; разных. Не знаю, как у кого из них потом сложилось. Но то, что сейчас вы диктуете условия жизни, в этом и я тоже виноват. Значит, плохо мы вас воспитывали... Ну да хрен с ним!.. А тебе я так скажу. Не для того я всю жизнь по гарнизонам прокочевал, не для того сюда приехал, не для того ребят этих под себя взял, чтобы ты им преподносил такие уроки. Понял? Учить жизни их буду я. Может быть, тогда они будут лучше тебя...

Старший медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, поднялся из машины. Встал возле нее. Бледный, с испариной на лбу, но внешне спокойный. Даже улыбку попытался изобразить, хотя и получилось у него это не слишком искренне.

– Что ж, папаша, твое дело. Учи, – разрешил он. – Только запомни несколько слов еще... Да опусти ты свою пукалку, право же, чего ты меня пугаешь? Ты же не сможешь в меня выстрелить... В этом, кстати, наша с тобой разница: я в такой ситуации могу выстрелить, а ты нет... Ты можешь обзывать меня сколько хочешь и как хочешь, но главное заключается в том, что ваше поколение уходит, а на ваших костях вырастаем мы. Вы для нас питательный перегой, на котором мы вполне прекрасно себя ощущаем. И вы не хотите признать, что мы стали такими только благодаря вам. Вы голосовали на партийных собраниях за всенародный одобрямс, а потом дома говорили совсем другое. Вот мы и выросли такие. Да, на наших



костях, из того перегоня, в который мы превратимся, вырастут другие люди, которые тоже не будут похожими на нас. Одна только существенная разница: мы не зовем всех к всеобщему равенству и братству, к коммунизму и к другой такой же ерунде. Мы говорим: прав тот, кто сильнее. А я сильнее, чем ты, папаша. Поэтому победа непременно будет за нами. Сегодня я уеду. Не потому, что я проиграл, во все нет. А потому что я не хочу применять к тебе насилия. И причина банальна: я не хочу, чтобы в памяти этих своих салажат ты остался великомучеником – у нас таких всегда любили. Ну а так я уеду – и ты останешься в их памяти слабым, беспомощным, хотя и гордым донкихотом. И ты всю оставшуюся жизнь так и будешь воевать с ветряными мельницами, а они, твои пацаны, будут тебя жалеть и потихоньку прикармливать заработанные здесь деньги. Потому что свой личный карман всегда роднее общественного, а свой желудок хочет кушать сильнее, чем миллиард чужих желудков. А потому они все когда-нибудь обязательно придут ко мне, когда тебя выкинут отсюда на помойку, а на твоё место назначат более стоворчивого человека, которому я пообещаю четвертую или десятую часть выручки, которую стану получить с твоих ребят... Так будет папаша, хочешь ты этого или нет, и будет очень скоро... Ну ладно, хватит политзанятий! Так и быть, из уважения к твоим сединам, я сейчас просто уезжаю. И копейки, вернее, даже рубля с тебя не возьму. А вернусь только когда узнаю, что тебя отсюда уже вытурили. Ну как, ты ведь оценил мое благородство?

Это было не благородство. Это было издевательство. Это было ничем не прикрытое ерничанье. Ерничанье человека, уверенного в своей силе, в своей правоте, а главное в своем будущем. И заведующий ничего ответить ему не мог. Он стоял, держа в опущенных руках ставшее таким лишним и ненужным ружье. К нему жались дети. И это единственное, что его еще как-то поддерживало в те мгновения. Потому что речь вымогателя сломала в его душе что-то главное, что-то центральное, что-то такое, что до этого дня позволяло ему продираться сквозь все удары, которые раз за разом наносила ему беспощадная судьба.

Парень это понял. Он негромко засмеялся. Сунул руку в карман, уже не опасаясь спровоцировать выстрел старика. Достал сто долларовую купюру, небрежно сунул ее в карман комбинезончика ближнему мальчишке.

– Это вам за работу, – сказал он.

Громко захлопали дверцы и машины сорвались с места.

– Что это с тобой сегодня? – не оборачиваясь, спросил со своего места водитель. – Мы бы их за два дня привели к центральному бою.

И привели бы...

– Пусть живут, – с непонятной интонацией отозвался старший. – Навару от них все равно никакого, так и нечего с ними... – выругался он. А потом добавил, ни к кому уже не обращаясь: – Гордый старик. Уважаю таких...

Водитель ничего не ответил. После долгой паузы старший спросил у водителя:

– А ты бы так смог?

– Как? – тот уже забыл о конфликте.

– Ну вот так, как этот дед, против всех нас, один, с ружьем?..

– Очень нужно, – хмыкнул водитель. – Лучше заплатить и жить униженно, но спокойно, чем гордым лежать в гробу... Да и вообще, лучше бы все эти придурки еще в сорок первом подавались бы, чтобы мы сейчас под немцами жили. А то стояли насмерть, кретины, под танки с гранатами бросались, амбразуры закрывали... – он грязно выругался. – Вот сейчас наши правители на них хрен



положили – и правильно сделали. Пусть хоть поймут, пока еще не все передохли, какую ерунду полста лет назад натворили.

Старший ничего не ответил...

Заведующий всего этого, конечно, не слышал. Он просто стоял, подняв к умытому весеннему небу морщинистое лицо. По крупным складкам кожи на его гладко выбритых щеках струились мелкие старческие слезы.

Потом вдруг со звяканьем упало на асфальт ружье. И отставной военный грузно осел на дорогу.

«Скорая помощь» прибыла слишком поздно.

...Многие в городке были удивлены, когда на похороны заведующего детским домом вдруг приехала группа крутых парней. Старший, не обращая внимания ни на кого, подошел прямо к гробу, на несколько секунд замер, всматриваясь в спокойное, умиротворенное лицо покойника. На глазах у всех, не опасаясь, что кто-то осмелится выкопать, вложил ему в руку маленький золотой крестик.

– Уверен, старик, что на тебе креста нет, так прими этот, ты его заслужил, – сказал он негромко. – Поверь, что я не хотел, чтобы твое место освободилось так скоро.

...У заведующего после его смерти на всей земле не осталось ни одного родственника. Так что в последний путь его провожали лишь официальные представители не то собеса, не то наробраза, весь детдом, да эта странная группа крутых парней, которые никак не могли понять, с чего это их шефа занесло на эти нищие похороны...

И уж подавно все были поражены, что вскоре на скромной могилке, над которой торчала стандартная, неровно выкрашенная «серебрянкой» тумбочка со звездой, вдруг был установлен гранитный памятник с выбитым портретом старика в военной форме и надписью:

Не сильные лучшие, но добрые.

Федор Достоевский

Николай ТЮТЮННИК Первомайск

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Букреев работал на Севере, гонял свой «МАЗ» сложнейшей сибирской трассой. Сначала – в качестве расконвоированного ээка, когда до отсидки оставалось полтора года, а затем уж равноправным советским шоферюгой, укорачивая свой век нечеловеческими условиями труда, но надеясь со временем вернуться в родные края с набитым деньгами лопатником и безбедно прожить оставшиеся годы.

Впрочем, гонять «МАЗ», в смысле ухарствовать, на той трассе не удавалось еще никому, как не удавалось и Букрееву, хотя шофером он был первоклассным. Две сотни верст, которые отделяли их леспромхоз от ближайшей станции, водители преодолевали в мрачном отуплении, намертво вцепившись в огромную баранку и втупившись в медленно ползущую навстречу дороге. Их городские коллеги, привычно поругивая пресловутые российские дороги, которые еще великий Гоголь назвал в числе известнейших бед России, видимо, и не подозревали, что в сравнении с зимними северными трассами, самая избитая российская шоссейка – взлетное поле военного аэродрома. Впрочем, слово «зимние» здесь



совершенно излишне, ведь летних трасс в этих местах вообще не существует. Топи да болота, да тайга кругом. И только по зимнику, пробитому во льдистых снегах, можно добраться в нужные места.

Таким нужным местом в памятную ночь перед Рождеством для Букреева оказалась та самая таежная станция, куда предполагалось доставить, как всегда, срочнейший груз.

Букреев за годы работы на Севере не привык долго раскачиваться и всегда, как юный пионер, был готов наскоро собраться в путь, несколько не досадуя на внезапность задания и не оспаривая своего законного права провести ночь, как все нормальные люди, под родной крышей, в тепле и уюте.

Надо – значит, надо!

Только ночь-то не совсем обычная, Рождественская ночь, великолепно описанная его любимым писателем, которая просто немыслима без приключений, неожиданных, надолго запоминающихся встреч и, конечно же, без этого, вконец оборзевшего, мороза. Мороз в такие дни настолько лют, что от него уже не спасает самая теплая одежда, а если кто из новичков вздумает на улице закурить, то тут же поперхнется колючим, разрывающим горло дымом.

Букреев долго прогрел мотор своего «МАЗа», привычно, в виде шоферского ритуала, попинал тугие шины и, присев, для порядка заглянул под машину. Как ни легок на подъем, а перед таким рейсом всегда охватит легкое волнение и хочется хоть на минуту отдалить тот важный в психологическом аспекте момент, когда нужно будет выжать педаль сцепления.

Но только сел, включил первую передачу, легонько тронул, выкатываясь из гаража, – и все стало на свои места. Уж он не шофер и машина – не механизм ревущий. С этой минуты и до конца пути, до дальней таежной точки, они – одно целое, единый, слаженный, мыслящий и надежный организм. Только с годами, проведя тысячи километров за баранкой, перестаешь задумываться – в какой момент переходить на повышенную или, наоборот, пониженную передачу, за сколько метров до препятствия начинать тормозить, и как легко, не подвергая ни себя, ни других опасности, пойти на обгон. Руки, кажется, опережают сигнал мозга, ловко, привычно и чисто механически управляя огромной и неуклюжей с виду машиной. К тому же дорога изучена, хоть завязывая глаза, и даже порой снится бесконечными заполярными ночами.

Букреев ехал в одиночку, хотя обычно в такие рейсы посылали, как минимум, две машины, и рад был бы даже случайному и не шибко разговорчивому пассажиру.

Через полсотни верст, на месте старой охотничьей заимки, находилась любимая шоферней чайная, где многие из этих разбитных и бывалых парней и впрямь накачивались перед дальнейшей дорогой крепчайшим чаем, специально, по заказу, завариваемым для них лупоглазым буфетчиком.

Чай этот, а точнее – чифир, заваривался таким густым и крепким, что не всяк способен был сделать хоть один глоток. Но кто уж пристрастился (а это, в основном, бывшие ээки) – те кайфовали с упоением, охватив ладонями кружку, обжигаясь, прихивая и потяя. Чай расширял сосуды, вынуждая ушаченно биться сердце, до опьянения просяняя, делаю невесомой, голову. И после этого можно было смело, не боясь задремать за рулем, вести машину – безо всякой усталости и желания прилечь.

Букреев точно знал, что завернет сюда, слегка подзаправится, а уж там – по-



могай Господь! «МАЗ» был полупустой, на ухабинах слегка подпрыгивал, двигатель согревал довольно обширную кабину. Иссиня-белый свет фар был мягок, оставляя за пределами своей власти неясные очертания ползущих мимо деревьев.

И так – верста за верстой, верста – за верстой, слегка убаюкиваясь и забывая, что за кабиной – уже под пятьдесят, и стоит только отворить дверцу, как в лицо пахнет свирепым морозом, свыкнуться с которым, как помнил Букреев, удавалось далеко не всем...

В чайной, на старой заимке, которая была единственным приятным местом на всей трассе, его встретили радостно.

– О-о, Букрей! Подруливай, дорогой!

Буфетчик суетился, как повитуха возле роженицы, улыбался, заглядывал в глаза.

– Чайку? Сто пятьдесят?

Если бы дело было в конце пути, перед отдыхом, Букреев бы с удовольствием накатил и сто пятьдесят. Но в дорогу – это гиблое дело. Обязательно разморит, потянет в сон. А под конец замучает и жажда.

– Чайку, конечно. Я же – на станцию.

– На станцию, на станцию, – разрывая пачку чая, обрадовано почти запел буфетчик. – А я жду, жду, думаю – неужели сегодня в ту сторону никого не будет?

– А что такое? – наблюдая за ним, усмехнулся Букреев. – Посылочку передать?

– Не-а... Человечка одного прихватить. Прихватишь?

– Нема базара.

Буфетчик заварил чай, открыл банку консервов в масле. В томате Букреев не признавал.

– Ешь, а я пойду соберу.

Собирал он долго. Букреев успел поесть, попить, посидеть в машине. И лишь тогда, с правой стороны, неуверенно постучали. Букреев потянулся к ручке, открыл. Что-то непонятное, до глаз завязанное шарфом, с превеликим трудом влезло в кабину. Взглянув на это обвязанное и обмотанное, казалось, вдоль и поперек существо, Букреев тихо засмеялся. И впрямь – человек! Откуда такого занесло?

Человечек, в тулупе, валянках, в завязанной под подбородком собольей шапке, был явно морозонеустойчив, и за те несколько минут, которые потратил на преодоление десятка метров – от чайной до машины, видно, успел окоченеть. Букреев, ни о чем не спрашивая, тронул с места. Сидит рядом живая душа – и ладно!

Душа же, привалившись к спинке сидения, вообще перестала подавать признаки жизни. Ни оха, ни вздоха, ни писка... Только легонько покачивалась, когда под колеса попадали кочки или Букреев, перегазовывая, привычно щелкать ручкой переключения скоростей.

Проехав несколько километров, Букреев закурил, совершенно не подозревая, что сладостный для него дым выведет пассажира из состояния, казалось бы, полнейшей протрации.

Человечек зашевелился, повернул амбразулку, за которой скрывались глаза, в сторону водителя.

– Что, тоже закурить? – весело спросил Букреев, радуясь появившейся возможности поговорить.



– Я не курю, – просочилось сквозь шерсть шарфа тоненькое-претоненькое. Букреев на миг замер, отвлекся от дороги, и машину тут же подкинуло на выбоине.

– Ты что – девчонка?! – изумился он. – Да кто ж тебя в такой мороз из дома выгнал?

Боже, как он тосковал когда-то по таким вот нежным, чарующим девичьим голоскам, по стройным, гибким фигуркам! Как хотелось увидеть близко-близко чьи-то любящие, наполненные слезинками нежности глаза, взять в руки тонкие трепетные пальцы. В молодости он проходил службу в маленьком южном городке, стоявшем на берегу огромного, как море, озера. По вечерам в их открытые кубрики влетали волнующие до дрожи женские голоса. Услышав их, парни замирали, чувствуя, как помимо, казалось бы, их воли начинало твердеть молодое, жаждущее любви, тело... Кто-то демонстративно вздыхал, кто-то отпускал неприличную шутку, кто-то просто посмеивался. И каждый вспоминал о своей.

Уже позже его, Букреева, не дождалась. Она и со службы-то, говорят, не очень честно ждала, а из тюрьмы и вовсе не собиралась.

Букрееву стало веселей. Ему захотелось увидеть лицо пассажирки, которое ни в коем случае не могло оказаться невзрачным. Обладательницей такого голоса непременно должна быть только писаная красавица, каких некогда снимали в старых сказочных фильмах.

Девушка, похоже, об этом догадалась, стащила варежки, освободила туго завязанный шарф. Доверчивые, как у несмышленого котенка, глаза с детским любопытством оглядели шофера.

Букрееву и хотелось бы расспросить ее: что и зачем привело – занесло! – такое нежное создание в эти глухие, нелюдимые, чисто медвежьи места, да не хотелось разочаровываться, услышав довольно банальную историю о дочери, решившей в кои-то веки навестить сбежавшего от матери буфетчика-отца. Пусть останется недосказанность, загадка, тайна, которые подтолкнут его к самой невообразимой фантазии. Наслышан ведь от друзей-шоферов о самых невероятных историях, когда к ним в кабину подсаживались не только бежавшие от московской богемы красавицы-певички, но и старушенции, на все сто предсказывавшие их дальнейшую судьбу...

Ослабив, но не сняв шарф, девушка снова надела варежки.

– Руки мерзнут? – не зная, с чего начать разговор, спросил Букреев. – В кабине вроде тепло.

Девушка шевельнула мягеньким подбородком, освобождаясь от шарфа, шмыгнула носом.

– У меня и в плюсовую температуру мерзнут. Не знаю, как и доеду.

– Дое-едите-е! – бодро, нараспев, произнес Букреев. – Наберитесь только терпения. Терпение – наивысшая сила. Без него на Севере не прожить. Кто не терпелив, тот в лагерях вешается.

Сказал – и пожалел. Правильно говорят: язык мой – враг мой. А промолчишь – сойдешь за умного.

Однако, девушка или недослышала (в такой-то шапке!), или не придавала значение словам, которые конкретно указывали на знакомство словоохотливого водителя с лагерной обстановкой. Да и чему удивляться – Север!

После этого они долгое время молчали. Букреев почему-то стеснялся лишней раз повернуться к пассажирке, поэтому не знал, бодрствует ли она или по-



тихоньку уснула.

Но девушка снова завозилась, припала лицом к боковому стеклу.

– Что вы? – спросил Букреев. – Может, надо... чего?

Она с мольбой взглянула в его сторону и опустила голову.

Букреев притормозил. Огромные, затвердевшие до плотности металла, шины с хрустом прошлись по обледенелым кочкам. Трехминутный перекур!

Однако, прошло и три минуты, и четыре, и пять, а девушка не возвращалась. Прошли все десять, и тогда только Букреев понял, что что-то случилось. Он взял в руку монтировку и, открыв дверцу, вылез из кабины.

Мороз, знаменитейший рождественский мороз, поприжал вовсю. Мигом (сказать – не поверят!) зазеленели зубы. Букреев прислушался и, не заметив ничего подозрительного, пошел вокруг машины.

Девушка стояла у заднего правого колеса и, опершись о него двумя руками, тихонько и жалобно плакала.

– Что такое? – громко спросил он. – Что случилось?

– Я не могу, – обреченно выговорила она. – Я не могу-у-у...

Букреев повернул ее лицом к себе и моментально все понял.

Он стащил и засунул за пазуху свои рукавицы и, ни слова не говоря, принялся за одежду девушки. Она не сопротивлялась, не мешала. Она стояла и, зажмурив глаза, продолжала плакать. Слезы тут же застывали на ее щеках и жутковато блестели под звездами.

Букреев расстегнул шубку, крепкий мужской ремень, стягивающий пояс теплых брюк. С пуговицами справиться уже не успел, быстро сунул одеревеневшие пальцы в рот. Отогрев, продолжил. Под брюками находились шаровары, затем трусики. Букреева тут же бросило в жар, словно с обжигающего мороза мигом перенесся в жаркую русскую баню...

– Садись, – сдерживая дыхание, почти по-родственному сказал он и сморщился от жалости при виде белеющего тела. – Я за машиной побуду.

Затем он вернулся, проделал всю операцию по раздеванию в обратном порядке. Девушка уже не плакала, но не смела поднять глаз. Снова упаковав ее, Букреев подвел свою пассажирку к кабине, помог взобраться, залезть внутрь.

Всю оставшуюся дорогу они молчали, думали каждый о своем. Разные были у Букреева девушки: и серьезные, и не очень. Одних, казалось, любил, даже ревновал. Других же легко передавал друзьям. Но ни к одной из них не испытывал таких искренних, почти родственных чувств, когда в душе рождается благодарность за предельную открытость, искренность и доверчивость, которые возможны только между очень близкими людьми. Говорят же, что бывает любовь с первого взгляда. Однако, он хорошо понимал, что ничего между ним и его нынешней пассажиркой уже не будет. Ибо ситуация, в какой они оказались, никогда не позволит ей переступить порог стыдливости. По этой же причине, она никогда не расскажет о случившемся ни будущему мужу, ни детям. Все останется между ними. Хотя оба будут помнить этот случай всю свою жизнь.

На станции девушку уже ждали. Перед тем, как выйти, она неожиданно потянулась к Букрееву и чмокнула его в щеку.

Букреев получил груз, выпил в буфете стакан спирта и завалился у знакомого кладовщика спать.

Назад он возвращался один и, притормозив у приметного места, где они останавливались ночью, долго сидел, уронив голову на баранку...

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ



Евгения Омельченко Воронеж

ЗАПИСЬ 13

Откажись от меня, если сможешь привыкнуть ко мне,
Если эхо поселится в нашем соломенном доме,
Если встреч наших горечь покажется горше вдвойне,
Если сможешь однажды прожить целый день и не вспомнить –

Как сентябрь уносил на руках нас нагих и слепых,
Как шаманила осень на бубнах промокших палаток.
И смеялась кукушка, отмерив два дня на двоих,
Оглушенных последним осеннего грома раскатом.

Откажись от меня, если сможешь смотреть на часы,
И постель превратится в капкан, а разлука – в спасенье,
Если Лира сфальшивит, оскалятся Гончие Псы...
Откажись, не унизив меня сожаленьем.

О ЧУДЕ

Прости меня за немоту письма,
За то, что сожаленье не проходит
О нашей добровольной несвободе,
О том, что вяжет по рукам тесьма.
А, впрочем, к лучшему. Не позлословит рать
Охочих деготь лить и корчить рожи.
Бесценное не может стать дороже.
Я благодарно стану вспоминать,
Как ты учил чуднОму ремеслу
Сплетать слова, как руки под столом,
Как со стены считали время вслух
Часы до неизбежного «потом»...



Потом вокзал, махнуть рукой, уйти,
Не разрешив себе прикосновенья,
Чтоб не увидеть как через мгновенье
Твой поезд тронется с четвертого пути
В страну чужую из чужой страны.
Но встретимся в стране всегда единой
На кухне в доме, что посередине
Пути от Киева до Астаны.

О ПОГОДЕ

Пасмурно, пасмурно. Сонные выцвели
Люди, дома и собаки бродячие.
Словно из стойла некормленных вывели –
Тянутся мысли ледащими клячами.

Ветрено, ветрено. Злой, измочаленный,
В небо щетинится город антеннами.
Впрочем, синоптики пообещали нам
Облачность. Облачность, но переменную.

Можно без шапки шутить над простудой,
Листья подбрасывать, мокрые, зябкие,
Можно жонглировать рифмами трудными...
Только стихов о тебе – нельзя!

Ты не бойся, хороший мой, больше не буду я,
Слово свое обрекая на голод. Но
Мерзнут на ветке певцы красногрудые.
Ясно и холодно. Ясно и холодно.



Яков Смоляренко Луганск

ПОМЕТЫ НА КНИГАХ

«Запятнанные» книжные издания

Признаюсь сразу: приобретая книгу у букинистов или знакомых книжников, стараюсь сразу же перелистать ее страницы с целью поиска владельческих надписей, автографа автора или экслибриса. Даже анонимные подчеркивания отдельных фраз, проставленные восклицательные и вопросительные знаки (в худшем случае) никогда не разочаровывали меня. Различные пометы, которые, порой, содержит книга, всегда интересны. Они являются своеобразным дополнением биографии любого печатного издания.

В далекие для нас времена великий Н.А. Некрасов вложил в уста книжного торговца следующие поэтические строки:

Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно
Немой свидетель о заслуге.

Намного позже двое хороших писателя и неисправимых книжника высказали также подобные мысли – В. Лидин: «Книги нередко закупают в себе помимо текста еще и многое другое: ярлык переплетчика, экслибрис бывшего владельца или затерянная надпись могут развернуться в целую повесть...»; В.Шкловский: «Надо помнить, что книга должна оставаться по возможности со всеми надписями на ней. Не надо вмешиваться в жизнь книги».

Так что, дорогие книголюбцы, не унывайте, если нужная книга досталась вам с пометами. От этого вы останетесь лишь в выигрыше. Постарайтесь с любопытством рассмотреть книжкины отметины. Честное слово, они не безмолвны.

В Луганской областной универсальной научной библиотеке им.А.М. Горького в секторе редких и ценных изданий хранится множество «запятнанных» книг. Самое старейшее из них – «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». На этой книге или, скорее всего, журнале сделана простая и



вместе с тем трогательная для наших дней владельческая надпись: «Сия книга Павла Михайлова ученика первого класса». Такого рода пометки на книгах были не редкостью в те времена. Ведь типографские издания стоили недешево и были не так уж доступны. А подобные надписи служили книге своеобразной охранной грамотой. Сегодня мы можем лишь мысленно представить, с каким усердием неизвестный мальчонка выводил буквы, надписывая книгу, не подозревая, что она доживет до третьего тысячелетия.

Массу информации несет экслибрис, наклеенный на внутреннюю сторону переплета «Военного энциклопедического лексикона», изданного в С.-Петербурге в 1853 году. Перво-наперво, книжный ярлычок извещает, что эта книга когда-то принадлежала Михаилу Ивановичу Семевскому. В его домашней библиотеке она хранилась в пятом отделе и имела порядковый номер 3051. Кроме того экслибрис устанавливает точную дату основания этого домашнего собрания – 11 июля 1855 года. М.И.Семевский является известной личностью. Историк и литератор, он в 1870 году основывает и издает журнал «Русская старина». Ему первым удалось осуществить наиболее полное издание «Жизни и приключений Андрея Болотова» (1870-1873). А библиофилы многих поколений знали и знают этого человека как публикатора известного альбома «Знакомые» (1888), содержащего автобиографические заметки 850 известных своему времени лиц. В библиотеке М.И.Семевского в основном хранились книги о России. Передки в ней были рукописи по новейшей русской истории и литературе.

«Библиотека патронного завода» – такой чернильный оттиск штампа сделан на титульном листе книги П.Естафиева «Новая русская литература» (1907). При желании эта библиотечная печать может многое рассказать вдумчивому книголобу. Например, небезынтересно, что строительство Луганского патронного завода (в недавнем прошлом – ПО «Луганский станкостроительный завод») осуществлялось на базе чугунолитейного предприятия, которое дало рождение городу Луганску. Его закладка состоялась 26 августа 1893 года, а официальное открытие – 6 мая 1895 года. За это короткое время было построено и возведено более 30 зданий и сооружений. Здесь впервые в России широкомасштабно применили электрические передачи по системе постоянного тока. Луганские патронщики опередили своих петербургских конкурентов, используя для отжига изделий муфельные генераторные печи, отказавшись от обычных печей, нагреваемых древесным углем.

Это всего лишь крупницы исторических фактов, скрытых за обыкновенным штемпельным оттиском заводской библиотеки.

Кстати, библиотека Луганского завода – была старейшиной среди подобных учреждений Луганщины. Судя по архивным документам, она, с небольшой долей предположения, была организована в периоде между февралем 1822 года и октябрем 1826 года, когда заводом руководил Гесс де Кальве. К сожалению, с недавней гибелью станкостроительного предприятия погибла и библиотека.

Вызывает интерес карандашная пометка анонима на 3 странице обложки книги А.Размадзе «Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани», изданной в Киеве (1896): «Этот экземпляр в 1915 году просматривали дочери Императора Николая II». Человек, сделавший эту надпись, конечно, не мог предполагать, что вскоре трагедия постигнет не только безвинных читательниц этой книги, но и всю царскую семью.



Для местных краеведов определенным стимулом к началу разысканий послужит столичное издание «Словаря исторического и социально-политического» (1906) или, скорее всего, владельческая атрибутика этой книги. Печать и экслибрис дают первичную информацию: книга принадлежала луганчанину Дмитрию Николаевичу Шимковичу, жившему по улице Садовой, 51, в собственном доме. Мне пока лишь удалось выяснить, что Д.Н.Шимкович в 1914 году был мировым судьей 2 участка Луганска. В первый год существования (1907-1908) городской общественной библиотеки им. Н.В. Гоголя он состоял в списках ее членов. Эти скудные сведения о дореволюционном луганском книголюбе, конечно же, требуют дополнения.

Этот беглый обзор «запятнанных» книг из фонда главной луганской библиотеки с удовольствием дополняю более расширенными рассказами о трех библиотечных изданиях, имеющих пометы, и их авторах.

Автограф на титульном листе книги

Один известный книговед с неравнодушной душой к библиофильству однажды заметил: «Книжные дарственные надписи... Нередко именно в них и прорывается подлинное чувство, обнажается душа автора. Такие надписи – бесценный источник для исследователей. Поэтому давайте смотреть на дарственные автографы по-серьезному, не только как на безделицу, дитя летучего случая».

Как уже отмечалось, на стеллажных полках сектора редких и ценных изданий Луганской областной универсальной научной библиотеки им. А.М.Горького хранится целый ряд книжных изданий с авторскими автографами. И среди них издание поэмы И.Днепровского «Донбасс», которое осуществлено в 1922 году Каменским филиалом Всеукраинского государственного издательства. Тираж его не так уж велик – 1000 экземпляров.

На первый взгляд, в дарственной надписи автора на титульном листе этой своей книги совершенно не чувствуется «обнажение души» дарителя. Писательский автограф лаконичен и сух: «Вчителеві моему М.А.Плевако. Автор 17/ч 923 Харків». И все же он многое может поведать, если взглянуть на него «по-серьезному».

Писательское имя Ивана Даниловича Днепровского (1895 – 1934), настоящая фамилия которого – Шевченко, в 20-30 годах прошлого столетия было хорошо знакомо украинскому читателю. Родился он в крестьянской семье. Печататься начал в 1916 году, помещая во фронтовой газете «Армейский вестник» свои «Окопные песни». Военное лихолетье (1916 – 1918 гг.) находился на фронте. А в 1919 году поступает учиться на историко-филологический факультет Каменец-Подольского государственного украинского университета. Учебу завершает в 1923 году после реорганизации университета в институт народного просвещения. С 1921 года свои произведения И. Днепровский создает лишь на украинском языке, которым, кстати, написана и поэма «Донбасс». Библиография книжных изданий И.Днепровского довольно обширна: сборники стихов «Донбас» (1922), «Добридень, Ленін», «Плуг» (1924); пьесы «Любов і дим» (1925), «Яблуневий полон» (1926, 1928, 1964), «Шахта „Марія“» (1931); рассказы и повести «Заради неї» (1927), «Долина угрів» (1928), «Анатема», «Андрій Хомут», «Березень», «Яхта „Софія“» (1930), «Балет у главоверха», «Фаланга» (1931),



«Ацельдама», «Дніпро закований» (1932). Был даже издан трехтомник его произведений (Харьков – Полтава, 1931 – 1933 гг.).

Содержание поэмы «Донбасс» коротко, в двух предложениях раскрыл в одной из своих работ известный украинский литературовед и публицист И. Дзюба: «1922 року виходить поема Івана Дніпровського “Донбас”, герой якої – шахтар з діда-прадіда, відзначився як воєнком у війні з біляками, але попався на гачок такої собі буржуазної панни, зрадив революцію і за присудом ревтрибуналу був розстріляний. Такі екстремальні сюжети – нехитра спроба заінтригувати й розчулити читача – були модними і стали попередником пізніших сюжетів про шкідників і шпигунів, ворогів народу». Короче и не опишешь.

Стоит отметить, что И. Днепроvский первый из поэтов посвятил большую поэму Донбассу.

Адресат автографа – Николай Антонович Плевако – читал курс истории украинской литературы в Каменец-Подольском университете в 1919-1920 годах. В университетских стенах и произошла первая встреча И. Днепроvского с ним как с преподавателем. Позже их жизненные пути сошлись уже в Харькове, где Н.А. Плевако работал в Институте народного просвещения и позже возглавлял кабинет библиографии Института Тараса Шевченко. В этот город, который был в то время столицей Украины, в 1923 году переезжает со своей женой и И. Днепроvский. Здесь он работает в Госиздательстве.

Профессор Н.А. Плевако был известным библиографом, литературоведом и шевченковедом в Украине. Он составил обширную библиографическую картотеку по истории украинского языка, литературы и культуры. Эта бесценная наработка ученого сегодня бережно хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского.

Судьбы этих двух людей не отличились благосклонностью. И. Днепроvский умер 1 декабря 1934 года в Ялте от туберкулеза. Смерть спасла писателя от репрессий, но его творчество, его книги были на многие годы исключены из украинской литературы. Даже литературоведам приходилось с большой осторожностью упоминать его писательское имя в своих работах. Основной причиной этого послужила принадлежность И. Днепроvского к «Вольной академии пролетарской литературы» (ВАПЛИТЕ), которая просуществовала немногим более двух лет и советской властью считалась националистической группировкой.

Н.А. Плевако в 1938 году (он тогда работал в Киеве в Академии наук Украины) был арестован и по решению суда сослан в Казахстан. Там его жизнь оборвалась 11 апреля 1941 года при невыясненных обстоятельствах.

Может быть, этот чудом сохранный автограф как раз и будет тем главным звеном, которое напoмнит потомкам о двух талантливых украинцах, один из которых, автор автографа, был неравнодушен к Донбассу.

Портретный экслибрис на форзаце

Книги из личных библиотек известных людей творческих профессий в большинстве случаев не отличаются безликостью. Для библиофильской души они почти всегда желанны. И причин этому не так уж мало. Ну, во-первых, на этих печатных изданиях даже по прошествии многих лет сохраняется тепло рук их прежних владельцев, во-вторых, такие книги могут много рассказать



об их читательских вкусах, в-третьих – у библиофила всегда теплится надежда обнаружить под обложкой какие-то неожиданности: владельческие пометы, вкладные записи, автограф известного лица или, на худой случай, вложенную газетную вырезку удаленных годов... Опытные книжники, конечно же, расширят перечень подобных находок.

Встречу с одним из таких книжных изданий однажды мне пощадрило очередное посещение сектора редких и ценных изданий Луганской областной универсальной научной библиотеки им. М.Горького. Большеформатный том, но не теряющий из-за этого своего полиграфического изящества, с «Дневником путешествий в Московии» И. Корба, изданный Сувориным в 1906 году, когда обитал в библиотеке интереснейшего и популярного в свое время человека – Власа Михайловича Дорошевича (1864-1922), писателя, фельетониста, журналиста, театрального критика. Принадлежность книги Дорошевичу подтверждает наклеенный на ее форзаце портретный экслибрис прежнего владельца. По мнению экслибрисистов, этот книжный знак выполнен в начале прошлого столетия художником А. Лео и является первым в России экслибрисом-портретом. Фотография Власа Дорошевича на нем заключена в изящную рамку, под которой на развернутом свитке оригинальным шрифтом написана фамилия владельца книги.

Автор экслибриса Александр Николаевич Лео был довольно плодовитым графиком, в совершенстве владел каллиграфией. Главным его направлением в творчестве было оформление книг, особенно их обложек. Один из его современников отмечал, что в работах художника всегда присутствовали «математическая точность и глубокая тишина: ничего лишнего, растрепанного, тревожного; плоскость листа у него всегда в меру насыщена графическим содержанием». Среди его работ выделяется серийная обложка для «Всемирной литературы». В первые послереволюционные годы в этих обложках выходили книги зарубежных авторов.

В.Дорошевич был внебрачным сыном артистки Соколовой и брошен ею на произвол судьбы. Усыновленный московским приставом Дорошкевичем, он позже выбросил из фамилии приемного отца букву «к» и стал Дорошевичем. Среди его псевдонимов был и такой – «Сын своей матери». Видимо, в нем ему хотелось выплеснуть горечь и иронию по-поводу поступка самого близкого человека.

Влас Дорошевич работал и сотрудничал во многих периодических изданиях старой России: журналах «Будильник» и «Развлечение», газетах «Московский листок», «Биржевые ведомости», «Одесский листок», «Россия»... С начала девятисотых годов Дорошевич, практически, возглавляя сытинскую газету «Русское слово», довел тираж этого издания почти до миллиона экземпляров. Этому способствовала тематическая разнообразность публикуемых материалов и в немалой степени публикации фельетонов самого Дорошевича. «Русское слово», как, оппозиционная газета, была закрыта лишь после революции.

Свои фельетоны В. Дорошевич всегда писал короткими, почти афористическими предложениями. Для построения этих предложений в основном не требовались никакие знаки препинания кроме точки. Читались фельетоны легко и доступно.

В. Дорошевич был автором ряда книг, среди которых большой интерес вызвала «Старая театральная Москва». В советское время, в начале 60-х годов ушедшего столетия, состоялось издание солидного тома его рассказов и очерков.



Много лет В. Дорошевич собирал редчайшие периодические издания, листовки, карикатуры, а также различные документы времен Великой французской революции. В собрании имелся подлинник декрета с подписью Робеспьера, письма Сен-Жюста, Наполеона. Памятником коллекции В. Дорошевич считал номер маратовской газеты «Друг народа» со следами жидкости, напоминающей кровь. Собиратель считал, что этот газетный номер залит собственной кровью Марата. Во что, конечно, верится с трудом. Все это уникальное собрание помещалось в четырех объемных чемоданах. На при-обретение печатных и рукописных свидетельств Великой французской революции Дорошевичем тратились приличные средства, За их сбором он не раз, бывая в Париже, обходил местных антикваров и букинистов.

Судьба собрания трагична. Оно было утеряно самим собирателем. Видимо, этому способствовало болезненное состояние Дорошевича в последние годы его жизни. Известно, что вскоре после окончания гражданской войны известный фельетонист сошел с ума, вообразив себя балериной.

Книги из библиотеки В. Дорошевича до сих пор встречаются библиофилам у букинистов, хотя не так уж часто. А вот кропотливые розыски специалистами его собрания материалов о Великой французской революции к успеху не привели. Даже не были обнаружены какие-либо фрагменты этой ценной коллекции.

«Кобзарь» в переводе портного

Эта книга, взятая с одной из полок стеллажей сектора редких и ценных изданий Луганской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького, и которую я держу в руках, в начале знакомства с ней особенно не поражает. Ее внешность – это скромный рукотворный переплет без всяких опознавательных тиснений и, конечно же, без золоченого обреза. А вот титульный лист книги сразу же вызывает интерес. Во-первых, он извещает, что читателю предстоит знакомство со знаменитым шевченковским «Кобзарем» в переводе на русский язык, а во-вторых, на нем чуть наискосок четким почерком и выцветшими чернилами сделана надпись: «От переводчика И.А. Белоусова. 17/XII 918 г. Москва». Кроме того, мы узнаем, что книжка вышла в свет в 1911 году из типографии И.Н. Кушнерева, в год пятидесятилетия со дня смерти Т.Г. Шевченко.

Возраст книги вызывает уважение. Ведь он равняется целому веку. Но остановимся на надписи. Неужели она сделана собственноручно переводчиком бессмертных строк Тараса Григорьевича Шевченко? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Может быть. Но скорее всего дар переводчика зафиксировал библиотекарь одной из московских библиотек. Ведь пристанищем книг вначале были поочередно две библиотеки столицы бывшего СССР. Об этом свидетельствуют лиловые библиотечные печати.

«Кобзарь», переведенный Иваном Белоусовым, по подсчетам библиографов выдержал, начиная с 1887 года, не менее восьми изданий.

Кто же такой И.А. Белоусов, подаривший русскому читателю общение с правдивыми стихами Т.Г. Шевченко? Кто этот человек, влюблено написавшем в своем предисловии к «Кобзарю» о творчестве пламенного Тараса следующие строки: «...Вся поэзия Шевченко, собранная в одну книгу, под названием «Кобзарь», представляет что-то могучее, широкое, словно Днепр или степи бес-



крайние. От чтения его стихов вместе с грустью в душу вливается бод-рость. Так поют свои былины слепцы-кобзари».

Иван Алексеевич Белоусов родился в 1863 году в трущобном московском районе Зарядье. Профессию выбрал отцовскую – стал портным. Полюбив литературу, бросил портняжество и начал писать стихи. Много печатался. За свою жизнь писатель-самоучка издал шестьдесят шесть книг. О его творчестве сочувственно отзывались Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко. Например, Чехов считал Белоусова «настоящим писателем, и писателем в своем роде единственным, и кроме того человеком очень хорошим». На своей книге «Листопад», вышедшей в издательстве «Скорпион» в 1901 году, И.А. Бунин делает такую дарительную надпись: «Моему сердечному другу старому Ивану Алексеевичу...».

И еще один любопытный факт: на свадьбе скромного портного Ивана Белоусова, писавшего стихи, гуляли такие знаменитости как Чехов и Куприн, Телешов и Гиляровский. Видимо, не только портняжье мастерство привлекало в Белоусове крупных писателей. А к слову сказать, Иван Алексеевич был портным совсем неплохим.

Москвич И.А. Белоусов бывал в Украине. До самозабвения любил стихи Шевченко. Изучив певучий украинский язык, с удовольствием переводит его поэзию, собирает также переводы произведений Т. Шевченко, выполненные другими писателями. Мечтает об издании «Кобзаря» на русском языке в переводах известных поэтов.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня белоусовский перевод «Кобзаря» не может быть оценен высоко. Как отмечал известный литературовед и замечательный детский поэт К.И. Чуковский в своей работе о русских «Кобзарях», «требования в ту пору, когда начинал Белоусов, были совершенно иные, чем ныне, и если с точки зрения этих пониженных требований, отодвинутых ныне в невозвратное прошлое, мы подойдем к переводам Белоусова..., мы должны будем признать, что в историческом плане, для своего времени, соответственно вкусам и требованиям тогдашних читателей они были нисколько не хуже других переводов... и, конечно, сыграли свою положительную роль в деле ознакомления русских читателей хотя бы с тематикой поэзии Шевченко».

Последние годы переводчик «Кобзаря» жил трудно. Но об этом, из-за своей скромности, он ни разу не упомянул в своей книге воспоминаний «Литературная среда». Умер Иван Алексеевич Белоусов в 1930 году.

Удивительна судьба книг! Под их обложками заключено время и рассказ о нем. Время также старит книжку, делает ее в большинстве случаев редкой. То же самое годы проделали с нашим «Кобзарем», нашедшим свое, может быть, не последнее пристанище на книжной полке сектора редких и ценных изданий Луганской областной универсальной научной библиотеки им. М.Горького.

Разговор о различного рода пометах на редких книгах Луганской областной библиотеки можно, продолжить. Но и рассказанное, надеюсь, убеждает неискушенного книголюба, что, повторяя некрасовские слова, «на книге каждое пятно немой свидетель о заслуге».

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ



Олеся Василец

студентка 2-го курса Луганского национального
университета им. Тараса Шевченко

ПОЛУНОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Янтарное утро разбудит –
Твой голос своим серебром,
Палящее солнце погубит
Твой образ разящим теплом.

Твой взгляд лютый гнев успокоит
Метели холодной порой,
В пустыне бродягу напоит
Прохладной и чистой водой.

Заставит уснувшие чувства
Проснуться от долгого сна. –
Не бойся мучительной грусти –
С тобой остается весна!

Она своим легким дыханьем
Напомнит тебе обо мне
И вмиг твои боль и страдания
Останутся только во сне.

Ты станешь звездой полуночной,
Наденешь Венец Божества. –
Мой Ангел, свети этой ночью,
Останься звездой для меня!

ВЕСЕННИЕ КАПЕЛИ

Улететь на небо птицей
Или камнем утонуть...



Пусть мечта моя приснится,
Чтоб хотелось вновь заснуть.

Пусть приснятся мне метели
И уносят пустоту,
Пусть весенние капли
Вновь подарят мне весну!

Ясный день из паутины,
Озаряя все вокруг,
Пусть напишет две картины,
Где любовь и верный друг.

Пусть во сне моем игриво
Пробежится ветерком:
Боже, как она красива,
Но останется лишь сном!

Среди солнечной поляны,
Обрамленной теплотой,
Я для жизни вновь воспряну,
Буду вечно молодой!

КАРНАВАЛ

Под вуалью чёрно-белой
Две горящие свечи.
В центре зала звонко пели
Скрипки тонкие смычки.

А вокруг все танцевали
И кружилась голова.
На балу в центральном зале
Ты прошла возле меня.

Свеч полных полыханье.
Блеск и гордость. Высший свет.
И горячее дыханье,
И двусмысленность бесед.

Все роскошно разодеты,
Дамы в злате и камнях,
В волосах пестреют ленты
И улыбки на устах.



Ты одна стоишь среди зала
В скромном платице своём
И на фоне карнавала
Только ты горишь огнём.

Под вуалью чёрно-белой
Мне видны твои глаза,
Взгляд застенчивый, несмелый
И невинный, как слеза.

Вскоре ты меня заметишь,
Прочитаешь по глазам
И сама себе ответишь
На вопрос из мелодрам.

Ты пройдёшь по центру зала
Буйством красок калатей
И бегоний запоздалых
В первозданности своей.

Незаметно и бесшумно
Мы уйдём с тобой вдвоём.
И закончится безумный
Этот вечер этим днём.

Максим Чумак

студент 4-го курса факультета украинской филологии Луганского
национального университета им. Тараса Шевченко.

МАНЕКЕН

Ни на тверди стою, ни у пропасти;
Ни безветрия нету, ни ветра;
Не добавит мне мужество робости,
Не шепнёт мне на ухо совета.

Гляну влево – сплошные «privetiki»,
А направо – одни расставания.
Что ж вы, ангелы, в душу не светите?
Безразличные вы создания!

Может, выйдет из толпищ обыденных
Непонятный, но не потерянный



Человек с небольшими крыльями
(Только честно, чтоб не приклеены);

Он толкнёт растолстевший шар земной,
Чтоб тот выскользнул из-под ног моих –
Человек, что захочет побыть со мной,
Удивительный, и немножко псих.

ЗАКОНЫ РЫНКА

Правды полные карманы –
Как бы с нею поступить?
Правды запахи не пряны –
Могут душу отравить.

Правда горькая, как редька
И кусючая, как вошь:
Не жалеет, колет метко –
Без перчаток не возьмёшь!

Но на чёрном-чёрном рынке
Высока её цена:
Правда на словах и снимках
Окупается сполна;

И хранится в толстых папках,
В дипломатах и «Делах»,
В переписанных тетрадках,
В несгораемых шкафах.

О былом напоминают
Папок с правдой корешки:
В них и молодая шалость,
И созревшие грешки.

Но не важен для закона
Показатель временной:
Будь то ставки в миллионы
Или связи со шпаной.

Чем упитаннее должность,
Тем правдивее слова:
«И за руки, и за ноги
Отвечает голова».



ТЕТРАДНЫЙ ЛИСТ

Я играю чистый лист;
Ты – карандаши:
Я разложен на столе;
Ты – рисуй, пиши.
Солнце, небо и вода,
Лебеди, цветы:
Всё это во мне живёт,
А художник – ты.

Ты из чистого листа
Сделай конфетти
Или сделай самолёт,
А потом пусти:
Буду радовать тебя,
Падая к ногам,
Будь то или конфетти,
Иль аэроплан.

Но когда пройдёт аффект –
Разожги камин –
Брось меня
И закури:
Вместе подымим.
Все тетрадные листы
Рождены сгорать...
Не печалься, у меня
Толстая тетрадь.

ХУДОЖНИК. ПОКАЗАНИЯ ОЧЕВИДЦА.

– Редко такие встречаются в нашем-то городе;
Он был в берете, носил негустую, но бороду,
И рубашки с отвёрнутым воротом.
Ну-у-у... В пределах правил.

– Чем занимался?

– Людей правил.

Везде таскал с собой кисти, краски –
Улыбки рисовал на лицах прохожим.

– Говорите «улыбки»? Не грим и не маски?



– Я вообще-то не верю в сказки,
Но у него получалось слишком похоже.
– Он мог зарабатывать этим на жизнь?
– Насколько я знаю, художник работал бесплатно,
Да и желающих было, вообще, маловато.
Когда не было вовсе, и он оставался один,
То от нечего делать рисовал на рекламных плакатах.
Уголки, изгибы, морщинки,
Искринки –
В итоге даже задумчивые адвокаты
На этих картинках
Добрили стократно.
– Эх, найти бы его! Чужаками планета полна!
– Не найдёшь... Он намерен шагнул из окна.
И не знает никто, что на это беднягу толкнуло.
Версий много. Меня привлекает одна:
Среди прочего бают, счастливцу луна подмигнула.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКОГО СУПЕРГЕРОЯ

Перевалило, кажется, за семь,
И на моей планете снова ночь.
Чтоб долго воду в ступе не толочь,
Машу рукою: «До свиданья всем».

Мой распорядок дня предельно прост,
Он подошёл к логичному концу.
Спешу домой я к матери-отцу,
Едва наметив свой карьерный рост.

Я столько сделал! Я столько помог!
Весь день в карманах руки продержав,
Я спас десяток мировых держав,
А вот медаль «За мужество» отторг...

Ещё ни разу я не получал
Ту благодарность, что приятна МНЕ –
Дипломчики пылятся на стене,
Медали я давно все растерял.

ПЕГАС-ПУТЕШЕСТВЕННИК



Григорий Ладыженский Германия ОДИН ДЕНЬ В «ЧЁРНОМ ЛЕСУ»

*Вернись, лесной олень,
По моему хотенью!
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью,
Где сосны рвутся в небо,
Где быть живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень!*

*Юрий Энтин, песня из
фильма «Ох, уж эта Настя!»*

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Шварцвальд, крайняя юго-западная территория Германии, – сказочно привлекательная горная страна. Её уютные средневековые городки, хвойные и лиственные рощи, голубоглазые озёра, звонкие ручьи, пенистые водопады, извилистые ущелья, живописные холмы и луга привлекают многие тысячи туристов. Здесь протекают многочисленные реки, например, Неккар – изящный приток могучего Рейна. Здесь же, в Шварцвальде, рождается прекрасный голубой Дунай, в который впадает крошечный Аблах (он же Лаутенбах). Здесь не в диковинку встретить шустрю белку и любопытного зайца. Здесь из окна поезда или авто можно полюбоваться гордым оленем и грациозной косулей. Здесь пасутся какие-то уникальные, живущие только в этом краю, коровы. Здесь, действительно, «сосны рвутся в небо» и невольно верится в то, что в этом «медвежьем углу Германии», как иногда называют Шварцвальд, «быль живёт и небыль». Даже рукотворные вмешательства в природу – инженерные сооружения в виде многочисленных туннелей, мостов, пристанционных сооружений, сети шоссе и железных дорог – выполнены с тактом и чувством меры и не выглядят чуждыми в этих местах. Кстати, название Шварцвальд (в переводе – «Чёрный лес») этому краю дали еловые и сосновые рощи с их тёмной хвоей...

ГИМН БАДЕНВАЙЛЕРУ

Выше я упомянул о средневековых городках, разбросанных по территории Шварцвальда. Подобные небольшие живописные города кто-то называет игрушечными, кто-то карманными, кто-то ещё как-то. Я же именую их пряничными. Так вот, многие из них являются курортными. Чистейший воздух и вода, изумительная природа, пейзажи и ландшафты, многочисленные минеральные и



термальные источники к тому располагают. Одно из достойнейших мест среди прочих городов-курортов Шварцвальда занимает Баденвайлер, ведущий свою историю ещё с античных, древнеримских времён! Недавно мне посчастливилось побывать в этом городке. Помимо прочего, здесь можно полюбоваться небольшим живописным озером, в котором живут огромные карпы, морские черепахи, а по зеркальной глади поверхности скользят чёрные лебеди и утки неведомой породы и необычной окраски. Озеро расположено в роскошном парке с многовековыми деревьями, цветами, кустарниками. Там же, в парке, привлекают внимание древнеримские термы, заложенные два тысячелетия назад. А купальня «Кассиопея», решённая в современном архитектурном стиле!

Любое, самое красочное описание этого города будет страдать неполной достоверностью. Поэтому назову его кратко райским уголком. И замечу, что при местном населении менее четырёх тысяч человек, улицы, скверы, парки, термы (бассейны) городка всегда заполнены людьми – число отдыхающих и туристов заметно превышает здесь количество аборигенов. Ежедневно для них проводится множество культурных мероприятий. Вот передо мной, например, городская афиша на неделю. Предлагается 38(!) различных экскурсий, концертов, встреч, прогулок, танцевальных вечеров и т. д.

Кто-то на досуге подсчитал, что не менее 10% гостей Баденвайлера составляет русскоязычный люд. И эта тенденция тянется ещё с царских времён! Охотно верю этой цифре. Например, в августе 2010 г. в городке проводились вечера и концерты, посвящённые памяти И. С. Тургенева, П. И. Чайковского, А. П. Чехова...

В ГОСТЯХ У ЧЕХОВА

Баденвайлер недаром называют городом Чехова. Здесь в июне-июле 1904 года несколько недель жил, а точнее сказать, угасал один из популярнейших в Европе русских писателей – А. П. Чехов. Его супруга Ольга Леонардовна Книппер привезла Антона Павловича сюда, на популярнейший курорт Европы, с надеждой вылечить от беспощадного туберкулёза, которым доктор Чехов страдал на протяжении половины своей непродолжительной (ему было отпущено всего 44 года!) жизни. Но увы, болезнь зашла слишком далеко. В те годы, когда ещё не были изобретены антибиотики, значительная часть больных чахоткой, да ещё в последней стадии, могли считать себя обречёнными. Туберкулёз у Чехова, осложнённый «букетом» сопутствующих заболеваний, зашёл слишком далеко. В 3 часа утра 15 июля 1904 года Антон Павлович попросил подать ему бокал шампанского, выпил его и со словами «Ich sterbe» («я умираю»), чтобы понял находившийся тут же врач-немец, повернулся на левый бок и скончался. Слово поэту Юрию Левитанскому:

Шампанским наполнен бокал,
Июльская ночь на ущербе.
Прощай, Баденвайлер, ich sterbe!
И допит последний глоток.

Немецкий уснул городок.
Подумай, какая досада!
Лишь ветки вишнёвого сада
Белеют в июльской ночи...



Здесь же, за четыре года до Чехова, умер от чахотки другой известный писатель – американец Стивен Крейн.

Но сегодня мы рассказываем о нашем великом соотечественнике. Заметим, между прочим, что «партнёром» (побратимом) города-малютки Баденвайлера является российский Таганрог с его четвертьмиллионным населением – город, в котором родился Антон Павлович. Конечно же, это не случайно. Мне довелось «в прошлой жизни» побывать в музеях Чехова в Таганроге и Ялте. А недавно я знакомился с экспозицией Музея Чехова в Баденвайлере, открытого в 1998 году, – единственного западноевропейского музея, посвященного памяти российского писателя.

Подлинных вещей, принадлежавших А. Чехову, в экспозиции буквально раз-два – и обчёлся. Это его пенсне со шнурком, известное, кажется, любителям литературы и театра всего мира, и визитные карточки, на которых кратко значится: «Доктор Чехов». Но в экспозиции много документов, фотографий, картин, афиш, рассказывающих о жизненном и творческом пути большого писателя и драматурга, чьи пьесы по популярности среди европейских театров давно опередили пьесы всех других авторов: он, как говорят, самый «играемый» на Западе русский драматург.

Среди жителей и гостей Баденвайлера Музей Чехова более известен как «Чеховский салон». Здесь нередко собираются литераторы, художники, краеведы, историки, театральные деятели разных стран, чтобы обсудить насущные проблемы искусства, литературы, истории.

Спустя четыре года после кончины А. П. Чехова в Баденвайлере побывала представительная делегация российских деятелей культуры и литературы, включая группу артистов Московского художественного театра – театра Чехова – во главе с К. С. Станиславским. В те дни в городе был воздвигнут памятник писателю – бронзовый бюст. Это был первый памятник русскому человеку, установленный за рубежом России. Справедливости ради отметим, что в годы I Мировой войны бюст был варварски демонтирован и переплавлен для военных нужд (!). Впрочем, несколько лет назад справедливость восторжествовала, был отлит новый бюст почти в прежнем виде (на уничтоженном памятнике А. Чехов был представлен в шляпе, на восстановленном – без). Бюст писателя установлен на пьедестале по соседству с историческими руинами – остатками стены средневекового замка, на холме, откуда открывается великолепный вид на окружающую местность. Но это – не единственный мемориал в городе, посвященный памяти гениального писателя.

Семь лет назад, к 100-летию со дня кончины великого гуманиста, в центре Баденвайлера появилась площадь Антона Чехова – маленькая, уютная, с удобными скамьями. Конечно, это была не новая площадь, а переименованная. Но местный народ быстро привык к новому названию. Хотя пока ещё далеко не все усвоили, в честь кого переименована площадь... Почему именно эта площадь, одна из центральных в городке, была наречена в честь русского писателя? Главная причина – в том, что на площадь фасадом выходит больница, в которой провёл последние дни жизни Антон Павлович. Так что частью мемориала можно считать и больничный корпус (кстати, больница занимает это здание и по сейчас). Рядом с окном и балконом на 2-м этаже, принадлежащими чеховской палате, на фасадной стене установлена мемориальная доска в виде круглого ме-



таллического медальона. В нескольких метрах от фасада корпуса растут молодые вишнёвые деревья, символизирующие чеховский «Вишнёвый сад». Рядом стоит серебристая колонна, к вершине которой кончиком крыла прикасается как бы взмывающая вверх чайка из позолоченного металла – символ чеховской «Чайки». На синей табличке-указателе начертано на немецком языке: «Anton Tschchow Platz».

Всё это – своеобразный подарок Баденвайлеру от уральского Екатеринбургa и Свердловской области. В открытии мемориала принимал участие губернатор Свердловской области Эдуард Россель, кстати, этнический немец.

К столетию памятной даты Московский художественный театр (сейчас, как и при Чехове, он называется МХТ), представил в Курзале Баденвейлера спектакль «Чайка» по пьесе А. Чехова. В спектакле принимали участие ведущие артисты театра: Евгений Миронов, Ирина Мирошниченко, Владлен Давыдов... Зал на 800 мест был переполнен. На спектакль пришли отдыхающие на курорте, пришли местные жители, приехали гости, живущие в городах соседних стран – Швейцарии, Франции, Австрии, интересующиеся русской литературой и русским искусством. Присутствовал на спектакле, разумеется, и Э. Россель. А ещё смотрела спектакль наша соотечественница Нелли Познер, петербурженка, ныне живущая в некоронованной столице Шварцвальда – средневековом Фрайбурге, одна из интереснейших личностей, с которыми мне доводилось общаться. Она-то и провела нас – меня и своих гостей из С.-Петербурга – в тот августовский день по сказочному Баденвайлеру, по его чеховским местам. Она-то и познакомила нас тогда с многочисленными интересными сведениями, лишь малую толику которых, наряду со своими собственными впечатлениями, я привёл в своём очерке. А рассказ о самой Нелли Евгеньевне – в моей следующей публикации.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В своей прошлой жизни – а проработал я несколько десятков лет испытателем тепловозов – мне много приходилось ездить по командировкам. И часто не одному, а в составе испытательных бригад. И как-то я предложил своим спутникам по очередной поездке такую интеллектуальную игру – составить списки из десятка, по мнению того или иного участника, лучших произведений русских писателей, лучших картин русских художников, лучших творений русских композиторов и т. д. Предложение было принято. И в моём литературном списке, среди «Демона» и «Мёртвых душ», «Обрыва» и «Отцов и детей», «Евгения Онегина» и «Гранатового браслета» достойное место занял небольшой рассказ А.Чехова «Ионыч». Перечитанный мною десятки раз, знакомый едва ли не на память, рассказ этот бесконечно притягивает меня. На нескольких страницах гений Чехова смог рассказать фактически историю двух семей: ведь главный герой, холостяк, доктор Дмитрий Ионыч Старцев – это тоже семья. После каждого прочтения «Ионыча», как это часто бывает с чеховскими произведениями, хочется смеяться и плакать. Да, в рассказе нет убийств, самоубийств и даже серьёзных страданий. Но, не совершив физического убийства, Старцев методически, со страницы на страницу, убивает собственную душу. И это страшно, страшно своей безысходностью и неумолимостью. И бесконечно печально...



Андрей Медведенко Луганск

НЕБЕСНЫЙ ЗНАК

Размышления над творчеством Владимира Спектора

Впервые с Владимиром Спектором мы встретились ещё в середине 70-х годов прошлого столетия на семинаре у известного поэта Иосифа Курлата. Это был редкостный наставник, любивший «возиться» с творческой молодёжью. А потом было совещание молодых литераторов в Харькове, где я дал рекомендацию своему другу и коллеге для вступления в Национальный союз писателей Украины. Уже тогда мне по душе была философская направленность его поэзии, идущая от жизни, а не «высосанная из пальца».

Всему свой срок. И снова листопад,
Донбасский воздух терпок и морозен.
Не так уж много лет назад
Неотвратимым был парад,
И улиц лик – орденосен.
Всему свой срок. Кочевью и жнивью,
Закату и последнему восходу.
Всему свой срок. И правде, и вранью
И нам с тобой, живущим не в раю,
А здесь, среди дыханья несвободы

Действительно, всему свой срок. Сегодня поэт Владимир Спектор известен в Луганске, Киеве и Москве, он возглавляет одну из писательских организаций, сохраняя порядочность, скромность и доброжелательность. Вообще, если посмотреть на мир поэзии пристальнее, можно разделить его на две части: для одних поэзия – дело чисто любительское, для других – судьба. Трудно не согласиться с тем, что для Спектора поэзия – это судьба. Какие бы волны не швыряли его, не били о берег непонимания, зависти, равнодушия и пошлости, он всегда оставался самим собой, шёл прямо и бескомпромиссно к своей цели. А она у него одна: быть мастером поэтического слова на территории любви, на территории борьбы за человеческое счастье. Казалось бы, в его стихах всё сказано просто, но, в то же время, и глубоко. Это глубокая простота не всем доступ-



на, отсюда и суровая ухабистость начала его творческого пути, но и уверенное осознание того, что впереди – простор непознаваемый, и назначение поэта – не только познать его, но и открыть людям.

Тот факт, что лишь в 39 лет вышла его первая книга «Старые долги», мне говорит не только об издательских мытарствах, но и о том, что юбиляр с самого начала свято относится к Слову и, может быть, слишком требовательно. Хотя большая требовательность к себе, как к поэту, ещё никому не навредила. Владимир Спектор вошёл в поэзию из конструкторского бюро тепловозостроительного завода, где работал ведущим конструктором, занимаясь мудрёными гидравлическими и теплотехническими расчётами, а также изобретательским творчеством (которое в чём-то сродни поэзии). Пройдя закалку в прославленном трудовом коллективе, с первых стихов он не играл в рифмы, а корпел над художественностью и содержанием, поднимая планку мастерства от книги к книге. И упорный труд увенчался успехом. Его поэзия обрела свой голос, чем-то похожий на тревожный гудок локомотива, мчащего по рельсам современной жизни, то легко, то натружено, преодолевая тяжкие перегрузки времени, где порывом чувств, а где – хладнокровной аналитичностью.

Ярость разбитых дорог,
Старость забытых путей.
Молча шагает Бог
Среди своих детей.
Музыка громко кричит,
Сад это или ад?
Не помяная обид, –
Только вперёд, не назад.
Только вперёд, туда,
Где среди всех дорог
В сёла и в города
Совість идёт, как Бог.

До чего волнительно и правдиво! И потому веришь этим словам, хоть понимаешь, насколько трудно в этом мире быть искренним и правдивым. Но только так можно передать своё чувство, своё воззрение на жизнь и людей. И прав был Сергей Есенин, когда сказал:

Быть поэтом – это значит тоже, если правду жизни не нарушить, рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души.

А вот - стихотворение другой метрики. В нём до того тонкие оттенки чувств, что невозможно их увидеть, постичь разумом. Они взрываются в душе и кажутся бесконечными:

Не убавляя ничего, не добавляя,
На волшебство и торжество не упоая,
А просто принимая, словно дар,
Пространство, где волненья и тревоги
Бредут, как пилигримы по дороге,
А радость, будто солнечный удар,
Внезапна, горяча и безрассудна...
Жить по любви, казалось бы, не трудно,



Но души, что закрыты на замок,
Таят в себе ответы на вопросы.
Не дождь на землю выпадает – слёзы,
И воздух чёрствый, хоть и весь промок.

И это тоже Владимир Спектор. Здесь много того, что даётся, на мой взгляд, тончайшей проницательностью и восприимчивостью, как бы внутренним потоком сознания. С каждой книгой таких элементов у автора всё больше. Почти всё творчество поэта носит философский характер, но если бы в его сознательное осмысление того или иного образа не врывалась какая-то Божественная сила, действующая в подсознании, стихи были бы простой констатацией факта.

«Давно было замечено, – говорит Шиллинг, – что в искусстве не всё делается сознательно, что с сознательной деятельностью должна соединяться и бессознательная сила, и что только полное слияние и взаимодействие их создаёт великое искусство». На мой взгляд, эти слова имеют прямое отношение к юбилею. Да и сам В.Спектор этого не скрывает:

Я не знаю, за что и как,
Я не знаю, зачем и где.
Но сияет небесный знак,
Отражаясь в земной воде.

Известно, что чаще всего настоящее творчество начинается с ощущения своего детства, своей малой родины, своего времени. Читая Спектора, по-настоящему окунаешься в эпоху второй половины минувшего века, ощущаешь аромат дуганских улиц, дворов, парков, который слышен в его стихах и сегодня, соединяя прошлое и настоящее, проявляя тревогу за будущее.

Запах «Красной Москвы» –
середина двадцатого века.
Время – «после войны».
Время движется только вперёд.
На углу возле рынка –
С весёлым баяном калека.
Он танцует без ног,
он без голоса песни поёт...
Это – в памяти всё у меня,
У всего поколенья.
Мы друг друга в толпе
Мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
мелькает незваную тенью
И по запаху «Красной Москвы»
В подсознание своём...

Как у каждого настоящего поэта, у Владимира Спектора есть и пронзительные, трогательные строки о любви, без которой невозможно любое творчество. И ещё у этих строк есть такие качества, как искренность и доброта. И поэтому им веришь.

Самолёты летают реже.
Только небо не стало чище.



И по-прежнему взгляды ищут
Свет любви или свет надежды.
Самолёты летят по кругу.
Возвращаются новые лица.
Но пока ещё сердце стучится,
Мы с тобою нужны друг другу.

Жизненный путь Владимира Спектора подошёл к новому рубежу, за которым талант подкрепляется зрелостью и мудростью прожитых лет. Он – автор 20 книг поэзии и публицистики, лауреат нескольких престижных литературных премий, среди которых – имени Юрия Долгорукого, «Облака» имени Сергея Михалкова, имени Николая Тихонова. В этом – признание мастерства и таланта. Он – сопредседатель Конгресса литераторов Украины, главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант», член исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов (Москва). В своих журналистских статьях он рассказывает не только о литературных событиях, но и о сегодняшнем дне украинских железных дорог, о тепловозостроительном заводе, о предприятиях, которые становятся гордостью региона, таких, как «Трансмаш», «Колумб», многих других.

Судя по его общественной и писательской деятельности, по новой книге «Ожидание чуда», можно с уверенностью сказать, что Владимир Спектор – в расцвете творческих сил, а, значит, впереди – ещё много побед и чудесных свершений. Желаю, чтобы долго-долго его вдохновенное перо из конца строки переходило в начало, создавая всё новые и новые произведения, радующие читателей.

Мирослава Радецкая Луганск

ТРЕТЬЯ КНИГА «ПОЭТА ОТ СТАНКА»

МИХАИЛА КОРОБКИ

«МИ – ДІТИ ВІЙНИ, МИ – ДІТИ ЛЮБОВІ»

«Поэт от станка» так называлась наша рецензия в газете «Культура Донбаса», напечатанная еще в 2005 году. Она анализирует стихи первой и второй книг Михаила Коробки в единстве биографии моряка и рабочего-многостаночника и его художественного мира, поэта, пишущего на русском и украинском языках, как и подобает коренному луганчанину, потомку запорожских казаков.

Прошел период накопления материала для третьей книги стихов: публикации в коллективных сборниках, выступления с чтением стихов в литературной гостиной «Светлица», творческое сотрудничество с композиторами Валентином Ерохиным, Андреем Ширяевым, Александром Дубровым, написавшими музыку на тексты его стихов.

В третьей книге стихов «Ми – діти війни, ми – діти любові» Михаил Коробка предстает как член Межрегионального союза писателей Украины, член Конгресса литераторов Украины. Редактор книги и автор предисловия к ней «Друге цвітіння» – известный поэт, член Национального союза писателей Украины Иван Низовой. Оно не просто аналитический разбор поэтического слова, а скорее вдохновенная поэтическая речь о родственной душе стихотворца, в жиз-



ни и поэзии пережившего вторую молодость, «второе цветение», чуждое серой скуке будней. Во многом оно определяется музой поэта, женой и другом, художественным редактором его сборника стихотворений – Светланой. Сборник состоит из трех разделов: разножанровых стихов, переводов из Сергея Есенина, Валентины Лаптевой и Павла Шубина и лироэпической поэмы, тематически близкой циклу стихов.

Первый раздел состоит из сорока одного лирического стихотворения в жанре гражданской, интимной, философской, пейзажной лирики и посвящений. Открывается сборник декларативно-гражданским кредо «Тем горжусь, что рабочий». В оформлении сборника, в поэтике его лейтмотивом проходит образ вишни, цветущей и созревшей, наполненной алым соком:

Колыбельную пел мне Луганск
Под пылающей вишней в Камброде.

В стихах поэта синтезированы любовь к Украине, малой Родине – Луганску и прославление труда («и в песне, и в прозе») «Лугасктепловоза», которому отданы полстолетия активной работы, вплоть до недавней реставрации английских танков, украсивших центр города. Завершается стихотворение-кредо оптимистическим заверением: «Внуков наших счастливыми вырастим».

На украинском языке написано еще одно гражданственно-политическое стихотворение, положенное на музыку Александром Дубровым. В понятие украинской земли для поэта входит «батько і мати, і сивий Дніпро». Не доля «Велику Державу» на «Захід і Схід», поэт бросает вызов шовинистам-лжепатриотам: «Як серце єдине, що Богом нам дане, / Мою Україну не смійте ділити». Он просит у Бога счастья, завершая стихотворный гимн лозунгом: «Живи, Україно, цвіти, Україно, / Імення твоє я у серці несу».

В гражданскую лирику Михаила Коробки с проблематикой «За небо мирное спасибо» вошла тема Победы с метафорами военной лексики: «Шагает май зеленый по земле / Размеренным солдатским четким шагом». И приметы дня Победы – в мирной послевоенной стройке, которую принес «солдат в простой защитной гимнастерке». Публицистический пафос этой темы пронизывает строки стихотворения: «Пишет мать ответ на поздравленье / Командира почты войсковой». Простая славянская женщина воспитала сына-защитника Отчизны, и со слезами счастья она пишет о сыновьях-часовых мира. Тема материнства в стихах неотделима от патриотического пафоса и памяти босоногого детства. Лирический герой стихотворения «Ти в моєму житті» завершает его декларативно-лозунговым утверждением: «Нехай пісня моя / Над землею луна – / Як люблю я тебе, Батьківчино!»

Тема труда – одна из ведущих тем лирики «поэта от станка». Его лирический герой в рабочей робе возражает против навешивания человеку труда политических кличек, вроде «краснопузый» или «Бандера». С притчевой символикой поэт рисует силу массы, противостоящей любому хищнику: «будь и бескрылою птицей, / Я в тучу могу превратиться». В песне и прозе Михаил Коробка славит труд реставратора британских танков, но есть у него стихотворение с дерзким заглавием «Через невозможное – вперед», в котором с мягким юмором речь ведется о радующей многих продукции кондитерского комбината, творящего «шоколадно-ореховые брызги» печенья, конфет и тортов. С таким же мягким



бытовым юмором в стихотворении «Коллега» пишется о «вечном» рабочем стаже шестидесятилетнего труженика, чередующего чтение чертежей «на шквивы и на гайки» с байками в дыму от «Тройки» и «Королевским» чаем. И все это на фоне Млечного пути и «очень звездных ночей» «Над Луганью в Камброе».

Пейзаж – живет и дышит как органический элемент бытия в сборнике – пейзаж песенно-фольклорный, современно-индустриальный, космический. Иногда это целостная картина, но чаще – реалии слобожанского пейзажа: «степ ковиловий дитинства мого», степь «ковыли да зной», «лани неозорі, у золоті ниви», «у позолоті осінь на дворі», «и багряним ковром твои листья лежат, / золотая моя, несравненная осень», «волшебная луна».

Мелодика стихотворения «На високім дереві сивий птах» навеяла композитору Андрею Дуброву ритмы его одноименной песни на фольклорный мотив грусти уходящего лета:

Пролетіло лігечко Ось зима вже листячко
на біду, заміта,
Вже опале листячко Ні до кого молодість
вітер дзв... не верта.

Разбивка текста «лесенкой» усиливает песенный ритм стиха. Острая наблюдательность присуща реалиям пейзажей в «Воспоминании»: «Ветер стих, нашел забвеньє / В травах у земли. / А вверху качались сосны / В синих небесах». В степной пейзаж вольницы-слободы органически вплетается алая цветочная гамма: «Кажутся маки каплями крови», «А за курганом море тюльпанов / Да алый свет зари». В этом же пейзаже заключена символика цветов знаменитриколора: алые маки на Белой горе, да синий курган вдали.

Из четырех времен года поэт отдает предпочтение ранней золотой, а не поздней слякотной осени. Но с юмором предстает в стихах и мартовский «разбег» весны со смеющимися лесными ивами. Декларативно стихотворное обращение «Весна, со мной поговори» с ее романтическими эпитетами и метафорами: «свет таинственной зари» и «грезы вешние зардели». Оптимистическая мысль завершает «пейзаж души»: «И никому года не в счет, / Пока весну встречать мы рады». Поэт, родившийся в мае, воспевае майский знак зодиака-Тельца «зелен-май» с искрящейся на траве росой и синевой бирюзы в глазах влюбленных. Одной из философских миниатюр поэт выразил глобальное видение природы и человека:

Как в небо птица,
Душа стремится
С природой слиться.

В плане хронологическом, жанровом и тематическом стихи первого раздела сборника «распорощены». Поэтический мир автора стал бы прозрачнее, если бы они были собраны воедино, как собраны в ней переводы автора, послания, лирика пейзажная, интимная, гражданская. Михаил Коробка – лирик скорее традиционалист, чем новатор, по форме и проблемно-тематическом наполнении стиха. Несколько вольное обращение поэта с рифмой не помешало прекрасному композитору Валентину Ерохину на текст его «Города на Днепре» создать историко-патриотическую песню балладного звучания.

Широк в книге поэта спектр посвящений – от гимна «Есть в Луганске



Олимп у поэтов» и посвящений друзьям-коллегам по поэтическому цеху до интима самой любимой – «Діамантова ніч» и дедовской нежности «Внученьке Владлене» и внуку «Милославу». Первое из названных посвящений об Олимпе – клубе творческой интеллигенции «Светлица». Напрасно искать в стихах живых реалий, зато богаты они символикой-обобщениями: «В нашем клубе богатые люди / И добры, как весеннее солнце». Аура «Олимпа» передана через гиперболы желаемого: «Здесь звенит несмолкаемо лира... / Чай заваривать Муза нам будет...» Гимн луганскому «Олимпу» поэтов воспеваает идеальную модель литературной гостини творческого союза.

Идеальная модель творческой личности конструируется в послании, посвященном памяти поэта Вячеслава Ксенина, воспевшего суверенную Украину, чем он обессмертил свое имя, уже взлетев журавлем в мир иной. Четкой концептуальностью отмечено послание Ивану Низовому, царю и Богу на поэтической вершине, устремленному в будущее Украины. Шутливой дружеской комплементарностью проникнуты строки, посвященные автору этой статьи – луганской «Фелице / с чистым сердцем и доброй душой». Искренним чувством, оригинальной песенной ритмикой, ласкательной лексикой пронизаны посвящения внукам. Владлена – внученька-кровинка, росинка, лада, диво, отрада, радость и грустинка. Внук Милослав на руках деда – диво из див, посланец мартовской небесной синевы.

Диапазон стихов, выбранных для переводов, свидетельствует о широте интересов Коробки как переводчика. С одной стороны, известнейшие стихотворения Сергея Есенина, включая последние его предсмертные строки. Здесь же переводы стихотворений нашего земляка по региону Павла Шубина и, наконец, трогательно-прекрасные стихи поэтессы из Красного Луча Валентины Лаптевой, отмеченные безупречностью ритмики и рифмы, трогательностью и прозрачностью мысли. Переводы нашего автора радуют точностью без буквализма передачи поэтической мысли, художественной формы стиха, проникновением в поэтический мир переводимого автора.

Мотивы интимной лирики, в частности, «золотой, несравненной осени», проходят через многие стихотворения сборника, как выражение чувства гуманного, светлого и оптимистического. Но четыре стихотворения образуют несобранный цикл, посвященный жене и другу, героине второго сборника стихотворений поэта «Мне быть в твоём плену приятно». Проверенное временем чувство откристаллизовалось в мир воспоминаний. Так и называется стихотворение цикла, подкупающее простотой и сердечностью строк, быть может, о первом поцелуе. Какая трогательная житейская ситуация: «Как мы по лесу бродили / В поисках грибов / И друг другу говорили / Про свою любовь». И какой, неожиданно космический, героический финал, даже с некоторым пренебрежением к точности рифмы: «Вспомни обо мне. / И на самый край Вселенной / Я примчусь к тебе».

Непосредственность и свежесть чувств переносят героев «Луганского вальса» – и это тонко почувствовал автор музыки к нему Андрей Ширяев – в мир раскрепощенных эмоций юности. Наблюдательный глаз поэта-художника видит сияющее улыбкой личико, колечко с бриллиантом и платье не из ситчика. А он «становился опять юным франтом», «новобранцем, / приглашенным на танец любовью». Музыка передает истинную ауру вечной влюбленности, как и сами стихи поэта.

«Діамантова ніч» – пейзажно-интимная лирика полной гармонии слияния



душ влюбленных и весеннего неба в алмазах звездных россыпей. Это вечное утро любви после ночи с желанной, поцелуя, солнечного луча и зацветшего у крыльца абрикоса. И ночь эта с рассветом – «Навіки, назавжди!» Напомним, что время в хронотопе любовной лирики поэта – космическое. Столь же сказочное в этом хронотопе место действия: волшебный город под волшебной луной, где обитает Она, «милая принцесса». И как по-человечески проста, добра и мудра мысль стихов:

Земля моя чудес полна,
Но как приятно, люди,
Всю жизнь свою отдать сполна
Тому, кого мы любим!

Завершает книгу стихов Михаила Коробки небольшая лиро-эпическая поэма, давшая ей название, построенное на антитезе, – «Ми – діти війни, ми – діти любові». Она состоит из пяти разных по ритмике и способу рифмовки фрагментов с различной проблематикой: ребенок и война, материнство и война, судьбы семьи и народа и война, весна Победы, ее наследие в нравственном и политическом ракурсе. Последний – наиболее мучительный и тревожный источник раздумий поэта. Какой трагический контраст в самом сопоставлении понятий «любовь» и «война», «дети войны» и «любви».

Трагедийным рефреном проходят через поэму картины облетающего цвета вишни и горящей во дворе хаты, сына, рожденного в ковыльной степи, возвращение отца с фронта и третье за годы войны цветенье вишен... И от множества «проклятых вопросов», поставленных современностью, автор поэмы приходит к универсальному ответу в ее финале:

Єднайся, народе, в єдину родину.
Шануймо і славим свою Батьківщину.

Иван Чалый Луганск «ЛУГАНЬ-ТИХАЯ СОСНА»

О коллективном украинско-русском литературном сборнике

О названии очередного (12-го по счету) сборника в литературно-интеллектуальном клубе «ЛИНК», который проводит свои заседания в филиале № 4 Центральной городской библиотеки на квартале Жукова, споры не утихали вплоть до выхода книги в свет. Название на первый взгляд незатейливое – «Лугань – Тихая Сосна». Если «Лугань» в нашем понимании ассоциировалось со спокойной, небольшой речкой, то «Тихая Сосна» как-то не укладывалось в это сочетание. Аргументов «за» и «против» было предостаточно. Но, когда выяснилось, что Тихая Сосна – это живописная река, только в Алексеевке Белгородской области, тогда вопрос с названием решился сам собой.

Почему были важны эти дебаты? Дело в том, что впервые после распада Советского Союза в нашей области издавался совместный сборник российских и украинских авторов. По инициативе П. М. Алексеенко из России при поддержке



Ю.В. Цыганкова-Серебрякова (руководителя клуба «ЛИНК») было предложено членам Луганского «ЛИНК» и литературного объединения «Крыло» города Алексеевка Белгородской области объединить усилия по подготовке к изданию совместной книги. И во второй половине 2010 года сборник вышел из печати в луганском издательстве «Янтарь» тиражом 260 экземпляров.

Интересна компоновка книги. Начинается она с исследований С. Афанасьевского маршрута похода князя Игоря против половцев в 1185 году с его историческим призывом «хочу либо голову сложить, либо шеломом испить из Дона великого». «Мы пытаемся доказать, – утверждает С. Афанасьевский, – что от района нынешнего Купянска или даже севернее Игорь шел не на юг, но следовал строго на восток. На его пути были две ближайшие водные преграды: река Красная (нынешний Сватовский район) и река Айдар... и в результате наших рассуждений, – подчеркивает автор мы увидели, что, возможно, маршрут князя Игоря проходил через реку Айдар, которая в летописях называлась Сальница, неподалеку от Старобельщины».

Доказательство того, что история нашего края хранит еще немало загадок – аналитический материал А. Люлько и Д. Богатенкова о потерянном городе – втором Славяносербске. Оказывается: он существовал. На основе архивных документов, оригиналы которых приводятся в книге, авторы убедительно подтверждают свою версию.

В. Спектор сделал интересный исторический экскурс в мир бизнесменов 19-го века. Я. Смоляренко рассказал об уникальном старинном доме в Луганске и его владельце В.С. Вендеровиче. Представляет интерес публикация П. Алексеенко о футбольных страстях в 1913 году и называется она «Первой была команда «К.Л.И.Ф.»».

Сейчас уже немного приутих зуд к переименованиям. А в начале перестройки дискуссии об этом шли практически во всех периодических изданиях, в передачах радио и телевидения. Не обошлось в этих перетасовках и без нашего города. О перипетиях его переименования – воспоминания Н. Морозовой-Мавроди «Луганск-Ворошиловград-Луганск».

Хотя парк имени Горького, что в областном центре, миновала сея процедура, за то перестроечная разруха, упадок экономики, безответственность и безхозяйственность в полной мере коснулись его деятельности. Он практически прекратил свое существование. А в свое время был любимым местом отдыха луганчан, – об этом, и не только, публицистические размышления Ю. Цыганкова-Серебрякова.

Завершает историческую часть книги «Лугань – Тихая Сосна» воспоминания С. Тишкиной «Контракт», в которых автор с болью в сердце рассказывает о последних агониях когда-то многотысячного, когда-то передового, когда-то прогрессивного Луганского станкостроительного завода имени Ленина.

Вторую часть книги представляют авторы из России, члены литературного объединения «Крыло» из города Алексеевка Белгородской области. Учитывая, что это первое знакомство, целесообразно назвать их имена: Виктория Алая, Юрий Бондаренко, Виталий Канунник, Елена Ковалева, Валентина Колодеюк, Елена Кукса, Евгений Ливада, Леонид Пастухов, Василий Ступниченко, Григорий Харченко, Елена Хмыз, Наталья Шелякина. У себя на Родине члены литобъ-



единения уверенно заявили о себе на литературных праздниках: «Удеревский листопад» (г. Алексеевка – с. Мухо-Удеровка), «Ведрусский посох» (г. Бирюч) в Белгородской области, «Воронцовая Русь» (пос. Каменка), «Калитвянский причал» (г. Россошь), «Батька Дон» (г.Павловск, Воронежской области)... «В различных стихотворных жанрах и номинациях, – пишет в предисловии Виталий Канунник, – дипломов поэтических фестивалей удостоивались Леонид Пастухов, Евгений Ливада, Юрий Бондаренко, Елена Ковалева и автор этих строк».

Большинство поэтов объединения – уроженцы Белгородской области, поэтому в своих произведениях воспевают любовь к Родине, отчему краю, немало прекрасных поэтических строк о красоте и неповторимости российских степных просторов, а также посвящений историческим личностям Белгородщины, в частности, общественному деятелю, поэту и философу Николаю Станкевичу, первооткрывателю подсолнечного масла Данииле Бокареву и др.

Кстати, среди авторов россиян отыскался и наш земляк, который родился в Луганской области – Леонид Пастухов.

Представляет интерес для читателей Украины материал об исторических личностях Слобожанщины: историке, поэте, философе Николае Костомарове и об украинском издателе, поэте и переводчике Олексе (Алексее) Коваленко. Интересен факт из жизни Олексы. В одной из автобиографических заметок он писал на украинском языке: «Син селянина, родився 10 березня 1880 р. в хуторі Власовому Бирюч. пов. (на Вороніжчині)».

В 1903 году Олексу приметил великий украинец Иван Франко и включил стихотворение поэта в альманах «Аккорды». А позже в 1908 году Олекса Коваленко издает поэтическую антологию «Украинская муза», в которую включил до 130 авторов «од початку до наших днів», среди них: Петр Гулак-Артамовский, Евгений Гребинка, Иван Франко, Леся Украинка, Тарас Шевченко, Павло Габовский, Леонид Глебов, Павло Чубинский и другие.

Спустя два года в 1910 году Олекса выпускает три своих сборника стихов «Золотий засів», «Срібні роси», «Спів солов'я». В них автор обращается к высоким помыслам, считая себя «вечным служителем красоты и гармонии».

В заключительной части книги «Лугань – Тихая Сосна» – поэзия и проза луганчан, членов клуба «ЛИНК». В ней представлены новые стихи Ирины Гирляновой, Дмитрия Ткаченко, Ивана Чалого, проза – Мирославы Радецкой, Александры Фрольченковой, Анны Драй, Александра Набоки, Татьяны Забуги-Лариной.

В книге с публикациями выступили и гости клуба «ЛИНК» – кандидат медицинских наук, член Национального союза журналистов и Межрегионального союза писателей Украины Юрий Кукурекин с очерком «Если я умру раньше времени», который посвящен поэтессе, певице, барду Татьяне Снежиной и член Лисичанского литературного объединения «Исток» Таиса Гончарова – с циклом стихотворных юморесок.

Если подвести итог, то можно сказать: совместный труд российских и украинских авторов увенчался успехом. Книга «Лугань – Тихая Сосна» – лучшее тому подтверждение.



Любовь Цай Луганск

ПРО БОРЬКУ

Тавтограмма

Боря бегал босиком,
Безобразник бойкий,
Бил быка большим бичом
Бестолковый Борька.

Боря – бабушки беда,
Баловник безвольный,
Боря – бестолочь, балда,
Безрассудный больно.

Борщ, блины, бельё, базар –
Бабушкино бденье...
Боря – бокс, бравада, бар,
Баловство, брожение...

Балериною была
Бабушка Бориски,
Беззаветно берегла
Барельефы близких...

Было, было... Бенефис,
Бирюза, брильянты,
«Браво!», «бесподобно!», «бис!»,
Бутоньерки, банты...

Бабушкой Борису быть –
Бедствие большое.
Бабушку б боготворить
Бросить бы былое!...



Буйству, беспорядкам – бой!
Брось быстрее бредни!
Будет бабушке больной
Баламутства, бедной...
Боря! Береги бабушку...

МОВНІ РОЗВАГИ. ЗАГАДКИ

№1

Це така дивовижна велика тварина,
Що не може одразу збагнути людина:
Чи то чорна тварина, на ній смуги білі,
Чи то все навпаки на смугастому тілі?

Якщо з літер одну замінити нехайно,
Зазвучить зовсім інше за змістом, звичайно:
Від заміни такої це слово складеться –
Так для дихання орган у риби зоветься.

№2

З А – вам про акулу скаже слово,
Що для неї Чорне море – дім...
З Е – строфа ця чотирирядова
Настроєм зворушує своїм...

№3

Це слово – хутряне пальто жіноче...
Та мовить нам економіст протест,
Він цим сказати товариству хоче,
Що це – до акцій є тлумачний текст.
Історик долучився ось до спору,
У давнину міфічну враз повів:
«Ім'я віщунки, – пояснив він скоро, –
Дочки сліпого віщуна із Фів.»
Тож нумо, друзі, слухати невпинно
Тлумачень купу, варіанти фраз,
До словників звернімося неодмінно –
І все напевне знатимемо враз,
Що кожний з літер тих п'ятох напише
Те з слів, яке старанно він несе.
І наголос на першій складі лише
Економіст зробити має. Все!



№4

Цю страву у часи далекі-предалекі готували...
Сичуг баранячий, а в нім гречана каша з м'ясом,
Цибулі багатенько до начинки додавали...
Чи знаєте, що страву цю м'ясну згадає з часом
В поемі «Мертві душі» Гоголь? Він оповідає,
Як щедро Собакевич свого гостя пригощає...
Тепер згадаймо жінку, що дитину доглядає...
Те саме слово нібито, а різне означає.

№5

Якщо у назві того фрукту соковитого
На іншу першу літеру змінити, –
Враз явище кричить несамовитее
І парасольку змушує розкрити.

№6

З С – театральна це така картинка –
Комізм властивий для таких вистав...
З Ш – будь-яка подрібнена начинка
Для готування усіяких страв.

ВІДПОВІДІ

1. ЗЕБРА – ЗЯБРА (зебра – дикий африканський кінь, який має смугасту шкіру; зябра – органи дихання в риб та деяких інших водяних тварин, які дихають киснем, розчиненим у воді).

2. КАТРАН – КАТРЕН (катран – невелика акула, що живе в Чорному морі; колюча акула; катрен – у віршуванні – чотирирядкова строфа, що має закінчену думку; чотиривірш).

3. МАНТО (манто – широке жіноче пальто, переважно хутряне; манто – пояснювальний текст акції, облігації тощо; Манто – віщунка, дочка провісника Тіресія із Фів).

4. НЯНЯ (няня – м'ясна страва давнього походження, була відома ще в Київській Русі – баранячий сичуг, начинений гречаною кашею і м'ясом, знятим з баранячої голови (разом із мозком) та ніг (усіх чотирьох), змішаним із великою кількістю цибулі; няня – жінка або дівчина, що доглядає дитину).

5. СЛИВА – ЗЛИВА (слива – соковитий плід фіолетового або жовтого кольору з великою довгастою кісточкою; злива – дуже сильний дощ).

6. ФАРС – ФАРШ (фарс – комедія легкого, жартівливого змісту з зовнішніми комічними ефектами; фарш – подрібнене м'ясо, з якого виготовляють котлети, ковбаси, паштети тощо).

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА



Элеонора Булгакова Харьков

МОНТБРЕЦИЯ

Однажды где-то в Греции
Жил грек с женой Лукрецией,
И с ними вместе бабушка
Гортензия жила.
Под окнами Лукреции
Росла трава на специи,
И вдруг былинка странная
На грядке проросла.
Растеньё незнакомое
Обсели насекомые,
А бабушка – «Монтбрецией»
Былинку назвала.
И вот, у грека в Греции,
Под окнами Лукреции
Среди душистых трав,
Растет одна Монтбреция...
– Монтбреция – не специя,
Но не сорняк Монтбреция, –
Был грек, конечно, прав.
Монтбреция – красавица,
Она всем очень нравится,
И грек с женой Лукрецией
Решили: – Пусть растёт,
И из одной былиночки,
Спасибо нашей бабушке,
По всей земле Монтбреция
Когда-то зацветёт.
Теперь растёт Монтбреция
Не только где-то в Греции,



А ведь была под окнами
Былиночка одна,
Всё потому, что бабушка
Гортензия с Лукрецией
Однажды очень бережно
Собрали семена.

ВСЕМОГУЩИЙ

Всё на свете я умею,
Всё на свете я могу:
Мыть водой холодной шею,
Рисовать, пилить и клеить,
И скакать, как лягушата,
Со сверчками на лугу.

Я умею делать стойку,
Никогда я не дерусь.
Ну, бывает, что с Арсеном,
Или с Димкой, или с Колькой
Я за рыженькую Ольку
Вдруг возьму и заступлюсь.

В тёмной комнате умею
Не бояться Бармалея:
Я – сильнее! Я – смелее!
Всё на свете я могу!
Даже съесть из супа гущу.
Я – ребёнок ВСЕМОГУЩИЙ!

Я ПОКА ПОБУДУ ЮЛЕЙ

Если б я была собакой,
То всегда бы лезла в драку,
Улыбалась бы хвостом,
Звонко лаяла притом.

Если б кошкой я была,
То мурлыкала бы громко,
Задирала хвост морковкой,
Всё б таскала со стола.

Если б я была сорокой,
Я б не делала уроков,



Всё трещала бы с утра:
– Тра-тра-тра! Тра-тра-тра!

Если б я была ежихой,
Не могла бы фыркать тихо,
И мышей бы я ловила,
И ежат своих кормила...

Только я – девчонка – Юля,
Вот сидит моя бабуля,
И кричу я ей, кричу:
– Манной каши не хочу!

Если б я была бабулей,
А бабуля – внучкой – Юлей,
Я бы внучку не ругала,
Что игрушки раскидала,
Косы ей бы заплетала.
Я бы из-под одеяла
Кошку ей не выгоняла,
Кашу внучке не варила,
Кашей внучку не кормила,
А тихонько говорила:
– Как люблю я внучку эту!
Скушай, деточка, конфету.

Я, когда бабулей буду,
Разложу конфеты всюду
Внуку, внучке и коту...
– А не слипнется во рту?

Тут запахло из кастрюли...
– Нет, пока побуду Юлей.

ДОЧКА УЧИТСЯ СЧИТАТЬ

Раз, два, три, четыре, пять...
Дочка учится считать:
– Облака, лягушки, кошки,
Пирожки, игрушки, ложки...
– Всё! Устала я считать...
Спа-а-ать...



Сергей Георгиев Москва

ЯНКА

Конура

Янка собака городская, в деревню даже на выходные никогда не ездила. А тут нам предстояло всё лето провести в тайге, на пасеке.

Ну ладно, – советовался я со своей псиной. – Мне хорошо, на сеновале спать буду, а ты где?

И решил сколотить Янке конуру. Долго возился с этим делом, но конура вышла на славу.

Подошло время ехать. Уложил я в конуру чистый коврик, упаковал наши вещи и продукты, укутал брезентом и перетянул ремнями. Получилось что-то вроде огромного рюкзака, только квадратного.

И ничего, благополучно добрались до места.

Янка в лесу словно ошалела от свежего воздуха, от множества новых незнакомых запахов. Я отпустил её с поводка, и она то и дело вдруг выскакивала с бешеными глазами из кустов или высокой травы, тьякала и тут же уносилась в неизвестном направлении. Я смеялся и свистел ей вслед.

Но радовался я недолго. В первый же вечер Янка пропала. Сначала я не очень беспокоился: собака ведь, обязательно вернётся. Потом заволновался всерьёз, пошел искать, громко кричал:

– Янка! Яна! Ко мне!

Янка не пришла, даже не гавкнула в ответ. Ночь я провел без сна, корил себя: сам виноват, погубил собаку. Конура без дела стояла под сеновалом, я от туда только вещи и продукты вытащил.

А рано утром примчался сосед. Вид у него был очень странный. Едва я слез с сеновала, сосед схватил меня за рукав и потащил куда-то:

– Пошли, пошли! Такое покажу!

Я пошел без охоты, мысли мои были заняты пропавшей собакой.

Сосед почему-то привел меня в хлев, подтолкнул и, едва сдерживая смех, сказал:

– Смотри! С вечера один был, теперь два!

Я пригляделся. В хлевушке, тесно прижавшись боками, спали два поросенка. Только один был весь покрыт... густой шерстью!

– Янка! – закричал я. – Янка! Как ты сюда попала?

Янка проснулась и теперь радостно прыгала вокруг меня.

Поросёнок тоже проснулся и, недовольно взвизгивая, забурчал.

– А вот так и попала, – сосед показал на узкую нору под стеной хлева.

– Подкоп сделала! Ночи-то ещё холодные, а вдвоём тепло!

Я вспомнил свои тревоги и нашу конуру. Вот вам и городская собака!

Пчёлы

На нашей пасеке, кроме ульев, был еще небольшой огородик. И одного мне никак не удавалось объяснить Янке: нельзя разгуливать по грядкам. И уж тем более бегать! Для этого есть межи.

Янка меня внимательно слушала, но продолжала передвигаться по участку



всё равно напрямик, как короче.

Однажды мой брат, пасечник, решил взять в одном из ульев мёду.

– Пчёлы будут сердитые, – предупредил он. – Не надо размахивать руками, маячить здесь без дела... Лучше шли бы вы с Янкой куда-нибудь на речку, ладно?

Я так и собирался сделать, да что-то меня задержало. Когда уже с удочками вышел на тропинку к реке, вдруг словно пуля прожужжала в воздухе и ударила меня в щеку. Я едва не свалился, такой сильный был удар, и закричал:

– Янка! Янка! Ложись! Пчелы!

Собака, увидев меня с удочками, конечно же, тоже решила прогуляться до реки. Мой крик застал её на грядке с луком. Воздух над пасекой уже напряженно гудел, и гул нарастал с каждой секундой.

– Янка! – ещё раз крикнул я, опускаясь на четвереньки. – Ложись!

Но Янка, наоборот, замерла, как вкопанная, высоко вытянула шею и начала разглядывать, что это я там, лёжа на траве, делаю.

Тут, видимо, какая-то рассерженная пчела пронеслась над самым Янкиным ухом. Может быть, даже слегка зацепила, но не ужалила.

Янка взвизгнула и отскочила в сторону. А потом заметалась: пчёлы звенели то справа, то слева. Наверное, спасла от укуса Янку только зелёная грядка: пчёлы почему-то не очень любят луковый запах.

– Ложись, Янка, ложись! – кричал я, медленно, на четвереньках передвигаясь к реке. Да ещё удочки мешали.

– Янка, ложись!

Наконец, Янка поняла. Она прыгнула в межу, как солдат в окоп, залегла там и даже, кажется, накрыла голову передними лапами.

– Яна, за мной! – скомандовал тогда я.

Щека моя страшно горела от пчелиных укусов.

Янка осторожно, тоже по-солдатски, выглянула из своего «окопчика» и ползком начала медленно продвигаться в сторону реки. Только хвост торчал над грядкой. Но ни одна пчела на этот хвост не спикировала.

Так мы и спаслись.

Но интересно другое. После этого случая Янка даже случайно не наступила ни на одну грядку, чинно проходила только по межам, пусть так выходило намного дальше. И, мне кажется, в любой момент готова была выполнить команду:

– Янка, пчёлы! Ложись!

Медведь

Отправились мы с Янкой за хлебом. Через день на станции останавливался дизель с продуктовым вагончиком.

Станция – это старый рубленый дом, пустой, но с печкой и запасом дров на зиму. Лес почти вплотную и с той, и с другой стороны узкоколейки.

Собрались женщины, тоже за хлебом, сидят на завалинке, разговаривают. Мы с Янкой в сторонке пристроились, я на скамейке, она – рядом.

Сидим, ждём... А тут вдруг из-за станционной избушки как ни в чём не бывало... огромный медведь выходит!

Женщины такой визг подняли, наверное, в соседней деревеньке слышно было!

У меня сердце в пятки ушло. Янка же, тихонечко взвизгнув, юркнула под скамейку.



То лето было очень сухим, жарким. Лесные пожары гнали зверей из родных мест, много мы тогда всякой живности повидали.

И вот – медведь!

Да ему было не до нас, на визг и крики он не обратил никакого внимания. Неторопливо прошел в трёх шагах от завалинки, перепрыгнул рельсы...

Так бы и ушёл медведь, да Янка как-никак собака! Увидев удаляющийся медвежий зад, она выскочила из-под скамейки, шерсть дыбом, и залилась пронзительным, визгливым, но таким грозным лаем! И при этом подпрыгивала и царапала передними лапами землю и вообще едва не бросилась вдогонку за медведем!

Уже потом, когда переполох улёгся, а пуще того, спустя день-другой, женщины, смеясь, вспоминали:

– Ну, Янка! Ну, показала медведю! Догнала бы – растерзала! Точно!

Грибники

Сговорились мы с соседом пойти за грибами. И Янку с собой в лес взяли.

По дороге сосед будто бы в шутку и говорит:

– Натаскать нужно собаку на грибы, чтобы не просто так, без дела по лесу гуляла! Как у охотников: увидел пёс птицу – голос подал! И твоя бы: гриб нашла – твякнула!

В лесу мы разошлись, перекликаемся. А я, между делом, но словно бы всерьёз, как гриб найду, Янке показываю:

– Вот, Янка, запоминай, белый! А вот это подосиновик, его ещё у нас красноголовиком называют! Ну, ищи, Яна! Голос, Яна!

Янка грибы обнохивает, меня внимательно слушает, но молчит. Сначала я думал, она так и не поняла, чего я от неё хочу.

А потом вдруг нырнула моя собака в кусты, и через минуту такой отчаянный лай раздался!

– Яна! Янка! – позвал я её. – Янка, ко мне!

Собака ещё пуще разлаялась, в залив!

Пришлось идти на голос.

Выхожу на полянку... Батюшки! Одни белые грибы, ровненькие, аккуратные, на подбор! Штук тридцать, а то и сорок, не меньше! Одним словом, полная корзина!

Янка как вкопанная стоит, шерсть дыбом, лапы напружинила, мордочку вверху – и заливаётся, заливаётся!

Рядом с корзинкой сосед наш на траве развалился, улыбка до ушей:

– Сколько грибов нашла! Так дело пойдёт, Янка твоя ещё и суп варить научится!

Пошли домой!

Рыбалка в тот день не удалась. Я менял наживку, плевал на червяков, забрасывал снасть на быстрину, потом в омучочки – и хоть бы самого тощего пескаря вытащил!

Вдруг на берегу появилась Янка. Она уселась неподалёку и стала внимательно наблюдать за мной.

– Смотри не смотри, – пожаловался я собаке, – всё равно не клюёт! Рыбы-то нет!

Янка вильнула хвостом и убежала куда-то. И через пять минут вернулась, держа в зубах... крупную копчёную скумбрию!



Подошла ко мне совсем близко и, усердно виляя хвостом, положила рыбку на песок.

Я хотел рассердиться: что за дела, стащила провиант, который мы сами же и привезли из города! Но не удержался: громко, от души захохотал.

И начал быстренько сматывать удочки.

Охота

На полянке, иногда что-то поклёывая в траве, разгуливали две галки.

Янка заметила их и, видимо, решила поохотиться. Она вышла на край поляны и стала усердно делать вид, что до галок ей дела нет. Ну, скажем, захотелось приезжей собаке цветы понюхать, вот и всё.

Галки на Янку ноль внимания, и Янка осторожно начала подбираться к ним поближе. Теперь уже почти ползком, на брюхе. А голову при этом отвернула специально в сторону. Мол, ползу и ползу, куда ползу – кому какое дело.

Теперь галки собаку заметили, но улетать не спешили. И вот Янка нацелилась, приготовилась к прыжку!.. Птицы брызнули вдруг вверх из-под самого носа. Янка прыгнула, да поздно!

Но далеко галки не улетели. Они вновь опустились на полянке за спиной у Яны.

Собака моя после неудавшегося броска присела отдохнуть, даже беспечно задней лапой ухо почесала. Потом лениво зевнула и отправилась домой. Конечно же, мимо галок.

На этот раз коварные птицы подпустили Янку совсем близко. Дождались нового прыжка, легко увернулись и отлетели теперь уж совсем на каких-нибудь полшага!

Янка на огромной скорости проскочила пятак, где только что сидели нагловатые птицы, сделала круг и, не сбавляя бега, понеслась на галок. Те вновь вспорхнули в разные стороны.

Но Янка, видно, на бегу выделила одну, угадала направление её полёта и, высоко подпрыгнув, уже на лету цапнула зубами самый кончик хвоста.

Галка дико заверещала, рванулась в сторону. Янка, сделав в воздухе невероятный цирковой кульбит, шлёпнулась в траву.

Она тут же вскочила, вертя головой и громко чихая. Галки, крича уже на пару, улетали прочь.

Янка продолжала чихать и даже закашлялась: пасть у нее была набита галочными перьями и пухом.

Собака и ко мне подошла, продолжая недовольно фыркать и вертеть головой. И в глазах обида и полнейшее недоумение: что это за игра такая, от которой потом долго чихать приходится?!

Больше на галок Янка никогда не охотилась.

Капля

Янка грелась на солнышке, зажмурив глаза и вытянув лапы. Вдруг сверху прямо ей на нос упала крупная, тяжёлая капля.

Янка от неожиданности вскочила, затрясла ушами, замотала головой.

Я поднял голову: небо чистое, ни тучки. Но летом подобное часто случается, дождь может пролиться ниоткуда.

На всякий случай я перешёл под навес. На полянку уже упала вторая капля, третья...



Янка задрала мордочку и недовольно гавкнула: что это, мол, за шутки, кто это там брызгается?!

Словно в ответ на Янкины «тяф-тяф», хлынул ливень. Да такой, что в двадцати шагах перед собой я уже ничего различить не мог.

Янка носилась и прыгала по полянке. Сначала она просто пыталась ухватить и даже укусить дождевые капли. А потом, заливаясь счастливым лаем, грудью разбивала потоки воды, носилась куда глаза глядят, визжала, кувыркалась!..

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Янка даже не поняла сразу, что произошло: остановилась посреди поляны и озиралась по сторонам.

– Всё, Яна, больше не будет, – сказал я, выбираясь из-под навеса.

И тогда Янка бросилась ко мне и, мокрая с головы до ног, встряхнулась. Я успел только зажмуриться – и уже стал таким же мокрым, как моя собака, даром что переждал дождь под навесом.

Но я на Янку ничуть не рассердился. Ведь это она радостью своей со мной поделилась.

И почти всё лето у нас ещё впереди!

Александра Фрольченкова Луганск

РАССКАЗЫ ПРО КОТА ТИШКУ

Тишка-ревнивец

Тишка уже вырос, взрослый, ему полтора года – он не из мелких – большой, красивый, умный. Тигр в миниатюре, только не рыжий, а мраморный, серебристо-голубой, с миловидной мордашкой, Природа постаралась, щедро одарила: и колье на грудке, и браслетики на лапках. Этот симпатичный мини-хищник, как ребёнок, всюду – за мною! Дома мы его шутя так и называем: «мамин хвостик».

А уж как ревнует! Особенно к телефону. Как только раздаётся звонок, кот – тут как тут. Если разговор затягивается, Тишка подает голос. А голос у него – только в опере петь! Погрозив «певцу» пальцем, продолжаю разговор. Но Тишка-плутишка не унимается. То за провод зубами потянет, а то и на аппарат взгромоздится.

И я из опасения, что он, нажав на кнопку, прервёт разговор, спешу распрощаться с собеседником.

Тишка, уступив место телефонной трубке, прыгает ко мне на колени, вздыхая и мурлыкая, по-своему упрекая меня, укладывается поудобнее и засыпает...

Чувства

Возвращаясь домой, отворяю калитку. Тут же из собачьей конуры мне навстречу несётся кот Тишка.

С улыбкой обращаюсь к нему:

– Тишечка, Шалунишечка, Котюнька, Детонька.

А он, привычно тернувшись о мои ноги, поворачивается и бежит впереди, хвост трубой. Причитает:

– Мя... мя... мя... – Жалуеться, рассказывает что-то.

Я всегда различаю в каждом его «мяу» и вопрос, и упрёк, и жалобу.



Ещё в коридоре муж и сын спешат оправдаться:
– Не верь ему! Он всё врёт! Он только что вышел. И мы его кормили. Даже не доел, посмотри!

Я полушутя-полусерьёзно, скорее для порядка, журю их за то, что обижали моего манюню. В отличие от домочадцев, знаю: Тишка нуждается в общении. А потому, усевшись в кресло, беру любимца на руки. Он же, вздохнув облегчённо, располагается поудобнее, так, что выпущенными коготками передних лап цепляется за одежду и головувою своею доверчиво прижимается к моей груди: Ребёнок, да и только!

Личный доктор

Однажды я заболела, да так, что «скорую» пришлось вызывать.
Лежу. Полусон-полубред...

А кот от меня ни на минуту не отходит: то в ногах уляжется, то на мне распластается, а то в изголовье сядет – настоящий страж.

И так странно... Ведь не кричал ни разу. То муркнет – спрашивает, значит, то вздохнёт – сочувствует, наверное. А ушёл, когда люди в белых халатах его сменили, – только им и доверил меня.

Боюн

Как-то под вечер я собралась навеститься к приятельнице на соседнюю улицу – давненько не видались. За калиткой оглянулась: за мною «хвостиком», как всегда, бежал Тишка. Я забеспокоилась: всё-таки другая улица, чужие коты нападут или собаки загонят невесть куда. Прикрикнув на Тишку и погрозив ему, я отправилась дальше. Пройдя несколько домов, увидела знакомую картинку: у колонки собрались соседки. Кто вышел набрать воды, кто новостями поделиться, а кому-то просто скучно, вот и вышли погомонить.

Поздоровавшись и почти миновав женскую компанию, я ненароком услышала:

– Чей же это кот-боюн? Красив, злодей!

Приостановилась. Отвечаю:

– Это мой кот.

А женщины, восхищаясь и одновременно удивляясь, пожаловались на него:

– Гоняет всех подряд котов по переулку, проходу не даёт!

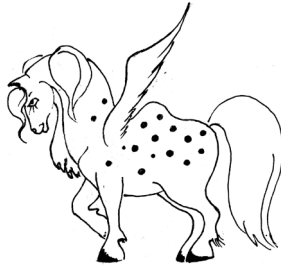
Изумлённая неожиданным известием я, в свою очередь, поведала, что и Тишке, пока выросел, доставалось от кошачьей братии даже в собственном дворе.

– Но мы тепереча не то, что давеча! – не без гордости произнесла я, чем всех развеселила.

И мне новое прозвище Тишки – Боюн – понравилось! Но одолевали и сомнения: неужели мой ласковый и добрый увалень – гроза местных котов?

Тем временем Тишка поравнялся со мною, как будто понял, о ком шла речь, да так и пошёл, задрвав хвост, с гордо поднятою головой аж до самого дома моей приятельницы.

А я успокоилась: теперь он сумеет постоять за себя. Боюн ведь!



Надежда Агафонова Николаев

ИНОГДА...

Иногда
Мир подобен
Мышиной возне,
Где мы – плоть от плоти
Курочки Рябы...
Там рожицы корчит
Сквозь дыры в зонте
Ноябрь,
И небо сосёт под ложечкой...
До невозможности
Солон привкус...
Говорят, молодые фикусы
Пересаживать ежегодно
Крайне полезно...
-Дайте во-о-он тот горшок
В синюю крапинку...

Перелицованная же скатерть
Умирает нимфеткой
От случайно раздавленной
Клюковки.
Зачастую
Первая буква
В слове «радость» –
В футболке с надписью:
«Номер четыре
В алфавитном
Дурдоме».

Иногда...
Луне в Скорпионе
Не хватает шарма...



И всем влюблённым
Немножечко грустно...
И это пройдёт...

Останется:
Лестница
В чувство....

ЕЛЕ ДЫША...

Еле дыша, а может,
И не дыша
Вовсе,
Летела моя душа
К твоей
Сквозь озябшую осень.
Чертила в небе «люблю»
Хвостом воздушного змея,
Захлёбываясь многоточием,
Словно парус на рее –
Ветром.
Скрипели флюгеры,
Завидуя каллиграфии.
И улыбались люди,
Хмурой ноябрьской братии
Шагая навстречу:
Ведь змея,
Летящего в тёплые страны
Увидеть – такая редкость
На широте океана
Ледовитого.

ВОПРЕКИ

Вопреки
безучастным лицам дворников,
Вопреки
липким щупальцам
усталых вторников,
Вопреки
растерянности светофоров,
Вопреки безнадёжности трамвайных споров,
Вопреки снам,
растёртым
в пыль наяву,
Вопреки всему
Рождается утро...



Алексей Торхов Николаев

НЕТ ТАКИХ ДОРОГ

*Лицом к лицу лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Сергей Есенин*

К лицу лицо. Лицу не увядать.
В «оффшоре» – видится на расстоянии.
А нам – родных морщинок обаянье.
Мы – рассчитаемся на «я» и «ты». На «янь-инь».

Мы – рассчитаем. Вся. И всех. Опять.
И будем просто жить. И сложно ждать...

К виску висок. И вместо мыслей – пульс.
Уж полночь близится, а выстрела всё нету.
Всеяндексны ищайки Интернета –
идут по следу, имя гонят где-то.

Но не отлито им. Ни слов. Ни пульс.
Чтобы дошло – умножило на нуль...

К мольбе мольба. И лаборантом – Бог.
Заполнит. Или переполнит графы.
И даст (в архив). Воздаст (кому потрафит).
А нас обяжет – доплатить за трафик...

...Я не уеду. Нет таких дорог.
Чтоб их, как вены, вскрыть шагами мог...

(7.04.07. 0ч. 53м.)

ИКОНОСТАНС

Стасу Кузьмину

Поэт. Фигура. Нагоугольник.
Изряден-вон-выходящ. В этом – весь.
Из слов выжать сок.
Из лепета – дольник.
Из облака – взвесь...

Из любого железа – софт...
Твои песчинки – порох часов.
И время стреляет в висок...

Суть алфавита – модель бытия:
каждую букву прожить-сложить
от вакуума до познания
(как этажи – в этажизнь!)



У тридцать третьей – возраст Христа.
Боль СВОЕГО (распяти)Я!
Вкуси! Пусть галёрка делит места.
По беспонятиям...

Звучать. Без фальши. Изречь.
Каждый раз – как последний. Снова.
Твой выбор – Sheet! или Меч?
– Слово...

Иконы поэтов не комкаешь.
Душу несёшь котомкою.
Исписанной тетрадкой.
В ней – нараспевпевучее.
Ближих крестишь украдкой.

Альфа-витное послезвучие.
Буква. Предельно-ёмкая.
Тридцать четвёртая –
«Я-краткое»...

(27.04.07. 11ч. 54м.)

ПРОВИНЦИАНИСТО

Провинцианисто. Калий минут.
Я надрезан – пот, словно сок.
Безлюдно в девятом круге!
Отравлен тобой. И останусь тут.
Склянки бить – добывать песок.
Топить его в Южном Буге...

Провинцианисто. Явлен иск.
Лета вышла из берегов.
Ветер клонит генеа-ветку.
Я – в седьмом поколене мениск.
Не ищу в кентаврах врагов.
Только предков...

Провинцианисто. Музыку длить.
Разбавлять собой лабух-клуб.
Виолончеляди – два по «presto!»
Нас найдут (все улики – в нить!) –
на иконах оттиски губ.
В них – соль. Остальное – пресно...
(8.05.07. 12ч. 37м.)

СОДЕРЖАНИЕ

«СВОЙ ВАРИАНТ» ЛУГАНСКА И ВСЕЙ УКРАИНЫ	2
НЕТ ОБЪЯСНЕНИЯ У ЧУДА	3
ВАРИАНТ № 16	4
ПРОЛОГ	5
ДАВИД САМОЙЛОВ	
ПЕГАС-КЛАССИК О ВОЙНЕ	6
МАРГАРИТА АЛИГЕР, ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ, АННА АХМАТОВА, ГРИГОРИЙ ДИКШТЕЙН, ЮЛИЯ ДРУНИНА, РИММА КАЗАКОВА, ДМИТРИЙ КЕДРИН, САМУИЛ МАРШАК, БУЛАТ ОКУДЖАВА, КОНСТАНТИН СИМОНОВ, АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ, ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	
ГОСТИ НА ПАРНАСЕ	13
ВЛАДИМИР БОЯРИНОВ, ВЛАДИМИР ВАСИЛЕНКО, ВАСИЛЬ ДРОБОТ, МАКСИМ ЗАМШЕВ, ВЕРА ЗУБАРЕВА, ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ, ИННОКЕНТИЙ МЕДВЕДЕВ, ЛЮДМИЛА МЕЖИНЫШ, ПЕТР МЕЖИНЫШ, ИВАН ПЕРЕВЕРЗИЦ, ЮРИЙ ПЕТРАКОВ, ЭВЕЛИНА РАКИТСКАЯ, ИРИНА СИЛЕЦКАЯ, ВАЛЕНТИН СОРОКИН, СЕРГЕЙ СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ	
ПЕГАС-ПРОЗАИК О ВОЙНЕ	41
ВЛАДИМИР ИСАЕВ, МИРОСЛАВА РАДЕЦКАЯ, ЕВГЕНИЙ РУДОВ, ЕЛЕНА ХЕЙФЕЦ, ТАТЬЯНА ЯНКОВСКАЯ	
МЕТРОНОМ	65
ВАСИЛИЙ ДУНИН, АЛЕКСАНДР КОРЖ, ЮРИЙ ЛЕБЕДЬ, МИКОЛА МАЛАХУТА, ЛАДА ФЕДОРОВСКАЯ, ИВАН ЧАЛЫЙ	
ВОСПОМИНАНЬЯ В ДУШАХ НА СТАРЕЮТ	76
ВИТАЛИЙ ХИЛЬКО, ИГОРЬ МАСЮЧЕНКО, НЕЛЯ ШЛЯМКОВИЧ-ПАВЛОВА	
СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД	84
ЮРИЙ КАПЛАН, ЮРИЙ КУКИН, БОРИС ЛОКОТОШ, АНАТОЛИЙ СКРИПОВ	
НОСТАЛЬГИЯ	100
ТАТЬЯНА ОКУНЕВА	
ЛУГАНСКИЕ ПОЭТЫ	102
ИРИНА ГИРЛЯНОВА, ЛЮДМИЛА ГРЕЧАНИК, БОРИС ГУЦАЛО, ЛЮДМИЛА ДЕЕВА, ВИКТОР ЕРЕТИН, СЕРГЕЙ ЗАРВОВСКИЙ, МИХАИЛ КВАСОВ, ЕКАТЕРИНА КИЧАПОВА, ЮРИЙ КНЯЗЕВ,	

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕВТИНА ЛЕГЕЩИЧ, НАТАЛИЯ МАВРОДИ, МАРК НЕКРАСОВСКИЙ, ЛЮБОВЬ ПАРАМОНЕНКО, ЕЛЕНА ПРИХОДЬКО, НАТАЛЬЯ РОМАНОВА, ГЕННАДИЙ СУСУЕВ, СВЕТЛАНА ТИШКИНА, ЮРИЙ ЦЫГАНСКОВ-СЕРЕБРЯКОВ	
ПЕГАС УЛЫБАЕТСЯ	137
МАРИАННА ГОНЧАРОВА, СЕРГЕЙ ЗАРВОВСКИЙ, АЛЕКСЕЙ КАРЕЛИН, ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ	
ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ	150
ВАЛЕРИЙ БАСЫРОВ, ОЛЬГА БЕДА, ПАВЕЛ БЕССОНОВ, МИХАИЛ БОНДАРЕВ, ОЛЕГ БОНДАРЬ, ЕЛЕНА БУЕВИЧ, ЛЮДМИЛА БУРАТЫНСКАЯ, ТАМАРА ДЬЯЧЕНКО, СЕРГЕЙ ЕВСЕЕВ, АЛЕВТИНА ЕВСЮКОВА, ИННА КОВАЛЕВА, АЛЕКСАНДР КОНОПЛЯ, ЕВГЕНИЯ КРАСНОЯРОВА, ЕЛЕНА МОРОЗОВА, ЛЮДМИЛА МОСИНА, ЛЮДМИЛА НЕКРАСОВСКАЯ, ИВАН НЕЧИПОРУК, СВЕТЛАНА ОСТРОВ, ВЯЧЕСЛАВ ПАСЕНЮК, АНТОНИНА ПЕРМЯКОВА, СВЕТЛАНА ПОЛИВОДА, ЮРИЙ ПОЛИССКИЙ, СВЕТЛАНА СКОРИК, ЛЮБОВЬ ТОМСКАЯ, НАТАЛИЯ ХОРУНЖЕВА, ЛЕОНИД ЯРМУШЕВИЧ	
КЛИО В ГОСТЯХ У ПЕГАСА	194
НАТАЛЬЯ ВАРЕНИК	
КЛАССИКА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	200
ЮРИЙ КИРИЧЕНКО, ГАЛИНА ШЕВЧЕНКО	
ПЕГАС-КРАЕВЕД	218
АННА ДРАЙ	
ПЕГАС-ЮБИЛЯР	223
АНТОН ВОРОЖЕЙКИН, ТАТЬЯНА ДЕЙНЕГИНА, НИНА ДЕРНОВИЧ, КИМ ИВАНЦОВ, ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ, СЕРГЕЙ МОКРОУСОВ, ИГОРЬ СМИР- НОВ, ВЛАДИМИР СПЕКТОР	
ПЕГАС-ПУБЛИЦИСТ О ВОЙНЕ	261
АЛЕКСАНДР АКЕНТЬЕВ, ТАТЬЯНА ЗАБУГА-ЛАРИНА, ВАСИЛИЙ НАРЫЖНЫЙ	
ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО	284
ИВАН ВОЛОСЮК, ВАЛЕНТИНА ГОЛУБИЦКАЯ, ЛЮДМИЛА ГОНТАРЕВА, ТАТЬЯНА ГОНЧАР, СЕРГЕЙ ЗАГОРОДНОВ, ИГОРЬ КАРАМНОВ, ЮРИЙ КОЛОМИЕЦ, ВАЛЕНТИНА КОМИНА, ИВАН КОМПАНИЕЦ, СЕРГЕЙ КРИВОНОС, ОКСАНА МАРШАЛ, ЕЛЕНА МЕЛЬНИК, АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ, ВИКТОР МОСТОВОЙ, ВЛАДИМИР НИКИТИН, ВАЛЕНТИНА ОСИПЕНКО, ЕВГЕНИЯ ПЕРЕТЯТАЯ-БАБЕНКО, ЛАРА ПЕСЕНКА,	

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ПЕТРУШЕНКО, ВЛАДИМИР ПРЕДАТЬКО, ФЕДОР ТАРАСЕНКО	
ПЕГАС-ФАНТАСТ	322
ЕЛЕНА МАТВЕЕВА	
КОНКУРСЫ, ФЕСТИВАЛИ	331
ЮЛИЯ БЕРЕЖКО-КАМИНСКАЯ, ДМИТРИЙ ЧЕПУРНОЙ, АЛЕКСАНДРА ДВОРЦОВА, АЛЕВТИНА ЛЕГЕЩИЧ, МАРИЯ СОБОЛЕВА, ТАТЬЯНА РИСНЯНСКАЯ, ПЕТР ВЛАДИМИРОВ, НАТАЛЬЯ БЕЛЬЧИКОВА, ВИТАЛИАНА ДЕМИНА, РОМАН ЧУМАК	
ПЕГАС-ПУБЛИЦИСТ	342
ЮРИЙ БЕЛАН, ЮРИЙ КУКУРЕКИН	
ПЕГАС-ПЕРЕВОДЧИК	346
ПАВЕЛ КАШАЕВ	
ПЕГАС-МИНИАТЮРИСТ	349
НИКОЛАЙ СЕМЕНЧНКОВ, ЭСМИРА ТРАВИНА, ВЛАДИМИР ШЕСТАКОВ	
ПЕГАС-ПРОЗАИК	354
ЮЛИЯ ДУБЧАК, ВИКТОР НЕКРАСОВКИЙ, ЮРИЙ ПЕТРАКОВ, НАДЕЖДА ПЕТРОВА, НИКОЛАЙ СТАРОДЫМОВ, НИКОЛАЙ ТЮТЮННИК	
АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ	391
ЕВГЕНИЯ ОМЕЛЬЧЕНКО	
ПЕГАС-БИБЛИОФИЛ	393
ЯКОВ СМОЛЯРЕНКО	
ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ	400
ОЛЕСЯ ВАСИЛЕЦ, МАКСИМ ЧУМАК	
ПЕГАС-ПУТЕШЕСТВЕННИК	407
ГРИГОРИЙ ЛАДЫЖЕНСКИЙ	
ПЕГАС-РЕЦЕНЗЕНТ	411
АНДРЕЙ МЕДВЕДЕНКО, МИРОСЛАВА РАДЕЦКАЯ, ИВАН ЧАЛЫЙ	
СЛОВЕСНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ЗАГАДКИ ПЕГАСА	421
ЛЮБОВЬ ЦАЙ	
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА	424
ЭЛЕОНОРА БУЛГАКОВА, СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВ, АЛЕКСАНДРА ФРОЛЬЧЕНКОВА	
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ	433
НАДЕЖДА АГАФОНОВА, АЛЕКСЕЙ ТОРХОВ	

СВОЙ ВАРИАНТ
альманах Межрегионального союза писателей
и Конгресса литераторов Украины

№ 16

Главный редактор:
Владимир Спектор

Зам. главного редактора:
Наталья Мавроди-Морозова

Редакционная коллегия:
Елена Доруничева, Василий Дунин, Юрий Кириченко, Юрий Лебедь, Виктория Мирошниченко, Александра Фрольченкова

Художник: Тамара Коршунова
Верстка: Елена Вербицкая

Официальный сайт МСПУ: <http://mspu.org.ua>

Редколегия альманаха «Свой вариант» принимает материалы по электронному адресу: svoy-variant@yandex.ru

Работы не рецензируются и не возвращаются.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 878 від 29.03.2002 р.

Свідоцтво про держреєстрацію друкованого засобу масової інформації серія ЛГ № 795 "Свій варіант. Альманах МСПУ" від 30.06.2005 р.

Підписано до друку 8.09.2010

Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.

Друк різнографічний. Ум. друк. арк. 20,95

Наклад 100 прим. Замовлення № 58.

*Видавничо-поліграфічний центр ТОВ «Елтон-2»
91016, Луганськ, вул. Коцюбинського, 2/2; тел./факс 55-19-83.*